



Игорь
СВИНАРЕНКО

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА

НА ВОЙНЕ ТЕЛЕРЕПОРТЕРЫ ОБЩЕСТВЕННАЯ ВОЙНА — НИЧЕГО ГОВОРИТЬ
ВОЛНЕ ДИПЛОМАТИИ УЖЕ СПЕЦИАЛИЗОВАНЫ — В ВОПРОСАХ СТАТЬИ
ВРЕМЯ, ТО ЕСТЬ В ДОЛГО ЗНАЮТ, ЧТО КОГДА ЭТО ВАС НАДОЖДАЕТ ИЗ
КОСЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ — И ТАКЖЕ ВСЕОБЩАЯ.

ЭТО ВАШО В 50 РАЙОН. ТО ЕСТЬ, ЕСЛИ МЫ С ШОПЕРОВ ИЗ ОНКО
ДОМОМ, ОН ТАКОЕ СЧАСТЛИВИК, ДОСТАВКА НА МАШИНЕ СПОРТИВНОЙ
РУТЬ В ТЕПЕРЬ С УДОБНЫМ ИСТАТ ИОН — НОВАЯ КУРЬЕРА, В ДИРЖЕ
В РУКАХ СТАРЫЙ СПАРТИНЬЕ РУТЬ И ПУТАЮ-ТОСЛЕДИ ПО ДОРОСКИ СЕРА-
ДОЖДАЮТСЯ, КОГДА ОНИ НА ЖЕНЕ ПОСМОТРЕТ — И РЕШЕЛ ВРАЩАЮ
ШТРАФА ВОЗРАЖ, ОНИ ДЕЛАЮТ ТЕАМА, НАА У СЛЕДЯЩИ, ДИРАКЕТСЯ И
ОПРЕДЯЮТ ЧТО-ТО ЗАДРОЖИ.

КАК ПРАВИДИСЯ, Я ВАТЕРИАННО СЛАБИТЬ ЗАДАЧИ ШОПЕРУ:
— ЗНАЮЩИ, ЗАВТРА ЕДИН НА ДАВУ, ЗАМ В ЗАСТРЕЛАН НА САУР ДЖИВ, А
ТЫ БУДУЩА ВОЮЩИ ВАСЮ.

— ВАЛОТО ВАСЮ?

— КУРНАЛЕСИ АНДРЕИ ВАСИЛЕКА, ВОЗМОЖНО ТЕЛЕ.

— А ЧТО ЭТО Я ДОЛЖЕН ЧТО ВОЗИТЬ У НИХ СВОЙ ШОПЕР ВЕСТИ?

— КАКАЯ ТЕЛЕ РАБОТА, ЧТО Я НИТО ЕСТЬ, ПОМОЖИ:

— НЕ СУЩЕ.

— СКА ДАТ?

— НЕЧЕЛЬ ВОНОВАКУ, ДИ НА ДАВУ — И Я НА ДАВУ.

— ПОСЛУШАЙ, — СПЕЦИАЛЬНО ГОВОРИ Я, КАК ЧЕЛОВЕК, СЛАБИТЕЛИ
СВОЕ ДИПЛОМАТИИ, — В РАБОЧИ ДНИ ТЫ ДОЛЖЕН ВСЕ ТАК
РАБОТАТЬ, А НЕ НА ДАВУ ЗАУРАТЬ.

— ЧИТ, ДИ НА ДАВУ — И Я НА ДАВУ, — Я ТАК ДАЖЕ ИЗ ЕЩЕ УЖЕ В
ПОМОЖИ.

— АЖ ТЫ ОНИ ВАСИЛЕКА, ЧТО ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК РАБОТАЕТ У НИХ ШОПЕРОВ
ТО ОН НЕ МОЖЕТ ПРИНУДИТЬ ЗАДАТЬ НА ВЕРСИОН ИОН АЖИ, А НЕ
КАКИЕ-ТО СЛУХИ ИЛИ ЧУВСТВА.

Игорь Свинаренко
Записки репортера

«АСТ»

2009

Свинаренко И. Н.

Записки репортера / И. Н. Свинаренко — «АСТ», 2009

Новая книга репортера Свинаренко, как всегда, о самом главном в жизни. Профессия этого человека – предаваться размышлениям и пытаться понять, что же с нами происходит и в чем смысл происходящего. Иногда это ему удается. Какие-то его предсказания даже сбылись – например, о кризисе. Пишет он не только много, но и старательно, дает качественный штучный продукт – а сейчас это не очень модно. Но тем не менее он не бросает своего занятия. Почему?

Содержание

Часть 1. КОЛОНКИ	7
Пришло время для признания	7
Пистолеты забрать. А зубы вырвать?	8
Витязь в кавказской шкуре	10
Неликвидных сирот – на экспорт	12
Спорт, коммунизм, порнография	14
Казацкий вертолет	15
Ностальгия по самогонке	16
Как академик говорю...	18
Пугачев и чекисты	20
Привет мадам Флемминг от бывших советских журналистов	21
Царствие небесное Пиночету	23
Почем баррель дерьма собачьего?	25
В ожидании Свины	27
Запрет на профессию	28
О пользе Проханова	30
Привет моим бывшим Татьянам	31
Другая страна	33
Пенсии + проституция = счастье	34
Уважайте трупы устриц	35
Я знаю, где будет новая столица	37
Чисто моральное убийство	38
Ленин-Большой-Калужский, как вас теперь называть?	39
Не обзывайте художника гением	40
Исаич про революцию	42
Дембельский аккорд	44
Америка стреляет по своим	46
Бронированные «мерседесы» Ельцина	48
ЖЖ 1942 года: Модные солдатские мемуары	49
Блатняк	58
Загадочная закулиса	60
Суверенная африканская демократия	61
Юбилей журфака МГУ им. Ломоносова	62
Снимаю пенки с Сокольников	64
Тыща вистов Ющенко	66
Пределы приличий	67
ВВС: ночная бабочка в новой форме	68
Ностальгия	70
Поздравляя Альбац	71
Как я провел каникулы	72
Как же «без блядства»?	74
Третий Рим и русский Цезарь	75
Армения: юбилей коньяка	77
Что же есть у соловья, или Навстречу выборам	79
Первый цыган в космосе	81

Почему русские журналисты восхищаются маньяками	83
Навстречу выборам: без слова «Путин»	84
Страна неуправляема: Happy end	85
Императорский выбор Путина	87
Вечность и мышьяковая возня	88
Выборы в штатском	89
Блатная иерархия власти	91
Предвыборное похмелье	93
Оранжевые в Минске, Немцов президент	95
Случай на рыбалке	96
Праздник чекиста	97
Прощание ушанки	99
Путь русского самурая	101
«Подъемник уносит спесь»	104
Код Москвы – 666	105
Летание за три моря	107
Дели как город контрастов	108
Малый бизнес партии	110
Русские – чисто албанцы?	111
Путаник и Путин	113
Черный юмор агитпропа	115
Ярмарка вечных ценностей	116
Посконный патриотизм	117
Даешь наноквартиры	118
Конец света против НАТО	119
Часть 2. ЭССЕ	122
Современное искусство: от хорька до Микеланджело	122
Тюрьма: «Понятия – квинтэссенция русского самосознания»	131
Бендер: в России любят всякое жулье	142
Кто развалил СССР, шахтеры?	149
Weekend на Колыме	160
«Чингиз Хан» зажигает в Москве	169
Секс, правда и video	172
По-моему, приходит мода на секс. А иногда – уходит	175
Жизнь на понту	177
«Лексус»	179
«Груз-200»	183
Русское брендирование	186
Старинные часы еще...	188
Часть 3. ПУТЕШЕСТВИЯ	190
Байкал – Russian океан	190
Индия – как Россия, но потемней и без зимы	202
Альпийское здоровье	211
Русские скачут	215
Гваделупа держит марку	219
Итальянские уроки: как нас обуять	223
Saint Martin: остров травы	228
По матери городов русских. Небольшая экскурсия	230
Привет русскому Барабасу от парижской Барби	235

Армянский коньяк: вкус, знакомый с детства	237
Архив. ИЗ ЖУРНАЛА «АРХИПЕЛАГ» (1990)	242
ГДР: перемен не ожидал никто	243

Игорь Свиначенко

Записки репортера

Часть 1. КОЛОНКИ

Пришло время для признания

7 марта 2000 г., 17:34

Наука достаточно полно раскрыла тему облагораживающего воздействия женщин на человека. Полно, но не окончательно. В преддверии праздника, начав его отмечать с некоторым упреждением, я внезапно для себя открыл новый фактор. Это случилось в тот момент, когда всем было налито, но пить без тоста никто не стал, и все недовольно посмотрели на меня: ну что ж ты людей задерживаешь! Тогда я, сосредоточившись, быстро-быстро помедитировал, понял новую истину – и огласил ее. Вот она: «Выпьем за дорогих женщин! (Ну это еще не истина, а просто так, разминка. – *И.С.*) Только они одни и делают нас порядочными людьми! (Темы продолжения рода мы тут не касаемся, а ведем речь о другом. – *И.С.*) С чего это вдруг – порядочными? А с того, что если б женщин не было, то все стали бы пидорасами».

Мысль, как вы сами видите, пронзительная. (Хотя, может, и не стопроцентно политкорректная.)

Но представителям сексуальных меньшинств не надо обижаться, я ж не со зла! Это же шутка! Наподобие еврейских анекдотов, которыми нас балуют сами же евреи.

Перефразируя старую шутку того рода, что «у меня даже есть друзья евреи», скажу то же самое и про мужчин, относящихся к сексуальным меньшинствам.

Однако вернемся к облагораживающему воздействию женщин. Оно, безусловно, имеет место, – правда, часто с запозданием.

«Сколько ж можно пить!» – не раз мы слышали эти слова, сказанные женскими голосами. Долго-долго мы на них не реагировали, до тех пор пока не стала отваливаться печень. Но ведь стали же. Досадно признавать это! Но увы – а может, и не увы, а совсем наоборот, – в мире стала побеждать женская логика. А не мужская. Вот смотрите! Мужская, мальчишеская логика – драться, если не согласен. Ну не драться, так обзывать и размахивать кулаками. Это я вам описываю холодную войну и противостояние НАТО и Варшавского договора. Что хорошего мы с этого поимели? Весело ли мы проводили время? Да не очень...

Напротив, женская логика – избегать открытого конфликта и договариваться, ко взаимному удовольствию сторон. Жить мирно, красиво, легко... Ну вот, стали улыбаться, договариваться, мириться. Совсем настала другая жизнь! Давненько мы, действительно, не дрались всерьез... Настолько давно, что уж даже на прогулку выходим без кастета, вот что удивительно! Мы даже в преддверии Международного женского дня пожелали замирииться с врагом до стадии вступления в НАТО! Ну просто сенсация.

Что же мы раньше их не слушали, а?

Чего только мы с ними не делали! А вот слушать – не слушали. Уж такой мы народ!

В общем, с праздником, дорогие женщины. Что без вас нам никуда – ну не совсем никуда, но туда, куда без вас, туда бы точно не хотелось, – это я уже сказал. Долгих лет жизни тоже с нашей стороны было бы вам некорректно желать – поскольку вы и так, согласно статистике, живете дольше нас. Желать вам большой любви? Но это зависит скорей от нас, чем от вас. То есть пожелание такое: вы просто будьте. Ура!

Пистолеты забрать. А зубы вырвать?

16 мая 2000 г., 16:32

Вот в очередной раз американские матери провели демонстрацию против свободной продажи оружия в США. Правда, другие американские матери тут же провели контрдемонстрацию. За оружие. Победили те, которые за.

Как-то раз поехали мы с моим калифорнийским собутыльником Сашей Дашевским (которого теперь чаще называют Alex Dashevsky) на так называемое gun show, куда-то в глушь – от down town Лос-Анджелеса час пилить по 101-му фривею. Ну, шоу там не было никакого. По нашим понятиям, это как бы такая барахолка на стадионе. Очень похоже! Только вместо китайских пуховиков и турецких Rollex там торговали стволами. Диапазон серьезный – от старинных кремневых пистолетов и ржавых ковбойских колец до «узи» и М-16. Черт знает что вообще такое! Впечатление было сильное, аналогичное тому, которое получал советский турист в Югославии в 70-е годы, тайком от парторга сбежав на стриптиз: столько всего, разевай варежку и пьялся сколько хочешь, и доступность невероятная!

– И что, – говорю, – вот так вот запросто можно купить 16-зарядный пистолетик «беретта» 38-го калибра?

– Нет, шалишь! Все-таки контроль за торговлей оружием у нас серьезный! Заплатить можно сразу, а отдадут тебе недели через две. Чтоб не вышло так, что ты на кого-то обиделся, купил ствол и пошел обидчика мочить. Тем более на кой мне вторая «беретта», когда у меня одна уже есть? – степенно объяснил мне Саша, переходя из пистолетного ряда в ружейный, в котором он, не долго думая, прикупил себе советский карабин СКС; знаете, с таким стояли, не мигая, бойцы у Мавзолея, охраняя вечно живой труп. Примечательно, что у Саши даже документов не спросили.

– А как же контроль за оружием?

– А где ты тут видишь оружие? – спросил он, прищелкивая к карабину отдельно купленный магазин на 20 патронов. – Не знаешь ты американских законов! Все, что сделано до 1959 года, оружием не считается, это антиквариат!

Сильно, правда?

– А на кой тебе эти стволы? Ты зачем вооружаешься?

– Ну это ж мужская игрушка! И потом, я иногда на стрельбище езжу; все ж из своего пристрелянного ствола приятней шмалять, чем из постороннего...

Облизнувшись на карабин, как когда-то на «Архипелаг ГУЛАГ», я себе купил жалкий и ничтожный – против СКС – самурайский ножик и повез его тайком в Россию, домой.

А у нас-то другая жизнь. Теперь-то. А была когда-то – как у них, нормальная. Если помните, у Чехова студенты легко покупали в лавках револьверы, чтоб мечтать застрелиться от несчастной любви к какой-нибудь кокотке. И никакое МВД их не мучило своей бюрократией, даром что не то что губернаторов, царей в те годы отстреливали как хотели. Ну как можно взрослому человеку запрещать ношение пистолета? Он что, дитя несмышленное? Особенно если он в армии служил. Он же там не стрелял куда ни попадя из гаубицы и не кидался ядерными боеголовками – есть же мозги. Но большевики быстро сообразили, что к чему... Забрать у населения оружие! Приедь комиссары из продотряда к американскому свободному фермеру учить его жизни, он бы им, родным, живо мозги б повышибал из «винчестера», что твой Виннету. А у нас – пожалуйста: взяли безоружного кулака голыми руками. Ну и дураки. И которых взяли, и которые взяли.

А американцы – серьезный и взрослый народ, не такой наивный и простодушный, как мы. Мне американская позиция представляется такой: мол, мы люди свободные. Свободу нам добыли наши прадеды с оружием в руках. Не вы, бюрократы хреновы, нам дали свободу и ору-

жие, не вам у нас это забирать. Да и попробуйте сунуться в мое частное владение без спросу – застрелю и буду по американским законам прав. Небось наши предки не дурней нас были, когда завели обыкновение держать на дому оружие. Или взять Израиль. Сунется ли кто с недобрыми намерениями в чужую квартиру, зная, что вооруженный взвод соседей немедленно прибежит защищать жертву – у каждого ж на дому автомат?

А дискуссии эти в Америке ох как давно идут. Разрешить или запретить? Помню одну давнишнюю дискуссию с громким поводом – когда ранили президента Рейгана. Помню, европейцы тогда козлили американцев, обзывали их тупыми ковбоями, у них-де там кто первый ствол выхватил, тот и умней... Что это нецивилизованно и несовременно, негуманно и неполиткорректно. И всех стрелков бешеных припомнили, которые после Вьетнама то и дело лезли на крыши и били прохожих из винтовок... В общем, много грязи было вылито на головы людей, не желающих поступаться своей свободой. Подводить итог той дискуссии репортеры пошли в госпиталь, в палату, где лежал подстреленный Рейган, который еще и непонятно было, выживет ли.

– Ну, отец родной, скажи нам перед смертью правду: ведь запретить?

– Ни в коем случае! – прохрипел Рейган (тот самый, кто пообещал сокрушить одну империю зла, не важно какую – ее уж давно нету, дело прошлое).

Ну что тут сказать? Одни люди готовы отдать жизнь ради свободы. А другие просят: обращайтесь, пожалуйста, с нами как с идиотами. Не давайте нам пистолетов, а также спичек, острых предметов и денег, потому что мы дурные и за свои поступки отвечать не можем.

Люди, да, несовершенны – но едва ли они станут лучше, если всех одеть в смиренные рубашки. По мне, так пусть лучше человечество вымрет, но зато по гамбургскому счету, нежели будет коротать дни в дурдоме. Там не то что пистолетов людям не доверяют, но еще и стены обивают мягким и следят, чтоб кто не покусал соседа. Но зубы при этом все ж не вырывают, заметьте.

Витязь в кавказской шкуре

6 июня 2000 г., 16:32

Видите, как трудно нам теперь достается шенгенская виза. Все жалуются: в европейских посольствах хамят, как в советском магазине, а с детьми на отдых в Париж вообще не пускают.

Как же так, ведь это ущемление наших гражданских прав, а? Мы ж хорошие, а хороших обижать нельзя. Можно только плохих, и чужих, и подозрительных – верно? А не таких, как мы... Вот, к примеру, идет кавказец, а к нему двое в сером, с погонами, и тычут ему автоматы в живот. Примечательно, что граждане прохожие и не думают возмущаться. Может, им нравится, что прищучивают лицо именно кавказской национальности. Или им просто некогда отвлекаться, они торопятся в посольство хлопотать насчет шенгенской визы. Или вовсе они уже идут из какого-нибудь европейского посольства несолоно хлебавши и у них плохое настроение. А тут вдруг маленькая радость: поймали кавказца! А чего он сюда едет? Кто его пустил сюда? Кто звал? Что, у него документы в порядке? И ни в чем дурном не замечен? И он в Москву по приглашению приличных людей, солидной фирмы? Все эти ваши настоящие документы вы можете выкинуть в мусорное ведро – так милиционеры могли бы ответить кавказцу. Словами, которые служащий итальянского посольства на днях сказал одной знакомой девушке.

«Но при чем тут кавказцы? Как же можно диких абреков сравнивать с русскими – цивилизованными европейцами?» Такой вопрос я нередко слышу, когда обращаюсь к этому сравнению. Тогда я вспоминаю свои поездки в отдельные шенгенские страны. Иду, бывало, по какой-нибудь их стране и замечаю, что глаза у меня не очень-то добрые – по сравнению с местными. И побрит я не слишком идеально. И граппы я принял официантам на удивление. На их языках я говорю с тяжелым украинским акцентом, который едва ли ласкает шенгенский слух. Более того! Я запросто могу себе позволить такие вещи, как влезть куда-нибудь без очереди, воздержаться от лучезарной улыбки или вовсе помочиться где-нибудь в парке под деревом, раскинувшимся на ухоженном вековом газоне (от цивилизованной нашей привычки пренебрегать строительством сортиров), и даже могу пристать к блондинке прямо на улице. А когда меня останавливает шенгенский гаишник, то не обнаруживает в моих глазах многовекового уважения к законности; напротив, он в них читает простые слова: «Как же ты, мент иностранный, мне надоел! Возьми денег и отвали, понял?» Я вполне допускаю, что это все может им, шенгенцам, не нравиться.

Но, с другой стороны, я им благодарен за то, что, считая нас нежелательными элементами и нежеланными гостями, они все ж не тычут мне автомат в область печени, как это делают российские милиционеры с подозрительными, с нашей точки зрения, элементами. Я про эти автоматы который раз вспоминаю почему? Да как началась первая чеченская, так замучили меня проверками. Поскольку я с виду натуральный кавказец – если коротко подстригусь и забуду побриться. Так вот, когда эти испытанные на своей шкуре чувства перестали меня забавлять, я отрастил длинные волосы и взял за правило бриться ну хоть пару раз в неделю. Менты с кавказцами, надо сказать, от меня сразу отстали.

Вы спросите: а нет ли у меня настолько же эффективного рецепта, как прикинуться не только некавказцем, но и не российским гражданином, – чтоб избежать постыдной дискриминации в посольствах? Но нет у меня для вас такого рецепта. При том что выход из положения, кажется, имеется. В прежние времена, при старом режиме, когда про Шенген нормальные люди еще и не слышали и никто из нас не заводил моды летать в Париж чисто пообедать, походя, перед советом директоров, я тем не менее позволял себе солидные и запоминающиеся путешествия: Питер, Киев, Сахалин, Саяны, Соловки и прочая и прочая.

Между прочим, странно выглядел бы американец, без конца мотающийся в Европу, – если он не был в Филадельфии, на Великих озерах, в Великом же каньоне, на Ниагарском водопаде. Почему? Странно! Ведь мы в массе своей совершенно равнодушны к Камчатке, Кижам, Валааму, да даже и к самому Байкалу, – а скажи я вам про мощь и красоты Урала, так вы просто рассмеетесь мне в лицо.

Но Париж-Мадрид разный нашему брату только давай... Этот маленький «железный занавес», – этакая железная занавеска – может пойти нам даже на пользу. Как пошел же дефолт. Ну, тут разница разве та, что красоты русской природы легко могут быть импортзамещающими – поскольку к их сотворению, слава Богу, отечественный производитель не был допущен. И мы тут, вы будете смеяться, держимся на уровне мировых стандартов. Хотя иногда отечественный производитель очень бывает внимателен к родной природе; он уж лет 30 лет какую-то ядовитую дрянь в Байкал. Спешите увидеть славное море, пока оно совсем не превратилось в крупнейшую помойку Евразии! А Елисейские Поля никуда от вас не уйдут, никуда не денутся, – успеете еще там нагуляться...

Неликвидных сирот – на экспорт

20 июня 2000 г., 16:39

Детские дома отказываются брать преступных сирот, которых выпускают по амнистии из колоний в огромных количествах.

Легко понять волнения детдомовских воспитателей, которым шлют несовершеннолетних паханов. Ведь и без того теперешний подросток знаком с проблемами курения, алкоголя, наркоты, секса не понаслышке. А тут ему прям на дому – на детдому – устроят курсы повышения квалификации. При том что ни про повышение зарплаты тем отчаянным людям, которые тратят свою недолгую, но нищую жизнь на чужих детей, ни про выдачу казенных бронжилетов речи, кажется, не идет.

Еще легче умерить удивление мягкосердечного читателя, который надумает сдуру восклицать: «Да, но что ж делать с этими несчастными детьми? Они ж не виноваты в том, что их так покорезила губительная среда? Надо ж проявить о них заботу!»

Какую, так, растак и разэтак (здесь имеется в виду нецензурная брань. – *И.С.*), заботу? Где ж это видано, чтоб граждане России проявляли друг о друге заботу? (Именно граждан друг к другу – что касается отношения власти к плебсу, так мы это даже и близко тут не собираемся обсуждать за отсутствием темы для разговора.) Вы нашу страну путаете с какой-то другой, чужой. Пенсионеры вон шастают по помойкам и в аптеках облизываются на таблетки, так давно уже *mauvais ton* про это восклицать в прессе. Бойцов необстрелянных гонят на войну. И чеченцы, строго говоря, тоже граждане России. А уж тем более таковыми являлись 15 тыщ невоенных русских, убитых шальными снарядами при штурмах Грозного. Между тем все вроде довольны, почти никто не орет про надобность заботы...

Да, трудно отношение наших граждан друг к другу выразить статистически, в цифрах. За исключением отдельных случаев. Была обнародована взятая из опросов одна интересная цифра: 48 процентов нашего населения не любит евреев. Каковых среди граждан РФ миллион два. Не любят – и ничего тут, видно, не сделаешь. А проведи опрос насчет отношения к подросткам-хулиганам, несовершеннолетним вора, сиротам-убийцам – там процент нелюбви будет покруче, чем в случае с бытовым и иногда даже невинным антисемитизмом. Можно и более тонко, более доходчиво сформулировать вопрос: «Хотите ли вы, чтоб ваших детей, если вы завтра внезапно помрете, отдали в детдом, где каждый третий – амнистированный зэк с туберкулезом?» Небось не хотите! И нечего вам тут прикидываться дурачком и делать вид, будто вы не знаете, по каким неписаным законам и правилам живет ваша родная страна! И демократы так называемые тут не виноваты. Сколько мы себя помним, она всегда такая была...

Насильно – да, мил бандитский сирота не будет. Но пристроить его, отдать в хорошие руки легко! Может, сиротское счастье в том и состоит, чтоб детдом в Тюмени отказался от несчастных амнистированных детей. Сирот ведь в таком случае можно отдать бездетным американцам, которые годами ждут возможности усыновить белого ребенка! И все эти годы клянут русских бюрократов, которые за оформление документов на вывоз требуют безумных, в 5 тысяч долларов за голову, взяток, – чтоб как-то компенсировать обеднение нашего российского генофонда. Американцы и безногих берут (делают им протезы и учат играть в баскетбол), и слабоумных, а уж хулиганов и малолетних проституток так просто с руками оторвут.

Да, но так мы только с белыми сиротами решим вопрос! А что ж делать с нашими российскими мулатами и метисами? Ничего. Про них смолчат даже самые сердобольные. Да и денег на их обустройство останется куча после отъезда их белых товарищей на ПМЖ в США. И настанет счастье.

Это все я пишу, не хуже вашего понимая, что сирот не выпустят, их понадкусывают и выкинут. Сделают так, чтоб всем было плохо: и нам, и сиротам, и бездетным иностранцам, – такая уж мы публика. Но у меня есть чем утешить слабонервных. Правозащитник Виталий Абрамкин, который эков знает получше, чем иные нервные публицисты, утверждает: там, на зоне, такие же люди, как на воле. Поменять их местами, так ничего не изменится ни в тюрьмах, ни на московских улицах... Вот выйдут сейчас амнистированные рецидивисты на волю и расскажут вам, как у них волосы вставали дыбом от историй про то, как мальчики из хороших семей насмерть замучивали новобранцев в элитных войсковых частях.

Спорт, коммунизм, порнография

19 июля 2000 г., 16:14

А ведь мог быть совершенно другой праздник, посвященный построению развитого коммунизма! Вы ведь помните запоздалое исправление, всенародно внесенное в Программу КПСС: «Вместо ранее объявленного на 1980-й год коммунизма в Москве будет проведена Олимпиада». Нам повезло, что все обошлось скромным – несмотря на всю помпу – и безобидным спортивным праздником.

Хотя, конечно, если присмотреться, у государственного коммунизма и большого спорта есть много общего. (Мы не берем в расчет малый самодеятельный коммунизм, когда группа чудаков на сугубо добровольной основе все, что у нее есть, обобществляет и уходит от мира, чтоб жить коммуной, не загоняя в нее более никого «маузером» или угрозой переселения на Колыму. Точно так же мы не станем рассматривать персональные спортивные занятия, когда человек бежит вокруг дома, пугая собак, или крестится гирей.)

Со всенародной точки зрения два этих больших понятия вот чем объединены: отношением «А пусть этим занимается кто-то другой, не я!». Кто-то пусть едет на БАМ и надрывается там в тайге рядом с эками и замученными солдатами или, напротив, проводит по две тренировки в день и в угоду режиму пренебрегает личной жизнью, а мы уж лучше выпьем пива и посмотрим по телевизору на ваши практические подвиги.

Забавно было наблюдать с дивана за разными чудесами: вот какой-то псих уходит в отстающую бригаду и сильно теряет в деньгах. Вот разные старые маразматика смешат народ вставными челюстями, при помощи которых «социалистические страны» замечательно трансформируются в «сосиски сраные». Или заходят в киоски журнал «Корея», смешней которого ну что тогда было? А какой был роскошный концерт на День милиции! А еще, бывало, некто и вовсе отказывается от премии (надо же!) и прыгает в длину на 8 метров 90 сантиметров – мне-то, серьезному человеку, зачем так скакать? Нам такие экстримы ни к чему... Да и потом, чтоб так скакнуть, надо не евши, не пивши и не кутивши изнурять себя допингами и тягать туда-сюда штангу... Такое мы тоже рассматривали с нашим с вами удовольствием. Но самим – просто не дай Бог.

Но тут надо признать такую удивительную вещь. Несмотря на то что никто из нас – редкие исключения не в счет – не строил коммунизм и не был чемпионом мира, все же такие прямые олимпийские трансляции вызвали интерес более живой, чем вести с полей или великих строек. Меня это всегда восхищало, при том что более тоскливого зрелища, чем показ спорта, я не видел. Сидит человек на диване, весь такой толстый, ленивый, вялый, ему даже за пивом влом сбегать, и смотрит, как могучие атлеты мотаются туда-сюда, все в мыле, совершают подвиги и совершенно надрываются. Знали бы вы, с какой страстью этот диванный бездельник – кстати, это я, может, как раз про вас – обличает мелкие ошибки гениальных игроков, как он их «козлами» обзывает, какую он за себя испытывает гордость, когда они побеждают! С какой наивной детской легкостью он себе приписывает чужие заслуги, продолжая считать именно чужими чужие промахи!

Ничто так не портит народ, ничто так не развращает, так неотвратимо не приводит к мысли, что можно брать чужое, ничего не давая взамен, так не приучает к лени, безделью, когда пусть другой работает, а не я, к потаканию своим капризам, к привычке без усилия, легко получать удовольствие и ненавидеть тех, кто помешал его получить, – да хоть удачливых игроков той команды, за которую не вы, а кто-то чужой болеет... Это я вам про большой спорт, но с тем же успехом – и про коммунизм! Все тот же разврат, те же вредные привычки, безответственность и безделье, когда человек с выпученными глазами выслушивает простые слова: «Не нравится тебе то, что делают другие? Не надо их принуждать ни к чему, ты пойд

да сам сделай, как тебе надо, если у тебя получится, если ты на что-то способен; а нет – так сиди помалкивай...»

Кроме большого спорта и коммунизма, в этот список жизненных явлений, развращающе действующих на простую публику, со всей закономерностью попадает и порнография.

И там то же самое! С того же самого обездвиживающего дивана лентяй наблюдает, как кто-то посторонний незнамо что и кто знает по которому разу вытворяет с замечательными красавицами. Вместо того чтобы пойти и самому убедить и победить какую-то из них, и так же неустанно работать над ней, сопеть и выкладываться, и после откинуться обратно на свой диван и знать, что это именно ты, а не кто-то другой откинулся...

Это все, безусловно, роднит три стихии, развращающие народ: коммунизм, порнографию и большой спорт. Что тут может радовать? Что люди все чаще стыдятся не только порнухи, но уже и коммунизма? А спорт – что? Ну пусть спорт, ладно, остается – как меньшее из трех зол.

Казацкий вертолет

9 ноября 2006 г., 17:40

С казаками получилась та же нелепость, что и с вертолетом.

Это я осознал, глядя первую (не уверен, что будет продолжение, – это я не о сетке Первого канала, а о своем расписании на ближайшие вечера – динамики не хватает кино, прошло время доклипового мышления) серию нового «Тихого Дона».

Вертолет изобрели вроде наши, наш хлопец, Сикорский, но только не у нас и с американским паспортом на руках.

Может, еще кто претендует на эту честь, но, насколько мне известно, казаки официально считаются нашим изобретением. Но поскольку патента не было, времена дикие, то идею пиратировали и она контрафактно расходилась по миру. Достаточно сказать хоть про освоение Америки самостоятельными людьми, вооруженными землевладельцами наподобие ватаги Ермака, которые в зависимости от ситуации то пололи кукурузу, то мочили туземных полевых командиров в сортирах – причем держа в руках личное оружие, купленное на трудовые копейки, то есть центы.

Никогда нам, конечно, не понять тупых американцев, которые почему-то не сделали то, что само собой напрашивалось – провести расковбоивание с горячим участием команчей (аналог нашего расказачивания с привлечением чеченов), которые резали бы свободных вооруженных индивидов по полной программе. И по сей день американские аналоги наших казаков без проблем владеют своей землей и своим оружием. Так называемые демократы там лезут с попытками ну хоть как-то разоружить эту вольницу, но население на них плюет и отвечает: «Не вы, чернильные души, дали нам оружие, не вам и отнимать. И заведено это нашими прадедами, которые были не дурней нас с вами и *manu militari* построили великую страну. Отстаньте от нас – и вон с частной собственности, не то пристрелим на законном основании».

Вы поняли: я сторонник отмены законодательных актов о расказачивании. И воссоздать казаков как сословие! Что, в наше время это невозможно? Бросьте. В Израиле это сделано! Люди мирно пашут, автомат висит у них в шкафу, и они с ним ездят поочередно на войну или – в перемирия – на сборы, где встречаются с давно знакомыми боевыми товарищами. Которых как-то неловко не то что бросить на поле боя, за них не жалко и пол-Ливана снести – а до отрезания ног с гениталиями дело не доходит (бедный Сычев...)! Еврейские резервисты – чистойшей воды казаки, в отличие от некоторых, как это ни обидно.

Короче, реабилитировать казачество и восстановить в правах. И весь сказ. Дать людям землю, права и оружие. Конечно, правильной было б это сделать в первую чеченскую, ну да лучше поздно, чем никогда. А что? Чеченов реабилитовали и вернули из казахстанской

ссылки. Казаки чем хуже? Ну тем хотя бы, что их не столько ссылали, сколько убивали... М-да...

Слышу слова о том, что вот дай только русским в руки оружие, так они, опившись левой водкой, такое учинят, вот стрельба-то пойдет. Согласен, у нас полно людей, которые считают русских дебилами. Но это некрасиво – серьезно относиться к таким взглядам. Допускаю, вас не убедили ни американские, ни израильские параллели. Но мне смешно, когда людям у нас не позволяют купить пистолет. Часто – тем самым, которые только что пришли из армии, где у них, кроме «макарова», были пушки, пулеметы, баллистические ракеты – и при этом и Калифорния, и Аляска на месте! И Новый Орлеан не наших рук дело, у нас есть алиби!

Кадр из фильма, который пролежал на итальянской полке 13, что ли, лет: Гришка с соперником, Аксиньиным мужем, темные, малообразованные мужики, выясняют отношения. Вопрос даже не жизни и смерти, бери выше: о передаче хромосом в следующее поколение, – чья баба, тот и передаст! Винтовки, сабли кругом, кинжалы, на худой конец; мочи не хочу! Нет – расквасили друг другу хари голыми руками и, довольные, в кровавых соплях, разошлись по домам. Заметьте, про политкорректность они и слышать не слышали!

А мы, типа, дурнее, что ли? Кто осмелится всю русскую публику чохом поставить на учет в психушку? Пусть встанет и скажет об этом открыто. И мы посмотрим на этого умного парня.

Сам я, будучи украинцем, на русский вопрос смотрю спокойно. Наблюдаю за ростом моды на, скажем, там, фашизм. Иногда мне кажется, что миллионы наших сограждан считают его русской мечтой. Это я заметил, проведя огромное количество бесед с активными читателями экстремистских радикально-патриотических изданий. Некоторые вопят на митингах «Фашизм не пройдет!», но это звучит не как констатация уверенности, но как заклинание. Так шаманы пытаются накликать погоду получше. А что мы можем по существу сказать лысым парням со свастиками? После того как казаков перерезали и никто за это не извинился? И ни копейки даже символически не выплатил выжившим и их потомкам?

Только не говорите мне, что это в принципе невозможно: скольких евреев лично я проводил в Германию на ПМЖ, где бывшие советские люди живут на содержании у внуков фашистов... И прекрасно себя чувствуют – не слушая идиотских возражений.

Что касается немцев, то Поволжскую республику у нас, разгромив, позабыли восстановить – как казаков. Немцы нашли выход: стали уезжать в ту же самую Германию, где решили вопрос с национальным самосознанием и справедливостью.

А русским ехать некуда.

Ностальгия по самогонке

16 ноября 2006 г., 17:49

На неделе лично для меня было самым важным вот что: тема качественного алкоголя, которая плавно переросла в тему ответственности журналиста перед читающей публикой.

Знакомая журналистка – серьезная и заслуженная, я как, бывало, увижу ее текст в бумажной прессе или лицо в телевизоре, так все бросаю и слежу со вниманием, у нее все хлестко и свежо – попросила меня об аудиенции. Ей надо со мной как с более опытным товарищем посоветоваться. Я надул щеки: такие люди снимают передо мной шапку как перед классиком! И стал готовиться к беседе – надо ж что-то умное сказать. О роли прессы в нашей жизни, о настроениях в журналистском сообществе, о всяких дебатах насчет свободы совести – о том, что меня, откровенно говоря, мало заботит. Зависеть от царя, зависеть от народа – не все ли мне равно? Этот вопрос Пушкина, заданный еще в позапрошлом веке, ставит меня в тупик...

И вот настал момент встречи. Все оказалось более прозаично: девушка стала меня пытаться действительно как более опытного человека – но не в русской – точнее, русскоязычной – журналистике, а в такой теплой и любимой народом сфере, как самогонование. Я вздохнул с

облегчением: это же намного веселей, чем русская политика. В моей памяти стали всплывать милые картинки: вот перегонный куб, сделанный из заводской скороварки; вот змеевичок, изготовленный на военном авиазаводе, необычайно секретном; вот голубые газпромовские огоньки, разогревающие созревшую бражку; чудесный запах сивухи, который начинает витать на кухне; чистейший как слеза первач, который капает, капает в подставленный стаканчик и, для проверки подожженный, горит бесцветным тихим огнем, и это зрелище завораживает! Ностальгия... Уж много лет назад демонтировал я свой аппарат и растерял в переездах детали. Когда-то я с самогонварения перекинулся в другую сферу деятельности, тоже, как мне казалось, нужную людям: независимую прессу. Самогон-то я гнал при застое, как вы понимаете.

И вот девушка начинает меня спрашивать, конспектируя мои ответы, насчет выхода первача, способах избавления от сивушных масел (активированный уголь, марганцовка и проч.), о спиртометрах и ягодах, наиболее пригодных для настаивания готового продукта.

И между делом я спохватываюсь и спрашиваю ее:

– А тебе-то зачем все это? Заметку, что ли, пишешь какую?

– Какие заметки! Я сама теперь буду гнать.

– Что так?

– Да как же не гнать? Я столько плохой водки выпила за свою жизнь! Ладно, сама пьешь; а ведь гости приходят, вдруг с ними что?! Особенно по теперешним временам, со всеми этими скандалами... И потом, я страшно люблю готовить. Сварить обед – разве ж такое можно доверить прислуге? И вот меня пронзила мысль: гостям же я не беру готовую еду в кулинарии, сама готовлю. А что ж с водкой? Я поняла, что не права. Надо знать, из чего сделана водка, иметь гарантию, что исходные продукты – качественные. Это же странно: закуску я готовлю собственноручно, а выпивку беру незнамо какую.

– Послушай, – говорю, – ты не знаешь о том, сколько это отнимает времени! Эти долгие бессонные ночи у аппарата! Страшная ответственность! Когда ж ты собираешься заметки писать?

– А я и не собираюсь. Хватит! Политическая журналистика кончилась. Мне теперь все равно нечем заниматься. Время есть. Потрачу его на служение людям! Я буду сеять разумное, доброе, вечное.

Мы сидели и пили при этом казенную водку. Она – с какой-то особой сосредоточенностью. Наверно, пыталась запомнить вкус заводской водки, прежде чем расстаться с ней навсегда.

Я же думал о том, что журналистика – очень близкое к самогонварению дело. Как все похоже! Сперва сбор фактов, то бишь исходных материалов. Их проверка. Затем ставится брага, которая бурлит, меняет свой химический состав, из мутной жидкости делается все более светлой, прозрачной и понятной. После перегонка – двойная, а то и тройная, а Лев Толстой, говорят, так и вовсе по 20 раз переписывал свои.

Одно перетекает в другое. Как сейчас помню, я с грустью смотрел на бурлящий аппарат в своей кухне, оставляя его в трудный для отечества час – 19 августа 1991 года. Это было расставание навсегда. Я помчался к Белому дому собирать фактуру для подпольной газеты. Тогда я перепрыгнул на какую-то другую ступеньку. Самогонный аппарат из драгоценного инструмента превратился в бабскую снасть, в простецкую скороварку, в крышке которой я просверлил дырку для подсоединения змеевика. Карета практически превратилась в тыкву в тот, типа, роковой день. С моей более молодой коллегой все случилось позже, причем ситуация развивалась в обратном направлении. Я от твердого сахара с дрожжами, жидкой воды и газообразного первача пришел к бумаге. Она же от бумаги и эфира (словечко-то какое!) пришла к чистоте, и сосредоточенности, и выверенности домашней водки. Диалектика! С чего вдруг я про нее вспомнил? Не оттого ли, что диалектическая спираль есть не что иное, как змеевик?

Может, кому-то покажется, что самогонование не женское дело. Отчего же? Люди обычно гонят на кухне, а женщине там самое место, в конце концов... Это я вам как опытный феминист говорю.

«А кто же эта таинственная девушка?» – спросите вы. Скоро сами узнаете. Пока что она пописывает кое-что по старой памяти, мы все еще – пока! – смеемся над ее текстами и чешем над ними репу. Но с нового года она решила покончить со старым. Хватит! Вы заметите ее отсутствие сами...

А я – нет! Меня она обещала звать в гости и поить самогонкой. А когда так, когда выпивают на кухне, то сама собой заходит беседа о всяком там животрепещущем. Я буду, как и прежде, получать ее язвительные комментарии по всем забавным событиям. Просто это будет происходить в VIP-режиме, для особо узкого круга.

Побеседовав с этой журналисткой, я, естественно, подумал: может, мне и свою жену подключить к самогонованию?

Но после от этой затеи отказался. Дело в том, что моя жена если что и пьет, так вино. И вот представьте себе, что она через силу будет наступать на горло собственной песне, не испытывая к самогонке никакого влечения. Это будет неискренне. Продукт застрянет в горле: всегда ж отличишь заказную статью от той, что написана из любви к искусству...

Как академик говорю...

23 ноября 2006 г., 15:21

Это я про себя.

Академия имеется в виду литературная, та, что распоряжается премией «Большая книга». Нас, академиков, там почти 100 человек, большая часть – необычайно солидные люди. И вот в среду, 22 ноября, мы, собственно, и раздали литературные премии. Мне приятно вам напомнить, что первая премия – 3 миллиона хоть и рублей, но тем не менее. Вторая – 1,5 миллиона, третья – 1 миллион.

Между прочим, на премию скинулся и журнал «Медведь», который я в компании с Альфредом Кохом и Александром Воробьевым когда-то имел удовольствие издавать.

Что вам сказать после всего? Наша премия – самая богатая в стране. Круче только Нобелевская. И собственно, ничего не остается, как двигать русскую литературу. При помощи такой немаловажной материи, как деньги.

Все это, конечно, лестно. Я этим на полном серьезе хвастаю. Не раз уже я восклицал в сердцах посреди дебатов: «Ты как с академиком разговариваешь?»

И совершенно тут невинно и простительно выглядят лирические заходы типа: «Думала ли ты, что будешь жить с академиком?» Я даже беру на себя смелость иногда заявлять: «Я тебе как академик говорю: эта книжка – полное говно. Понятно?» Это все риторические вопросы. Но есть и другие, такие, где готовых ответов нету.

А как делить эти деньги? Как они реально делятся? Может, надо своим ребятам их раздать? Или кому-то заслуженному? Что касается меня, то я свой голос отдал честно и просто-душно за качество литературного материала. Не в последнюю, может, очередь потому, что в литературной тусовке я человек чужой. Я прислушиваюсь иногда к дебатам, которые ведут профи (вспоминая при этом чьи-то смешные строчки: «жена литературоведа, сама литературовед»), и они на меня нагоняют тоску. Типа «а кроме хороших текстов, нужен еще стаж». Объявись, значит, новый гений, так его замотают, печатать не будут? Пушкин-лицеист ждал бы до пенсии своего успеха... Или такое: «А почему среди номинантов не представлены все течения вплоть до постмодернизма или там философской прозы?» Нет, ребята. Книжки надо награждать только хорошие – и все тут. Прочие настроения мы будем выжигать каленым железом. Это я вам как академик говорю.

На этот раз в основном (не буду о временных трудностях и отдельных недостатках) все удалось. Хотя я готов был ко всему. Особенно драматическим был момент перед вручением первой премии – после того как уже наградили швейцарского нашего эмигранта Михаила Шишкина, из своего беспечного далека ностальгически обсасывающего язвы покинутой родины, вместо того чтоб наподобие Аввакума обличать пороки из какой-нибудь Овсянки, и ветерана пророческой прозы Александра Кабакова, который гениально предсказал московские бои 1993 года и секс в американском Белом доме.

Ну и кому ж дадут? Я ожидал худшего. Я мрачно осматривал зал, многие восторги которого мне страшно чужды. И готовился к неприятным расспросам, придумывал заранее оправдания, почему с первой премией получилась чистая лажа.

И в этот самый момент объявили Диму Быкова.

Как, этого толстяка, который ходит по городу в шортах (ну, кроме случаев особых холодов), который ругается матом, так неинтеллигентно хохочет, ведет себя так простецки, будто он у себя на дачном участке? Который вообще кто такой? Он слишком молод к тому же, 1967 г.р., а пусть еще послужит! Пусть надует щеки, добавит пафоса, напустит глубокомысленности! Пускай станет солидным и обязательным! Пусть возьмет себя в руки и остепенится, пусть избавится от вредных привычек и пагубных повадок, которые... ну ладно, в другой раз про это.

Сегодня мне не до шуток. Потому что я могу со спокойной совестью сказать: «Да, мы выбрали реально Большую книгу». Кавычки можно убрать. Это я вручил первую премию. Это я быковского «Пастернака» из серии ЖЗЛ читал старинным, почти напрочь забытым уже способом «взахлеб». Этого уже вполне достаточно. Но я могу добавить аргументов. Кроме того, что книжка просто хорошо написана, на тему, от которой у автора слюни текут, о поэте, перед которым он снимает шляпу, там же еще столько фактуры собрано! Причем непредвзято! Пастернак там всяким видится, таким, каким ни в жизнь бы не показался сам! Очень тонко и то, что я в Борисе Леонидыче, скажем так, разочаровался: сперва в тысяча девятьсот семьдесят каком-то году прочел «Живаго», слепо напечатанного на листках фотобумаги, тайком, проникся и возненавидел гонителей великого автора, а после, когда все стало дозволено, перечитал и оценил реакцию Ахматовой, которая только очень близким по секрету призналась, что роман слабоват... Быков это все помнит лучше меня, но вот кинулся безрассудно реабилитировать любимого человека и в этом преуспел.

Прекрасно также поданы в быковской книге подлости советской эпохи, о них еще помалкивают, дожидаясь, видно, пока перемрут злодеи. Какой-нибудь Калинин ходит и улыбается начальству, после того как его жену посадили ни за что, – вот, типа, героизм! Жалкая ситуация, настоящая, советская, подлая, на фоне строек, и энтузиазма, и людоедства в Поволжье...

Второй серьезный вопрос: а можно ли большими деньгами спасти литературу? Ответ: да. На премию тот же Быков может, бросив все свои семь или восемь работ, это не считая радиостанций и Украины, сесть и написать несколько замечательных документальных книг, повторяя успех блестящего Радзинского. Это было бы прекрасно. Но скорей всего он меня не послушает и кинется писать стихи и недокументальную прозу. Он меня не слушает никогда и на моих глазах совершает невыгодные поступки. Он непредсказуем и нерасчетлив, он живет и действует по наитию, следуя, видно, движениям души. Как и положено настоящему писателю и поэту. Деньги всего лишь порадуют Быкова и его близких, а писать он вряд ли станет лучше... Какой ему толк от нашей премии? Ему – ладно, никакого. Но сотни и тысячи молодых ребят, которые сейчас сочиняют всякую ерунду – речи там для политиков, рекламу прокладок и сценарии убогих сериалов, – почешут репу и задумаются...

Теперь есть о чем.

Пугачев и чекисты

30 ноября 2006 г., 17:38

Роог Литвиненко! Ужасная погибель, мучения и проч. Но все понимают, сколько рисков разом он собрал!

1. Он чекист, ну или, пардон, бывший чекист, или как у них там – бывают они бывшими, нет ли, поди знай.

2. Он чекист-перебежчик.

3. Он активно работал против российских официальных интересов.

4. Сотрудничал и дружил с людьми, которые в очень активном розыске и т. д.

Вряд ли при таком раскладе он рассчитывал помереть на старости лет в родном доме в окружении внуков и правнуков. Явно он не исключал, что в скором времени будет давать отчет на самом верху, чем он сейчас, видимо, и занимается.

Но это его проблемы.

У нас – свои. У меня вызвали эмоции вот какие нюансы. Я порадовался: вот как мы стали заботиться о своем здоровье и здоровье наших соседей по Европе! Мы самолеты проверяем и чистим, рекомендуем 33 тысячам пассажиров пройти обследование на предмет такого поразительного фактора, как проникающая радиация, – после возможного провоза в аэропланах мини-контейнеров с полонием. А не даже как в 1986 году всему британскому воздушному флоту и нашим спецслужбам, партии и правительству, более того, всей мировой общественности было плевать на то, что я плыву на резиновой лодке в зоне радиоактивного заражения, ловлю в речке Жиздра рыбу, жарю ее на костерке и жру! А на меня сыплется радиоактивная пыль из проплывающих в синем небе облаков! И я пью водку, хотя, если б меня предупредили и научили в тот момент, я б взял с собой рюкзак красного, которое, как мы знаем, выводит радионуклиды (если, конечно, это не пиар французских виноделов). Именно так я с товарищами и подругами проводил майские праздники 1986 года. Слава Богу, радиация в не очень высоких дозах убивает медленно, я все еще жив, правда, сегодня замечаю, что потенция уже не та, что бывало, – и с чем еще это связать, как не с последствиями Чернобыльской катастрофы?

В общем, налицо заметное и радикальное смягчение нравов и новая, какая-то трогательная забота о маленьком человеке. В 1986-м грохнуло, и ладно: авось, решило тогдашнее начальство (которое задним числом приписывает себе небывалую, фантастическую заботу о простой публике), все не передохнут. Облако полетело над страной, потом над соцлагерем, далее везде, сея рак щитовидки и малокровие. Помню разительную такую деталь: газетам про чернобыльские последствия не позволяли писать, но членов КПСС в пораженных районах снимали с учета в момент и голову идеологической ерундой не морочили. Типа, свои пусть спасаются.

Тут впору искренне прослезиться: все-таки в этом стало лучше и честнее. Кстати уж и о прессе: конечно, сейчас ее тоже можно заткнуть, но уже не так грубо и не так стопроцентно. Требуются серьезные телодвижения по, к примеру, скупке издательских домов. Вы как хотите, а я в этом вижу прогресс. Кому-то обидно, что его орган купили, – но, в конце концов, разве не о чем-то таком мы мечтали при Советах по пьянке на кухне? За что боролись, на то и напоролись... Кто обиделся – тот похож на отечественный автопром, который вроде за настоящую экономику, но требует для себя каких-то преференций...

И по существу вопроса. Покойник Литвиненко невольно высветил самую обидную проблему наших чекистов. Он своей смертью досадил им, перед лицом мировых СМИ ткнув их носом в такой факт: огромное количество заочно приговоренных людей прекрасно чувствуют себя на Западе и насмеваются над нашими спецслужбами!

Особенно это касается наших перебежчиков. Люди живут, ни в чем себе не отказывая, прекрасно себя чувствуют (как Литвиненко еще совсем недавно), пишут книги, где беспардонно клеветают на Лубянку и даже на сам Кремль, водят экскурсии по шпионским уголкам Вашингтона, дают пресс-конференции...

Вот Татьяна Толстая до сих пор гордится своим предком, офицером спецслужб Федором Толстым. Тот тоже мог бы сидеть молчать в тряпочку, как некоторые, – но нет! Он уехал на Запад и доставил оттуда живьем изменника Родины царевича Алексея и после лично пытал того в застенках, с участием Петра Великого.

Чем будут в этом плане хвастать внуки теперешних чекистов? Своей вероятной причастностью к контрабанде полония?

Умели же раньше! Вспомните того же Пугачева (не будем тут обсуждать, в чем он прав, а в чем виноват, может, он не врал и вправду был настоящим царских кровей, – главное, что он был в розыске), которого поймали, взяли живьем и везли в железной клетке по стране, и казнили официально, гласно и прилюдно, а не какой-то полуабстрактной ракетой. Это было куда убедительней, чем посмертный издевательский портрет Масхадова.

Конечно, скажут мне, сегодня это нереально – притаранить бывшего генерала КГБ Калугина из США в железной клетке, и судить в Мещанском райсуде, и отправить его в Краснокаменск – в одну зону с Ходорковским. Это было бы незаконно. Во-первых, срок Калугин должен будет в таком случае отбывать в том же субъекте федерации, где его судили. Во-вторых, как вы понимаете, законы США не позволят нашим разгуляться за океаном.

Но как-то же израильтяне выкрадывали военных преступников за границами, доставляли же их домой и судили! А мы что же?

Меня могут попрекнуть: что, опять евреи во всем виноваты? Нет, нет! Ни в коем случае! Заметка совсем о другом...

Привет мадам Флемминг от бывших советских журналистов

7 декабря 2006 г., 16:09

Когда начинаются дебаты о том, из чего все-таки делается колбаса, люди высказывают самые фантастические предположения: из парной телятины, например, и проч. Но работники ножа и топора, труженики мясокомбинатов при этом помалкивают и разве только усмеваются.

Дебаты о свободе слова и прессы – в отличие от обсуждения рецептов колбасы – не оставляют равнодушными и самих героических сотрудников СМИ.

Я редко в них встречаю, потому что долго объяснять. Надо начинать буквально с яйца (*ab ovo*), а это не всегда удобно. На этот раз попробую коротко.

В юности я имел удовольствие трудиться в провинциальных газетах. Управлялись они, вы будете смеяться, обкомом. Для этого были специальные штатные единицы: инструктор и зав. сектором печати, секретарь обкома по идеологии и, может, еще кто-то. Да и вообще любое ничтожество, которое там служило, могло вякать и указывать совершенно безнаказанно. Кроме всего прочего, за каждой редакцией, даже самой жалкой заводской многотиражкой, был закреплен так называемый куратор от КГБ (ранее ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, АСБ, ФСК, ФСБ – не обижайтесь, рыцари плаща и кинжала, если забыл какое-то из ваших блатных погонял). Чем они занимались? Поди знай. Но в целом – бдили. Или, пардон, бдели? В наших кругах – кругах, подконтрольных всем этим бездельникам, – было в ходу выражение: лучше перебдеть, чем недобдеть. (Тут я не могу удержаться от смеха, потому что, конечно, приходит на ум госпожа Флемминг. Пусть не обижается, я на самом деле страшно люблю немок, особенно в молодости любил, когда учился в одном из немецких университетов, намекну, в 40 минутах на электричке от самого Дрездена, где доблестно служил один чекист. Любил до такой степени,

что из принципа не знакомился в те времена с русскими девушками, не без оснований полагая, что это еще успеется, а язык надо учить, пока горячо. Вообще говоря, я и немцев люблю, правда, в другом смысле, они часто такие трогательные и наивные.)

Еще – кроме явного обкома и пытающегося соблюсти приличия КГБ – у нас была такая контора, как Главлит, здесь канцелярская феня (ничего, что я отклоняюсь от темы? Пусть молодежь послушает, а то старики думают, что и так все всё знают, а новое поколение даже не догадывается, какие тайны мадридского двора имелись и хранились в любом скромном Мухосранске) скрывала не что иное, как банальную предварительную цензуру. Все полосы перед публикацией давались на прочтение цензору, который за-ради репортерской оперативности, чтоб с колес в номер, сидел, не мудрствуя лукаво, прямо в редакции или в типографии. А чего стесняться? Все свои. Зачем перед своими разворачивать спектакль про то, что сосиски начинают парным мясом? Только людей смешить. Один, значит, в творческом полете дрищет нетленку, а другой с удавкой его торопит: а ну давай скорее, у нас же график, пора бдительно прочитывать все, ставить штампик (то бишь «литовать») и внуков идти воспитывать.

Деятельность этого учреждения была окутана тайной, я не мог от цензоров допытаться, какие у них критерии. Но справедливой оказалась народная примета насчет того, что все тайное становится явным. Так оно вышло и на этот раз. Прошли годы, и ко мне в руки попал документ, который над нами когда-то нависал. Не удержусь от удовольствия процитировать его в очередной раз.

Итак, «ПЕРЕЧЕНЬ сведений, запрещенных к открытому опубликованию». 192 страницы, гриф «СЕКРЕТНО». Год издания – 1987-й. Самая перестройка, напомним для простых душных!

Издатель – Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (Главлит СССР).

Перечислим то, про что было нельзя.

«Упоминание о низком политико-моральном состоянии личного состава ВС СССР, в том числе о негативных отношениях между военнослужащими...»

«Упоминание о чрезвычайных происшествиях (убийство, самоубийство, ранение, членовредительство, дезертирство, хищения вооружения и военной техники, гибель и увечье людей, массовое отравление и обморожение, нарушение правил несения боевого дежурства, проявление военнослужащими группового недовольства (!), неправильное поведение их по отношению к местному населению)».

«О штрафных батальонах и заградительных отрядах, кроме общего наименования».

«Методика расчета потерь и разрушений от оружия массового поражения».

«Топографические карты масштаба крупнее 1:1000000 и планы территории СССР».

«Морские карты – любых масштабов». Ну это чтоб не сбежали в Турцию, понятно.

Далее: «Система параметров общего земного эллипсоида и параметры гравитационного поля Земли, принятые в СССР». Хм... Наверно, из политкорректности – чтоб не обижать тех, кто считает Землю плоской.

«Сведения о радиоактивном загрязнении окружающей среды локальными (неглобальными) выпадениями, позволяющие определить место, дату и причину явления, вызвавшего повышение уровня радиоактивности». Напомню, что Чернобыль случился годом раньше, в 86-м. Партия и правительство готовились к исправлению ошибок... Типа, рванет еще, так чтоб молчок?

«Данные об аварийных сбросах и выбросах на гражданских объектах, представляющих высокую опасность для человека».

С военными тайнами типа атомных, ракетных, лазерных, подводных – и так понятно. Но к таковым относили в те годы и ЭВМ. Нормально?

* * *

Вот еще что запрещено: «Упоминание о том, что бывшее ДСО «Зенит» объединяло спортсменов, физкультурников, спортивные коллективы предприятий и учебных заведений оборонных отраслей промышленности...»

В гражданской промышленности тоже было много секретного: золото, бриллианты, алмазы, цветные и редкие металлы, полупроводники, радио, самолеты, пароходы, нефть и даже тетрагидрофуриловый спирт.

Секретными были объявлены и вакцины, вот вам список: противочумная, холерная, сибиреязвенная, химическая сорбированная тифозно-паратифозно-столбнячная, оспенная, туляремийная, бруцеллезная, ботулинический анатоксин, секстаанатоксин. А еще – сыворотки: противостолбнячная, противоботулиническая, противогангренозная.

Трепещи, читатель! Хоть задним числом.

Внешняя политика и внешняя торговля. Тут свои секреты. К примеру, «себестоимость обслуживания иностранных туристов в СССР, соотношение этой себестоимости с продажной ценой на туристские путевки». Ну и еще патенты и лицензии и все такое прочее международное секретное.

Ну, взбодрились, инвалиды гласности, страдатели за свободу слова? Поняли, что зря ноете? Видите, какой прогресс! Жить стало лучше, жить стало веселее? О чем и речь! А то вы вечно всем недовольны...

По мне, так самым смешным был пункт с интимным названием «Связь». Там были объявлены секретными «сведения по вопросам радиозащиты от враждебной пропаганды и использования соответствующих радиотехнических средств». А также «о слышимости или напряжении поля радиостанций иностранных государств на территории СССР».

Слышимость, слава Богу, была вполне терпимая – разглашу вам эту гостайну задним числом. Мы слушали «голоса» долгими зимними вечерами и, несмотря на старания органов, более или менее представляли себе картину мира и понимали, какое место занимает в нем наша бедная страна и наши туповатые бюрократы, которые в итоге все просрали. Иными словами, свобода СМИ существовала в полный рост. Не припомню ни одной животрепещущей темы, которая не обсуждалась бы гласно, открыто и неподцензурно! Вражескими, правда, голосами.

А утром, придя на работу, мы валяли дурака и сочиняли всякую ерунду про надои, приросты, подъемы и отстои.

Но идиотизм – плавно переходим наконец к сегодняшнему дню – не был безграничным. Я прекрасно помню случаи, когда на обкомовских держиморд находилась управа. Когда совсем уж распоясывались и не давали вздохнуть, кто-то – да хоть и я сам – писал заметку куда-то в центральную московскую газету, которая была органом уже не какого-то затрапезного обкома, но самого ЦК! И оттуда давали грозный окрик, а мне из обкома слали письменный ответ. Вот смеху-то было.

И сейчас ровно та же картина, только с поправкой на глобализацию. Немецкий обком оборзел, а американский ЦК поставил его на место.

Русский «Форбс» – форбсее всех «форбсов»!

Это все мы изобрели, русские! Наша схема!

А нам за это ни danke, ни thank you.

И на том спасибо...

Царствие небесное Пиночету

14 декабря 2006 г., 16:12

Когда в Сантьяго де Чили наш генерал Котелкин, один из начальников всех росвооружений на тот момент, рассказывал мне про Пиночета, он весь аж светился и говорил:

– У нас тоже будет свой Пиночет... А вот же он, уже пришел!

Дело было весной 2000-го, так, для справки.

На авиасалон в Чили тогда съехалось множество людей, давно связанных с Латинской Америкой. Не скрою и скажу сразу, что я слышал немало свидетельских показаний типа: «Помню, группу сторонников Альенде привезли на Кубу – так их на носилках из самолета выносили, люди встать не могли после пыток. Некоторые сошли с ума после того, что с ними сделали военные».

Меня такие рассказы попросту возмущают. Русским такие разговоры вести нельзя, нам тут лучше молчать. Нам-то нечего рассказать про изможденных колымских зэков, которых наши коммунисты выпустили живьем во внешний мир, чтоб те жаловались.

Что же касается количества жертв – по данным самих левых, – то нам и тут придется краснеть: три с половиной тысячи человек. А мы свои тоже можем подсчитать достаточно точно, ну плюс-минус десяток-другой миллионов. У нас больше людей отравилось метиловым спиртом при Горбачеве! На минуточку.

И про советскую экономику мы тоже ничего хорошего сказать не можем, никто и не думал, находясь в здравом уме, перенимать наш опыт, – кроме тех случаев когда это происходило под дулом не то что пистолета, но танка.

Чудесная, уютная, чистая, спокойная страна, по накалу безмятежности и легкости бытия сравнимая разве что с простодушной Австралией. Довольно богатая, кстати сказать. И такой она стала при Пиночете.

Про все это я думал, сидя в кабине истребителя-бомбардировщика Hawker Hunter – поди знай, может, того самого, который пикировал на Ла-Монеду. Я думал свою нереалистическую сказочную фантазию про то, что если б кто-то из русских генералов в том же 73-м году скинул старых пердунов, собравшихся в Политбюро, взял бы власть и построил в стране нормальную жизнь. Но нет! Все мы знаем, что наши генералы не той закалки. Слабо им. «Смело входили в чужие столицы, / Но возвращались в страхе в свою», как сказал по похожему поводу нобелевский лауреат Бродский.

Наши генералы прекрасно себя чувствуют. Никто их не сажает, и не судит, и не выдает. Ну да хоть тех, которые давали приказ расстреливать рабочих в Новочеркасске в 1962, что ли, году. У нас все в порядке! Может, энкавэдэшных генералов как-то пожурить хоть посмертно, которые командовали концлагерями? А авторов законов про жен и детей изменников родины? Прекрасные были людоедские законы. А как мы казаков требовали с англичан? В 1945-м? И как их чекисты вешали во внутренней тюрьме Лубянки?

Про Пиночета мне рассказывал там близкий ему человек, Мигель Краснов. Бригадный генерал. Сражался с повстанцами, воевавшими с оружием, которое в 1973 году привезли кубинские товарищи. Там до сих пор полно схронов! Какие повстанцы?! Не было ничего, только Виктор Хаара пел на стадионе, а военщина давила безоружных студентов! Откуда у вас такая информация? Из советских газет? А, то есть вы построили картину по советским пропагандистским штампам!

Хорошо тогда сработали цековские аппаратчики. Люди верят до сих пор. А это была всего лишь операция прикрытия, ведь и Альенде был весь кремлевский, и кубинцы не сами по себе полезли в Чили, и не на свои деньги они это все проворачивали, а на наши, кровные...

С Пиночетом ясно, но и Краснов, получается, преступник! Конечно, а как еще назвать офицера, который сражается против иностранных наемников в своей стране? По оценке чилийских военных, наемников – кубинцев и восточных немцев – в Чили тогда проникло

больше 10 тысяч. А оружие, чтоб вы знали, туда везли в мешках с сахаром, который Альенде по-дружески закупал на Кубе.

Краснов в 2000-м был еще на воле, это после левые его посадили. Мы вечерами выпивали с ним в ресторане офицерской гостиницы, он рассказывал про маму и бабушку, которые научили его русскому языку. А больше он ни с кем по-русски не говорил, не было никого наших. Язык у него чистый, густой как в «Тихом Доне», с замечательным фрикативным «г» – оно у него даже лучше, чем у меня. Краснов мне по-человечески очень понравился. Мы с ним вообще, может, в родстве состоим: наших с ним матерей фамилия – Марченко.

Донские казаки не раз звали Мигеля в гости. Но он ждал официального приглашения – ну в самом деле, не туристом же ехать. Так и не дождался. А идея поставить Дзержинского обратно вызвала куда больший отклик, чем мысль о приглашении Краснова на Дон.

Ну, в общем, тут много можно про это. Тема человеческой неблагодарности – она безгранична. Вот еду я как-то в такси по Сантьяго де Чили и беседую с таксистом все про то же.

– Ненавижу, – говорит, – Пиночета! Чтоб он сдох!

– Что он тебе сделал?

– А ничего. Но – диктатор ведь!

Господи, образумь этих людей! Человек отдал власть гражданским добровольно и сидел себе тихо, внуков воспитывал. На родине причем остался, а мог бы свалить.

Я сказал таксисту:

– Ты должен быть по гроб жизни благодарен Пиночету!

– И за что же? – непонятливый попался.

– Вот смотри. У тебя на счетчике уже – в пересчете – 10 долларов.

– Ну?

– Ты еще людей покатаешь и поедешь домой пить пиво перед ТВ.

– Так, так, и?..

– А если бы не Пиночет, я б за эти 10 долларов твою дочку в позу ставил (тут я помог себе жестами, ибо по-испански я не очень). А ты б за ромом для меня побежал!

– А почему за ромом? Мы же тут писко (местная чача) пьем!

– А вас бы кубинцы научили! Они б ваше писко удавили при помощи вашего местного Онищенко, а свою бы ликеро-водочную отрасль поддержали.

– А почему б ты мою дочку того?

– Так у вас бы социализм! А каким бы он был – можно на Кубе сегодня посмотреть.

Таксист почесал репу:

– Да, не ценит человек своего счастья... Не ценим того, что у нас есть.

Вряд ли до него дошло – скорей всего хотел клиенту (рыночная же экономика, спасибо Пиночету) сделать приятное. И это человеку практически удалось.

Почем баррель дерьма собачьего?

21 декабря 2006 г., 16:11

На днях, отправляясь в колыбель революции с так называемого Ленинградского вокзала (в честь чего, интересно, он так называется? Ведь города Ленинграда не существует), я увидел ужасную картину: бомж пил боржомом из горла. Хорошо, что рядом не было санитарного врача Онищенко, а то его бы, чего доброго, кондратий хватил. Напиток все-таки вредный. Он легко мог бы повредить бомжовскому здоровью. Онищенко кинулся б к несчастному, который пренебрег этой всем известной нормой гигиены, и вырвал бы бутылку из его рук одной своей рукой, другой держась за сердце. Он ведь человек тонкий и заботливый.

Непонятно, откуда взялась бутылка предосудительного напитка. То ли это из старых еще запасов, то ли привез человек из Грузии. Легко себе представить эту картину: уехал человек

на Кавказ подальше от русской зимы, расположился там где-то под пальмой – и вдруг узнает, что в Москве, откуда он сбежал, плюс десять! Глупо в такой ситуации предаваться ностальгии и употреблять горький хлеб чужбины. И вот он отправился на родину, прихватив в дорогу боржомом, «мукузани, хачапури и еще, от греха подальше, мчади». Родина встретила его, однако же, сурово, и это, кстати, ее обычная манера поведения...

А может, эту бутылку и вовсе на помойке человек нашел – торговцы ведь легко могли испугаться преследований и... того. Я вот тут проходил мимо хорошо известного мне грузинского кафе и увидел, что с вывески исчезло национальное название, остались только нейтральные слова «кафе» и «бар».

– Что так? – спрашиваю у хозяйки.

Она, опустив глаза, призналась, что это на всякий случай. Я пожелал ей скорейшего возврата к старым безмятежным временам.

Что же касается воды боржомом, то ее давно перестали пить сколько-нибудь проницательные люди: при такой цене и таком спросе как же уберечься от подделок! Я сам не далее как в самом конце прошлого века, путешествуя по Волге, в одном из городков завел знакомство с одним местным бандитом. Так вот он еще тогда предостерегал меня об опасности поддельного боржомом:

– Кругом одни подделки! Люди берут воду из-под крана и лопатами засыпают в нее какую-то подозрительную соль!

Все мне стало ясно, но он, как позже выяснилось, только начал свою речь в мое спасение:

– Главное – научиться распознавать настоящий боржом! И тогда все будет в порядке.

– Наверно, это трудно? Надо в лабораторию отдавать или что?

– Нет, надо просто запомнить, какой вот тут шрифт, и как вот здесь наклонена картинка, и густоту вот этой краски. – Он при этом вертел бутылку в руке.

– Так-так. – Я впечатывал детали в свою память. – Значит, с такими вот кривыми буквами и будет настоящий грузинский боржомом?

– Ну зачем же грузинский! Это настоящий наш поволжский боржомом. Мы делаем его из лучшей воды. Надеюсь, ты не будешь спорить с тем, что лучшая вода – в Волге? И в нее мы засыпаем не что-то, но настоящую соль из Грузии! А не какую-то местную химию, как наши бессовестные конкуренты, чтоб у них руки отсохли, тьфу!

В общем, все стало ясно с боржомом.

Бедный бомж! Он между тем допил смертельно опасную воду, засунул бутылку в китайскую полосатую сумку и пошел дальше по своим неотложным бездомным делам по площади трех вокзалов, месту своего естественного обитания. Я, глядя на него, перестал жалеть Онищенко. Я решил, что все-таки неплохо было б Онищенко подойти к этому бомжу, пожать ему руку, а то, может, и приобнять, и рассказать о пагубных свойствах грузинской шипучки. Да, бомжи обыкновенно весьма грязны и издают тяжелый запах. Они, боюсь, не очень старательно моют руки перед едой. Бомжовская одежда тоже не очень тщательно была постирана (в позапрошлом году). Да лужи, на берегах которых они ночуют, похоже, заполнены не совсем стерильной водой. Часто они спят на московской траве, которая обильно удобрена собачьим дерьмом (которого на каждый квадратный метр выпадет до 40 килограммов в год, есть такая статистика – мы ж не Нью-Йорк, где даже безработные негры собирают какашки за своими собачками в особый черный пластиковый пакет, мы с Парижа берем привет, где насрано так насрано, мы ж Европа все-таки). Но это не остановило б Онищенко от похлопывания бомжа по плечу. Потому что если б от обитателей московских улиц исходила какая угроза – распространения какой инфекции, допустим, – то уж будьте спокойны, онищенкоовские санитары непременно навели б порядок! Забили б тревогу! В набат! В ружье! А так – тихо все, спокойно.

И это все – от печального недоразумения. Просто как-то так случайно вышло, что у бомжей нет серьезных денег, а собачье дерьмо еще не вышло на IPO и потому не может высоко

котироваться на мировых биржах. И никто в этом не виноват. Эх! А стоило б только бомжам обзавестись деньжатами, а собачьему дерьму подняться в цене ну хотя б до 20 долларов за баррель, Онищенко порешал бы все с этим связанные проблемы!

Бомжи – это жуткое бактериологическое оружие, потенциально. Представьте себе бомжа, насыщенного бациллами и вирусами, упавшего в водозабор! Москва вздрогнет от ужаса. А вообразите эпидемию жутких заразных болезней, возникших из собачьего дерьма, раскиданного собаководами по всей Белокаменной? А если это синхронно? Да еще и с пищевым ударом со стороны коварных стран от Польши до Грузии, которые окружили наше отечество?

* * *

Онищенко! Проснись! Отступать некуда! За тобой Москва. Надо что-то делать! Спасение брезжит в конце тоннеля: я так и вижу своим мысленным взором семьдесят тысяч «Наших», которые, будучи свезены со всей страны в столицу, проводят помывку и дезинфекцию бомжей...

Но некогда человеку. Он занятой очень. Много работы.

В ожидании Свиньи

28 декабря 2006 г., 14:48

В эти дни, когда люди психуют, думая, как бы не нажраться в Новый год сразу, часов этак в шесть вечера, и не попасть на каникулах под тайфун или разборки этнических террористов, на первый план вышла тема Свиньи. Которой будет принадлежать следующий год.

Вы будете смеяться, но в этой связи у меня берут интервью журналисты из разных стран, глобально, от Украины до самого союза России и Белоруссии, про меня пишут очерки и с умным видом просят дать комментарий, а то и вовсе прогноз. Некоторые доходят до того, что возлагают на меня ответственность за весь 2007 год – не в том смысле, что мне дадут Нобелевскую премию мира, если все будет хорошо, а в том, что я буду, типа, виноват, если что не так.

Неплохо для начала.

Поэтому я решил высказаться во избежание недоразумений.

На моей памяти год Свиньи наступает в четвертый уже раз, но никогда прежде такого ажиотажа не было. Наверно, тому есть какие-то причины. Давайте попробуем в них разобраться.

Одна из них – стремительно растущий страх перед Китаем. Подсознательно многие наши граждане давно уже решили капитулировать перед многодетным густонаселенным соседом. И вот они заранее приспособливаются к новым условиям, бесхитростно решив перенять календарь. Что же всерьез касается влияния Китая, то я давно уже предлагаю решение с его помощью всех наших кавказских проблем. Надо Чечню и прочие беспокойные районы отдать Китаю в аренду лет на 99, как Гонконг. Китайцы завезут туда чуть-чуть своих, чтоб они там начали шить штаны на ручных швейных машинках, расставленных на улицах (а такие сцены видел в Поднебесной повсеместно), и готовили плацдарм для экономической экспансии. Завезут они туда народу совсем чуть, ну миллионов сто там или двести. И тогда бородатые партизаны с гранатометами окажутся в очень незавидной ситуации: своей активностью они будут ставить под угрозу благосостояние китайцев! Что те сделают с несчастными ваххабитами, страшно даже себе представить – после того как своих родных студентов китайцы в 89-м просто размазали танками по площади Тяньаньмэнь. Какую китайскую казнь придумают они для чужих зловерных иностранцев? Какой простор для фантазии!

Вторая причина модности темы Свиньи, думаю, такая: суровость противостояния белой и исламской цивилизаций. Свинья как символ сопротивления! Ну трупы шахидов там хоронят в свиной коже... Бомжей, среди которых немало арабов, какие-то французы угощали супом со свиной, типа он питательный... И тут вдруг, как сговорившись, люди ухватились за такую как бы совершенно случайную вещь, как китайский календарь... Опа! Мы победим! Люди размахивают Свиньей, а сами как будто и ни при чем... Ловко.

Конечно, и скандал с карикатурами повлиял на ситуацию. Пользуясь случаем, я тут хочу предложить такую меру, которая поможет избежать недоразумений в дальнейшем, – ставить на СМИ предупреждения наподобие тех, что помещают на порносайтах: «Это только для тех, кому стукнуло 18». Вместо возраста можно оговорить что-то вроде: «Предупреждение: не рекомендуется читать религиозным фундаменталистам и прочим фанатикам. Всякий вышеозначенный знакомится с этими материалами под свою ответственность. Жалобы от недовольных в судах не принимаются». И ставить на обложку в приметном месте гордый профиль свиньи. Радикалы постепенно привыкнут. И либо смирятся, либо построят себе гетто с паранджой и прочими прелестями.

Третья составляющая часть этой триады, третий источник – это, конечно, имидж свиньи. Она вкусна и, кроме того, беззаботна и весела. Она самодостаточна, ей плевать, что о ней думают другие, – а сколько ей всего предъявляют, не утрудившись поисками доказательств. Она, черт возьми, миролюбива и доброжелательна! Она объединяет народы – кроме тех, что сами себя уводят в сторону от проторенных путей цивилизации и объявляют исключительными. Я, может, против них ничего не имею. Это я вам как опытный свинач говорю.

Эксплуатируя эту ставшую модной тему, Андрей Бильжо, художник и мой давнишний, еще когда он не был знаменитым, собутыльник, не так давно, причем на трезвую голову, предложил мне обратиться с новогодним поздравлением к народу – заместо президента Путина.

Андрею, конечно, спасибо за такое доверие. Я польщен: наверно, он же не просто так ляпнул, а сперва согласовал с кем надо, он человек со связями. Я не сказал ни «да», ни «нет», пока что думаю. Ответственность большая, а я человек легкомысленный.

И потом, могут неправильно понять: и так меня принимают иногда за теневого идеолога «Единой России» на том основании, что мой журнал называется «Медведь». Ну, я на всякий случай надуваю щеки, но если совсем честно, то должен признаться: журнал основан задолго до учреждения партии с таким же символом.

Пока что мне больше нравится другое предложение – в 9:00 1 января рассказать на Первом канале все тому же народу, который накануне слушал поздравление над оливье (написал это слово – и нестерпимо захотелось салата), как правильно опохмеляться. Все какая-то польза будет! Кроме всего прочего, на передаче будет Лена Проклова, которая еще со времен своих старых советских фильмов поднимает мой тонус. Причем завести с ней знакомство в те времена, когда исполняла роль Герды в «Снежной королеве», было нереально, а теперь же другое дело... Может быть, может быть... Как пел волк в «Ну, погоди!»: «В Новый год сбываются все мечты». Особенно в такой Новый год. Друзья! В первое новогоднее утро сожмите в кулаке какой-нибудь идиотский сувенир со Свиньей, вам же таких надарили полно, и болейте за меня – и у меня все получится! Не только в это утро, но и вообще.

Чего и вам, кстати, желаю.

Запрет на профессию

11 января 2007 г., 17:54

Первая древнейшая профессия возникла впереди всех остальных, наверно, совершенно случайно. Ну просто так вышло. Разумеется, куда почетней сеять зерновые, а также разумное, доброе, вечное! Или строить дороги, или там качать нефть. Но просто не было физической

возможности в первых рядах учредить профессии школьного учителя, комбайнера или нефтяного олигарха, поскольку не было еще ни школ, ни колхозов, ни Кремля. И потому миллион лет назад, когда человек начал строить цивилизованное общество, он – а куда было деваться? – не задумываясь учредил специальность номер один.

Через миллион лет некоторые прогрессивные страны эту профессию отменили. Ну, официально отменили, а на самом-то деле кишка тонка. Они просто увели ее в тень, в подполье, на криминальный уровень. Что-то похожее некоторые страны – иногда те же самые – устраивали с алкоголем, объявляя, что никто его с завтрашнего дня пить не будет, в результате чего наступал расцвет самогонварения и моды на питье жидкости для мытья стекол.

В других странах новости про попытки вырастить – точнее, выдрессировать – новую породу людей, равнодушных к водке и бабам, читали с глубоким удивлением. Вот и сейчас где-нибудь в Амстердаме люди смеются над наивными французами, которые не могут придумать ничего более умного, чем ловить ночных бабочек и беспокоить русских олигархических туристов, огорчая их и отпугивая. (Лучше б ловили тех, кто поджигает машины под Парижем. А то выписали себе командировку в Куршевель в разгар сезона, чтоб и покататься, и отчитаться. Так у нас МЧС проводило учения на Байкале в июле, прекрасно зная, что неприятности там случаются во время глубоко осенних штормов или уж на льду.) Наши, конечно, отомстят французам и поедут в другой раз в Сочи, а французы пусть кусают локти. Они дождутся, что наш Онищенко в ихнем Бордо найдет какую-нибудь молдавскую заразу и запретит эвиан наравне с боржомом, – что, нельзя разве такое пролоббировать?

А в Таиланде новость про куршевельские аресты не вызовет никаких эмоций. Потому что азиаты вообще не считают белых людьми. Белые – это ленивые, конченные, испорченные лицемеры. Работать их не заставишь, еду требуют престранную, а уж как изоврались на темы морали, что им хоть в глаза плюй. О том, какие белые нравственные и целомудренные, тайские проститутки могли б диссертации защищать.

Белые такие – но не все... Я вспомнил тут про знаменитый квартал красных фонарей в Амстердаме, где дамы открыто оказывают секс-услуги. А налоги они не платят не оттого, что совести нет. По другой причине: они от налогов освобождены, потому что и так приносят пользу родному городу. Они ведь работают на рост туристской отрасли! У тех же немцев интересы секс-трюжениц защищены законом. А во Франции и у нас – лицемерие.

Обратите внимание: я тут вступаю за первую профессию не из личных корыстных интересов. Куда мне! Юность моя прошла в советское время, когда секс наравне с образованием и медицинским обслуживанием был бесплатным. А сейчас, в новое время, я не холостой веселый олигарх, но скромный отец семейства и сосед. Проблема волнует меня чисто теоретически, я в данном случае служу интересам общества совершенно бескорыстно. Запрет коммерческого секса нехорош тем, что вызван лицемерием. А оно, в свою очередь, вы будете смеяться, подрывает устои! Да-да! Думать одно, говорить другое, делать третье – это мы уже проходили в Советском Союзе, который бесславно развалился. Мысль о вреде лицемерия, особенно в интимной сфере, пронзила меня во время поездки по зонам, когда я писал книжку про русских эзков. Как сейчас помню, шел я по одному поселку от женской зоны до мужской подростковой – ходу 10 минут – и думал: вот пацаны насилюют друг друга и опускают, а несчастные женщины режут друг друга на почве жуткой лесбийской ненависти, – и это считается нравственно. А вот возить семнадцатилетних юношей к женщинам, чтоб они вступали в естественные отношения, – это безнравственно. (Причем можно было не поголовно, а только передовиков производства и отличниц боевой и полиической.) Обществу так почему-то удобней... В голове это не очень укладывается.

И вот новый скандал с Куршевелем.

У олигархов и без того хватает проблем, их так равноудалют, что щепки летят до самого Краснокаменска, – и вот у людей еще отнимают, пытаются отнять, такую невинную радость

как телки. Мне бы хотелось видеть в стране других олигархов, этаких бородатых староверов, которые вместо публичного дома ходили бы в храм, вместо казино строили бы богадельни и железные дороги, – но уж берите что дают. Воспринимайте жизнь такой, какая она есть.

Так, может, разрешить все-таки? Пойти по голландскому пути?

Увы, думаю, что станет еще хуже. Мы не вынесем правды и открытости. Бремя свободы и откровенности нам не по силам. Размышляя о легализации проституции, я шел по Москве и рассеянно смотрел по сторонам. Тут и там глаз наткнулся на казино, игровые залы, залы автоматов разных сетей и хозяев. Легализуют у нас секс-услуги – и пропадут в городе последние булочные и аптеки. Их помещения займут бордели. Казино – бордель, зал автоматов – бардачок... Прекрасная, типа, будет картина.

Мы же ни в чем не знаем меры. И мы приблизительно себе представляем теперь, какова она, русская мечта... Она, похоже, такая, что про нее лучше сопеть в тряпочку.

Так что, как ни жаль мне олигархов, вынужден со вздохом согласиться: уж лучше лицемерие. Пусть золотая молодежь на отдыхе соблюдает конспирацию, пусть она переживает какие-то трудности вместе со своим народом.

Кому сейчас легко?

О пользе Проханова

18 января 2007 г., 15:54

Я тут позвонил своему коллеге и товарищу Александру Проханову поблагодарить за чуткое отношение. Я ему как-то жаловался, что читать его газету «Завтра» совершенно невозможно: слишком мелкий шрифт. Они перешли вообще, кажется, на пятый или даже четвертый кегль. Я даже пошутил тогда: это Кремль, что ли, потребовал? Чтоб так деликатно отвратить публику от твоей газеты? Он тоже, конечно, отшутился, оставив без комментариев тот отмеченный мной факт, что свои-то заметки он печатал довольно крупно и они читаются прекрасно.

Так вот: какое-то время назад – точно не скажу, я ж не все номера изучаю – газета снова перешла на более крупный шрифт! Я могу ее всю пробежать беглым взглядом. Ну спасибо. Вот оно, внимание к нуждам простых людей! В этом – проявление подлинного демократизма, в смысле дойти до каждого, и уважение прав людей, у которых не орлиный взгляд.

Газета Проханова и сам он – вообще в некотором роде такая лакмусовая бумажка. Если человек начинает брызгать слюной, узнав о моем теплом отношении к «соловью Генштаба» и том, что я с ним даже выпиваю периодически, я горестно вздыхаю: ну что же это, а где широта взглядов-то? Нешто мы не цивилизованные люди? Но, думаю, все это пройдет. Я сам жестко ругал Проханова в прессе за его статьи, за то, что он считался идеологом путча 1991 года. Каюсь. Но это ж было 15 лет назад. Но сегодня даже крайне правые люди уровня Чубайса и его окружения сотрудничают с Прохановым! Они возили его на Бурейскую ГЭС и показали, что станцию, которая стояла недостроенной с того самого путча, РАО ЕЭС достроило. И люди там трудятся и прекрасно себя чувствуют. Проханов репортажем про это занял всю свою газету. Чего же боле.

Но у нас же полно людей, которые хотят быть либеральней самого Чубайса... Для них Проханов нехорош.

Снимаю перед ними шляпу.

Еще я снял ту же самую шляпу перед Прохановым за его заметку про Саддама Хусейна, который им назван героем и мучеником XXI века.

«Ты согласен с этим выводом?» – строго вопрошал меня автор. Ну, я такими категориями не мыслю, но могу сказать, что казнь эта меня сильно огорчила. Я не принципиальный

противник смертной казни, насчет маньяков еще подумать надо. Но что касается президента страны и отца нации, то чтоб его ТАК наказывать, надо быть ну по крайней мере дедушкой, причем этой же самой нации. Знаете, когда Петр I вешает царевича Алексея или Иван Грозный убивает сына дубинкой, это грустно. Но если б то же самое учинил какой-нибудь сосед, то это было бы менее политкорректно. В общем, я с Прохановым согласился в том, что Саддама ни в коем разе нельзя было вешать. На мой взгляд, его следовало бы посадить в одну камеру с – кого он там мочил, курдов? – с Аджаланом. Они бы там могли сколько угодно обмениваться мнениями о том, насколько курды хороши или плохи. У турок хватило ума не вешать своего политзаключенного, при том что он даже и президентом-то не был!

Кстати, неплохо б напомнить общественному мнению, что оно само и виновато в курдской проблеме: им же пообещали государственность, когда разваливали Османскую империю. А потом кинули. Ну где ж эти антиаджалановские правозащитники, отчего они молчат? И Саддаму не пришлось бы решать курдский вопрос так радикально, если б за курдов вовремя и всерьез вступилась эта вот общественность.

Проханов – в отличие от американцев, несущих по всему миру знамя демократии и прав человека, – мой план одобрил. Но с одной оговоркой: ребята должны были не вдвоем сидеть, а втроем – им бы еще подселить Френкеля.

– Ну это-то зачем? – удивился я. Злодейства, вменяемые Френкелю, несоизмеримы с уровнем его виртуальных сокамерников.

– А чтоб им веселей было.

И то сказать: все веселей сидеть в камере с банкиром, чем позировать с виселицы американским видеопарацци...

И эти люди учат нас ковыряться в носу!

Думаю, у вас не возникло впечатления, что я только «Завтра» и читаю. Я читаю много всего разного, от «Завтра» до... что у нас там на другом краю спектра? – «Ехiлe», московской газеты американских экспатов. Яркие и образные отчеты авторов о походах к проституткам, которые там публикуются, войдут в золотой фонд международной журналистики.

Но вот беда: и «Ехiлe» перешел на нечитаемый шрифт! Видите, не зря говорят, что крайности сходятся. Я написал главному редактору Марку Эймсу письмо с просьбой принять меры.

Ответа пока нет...

Да что ж за напасть такая!

Привет моим бывшим Татьянам

25 января 2007 г., 15:17

В детском саду я познакомился с дымчатой блондинкой Таней Котовой, и эта страсть, как часто бывает в платонических случаях, была наполнена грустными переживаниями. Таня полностью вытеснила из моего сердца девочку N., имени которой я тут не упоминаю, чтоб не смутить нравственность ее детей и внуков, – ведь еще живы люди, помнящие ее удивительное свойство: она умела п#сать стоя и многократно делала это в присутствии восторженных зрителей, к неудовольствию и зависти других девочек, которые делали это как все. Наверное, я ее полюбил за талант, который проявился в такой странной форме; ну да талант – он во всем талант. Но расстались мы с ней по причине Тани Котовой, которая только и умела, что улыбаться со смешанным выражением жалости и счастья, – но зато она была первым человеком, заставившим меня волноваться в Татьянин день так, будто это имя особенное. Хотя, может, так оно и есть. Я припоминаю еще и после нее других Татьян, одна краше другой, и иные из них серьезно отличились в деле произведения на меня глубокого впечатления.

Все помнят байку про Ломоносова, основавшего первый в России университет в 1755, что ли, году. На самом деле он не столько основатель, сколько один из инициаторов. Пробил

же идею граф Шувалов, который был чем-то вроде руководителя администрации президента. Имея доступ к телу императрицы, Елизаветы – чтоб не соврать, – он и убедил ту сделать доброе дело. А отчего ж студенты считают Татьянин день своим праздником? Да оттого, что Шувалов приурочил перерезание ленточки на открытии заведения к именинам своей любимой матери, которую как раз и звали Татьяной. Так что Шувалов больше отличился в деле университетизации всея Руси, но в эпоху исторического материализма на щит подняли вместо графа простого холмогорского мужика Михайлу Ломоносова, пришедшего в наши края с рыбным обозом; приблизительно из тех же краев, с того же направления идет к нам сегодня норвежская семга. Ломоносов же, думаю, сделал вклад в традицию студенческого хулиганства в этот праздник; уж он-то хорошо знал, как следует куролесить в студенческие торжества. Он, когда учился в германских университетах, серьезно пил и гулял вплоть до драк с полицией.

Я так путано и с сомнениями насчет Елизаветы потому, что в науках не силен. Даром что и кончил тот самый университет. И был не на последнем счету. Однако ж беда в том, что знания у нас на журфаке в те времена давались специфические. Взяв на себя однажды труд пересчитать все дисциплины, перечисленные в приложенном к диплому листке, я с удивлением обнаружил, что ровно половина из них – лженауки! Истмат, диамат, критика буржуазных теорий развития общества, научный атеизм, анализ экономики социалистических предприятий и сама политэкономия социализма, история большевистской, и партийной, и советской печати, гадание на бараньих кишках, астрология и алхимия. Хотя, честно говоря, про три последних лженауки я приврал в полемическом задоре для красного словца. Таким образом, половину изученных мной наук можно смело вычеркнуть из моего актива. Я фактически не весь университет закончил, а половину, как будто меня выгнали с третьего курса, после зимней сессии – вот как сейчас, аккуратно под Татьянин день.

Который мы тогда, в конце 70-х, и вовсе не отмечали. У нас был другой какой-то праздник – День журналистского студента, что ли. И отмечался он осенью – в сентябре, кажется. В тот торжественный день первый курс, а вслед за ним и все остальные, шел колонной через Моховую и Александровский сад на Красную площадь – и без очереди заводился в Мавзолей; а что вы хотите, идеологический же факультет! (У меня в голове до сих пор крутятся отрывки фраз из заметок Маркса в «Новой Рейнской газете», которые мы чуть не наизусть зубрили. Вместо того чтоб изучать свойства реальной журналистики, которые потом пришлось контрабандой почерпывать из заокеанских книжек News Reporting and Writing и Responsible Reporter. Заодно уж покритикую задним числом и Мавзолей. Ну как можно было назвать таким громким и ко многому обязывающим словом эту жалкую мрачную нашу пирамидку – после того как миру уже тыщи лет был известен роскошный индийский Тадж-Махал, выстроенный из белого мрамора!)

А после Красной площади студентов заводили в ДК гуманитарных факультетов, где было пиво и концерт. До пива журналистов редко допускали, это и так народ весьма пьющий, и за пивом мы ходили в столовую Консерватории: музыканты против нас так просто трезвенники. Кстати, про пиво – вот что считалось предметом роскоши. В какие ж мы жили убогие времена... И вот в том ДК дым стоял коромыслом до ночи – пьянство, танцы, прелюдия к разврату и все такое прочее.

А сейчас этого ДК не существует. И никакой ностальгии. Ибо здание вернули настоящему хозяину: там теперь, как и до 1917 года, располагается храм Святой Татьяны. Который там всегда и был, пока красные рейдеры не прибрали его к рукам. О как... Это все случилось, кажется, в 1994 году, которым и датированы почти все переименования в Москве. Я долго думал – отчего именно 94-й? Потом сообразил: раньше было просто некогда: делили собственность и власть, – а как расстреляли оппозицию в октябре 93-го, отгуляли Новый год, начали восстанавливать и такую вот гуманитарную бескорыстную справедливость.

Тогда же, в декабре 1994-го, был учрежден и Клуб выпускников МГУ им. Св. Татьяны. Как сейчас помню, банкет по случаю этого учреждения происходил в ресторане при Даниловском монастыре. Главными застрельщиками были журналисты, которые, пошумев, куда-то делись, и власть в клубе захватили более приземленные и корыстные экономисты, которые сразу переориентировали клуб с элегической ностальгичности на практическую пользу – чтоб помогать друг другу устраиваться на работу, к примеру.

– А помнишь такого шуплого интеллигента в очочках, он там активно суетился? Ну, экономист такой?

– Ну... Смутно припоминаю... – Хотя мало ли очкариков среди бывших студентов, посадивших глаза на чтении выданного на одну ночь самиздата.

– Так это же Френкель и был! Тот самый!

Человек, который мне про это напомнил, просил не называть его имени и сообщил, что никаких отношений с Френкелем не поддерживает уже по меньшей мере семь лет. Ровно с того банкета. Сколько ж воды утекло за это время! Сколько всего изменилось за это время в стране! Иной раз даже удивляешься: да та ли это страна? Может, какая-то другая уже?

Другая страна

8 февраля 2007 г., 18:03

В Чите идут новые разборки по ЮКОСу, думал я, проходя на днях мимо славного особняка в Колпачном переулке. В старые времена там красиво жили московские комсомольцы, а после – Ходорковский и его люди. Я с легкой ностальгией вспоминаю, какие замечательные вечера любителей документального кино проходили в этом здании. И кино, и вина, и закуски, и мини-пирожки, и икра – все в этом особняке на этих мероприятиях было прекрасно. Но все это прошло, как и все проходит. Такая уж судьба у ЮКОСа!

На самом же деле, чтоб потерять богатую собственность, образовавшуюся у тебя внезапно, в пятилетку, не обязательно ссориться с президентом. Один мой знакомый тоже потерял особняк в каком-то из соседних переулков, и это тоже не был кооператив, на который он копил 30 лет, экономя на вставлении утерянных от нехватки витаминов в воркутинских шахтах зубах, – особняк ему как-то так достался, сам собой, то есть, пардон, в результате мучительного перекалывания бумажек из одной папки в другую и утомительного перемещения денег из сейфа в сейф. Нимало не увлекаясь политикой – чего, правда, нельзя сказать об оптимизации налогов, это ему было в какой-то период жизни интересно, – он этот особнячок по пьянке проиграл в карты. Настолько стремительно, что там ни одного фуршета не успело пройти.

Судьба, да. Один из моих знакомых бизнесменов чуть раньше 2003 года рассказал мне драматическую историю про то, как в начале 90-х его звали войти в новый бизнес. Необычайно выгодный. Надо было внести совершенно безумную, астрономическую сумму, чуть ли не 50 тысяч долларов, сказал бизнесмен, которого мы тут назовем N., поскольку он человек слишком известный.

– У меня столько нет, – ответил знакомый.

– Идиот, столько ни у кого нет.

– А где ж взять?

– Надо продать квартиру, дачу и еще назанимать.

– А если это все лопнет?

– Ну, придут бандиты и замочат тебя и твою семью. Но зато если все получится, мы станем миллионерами. Игра стоит свеч!

Там речь шла про скупку ваучеров. Чтоб потом на них закупить нефтянки. Мой знакомый назвал N. идиотом, потому что только идиоты играют с государством в бумажки. Оно

поиграет, поиграет, а потом все заберет, примитивно рассуждал он. Историю эту мой знакомый рассказывал с грустью, которая вот откуда взялась: тот N. таки накопил ваучеров и конвертировал их в нефтянку с другими ребятами, стал миллионером, как мечталось, а с прибыли быстро и легко раздал все свои долги и накопил себе квартир немерено взамен старых, заложенных и перепроданных.

– Вот, – рассказывал знакомый, – человек рискнул и выиграл. А я зассал тогда – и вот все еще вожусь со своими ларьками (на самом деле это не очень ларьки, а такие вполне себе фирмочки). А у меня было даже больше ларьков, чем у N., на старте-то... Так что каждый из нас получил то, чего заслуживал.

Надо сказать, что через какое-то время у моего знакомого тоже скопилась астрономическая сумма не то что в пятьдесят, а даже и вовсе тыщ в сто. С ней он и уехал на Запад жить, понимая это все так, что до конца жизни хватит, – предоставив N. обустроить Россию. Но довольно часто мой знакомый появлялся в Москве, в своей старой квартире. Он в какой-то момент стал мотаться так часто, что с утра, особенно с похмелья, не сразу соображал, в какой стране проснулся.

И вот он придумал выглядывать в окно, чтоб определиться в пространстве. Если дело было в Москве, то перед его глазами горели здоровенные неоновые буквы: «РОССИЯ». А если не горели, то это был Запад, зарубеж. Все просто в этой жизни.

А потом жизнь пошла как-то так, что N. из простого миллионера сделался беглым миллиардером, которому снятся кошмары про экстрадицию. А мой знакомый вернулся на ПМЖ в Россию и неплохо себя здесь чувствует. Если он и теперь еще завидует олигархам, то далеко не всем, не всем, увы... Но у него появилась небольшая проблема – ну не краснокаменского уровня, а иного. Проблема такая: снесли гостиницу «РОССИЯ», ту самую, на крыше которой горели огненные буквы, видные из квартирных окон. И теперь мой знакомый, тупо глядя с похмелья или просто с перепою в окно, за которым темнота, иногда думает, что проснулся в другой стране. В какой-то другой стране...

А в остальном у него все в жизни хорошо.

Пенсии + проституция = счастье

15 февраля 2007 г., 16:39

Иногда ответы на злободневные вопросы, которые жизнь ставит перед каким-нибудь Зурабовым, лежат в неожиданной и удивительной плоскости. Там, где никто их и искать-то не додумается.

Один мой товарищ – не будем тут называть его имени, он достаточно известен в кругах творческой интеллигенции – на днях отдыхал по экономическому разряду. Деньги у него есть, но он решил предаться похвальной экономии и вообще выйти в народ наподобие Гаруна-аль-Рашида (внимание! Это не имя очередного ваххабита, а сказочный персонаж типа царя). Надо ж знать, как живут простые люди.

И вот он поехал в трущобы Отрадного, был у него один адресок, почерпнутый из молодежной газеты, – ничего дешевле в тот вечер на рынок не выставлялось. Ну попетлял он по улицам и переулкам, объезжая самовольные «ракушки» и гопников, кучкующихся по три, нашел дом, поднялся наверх в лифте, прихотливо декорированном свастиками и слоганами про хачей, позвонил в дверь... Которая сразу открылась, а за ней – голая девица в ажурных чулках с подвязками и все такое. Но это все ерунда. Товарища потрясла квартира! Таких публичных домов он еще не видел. Там были книжные шкафы со старыми огоньковскими собраниями сочинений, был академический Пушкин, такой голубенький, без второго тома (в котором про царя Никиту и его 40 дочерей), и на стене в тяжелой раме репродукция Брюллова – дама на

лошади; надо же. В одной из комнат был накрытый полотняной скатертью стол. Ну как-то так бедненько, но чистенько. В общем, настроение с самого начала создалось позитивное.

Ну, слово за слово, ближе к телу. К телам то есть, там еще из совмещенного санузла вышла вторая сотрудница заведения, ну и пошло-поехало, по заведенной схеме, рутина, ничего интересного. В перерыве клиенту предложили чаю; он пил его из тонкостенного стакана в старинном почерневшем серебряном подстаканнике и еще раз с удовлетворением обращал внимание на дизайн публичного дома. И в это время в прихожей робко тренькнул электрорзвонок. Товарищ мой встревожился. Вот ограбят его сейчас сутенеры и хорошо еще из окна не выкинут, погнался, идиот, за дешевизной! Хотя, уговаривал он себя, может, это другой клиент перепутал время...

Оказалось – ни то ни другое. Когда дверь открыли, в квартиру бочком зашли двое старичков, он и она. С лица они оба были как печеные яблоки. На нем старинное драповое пальто и диагональный коричневый костюм с засаленным воротником, на ней – зимнее пальто с лисой, застреленной при жизни Сталина, желтое вельветовое платье с черным узором и шляпка, в какой блистала еще Мэри Пикфорд.

Товарищ, приняв гостей за оригинальных извращенцев (которые от склероза перепутали время визита), задумался о том, что и он тоже, уйдя на пенсию, будет брать жену, идя к девкам, а чего дурака валять, к старости наступает лишенная иллюзий ясность (либо, конечно, маразм, как повезет). И опять он не угадал: старички были хозяевами квартиры! Они сдавали ее девицам на почасовой основе, пополняя свой семейный бюджет весьма и весьма существенно – за два часа они зарабатывали, конечно, меньше, чем Зурабов тратит на носки, но больше, чем тот же Зурабов им платит в месяц. И все довольны! Эти шлюхи были, в сущности, тимуровцами или тимуровками (если кто еще помнит книжку деда теперешнего Гайдара). Они совершали подвиги человеколюбия и так, и этак, откуда ни глянь.

Гость заторопился, все-таки неловко вышло. Но интеллигентные старички заволновались и наперебой стали извиняться, что вот так вломились, и просили мужчину продолжать отдых, а они будут сидеть на кухне тихо, как мышки.

Он все-таки уехал и в пути долго еще думал о симпатичных людях – причем каждый и каждая были симпатичны на свой манер, – с которыми его свела судьба в тот вечер. И радовался за людей, к которым пришла обеспеченная старость. Спасение утопающих – дело известных рук! Вот оно, живое творчество масс! Семейный подряд и хозрасчет в одном флаконе, и все такое в том же духе; это было модно 20 лет назад.

Но все-таки как-то немножко это криминально, конечно; эту территорию, где происходит встреча поколений и передача эстафеты (а поколений было три: девки годились ему в дочери, а дед с бабкой – вполне в родители), злые люди могли по ошибке принять за притон и это, того... Ст. 241 УК РФ «Организация или содержание притонов для занятий проституцией», до пяти лет. Оно, конечно, на всем готовом, и накормят, и спать уложат, – но как-то уж слишком радикально...

Так что же, как говорится, делать?

А выход тут простой и единственно верный: принять некий новый закон о пенсиях, во первых строках которого легализовать проституцию. Люди получают не только сытую старость, но еще и спать будут спокойно.

И это будет куда изящней и красивей, чем бездумная отмена накопительной части пенсии.

Уважайте трупы устриц

22 февраля 2007 г.

Выходя из дому в двадцатиградусный мороз, я с удовлетворением вспомнил одну свою поездку по солнечной Франции, в ходе которой я приблизительно на полдороге своего довольно длинного путешествия из Ниццы в Лурд забрался в деревню Saint Dalmas. Дело было, правда, летом, но местные краеведы мне очень завлекательно рассказывали о том, как у них в деревне в старину был организован зимний быт. А зима в тех краях выдается и выдавалась прежде не та, что на Лазурке, где приходится на прогулку выходить в пиджачке. Но настоящая, до минус 30 градусов. Как мы любим. И вот когда так ударял мороз, рассказывали мне местные краеведы, и кто-то из жителей умирал, то не было дураков копать покойнику могилу. Какой смысл долбить могилу в промерзлой земле, когда это удобнее сделать в ноль градусов?

«А что ж с телами делать?» – спросит простодушный российский читатель, воспитанный в советское время в том духе, что надо все бросить и идти преодолевать трудности, причем в самое неподходящее время. Если же трудностей нет, иди себе их создай, учила нас партия. К примеру, хочешь тебе выпить – а ты специально не пей. А чтоб и другим неповадно было, организуй какую-нибудь идиотскую антиалкогольную кампанию... Потом все брось и иди гони самогон. Ну и так далее.

О, если б мы могли соизмерять силы с задачей, если б могли грамотно расходовать силы! Мы б горы свернули! (Хотя мы и так столько всего свернули, что иной раз думаешь: лучше б сидели и тихо пили пиво.)

Так вот французские крестьяне, чтоб вы знали, воспитывались без участия КПСС. Но основы физики знали и понимали, что трупы при минус 30 прекрасно сохраняются сколько угодно долго. Потому их спокойно складировали в особом сарае и бережно там хранили. А ближе к весне погребали с соблюдением всех формальностей и скорбей. Вот он, прагматизм, вот здравый смысл, на фундаменте которого построена уютная западная цивилизация!

А у нас зимой пытаются жить, как будто кругом лето... Зачем, почему? Удастся ли это как-то переменить? Есть ли на это какая-то надежда? Думая об этом, я со вниманием осматривал встречных прохожих и отмечал, что каждый второй без шапки, а каждый третий в легкой курточке, в которой впору сидеть за выставленным на набережную Круазетт столиком кафе и медленно пить кальвадос... А не бежать по морозной Москве с отороженными яйцами, которые звенят, стучаясь друг о друга.

Наполеоновские солдаты бежали из зимней Москвы с чувством того, что свершается справедливость и делать им в России с ее повсеместными морозами нечего. Что у них во Франции экзотика, забава для туристов, мечтающих о снежном покрове, то у нас унылая бескрайняя реальность. Французы бежали от Кутузова не только как от великого полководца, но как от мудреца, который им объяснил, как надо жить и, главное, – где. И вообще кому.

И вот на таком морозном белоснежном московском фоне меня позвали на дегустацию устриц. Дело благородное, на дворе же пост, а устрица – они ни рыба, ни мясо, а как-то так. Но я под благовидным предлогом не пошел. Меня в Москве утомляет процесс употребления в пищу устриц! Половина из них обычно дохлые. А то две из трех. Вот этот процесс, когда открываешь их одну за другой и каждый раз слегка волнуешься – ну-ка, ну-ка! Нет – снова труп... Нет бы его отправить в деревню Saint Dalmas, в мертвецкую, до весны – так нам шлют. Народ у нас крепкий, не то переживали. И жрут у нас, в четырех часах полета от теплых морей, дохлых устриц по четыре евро за трупик за милую душу, даже в пафосных заведениях. Хороший бизнес, если вдуматься. Круговорот веществ в природе...

Сказать, чтоб люди кругом мерли, объевшись несвежими устрицами, – не скажу, это было б преувеличением. Всех отравленных откачивают. Некоторые даже к врачам не обращаются! А зачем? Ну полежал денек на диване, поблевал, продрисстался, а там встал и пошел себе дальше жить, работать и учиться. Банальное пищевое отравление. С одним таким человеком я после его чудесного выздоровления деликатно беседовал, пытаюсь не травмировать психику пострадавшего.

- И что, – спрашиваю, – они все были живые, и ты все равно отравился?
- Живые? Они что, должны быть живые?
- Гм...
- А как же узнать, как их отличить? Просто роман «Живые и мертвые»!
- Ну, они шевелились, когда ты лимон на них выдавливал?
- А что, надо? И они должны шевелиться?

И этот человек, который отравился дохлыми устрицами, смеялся над русским народом, который прошлым летом массово жрал ядовитые грибы! Зря смеялся, он такой же, как мы, он точно так же, как простой русский человек, создает себе трудности и после преодолевает их. Он просто больше за это платит. Устрицы с шабли несколько дороже водки с солеными грибами...

Я знаю, где будет новая столица

1 марта 2007 г., 18:02

Вот настала весна, и опять пора браться за старое: пешие прогулки по Москве. Хотя, конечно, на самом деле это вторая весна, первая была у нас не далее как в декабре с его +10 в тени.

За зиму кое-что забылось, и теперь это приходится освежать в памяти. К примеру, что пройти Бульварное кольцо, то есть не совсем кольцо, но подкову, которая снизу замкнута набережными, можно ровным шагом за 2 часа 10 минут. Хотя, конечно, на самом деле это не самый лучший маршрут – наши набережные в отличие от каких-нибудь парижских весьма скучны да к тому же отравлены выхлопными газами. Если уж идти, так снова по Садовому, на что потребуется 3 часа 5 минут. Вот такова была совсем недавно окружность Москвы – идеальный размер, город насквозь можно пройти за час! Я много раз пробовал. Люди перестали б толпиться в метро, и давиться в трамваях, и ненавидеть весь мир в пробках, а просто прогуливались бы лениво, если вдруг какая надобность. По сути, Москва могла стать... могла остаться идеальным городом.

Но нет! Настало время, и алчные москвичи коварно захватили соседние деревни и снесли их под корень, заменив индивидуальные деревянные постройки хрущевками, которые теперь, в свою очередь, тоже сносятся, – круговорот веществ в природе.

Не хватает у нас интеллектуального порыва наконец оставить в покое многострадальные Питер с Москвой, города-музеи, которые кроятся и перекраиваются по образцу тришкиного кафтана, и построить наконец нормальную современную столицу. Как это сделали бразильцы, которые давно уже построили себе Бразилиа-Сити посреди бывшей пустой степи. Было где развернуться архитекторам-экспериментаторам. При том что проще было снести колониальные старинные кварталы Рио-де-Жанейро и наставить там ебатурин, как у нас. При том что у нас денег навалом в стабфонде! Строй себе обстройся!

Нет, все руки не доходят...

Это все оттого, что у decision maker'ов ноги до Москвы не доходят. Они не знают, как живет город! Что, к примеру, светофоры у нас настроены на удивительный ритм. Вот горит зеленый, вот он замигал, вроде переходит себе улицу! Нет – вот сразу красный, бери не хочу, и помчали жестяные кони. Прохожие толпятся на островке по-сиротски...

Одна радость пешеходу – идти по городу ранним воскресным утром, когда народ спит. Город в эти часы свеж и чист, спокоен, красив и даже, кажется, психически здоров. Таким его хочется запомнить и нести светлый образ в своем сердце.

Для людей, желающих мести и кровожадности, нет ничего лучше, как идти по центру, по тому же самому Садовому, в час пик. Пешеход движется в такой ситуации быстрее транспортного потока. Идешь и обгоняешь замечательные дорогие автомобили. Мне даже неловко в

такой ситуации, это как-то нечестно. Хотя, с другой стороны, кто им мешает бросить машины и ударить пешим пробегом по пробкам?

Итак, проехать по городу практически нельзя, ходить тоже, скажу вам, опасно – ведь пешеходные зебры у нас условные, они только для любителей экстрима. Полгорода превращено в строительные площадки и котлованы. Улицы одна за другой проваливаются куда-то в таргары. Тут и там достраиваются небоскребы, куда очень скоро въедут новые жильцы, которые на своих машинах будут пытаться выбраться из подземных гаражей на дороги, чтоб там занять свое место в пробках... Теплотрассы полопаются от перепадов давления, лифты остановятся от веерных отключений. И т. д. Конечно, другого варианта, кроме как строительство нового города, – нет. И эту мысль подтверждает Лужков. Он лихорадочно пытается выжать последние соки из измученного города, в котором снесено, и перестроено, и поднято на сказочную – в ценовом измерении – высоту все, что можно. Ну а что вы хотите, у человека последний срок. Кому нужна будет старая музейная Москва, после того как космическими темпами пойдет строительство новой столицы?

Место, кстати, уже выбрано. Не все про него знают. Не многим известны имена счастливыхчиков, которые станут миллиардерами почище Батуриной, – тех, кто скупил пустыри по 15 копеек за сотку и ждет своего часа, чтоб распродавать их желающим по 100 000 долларов. Вы пока можете только фантазировать по поводу координат этого поля чудес, тыкать пальцем в карту страны. Урал? Далековато. Сочи? Ну как-то слишком. Звенигород? Нет смысла, сольется с Москвой очень быстро. Находка? Слишком креативно. О! Бологое! Ни туда ни сюда, а до обеих столиц рукой подать!

Не гадайте. Все зря. Я вам не скажу. Я б, правда, поделился, но просто меня очень просили этого не делать.

Узнаете в свое время! И не надо завидовать. Вы будете туда к нам приезжать, в наш уютный современный город. Да и вам лучше: как тихо и легко вам будет жить в опустевшей Москве. В ней всегда будет стоять как бы раннее воскресное утро.

Разве это не счастье?

Чисто моральное убийство

9 марта 2007 г., 10:45

«Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете». Точка ру. Это ровно про меня. Насчет не спать – почти буквально, Jet lag за три дня, которые я провел в Нью-Йорке, далеко не у всех преодолевается, а то, что по Манхэттену я перемещался в основном пешком, тоже правда. И вот буквально вчера по пути из столицы мира в столицу РФ я в аэропорту Кеннеди залез в Интернет и узнал новость: оказывается, я собирался лететь из дешевого города в дорогой. Если б я был коренной москвич (или б находился на иждивении у дочки миллионера), я б, может, этим гордился, а так – нет. Наконец-то посчитали и признались! Меня взволновала и даже возмутила эта разница в ценах. Подтверждений тому куча, кстати. Я ехал в тот же аэропорт на такси, которое что туда, что обратно стоит жестко 45 долларов. Попробуйте добраться от Второго Шереметьева до центра Москвы так, чтоб с вас слупили меньше. А два дня назад я проехал по Манхэттену за четыре доллара, заплатив строго по счетчику. Два пятьдесят минимальная плата, ну и полтора доллара набило за 10 кварталов. При том что у нас в такси 300 рублей просто так берут, для знакомства. Почему так? Может кто-то объяснить? При том что на нашу, русскую, среднюю зарплату средний американец может, ни в чем себе не отказывая, спокойно жить пару-тройку дней...

... Вот странно, что в праздничный и светлый, казалось бы, день 8 Марта с раннего утра так и полезли в голову мысли о деньгах. И никого из читателей это не удивило. Мне, конечно, повезло, что подарками я затарился в дешевом городе, а вручать их полетел в дорогой, вот ведь

удача. Тем более что, к счастью, в Нью-Йорке никто про праздник 8 Марта не слышал – ни тебе ажиотажа, ни очередей, всем на это плевать, за что американцам отдельное спасибо.

Женщины на самом деле сильно связаны с деньгами, я здесь остаюсь в рамках приличий и имею в виду исключительно чистые бескорыстные отношения: один мой знакомый придумал теорию, по которой в голубизну уходят из желания убежать от ответственности за другого человека. Если ты замкнут на женский пол, так тут кругом траты: на дискотеку ли и рестораны, на проституток или, как у нас, приличных людей, на содержание семьи с детьми. А с мальчиками – познакомился, полюбил-полюбил и разбежался, привет. Кругом экономия. Теория остроумная, да, но это не мешает мне сейчас вернуться к абсолютно бескорыстным отношениям полов. Которые тем не менее, так или иначе, требуют определенных расходов. В смутные годы, когда чекисты сидели тихо и стеснялись своего ремесла, говорили, что в контору попали чисто случайно и давно уже завязали (трудно сейчас поверить, что такое было возможно!), один мой товарищ ухаживал за девушкой. Дело так вроде простое, но была проблема: она жила в Москве, а он-то в Париже. С такого расстояния представлялось затруднительным подкидывать дрова в костер любви. А тут как раз 8 Марта. Товарищ был в курсе, что русские без ума от этого праздника, придуманного какой-то левой немкой. И вот он мне звонит с просьбой вручить ей такие цветы, чтоб они ее морально убили. Я расстарался и поехал к ней с объемистым букетом тяжелых аристократических роз каждая длиной 1 метр 30 сантиметров. Кто помнит те времена, когда в праздники на углу Горького и Маркса бабушки торговали с рук шпротами и шампанским, тот поймет, какие мной были предприняты усилия.

И вот я прибыл. Когда она открыла дверь и я увидел ее глаза, в которых возникла вдруг мука оттого, что это не он стоит тут с этой красотой, а всего лишь я, стало ясно, что убийство (моральное) совершено. А где же обычный легкий цинизм, где шуточки, хиханьки и хаханьки? У нее в глазах стояли сверкающие слезы. Она с минуту стояла как дура.

– Но ведь в Москве не бывает таких цветов... – прошептала она наконец.

Она первая начала, я не хотел! Так что мне уже ничего не оставалось, как сказать, что я только что из Второго Шереметьева, я встречал там переданные самолетом эти иностранные розы, а после мчался с ними по дороге смерти (такое название раньше было у МКАД). Она только молча качала головой. В общем, все было решено в тот момент.

У них уже довольно большой мальчик. Любит меня со страшной силой. Чувствует, наверно, какую услугу оказал ему дядя Игорь.

А она, кстати, до сих пор не в курсе. Да и зачем ей? Вы еще от меня потребуйте, чтоб ее сыну я все объяснил насчет Санта-Клауса... Что касается меня, то я тогда, да, наврал. Но я в тот момент был не репортер, а частное лицо, и имел полное право. Любовь – это же не журналистика, а война. А, как известно, а la guerre comme a la guerre.

Ленин-Большой-Калужский, как вас теперь называть?

15 марта 2007 г., 18:35

Только пошел разговор про новые переименования – и как-то заглох. Это нехорошо. Нельзя останавливаться на полдороге. Как это сделано, например, с бедным бывшим Новокировским проспектом, половину которого называли Академиком Сахаровым, а вторую половину Машей Порываевой. Где Маша, там солидные учреждения вешают на дом лживую надпись «ул. Каланчевская», которая на самом деле за углом и располагается строго перпендикулярно. Причем озадачивает то, что улица Сахарова-Порываевой очень короткая, на ней столько всего понатыкано. А что может случиться с длинной улицей?

Идею с переименованиями никак нельзя бросать. Но с чего начать?

Может быть, с упразднения двойных названий? Мне очень нравится, что у нас есть две станции «Арбатская» и две «Смоленские». Причем одна пара располагается на синей линии

метро, а другая – на голубой. «Встретимся на «Арбатской»...» Какой именно? Надо долго объяснять... Ивану Сусанину было б где развернуться, подвернись ему тут коварные поляки...

Порешав вопросы с двойными названиями, переходим к следующему пункту: это наколки. Типа Рязанский переулоч хорошо бы от метро «Комсомольская» перебросить поближе к Рязанскому проспекту. А улицу Большая Спасская – к Спасской, к примеру, башне.

Что-то надо делать с Комсомольской площадью и одноименным проспектом, которые раскинулись в разных концах города. Может, их надо приблизить друг к другу, чтоб наивный путешественник не терялся на улицах столицы? Или, допустим, переименовать хором. Что такое комсомол, зачем он, почему его посмертно увековечивают, будто это Кадыров? Улица, имени которого тоже, кстати, благополучно образовалась в Москве вопреки федеральному закону.

Что у нас там дальше в повестке дня? Названия, основанные на кличках. К примеру, Ленинский и Ленинградский проспекты. Тут легко себе представить улицу Кобы например. А то и вовсе Усатого. Или, не к ночи будь сказано, площадь Лужка. А также авеню Елкина. Бульвар Горбача. Или улицу Брежнева переименовать в Ильича... не, Ильича уже есть площадь, то есть эта кличка занята. А Брежнев увековечен ли? Это можно сделать так: Ленинградский, который славится своими беспримерными пробками, переименовать в проспект Застоя. Или, оставив Ленинский проспект, тот же самый Ленинградский переименовать в проспект Старика – была же у Ульянова и такая кличка. Или писать: Ленинский, он же Ульянова, он же Старика, он же рабочего Иванова проспект, и фотки анфас и профиль. Разыскивается... Как найти площадь Ильича? Надо длину Ильича помножить на ширину Ильича...

Нет, Ленинский проспект нельзя переименовать в Ульянова при всем желании. Потому что тогда будет допущена непростительная несправедливость – это ж всегда, то есть до исторического материализма, была Большая Калужская. О которой косвенно, молчаливо напоминает близлежащая Малая Калужская.

А еще хорошо бы придумать какие-то клички для станций «ВДНХ» и «Библиотека им. Ленина». Нету уж Выставки всесоюзной, и Союза нету, и достижения позабылись и поблекли.

Кстати, «Ленина» – это что такое? Что за Лена такая? Если уж на то пошло, то почему тогда не Елена? Хотя, может, эта таинственная Лена – какая-то подруга Маши (Порывавой), в девичестве Новокировской, она же Сахарова?

Не обзывают художника гением

23 марта 2007 г., 15:44

Конечно, вы думаете, что шлепать по клавишам – легкая безобидная забава. Писатель, типа, пописывает, а читатель как бы почитывает. Ваша наивность меня умиляет. Как слово наше отзовется, поди еще угадай.

Вот, пожалуйста, вам такая история. Десять – нет, уже одиннадцать лет назад я поспорил с крупным художником узбекского происхождения. И стоял на пороге серьезных проблем. Влияние моего знакомого в некоторых кругах было куда значительней, чем его на тот момент слава в кругах, скупающих искусство. Более того, он ведь мог закинуть насчет меня послание в вечность, как это у них водится! И там бы про меня знали, что большие художники – против меня. А больше не знали бы ничего.

И в чем же была причина нашей ссоры? Может быть, я написал, что он не умеет рисовать? Или что он бездарен? Ворует идеи? Торгует обоями, выдавая их за произведения искусства? Тиражирует коммерческие сладкие картинки, которые разлетаются в западных галереях как пирожки, с триединством «конь – баба – цветы»? Я перечислил волнующие меня темы, и вы сразу догадались, что я весь погружен в современное искусство и оно мне не чужое. Насмотрелся я на разные поделки. Сперва сам – по наитию, по случаю, – а после нашел себе экс-

перта по этому делу. Вернее, он сам нашелся. Мой товарищ и собутыльник Игорь Метелицын, одесский поэт из Америки, уехавший туда по израильской визе в момент падения Берлинской стены, сменил масть. Внезапно. Вот только что мы сидели пили водку и он рассказывал мне про то, как строил Зейскую ГЭС на вечной мерзлоте и сочинял там у костра песни про таежную романтику, а также излагал сухую статистику технических нокаутов на Дерibasовской и Брайтон-бич (он боксер)... И вдруг через три дня мы пьем пиво, и он роняет фразу: «Я, как профессиональный арт-дилер...» Я заволновался, что-то похожее раньше уже бывало с моими собутыльниками, мы теряли таких людей! Но Игорь натурально достал из портфеля какие-то альбомы, пачку с акварелями и два сантиметра соток, перетянутых резинкой: мы пропивали в тот момент не что иное, как выручку с проданных картин. Я понял, что разговор пошел предметный. Позавтракав, он из Измайлова поехал вселяться в «Метрополь», ему стало по рангу. Человек поднялся. Я помог ему перевезти туда на трамвае чемодан. Ехали молча от торжественности момента.

И вот с тех пор сколько-то лет мы ведем дискуссии с Метелицыным не о различиях между Пастернаком и Мандельштамом (сколько раз он влезал в кулачные бои на почве тонкостей поэтики – к счастью, не со мной!), но про буржуазное искусство. Когда он хвалил какого-то хорошо продающегося автора, я осведомлялся:

– А может он нарисовать похоже?

У нас на шахте Бажанова это считалось серьезным аргументом. Метелицын смеялся и уверял меня, что хорошо рисовать – это вчерашний день. Мне стало ясно, что, живи Микеланджело в наши дни, ему, чтоб свести концы с концами, пришлось бы подрабатывать на дизайне пивных этикеток... Все эти бесконечные сладкие лошадки и цветочки – из наших дебатов. Типа, люди, видя такие умильные картинки, быстрее достают бумажник. Тема фотообоев – тоже из наших споров... Впервые я увидел их, кажется, на «полотнах» Джаспера Джонса, и дальше пошло-поехало.

– Хороший колер, – бормотал я со знанием дела, как человек, недавно переживший ремонт. – Интересно, они моющиеся?

Метелицын в ответ попрекал меня провинциальностью, будучи сам хоть не из Жмеринки, но все же из Одессы.

Хамдамов не из этой оперы. Он один из очень немногих живых художников, таких, может, три или четыре, которые способны вызвать во мне трепет, который один только и является, по мне, признаком настоящего искусства – а не хорошо продающиеся девки с кобылами. Я сам нашел его и с ним познакомился, и Метелицына познакомил, и сваял в журнал масштабное бумажное полотно про классика, в котором, чтоб долго не объяснять, объявил его классиком.

Тут-то наши дороги разошлись. Я же вроде похвалил. Может, он обиделся за Леонардо и Веласкеса? Поди их знай, художников... Тонкие натуры.

Мы, значит, не виделись с классиком много лет, а Метелицын, напротив, с ним активно работал. И так синхронно они поднялись и перескочили на какой-то верхний уровень. То ли дилер такой удачливый, то ли у художника случайно начался расцвет? Какая разница. И вот Метелицын позвал меня в музей. На открытие выставки. Я почесал репу.

– Рустама не будет, – успокоил меня дилер. – Ты же знаешь, он не любит суеты и никуда не ходит.

Я сдался. Я пришел, и ходил, и смотрел. Людей было полно, от Церетели и знакомых генералов КГБ до старого Кончаловского и поэта Иргеньева. И картины тоже были. Я настолько вошел в образ знатока искусств, что даже ввязался в дискуссию с самим Юрием Любимовым, который стоял как раз у любимых мной картин.

– Хорошие царевны, – сказал я ему.

– Это ангелы.

– Да нет же, это из его серии «Царевны»!

– Но у них крылья.

– Гм. Мне просто ближе ранний Хамдамов... Когда он был воздушней...

– А мне весь нравится. Он для нашего театра работал. У него такая линия!

Линия? Надо запомнить, так, может, кстати будет где ляпнуть.

Я стал оглядываться: с кем бы поделиться? И тут ко мне подходит один лауреат премии «Триумф» и, указывая на одну из картин – не Хамдамова, – со смехом рассказал:

– Вот смотри, песочка серебряного подсыпали! Додумались...

Картина точно сверкала от серебра; гламурненько, как говорится. Добротный товар. Лауреат меж тем продолжал:

– Нет, идем со мной! Я покажу тебе настоящее искусство! – И потащил меня в соседний зал. – Раньше умели рисовать... Вот посмотри на этого великолепного Кончаловского! – сказал он, подведя меня к полотну Машкова. Там была голая дама – спасибо, что без коня и цветочков.

На выходе я столкнулся с... Хамдамовым. На его стороне была внезапность, но я надеялся продержаться хоть пару раундов. Однако маэстро улыбнулся и сказал:

– Смотрите же, больше не пишите про меня плохого!

Только очень требовательный художник может обидеться, когда его называют гением.

– Да никогда в жизни! Это было первый и последний раз... Всякий, кто назовет вас, Рустам, гением, будет иметь дело со мной.

Исаич про революцию

29 марта 2007 г.

Мои товарищи из «Российской газеты» прислали мне изданную ими брошюрку Исаича (это с уважением) «Размышления над Февральской революцией». Вот, через газету, объявляю им за это благодарность. Как говорил низвергнутый классик про креатив другого забытого классика, очень своевременная книга.

Я ее зачел, конечно. Сперва листал так, ностальгически больше, со стариковскими практически вздохами, вспоминая, как торопливо жег страницы «Архипелага» и таки успел, и в итоге при обыске у меня нашли совсем уж какие-то «детские» книги: смешно сказать, Бердяева и даже более того – Шестова, за какие возиться со мной и смысла не было. И теперь, пожалуйста, правительственная (!) газета вон что исполняет!

А дальше я стал въезжать в смысл. Солженицын весьма убедительно показал, что во всенародном порыве русские во главе с элитой развалили великую страну и отдали ее на поругание пьяным матросам с их «балтийским блевом» (из Бродского, что ли, цитата? Не помню точно), жадным до чужой, то бишь помещичьей, земли крестьянам, бандитам, которым лишь бы повеселиться на свежем воздухе, – а что, заманчиво: тут и экстрим, и пейнтбол, и барбекю. Дедушка Солж на все лады подсовывает нам мысль о том, что *та* элита была тупой, и бестолковой, и безответственной, и болтливой. А возьми они да отправь пару батальонов да хоть тех же юнкеров, и безоружные запасные полки, которые взбаламутили Питер, а за ним и всю страну – дезертиры разбежались бы в страхе. И публика спокойно б дожидалась проведения разных там реформ типа энергетической и земельной, которых мы все ждем. В отличие от Грозного, набитого оружием и ваххабитскими деньгами, Питер тогда таки можно было взять силами двух десантных батальонов, как мечтал военный гений Грачев.

С преемственностью и с отречением в пользу кого-то – знакомые темки, щекочущие такие, а? – дедушка русской контрреволюции тоже разбирается досконально. Типа, Николай никак не мог отказаться от трона за своего сына, где ж это видна такая забота о законных правах несовершеннолетнего? С великими князьями тоже чехарда получилась. И глава нации бросил Ставку, а с ней и страну, и долг, и помчался в столицу спасать Семью (хотя, может, тут заглавную букву я от себя ернически добавил?), и, значит, хрен с ней, со страной, Семью б

спасти... (Не к ночи будь сказано.) А может, надо было власть не отдавать никому, и послать оппонентов подальше, и загнать всех железной рукой к счастью? Веселый все же парень Солженицын – такие смелые шуточки выдает, что современность изо всех дыр лезет. Раньше с ним мог тягаться Жванецкий, который теперь сосредоточился на шутках вокруг жен второго поколения, появившихся у олигархов.

Иными словами, если я правильно понял Исаича, надо сперва навести порядок, а после уж решать, какие права давать широкой публике, и в каком порядке, и какими порциями. А пока, значит, надо жесткой рукой и т. д., потому что все иное приведет нас к нехорошим результатам. И вот он ожидает от теперешней элиты, что она осмыслит уроки того февраля и возьмется за ум.

Я всегда любил Солженицына и считал его титаном мысли, и сейчас он чем не пророк. А пророк и должен жечь (глаголом), раз он серьезный аффтар. Но он же не наставник молодежи, чтоб отвечать за юных хулиганов, которым лишь бы делать гадости учителям и орать, что надоело делать уроки. Не вина Исаича, что эти уроки никто делать не собирается. «Никто» – это я про интеллектуальную элиту, которая у нас часто простодушна как крестьянская девушка. Она ведется на всякую ерунду и верит, что молодые люди ходят на танцы затем, чтоб найти себе невесту и сочетаться с ней законным браком, а не просто отдохнуть по пьянке субботним вечером, спустить пар.

«А что у нас с выборами, почему ж их практически нет уже?» – восклицают яйцелоговые. Выборы, шмыборы – кому они, на три буквы, сдались, кто ходит-то на них? Кроме пенсионеров и политтехнологов, и губернаторов и бизнесменов, которые знают, куда и кому занести бабки, чтоб правильно посчитали? Я вам это говорю с таким цинизмом и так грубо оттого, что имею моральное право, как старый диссидент, как «защитник демократии» в 91-м, и прочее в таком же духе. Лично я последний раз был – после долгого перерыва – на выборах в декабре 2003 года. И то, сказать по правде, больше оттого, что среди людей, которые пытались провести в парламент старый СПС, были мои товарищи. На втором и третьем местах были такие причины, как мои правые взгляды и наличие в СПС такого удачливого менеджера, как Чубайс. Я пошел тогда на те выборы не потому, что верил в силу своего голоса, в то, что он ручейком вольется в реку народного волеизъявления, – я ж не гимназистка, чтоб рассказывать вам тут про прекрасноту. Пошел, чтоб сделать приятное товарищам, поддержать их морально. В победу я верил, но не в прямом смысле, а в том, что люди, которые считают голоса, разрешат СПС *взять* пять с хвостиком процентов голосов, чтоб пройти в парламент. И «Яблоку», думал, позволят то же самое. Подрисуют. Пусть себе будут в Думе...

Но ни тем ни другим не позволили. Это было жесткое решение, но понять механизм его принятия можно. Правые не смогли договориться даже между собой! Зачем тогда они людям и вовсе чужим? «Яблоку» сорвало тогда коалицию, а его поклонники и сегодня верят в какие-то оправдания. О, сколько сейчас перед моим мысленным взором прошло записных шестидесятников, семи- и восьмидесятников, которые считали, а может, и сейчас считают, Явлинского гуру правого дела! У них у всех пафосное выражение глаз, какое бывает у людей, которые сперва думают, корректно ли смеяться над шуткой, и только потом смеются. Или не смеются. Они всегда заглядывают в ответ в конце задачника, всегда знаешь наперед, кого они похвалят, кого поругают. Это скучно, господа. Не исключая: если б решение о допуске в Думу принимал я, Явлинского б не пустил, набери он не то что пять процентов, а все пять и одну десятую тогда...

Сегодня опять можно услышать разговоры о свободном волеизъявлении народа. Особенно они развлекли меня, когда Первый канал огласил итоги опроса населения, где выяснилось, что Дима Билан входит в пятерку самых популярных мужчин страны. Этот парень на выборах 2012 года сможет реально стать президентом. Seriously.

Если такова воля народа, то я порадуюсь отмене всех и всяческих выборов. Уж лучше пусть г-н Билан поет свои песенки, от которых, говорят, пэтэушницы кончают.

Мы еще уроки декабря (2003) не выучили, куда ж нам за февраль (1917) хвататься. Спасибо, конечно, Александр Исаевич, что вы нам льстите и подсовываете чтиво для отличников. Но мы-то отстающие. Надо смириться с тем, что мы двоечники. Когда-то, может, возьмемся за ум.

Но пока можно как-то скромней. Что, мало мы людей смешили?

Дембельский аккорд

5 апреля 2007 г.

Конечно, интересно, чем там все кончится и что в теперешней ситуации делать России.

Все про это пишут, и говорят, и орут, и ненавидят противников и оппонентов. Такое вовлечение, что литературно это очень красиво, люди себя проявляют ярко, как на сцене. Это деление на два непримиримых лагеря... Я как человек, имеющий на ситуацию объективный взгляд, чувствую себя в одиночестве. Даже поговорить не с кем. Есть, конечно, люди, которыми это все вообще по барабану, но вы понимаете, о чем я.

Объективность моя оттого, что я, чистый украинец, но с русским паспортом, съехал с исторической родины, еще когда она была в рамках СССР; трезубец и жовто-блакитный прапор случились в то время, когда я – опа! – внезапно оказался в эмиграции. Ну и потом, сам я с Донбасса, а там украинский язык никогда не был особо в ходу. Сам же я, сразу скажу, украинским владею и к Украине очень тепло отношусь, а к Киеву так особенно.

Я редко – на эту тему – приближаюсь к потере самообладания. Вот разве такой случай был, правда, в прошлую еще кампанию. Сидим мы в гостях, выпиваем, и тут выступил один гость – то ли еще журналист, то ли уже общественный деятель; масть его непросто определить. И вот он наехал на украинских патриотов – тех, что в Киеве; типа, они, мягко говоря, ненастоящие и тому подобное. Он при этом на меня покосился, опасаясь, что получит в глаз.

Я его, однако, всего лишь пожурил, упрекнув в бестолковости. И улыбнулся, вспомнив, как в прошлый раз он лез получить по башке, наезжая на одного нашего знакомого русского патриота, плюя в тот раз на великорусские ценности. Перед началом несостоявшейся драки он спросил оппонента: «Ну и что, будешь меня, такого маленького и хлипкого, бить? Это удовольствие продлится секунд пять, ты им не насладишься».

Но этот забияка, однако ж, многим людям засирает мозги. Я пытался его уговорить уменьшить количество компонентов в его гремучем коктейле, он отказывается. А по мне, так это уже не политика, а комическое шоу, когда в одном человеке соединяются такие составляющие: русский патриот, поклонник КГБ – ФСБ, еврей, сильно пьющий человек. Ну хоть что-то одно выкинуть! Тогда б еще можно было серьезно говорить... В дискуссии важно, чтоб позиции оппонентов не были заведомо уязвимыми, какими они часто бывают в дебатах на русско-украинскую тему. Я сейчас не об этом. Бывает, что человек излагает, излагает доводы – а его давно уже не слушают, и только злятся, и думают о переходе к драке.

Дальше я коротенько, тезисами, беспорядочно, в порядке поступления мыслей в мозг, о самом удивительном, о том, что украинская сторона берет в расчет, а русская – нет.

Один из моих престарелых родственников, ныне покойный, он русский, породнился с нами, рассказывал, как после фронта (был рядовым и дошел до Праги) дослуживал на Западной Украине. Из автоматчиков его там переквалифицировали в огнеметчики. Там, значит, как найдут в лесу убитого красноармейца, так вычисляют на карте ближайшее село – и сжигают его. Ну не звери все-таки, окна-двери никто не заколачивал. Бегите, спасайтесь, почему нет...

Видный деятель кино и ТВ, очень симпатичный человек, Роднянский, рассказывал мне, причем не по секрету, это было интервью, которое вышло в журнале «Медведь»:

В России не любят вспоминать про «замечательные» указы Победоносцева о запрете, например, театральных постановок на украинском языке. Я поступил в институт (Киевский, театрального искусства) в 1978 году, и нас, начиная с первого курса, каждый раз предупреждали: все, кто придет в памятник Тарасу Шевченко 9 марта (день рождения поэта), будут отчислены. И людей за это реально исключали! Такое не забывается. Можно много говорить о гонениях, о том, что Россия никогда не признавала за украинцами права на национальную идентичность...

Нормально? Красиво? Роднянский тоже, думаю, объективен – как русский медиамагнат с украинским паспортом и еврейской кровью.

Еще дам вам пространную цитату из моей старой книжки про Америку, где я среди прочих расспрашивал о жизни украинцев – ветеранов СС, которые после войны спрятались от советского правосудия за океаном. И кто-то из них рассказал мне такую историю:

Один парень с Западной Украины пошел в 1941 году добровольцем на войну. Но не на привычную нам сторону фронта, а на ту, которая была занята немцами. В немецкую он пошел армию, в украинскую дивизию СС «Галичина». А после войны домой, к жене, по понятным причинам возвращаться не стал. Потерялись они в той жизни. И вот поехал он в Америку и стал в ней жить. После 1991 года жена нашлась! Она была жива и свободна! Ветеран забрал свою старушку в Америку. Она в ней заскучала и увезла мужа на Украину. Теперь они живут-поживают на родине на американскую пенсию, которая там – сказочное богатство. Помогают и родне, которая воевала на советской стороне фронта.

Я себе представляю, как это все может происходить.

Встречается этот возвращенец с ветеранами Красной армии. Они его обзывают предателем. Он искренне удивляется:

– Кто, я? Вы меня с кем-то путаете. Я проливал кровь под желто-голубым знаменем, на форме у меня был трезубец – заметьте, это теперь государственная символика моей родины. Я с оружием в руках боролся за независимость Украины, я освобождал ее от коммунистов и москалей – и вот она свободна. Поскольку я воевал за правое дело, старость моя достойно обеспечена, я состоятельный человек. Ну а вы-то за что воевали? Где то знамя, и та армия, и те идеалы? Где те коммунисты, которым вы продались и под гнетом которых стонала порабощенная Батькивщина? Так вы обижаетесь, что у вас пенсия нищенская и ее задерживают? Странно... Я думал, вы радуетесь, что вас не повесили, как военных преступников, вас даже не посадили в лагерь... Ну да ладно, угощу вас, по вашей-то бедности... Что, Германия плоха? Разве? Ее уважают в мировом сообществе. Фашисты плохи? Так их упразднили в сорок пятом и осудили в Нюрнберге. А что ваши коммунисты?..

Наверное, наши бедные ветераны ему что-то отвечают...

Донбасс, главная опора Януковича, – это не Украина. Тихо, тихо! Вот не надо сразу орать и делать бешеные глаза! Это, если говорить об исторической справедливости, территория Войска Донского. Это отчетливо видно на картах, по которым воевали в Гражданскую. Там были сплошь станицы, господа... О чем красные не оставили никакой памяти. Прошло, как вы помните, рассказывание. То есть казаков убивали, а семьи их, кто выжил, ссылали на смерть и ассимиляцию. По мне, так это очень и очень грустно. Украиной – точнее, советской Украиной – эту территорию назвали позже... Чья это земля, зачем, почему? Чьей она станет снова? Кто и на кого будет брызгать слюной после? Останутся ли потомкам хоть старые какие-то карты, чтоб напомнить о старине?

Ну про это все можно долго... Если совсем коротко, то отношения двух братских (или это я загнул? Слишком нагло звучит? Цинично? Неполиткорректно?) стран если и обсуждать, то только хладнокровно. Чуть малейшая эмоция – и все. Драку заказывали?

PS

Я долго думал, какой простой образ лучше подходит для описания отношений России и Украины.

И вот придумал.

Мне кажется – могу ошибаться, – что большинство русских видят свою страну дембелем, а Украину – бойцом предыдущего призыва, деревенским таким простодушным парнем. (Типа, русская государственность старше украинской.) И вот «дед» начинает так свысока на молодого вроде по-хорошему, но наезжать. Старослужащий вроде в своем праве – что ж ему, на равных с салагой? Знаете, я в армии не служил, отбыл только месяц на офицерских сборах, но заметок про то, как молодые бойцы стреляют в «деда» из «калашников» и после бегут с автоматом, и их ловит спецназ – начитался...

Америка стреляет по своим

20 апреля 2007 г.

Кого-то утнет в кровожадность, он будет злорадствовать – ага, так им и надо, в Ираке военные бьют чужих, страна стреляет в кого хочет, и частные лица тоже взяли на вооружение (пардон за каламбур) эту же простую идею. Типа, если тебе кто не нравится, если он морально подкачал (на твой взгляд), застрели его. Тем более если оружие вот оно, под рукой, оно и дешево, и доступно любому пациенту психушки – ну может, не буквально любому, но стрелок-кореец ведь там попарился пару дней.

Но все не так, наверно, примитивно.

Америка как свободная страна построена на свободном доступе к оружию. Я сам много с мистическим ужасом от близости к великому, к могучим идеям их тех, что могут выплавить великую нацию, думал и писал про отважных ребят, которые с ружьями в руках били дикарей и захватывали земли, чтоб на них после поселиться и сделать их цветущими садами и Манхэттеном, и передать после праправнукам в наилучшем виде.

Я думаю об этом так эмоционально еще и потому что мы работали по той же схеме, но недожали. Знаете, это тем более обидно, что вроде все шло хорошо, но вот бросили на полдороге. Наш Ермак Тимофеевич тоже напал на наших евразийских индейцев, смотри известную картину, и тоже у них отнял земли. Но! Никакого подобия Манхэттена на прежних диких территориях пока что нет. Да и после жирные куски захваченного потомки Ермака отдали обратно туземным племенам. Представьте себе Соединенные Штаты, которые возвращают Аризону и Канзас индейским племенам, а те принимают теснить белых обратно в Англию, выгоняя их пинками: понаехали тут. Однако же это случилось у нас многократно! Кстати, и Ермака Тимофеевича зарезали туземцы на территории сегодняшнего Казахстана, остановив его бурную деятельность по приращению земель.

Но оружие у нас долго еще ходило свободно. Не только юнкера им стрелялись от несчастной любви к курсисткам и гризеткам. В революцию оно сгодилось, и в Гражданскую тоже. Немножко и свободные земледельцы поработали обрезами, моча грабителей-продотрядовцев. А после за найденный ствол стали расстреливать или хотя бы сажать.

И сразу все переменялось. Приличные люди остались безоружными. Тут тебе сразу и аресты, и погромы, и бандитизм... Представьте себе сегодняшний Израиль, в котором у резервистов было бы отнято хранящееся на дому оружие. Получилась бы наша Чечня начала 90-х, в которой автоматы были только у одной стороны – боевиков. Что делали с русскими, НТВ тогда

не показывало, чтоб не портить имидж «благородных бородатых партизан» под руководством Басаева.

Наверно, злорадство по поводу американской трагедии не удастся по множеству причин. И одна из них та, что в эти же самые дни у нас идут публикации про маньяков, которые убивают детей.

Без всякого причем оружия! Самые страшные злодеяния, заметьте, творятся без помощи автоматических пистолетов...

Здесь я не только про детей, но и про те 40–50 тысяч человек, которых Россия хоронит по итогам случившихся в стране ДТП. На советско-афганской войне за все годы потери (с нашей стороны, чужих мы не считали) были раза в четыре меньше. Тут кстати или некстати я вспомнил про turtles, черепашек, – так в Штатах называют мини-надолбы размером с сигаретную пачку, которые там на трассах разделяют полосы движения. На тыщи километров во все стороны простираются эти черепашки, и расстояние между ними сантиметров по 20, что ли, и они светятся в ночи! Уж как-то подвели к ним питание. Ты мчишься и видишь эти светящиеся пунктиры и безошибочно знаешь в каждую секунду границы не то что дороги, но даже и своей полосы! Ну да это ладно. Главное же предназначение этих черепах в другом. Когда я засыпал там за рулем и машина виляла с полосы в сторону, колеса натывались на эти мини-надолбы, машину слегка встряхивало так, что каждый раз я просыпался и выравнивал руль. По мне, так это техническое достижение покруче высадки на Луну.

Но вернемся к нашим баранам. Если американцы читают про наших маньяков и их детские жертвы, у них непременно появляется вопрос, который нам не приходит в голову: а почему родители пострадавших до сих пор не в тюрьме? А с чего это вдруг их в тюрьму? С того, что по американским законам они б уж парились в КПЗ. За то, что оставили без присмотра детей до 12 лет. Что там считается настоящим преступлением. Каковым оно, может, реально и является?

Важна и деталь. Когда родителей таких под арест, куда детей? Так вот их отдают в foster families, не знаю, пардон, как это по-русски и сказать-то. Это такие проверенные семьи, которые в любой момент готовы принять – на время – детей, по каким-то причинам оставшихся без присмотра. А дальше эти дети либо возвращаются в своим родителям, либо отправляются на постоянное усыновление, либо в приют.

Представляете, как они там удивляются: «Странные люди эти русские! Вышел человек прогуляться с пистолетом – невиннейшее дело, – хватай его и сажай на пару лет смело по ст. 218 УК РФ. А бросил малолетних детей на произвол судьбы – вон маньяки же кругом, – и такого страшного преступника отпускают на свободу!»

Что отвечать? Два мира – два детства. Коротко про это не скажешь. В самом центре Москвы, на тротуаре вдоль Нового Арбата – важнейшей трассы, по ней от красноезвездного Кремля в сторону царственной Барвихи стремительно мчатся членовозы импортного производства, – позавчера я, возвращаясь с просмотра «Груза 200» (мощный фильм Алексея Балабанова), видел стайки чумазных детей, которые под присмотром подозрительной тетki выпрашивали у прохожих копеечку. Что за дети, чьи, откуда? Кто их ищет? В кого они вырастут? Кто их, случись что, хватится? Где чекисты Дзержинского, которые ловили таких сирот, мыли, кормили и учили новым технологиям (таким в свое время было производство фотоаппаратов ФЭД, названных в честь железного Феликса)? Да, в самом деле, где чекисты? Чем заняты, что их волнует сегодня, что заботит, кто и что привлекает их государственное внимание, куда они тратят и планируют дальше тратить мощный свой ресурс? Ну, у них есть поважней заботы, чем маленькие дети, брошенные без присмотра – кто на всю оставшуюся жизнь, кто на один вечер, который иногда становится последним.

Да отвяжитесь вы от чекистов, что за мода – вешать на них всех собак! Чекисты не обязаны заниматься детьми. Мне кажется, никогда и не занимались – в этом смысле. Насчет

сирот, опекаемых Дзержинским, – похоже, это был всего лишь голый пиар. У чекистов при Феликсе Эдмундовиче и без сирот хватало забот: никак нельзя было пустить на самотек передел собственности и решение вопросов с прежними собственниками. Парням в кожаных (тогда был такой дресс-код) приходилось обеспечивать экономическую безопасность страны, и они ее обеспечивали как могли – в соответствии с тогдашней Конституцией. После нее было, кстати, конституций пять или уж не знаю сколько. Мне что, все бросить и их читать одну за другой? Там всегда что-то вписывают про безоблачное или какое-то в этом же духе детство, права сирот и т. д. и т. п.

И еще, я слышал, там есть про разделение властей – так вот это по крайней мере соблюдается. Американская власть сажает тех, кто оставляет без присмотра детишек, а наша тех, у кого ствол.

Вот так бы пусть каждый занимался своими делами и не лез в чужие. Тогда и настанет счастье. В Конституции, кстати, ничего нет про счастье? Надо вписать, красиво звучит.

Хотя – нет, никак нельзя. Как я сразу не подумал: Конституция же незыблема. Вот сколько их было у нас, так все незыблемы. Хоть кол у нее на голове теши, а ей хоть бы что. Тешут, тешут – а она все незыблема. Берут другую, тешут – и эта тоже! С третьей – та же история. Рука бойца тесать устала, право слово...

Бронированные «мерседесы» Ельцина

26 апреля 2007 г.

Увидел на похоронах (про всемирно-историческое значение, про заслуги и про печаль, которую разделяю, не буду, без меня сказали) ельцинскую дочь Елену и вспомнил, как, бывало, названивал ей по домашнему телефону. Чисто по делу. Это было в конце 90-го – начале и середине 91-го. Я тогда был демократическим журналистом и стоял всецело на стороне Бориса Николаича. (А сейчас я что, не демократический? Сейчас – нет. Отличие вот в чем: демократический журналист защищает своих, а чужих ругает. Чего тут думать, все сразу ясно. Я тоже такой был. А теперь, прежде чем что-то сказать или тем более написать, – я сперва думаю, а потом излагаю. И в итоге иногда я демократов ругаю, бывает, что и хвалю, – смотря по содеянному.) Так что мог, если что, позвонить и получить фактуру для поддержки Б.Н. Про Генпрокурора какого-нибудь и вовсе говорить нечего – названивал ему на дом по ночам, требуя комментариев в номер. И випы считали, что это в порядке вещей. Какие-то были наивные времена! Об этом, кстати, предлагаемый вашему вниманию текст. И вот однажды я позвонил Лене по поводу ДТП, в которое попал ее папаша, – осведомиться о его самочувствии. Оно было на тот момент хорошим. Информация о происшествии была, конечно, секретная – до того момента как знакомые менты мне ее не передали. Хорошие были ребята; жаль, их потом застрелили подольские. Схема ДТП была такая: Ельцин выезжал на служебной машине со двора своего дома на Тверской (или еще Горького?), где магазин «Пионер». Шофер Витя говорит:

- А давайте включим мигалку и крякалку.
- Нет, не надо, я ж демократ.
- Ну если без крякалки, тогда надо ехать до Белорусской и там разворачиваться.
- Нет, я спешу. Прямо тут через осевую давай. И молча.

Вите ничего не оставалось, как выполнить указание шефа. Он понимал: что-то тут не так. Если, значит, ты чистый демократ, то давай, как все, через Белорусскую. А если ты большой начальник, то не играй уж в демократа и ездай с мигалкой, не стыдись! Чего уж там!

И в момент разворота ельцинская «Волга» столкнулась с «Запорожцем», который честно ехал из центра к себе в спальный район.

Меня при этом не было, это мне все рассказал пострадавший пенсионер, которого я отыскал в его квартире (адрес взят моими ментами из гаишного протокола). Правда, я его ждал

весь день, он только к ночи вернулся. Ну пока искал, кто его «Запорожец» дотянет до дому на буксире, пока тянули, после он дочку, у которой в аварии было разбито лицо, пытался устроить куда-то на оказание первой помощи, а везде почему-то гнали... Но наконец все как-то решилось. Пенсионер был не в обиде, он понимал, что столкнулся с властью, – значит, виноват, ничего личного. И все кончилось довольно мирно. Могло б и хуже... Но уже были другие времена, и это его радовало – что он легко отделался. Всего-то потерял машину. А дочке зашили шрамы, и вот она дома. Он не ждал, что ему подарят новую машину или хотя бы дотащат на милицейском буксире до дома. Или дочку помчат в ЦКБ. Оставили в покое, и ладно.

Написал я про то ДТП заметку – а в конце ее сообщил секретную информацию: в Германии заказаны для Ельцина два бронированных «мерса», и они скоро прибудут. И тогда ДТП будут для Б.Н. не опасны.

На ту заметку последовал отклик. По ТВ выступил председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов и назвал мою информацию клеветнической: «Ну как можно про Бориса Николаевича говорить такие оскорбительные вещи, что он будет ездить на иномарке?» (И действительно, стыдно большому начальнику ездить по своей автопроизводящей стране на иномарке; французы б со свету сжили своего президента, сядь он на «мерс», так что гнев Руслана Имрановича понятен.) Я продолжаю вам давать черты и милые приметы того времени, уже позабытого, и протягиваю, как положено, ниточку в сегодняшний день. Я вам даю рамки, в которые вместились вся московская часть ельцинской жизни. Я в тот же день отправился в Белый дом, нашел там Хасбулатова – попробуйте так, запросто, сегодня добраться до аналогичного уровня – и вытащил из него в свой диктофон фразу типа «Я вовсе не хотел сказать, что это ложь или там клевета, я имел в виду совсем другое».

Короче, после «мерсы» пришли, с броней, как положено. Сейчас уж никто не стыдится иномарок. Смешно вспоминать. Другие времена. Да и «Запорожцев», с другой стороны, почти не осталось.

Другие, да не совсем. Есть один случай, когда иномарка – особенно немецкая – это некрасиво, это стыдно. Я про парад 9 Мая, который принимается в «Чайке»-кабрио.

То есть все-все наши начальники на иномарках: «ауди» там, «мерсы», «бимеры» – а эта машина одна русская. Может, пора и ее поменять на бронемерс? Или, напротив, чиновников на русские машины пересадить? (Как мечтал Борис Ефимыч.) Ни то ни другое. Все-таки недалеко мы ушли от маленьких византийских хитростей времен молодого Ельцина, который и демократ был, но и, как все, не мог ездить по правилам, как ни просил его шофер Витя.

Хотя, может, совсем скоро, на ближайшем параде, мы увидим едущий вдоль строя нормальный «мерс», как у всех, только кабрио, и с него будет принят парад победы. Одной автопроизводящей страны над другой. В теперешнем трогательном лицемерии есть, конечно, своя красота, но надо ж когда-то взять и определиться...

ЖЖ 1942 года: Модные солдатские мемуары

3 мая 2007 г.

В 80 каком-то году я усадил своего деда Ивана Дмитриевича Свиначенко (1901–1992), старого фронтовика с передовой, за мемуары. Был он пулеметчиком, и этим многое сказано: супостат был от него не где-то там вдали, но на расстоянии прицельного выстрела, что при жестком дефиците патронов в начале войны означало удивительную близость. Редко ему доводилось убить бойца вермахта так, чтоб перед этим не глянуть тому в глаза.

Дед с готовностью сел за порученную мной работу и выполнял ее весьма бесхитростно, что видно даже из его предисловия:

Писал я урывками, просто для того чтоб заполнить свободное время, от нечего делать. Возможно, что написано небрежно и не особенно грамотно, но все взято из жизни. Эта писанина никому не нужная, а просто для себя.

Я иногда достаю эти бумаги и читаю – как, например, сейчас, в районе 9 Мая, по понятным причинам.

И вот что мне на этот раз бросилось в глаза сразу после прочтения предисловия («... писанина никому не нужная, а просто для себя»): да это ж чистойшей воды ЖЖ! Без пафоса, без всемирно-исторического значения, без потуг на актуальность или там символичность! Так, немудреные записки о своих частных заботах и впечатлениях. Если б летом 1942-го у моего деда был в окопах смартфон с мобильным Интернетом, продвинутая молодежь могла б эти строки вытаскивать из всемирной паутины online. (*Тут хорошо б исполнить что-то про фашистскую паутину, окутавшую к тому моменту, типа, всю Европу. А теперь вроде как не всю, а лишь отдельные прибалтийские территории.*)

Тогда как-то не сложилось. Не довелось моему деду при жизни сделаться сетевым автором.

Но может, как-то посмертно можно это оформить?

Если да, то – читайте выбранные места.

Может, и в Эстонии – будь она неладна – кто прочтет... (Ну, она уже обратно в Европе, верно, и мы немало эстонцев угробили в лагерях и так, это надо признать. Но все ж если твой дедушка служил в СС, пусть даже из самых прекрасных демократических побуждений, то у тебя, горячий эстонский парень, должно хватить ума не выкапывать убитых русских солдат перед самым что ни на есть 9 Мая. Такой мой сказ.)

НАЧАЛО ВОЙНЫ

..Половина роты были неграмотные. Когда присягу принимали, так читает политрук или кто, а потом боец и крестик ставит, и прикладывает палец. Перед отправкой дивизии на фронт несколько дней подряд проводились тактические занятия на местности. Было холодно, мороз за 30 градусов, метель, глубокий снег. Во время занятий несколько бойцов отстали и замерзли. При разборе занятий командир полка сказал, что, возможно, потери еще будут. Отсев идет за счет слабых, которые не нужны. Там, на фронте, нам нужны сильные, стойкие и выносливые, преданные нашей Родине бойцы, а воспитать и сделать бойцов такими – задача командиров и политработников.

На фронт наш 423-й полк ехал в первом эшелоне. Челябинск – Златоуст – Сызрань – Саранск – Кострома – Рыбинск. Несколько часов стояли в Саранске. Недалеко от станции был рынок, там я купил 40 стаканов табака-самосада по 20 руб. за стакан. Этим я обеспечил себя куревом до самого фронта.

По прибытии на передовую наш полк занял оборону в районе Демянска. Там была окружена немецкая группировка: Старая Русса – Парфино – озеро Ильмень – Молвотица – Большое Заселье и др. Все время мы находились на передовой. Немцы применяли разрывные пули дум-дум, которые при попадании наносили тяжелое ранение и навсегда выводили из строя. В первые дни эти пули создавали панику среди необстрелянных бойцов; создавалось впечатление, будто одновременно идет стрельба с фронта и с тыла, так как пули, попадая в дерево, ветку и в любой предмет, разрывались.

Наша оборона держалась на полуголодных и истощенных бойцах. Весна и лето были дождливые, дороги превратились в грязь. Доставка продовольствия и боеприпасов была затруднена, особенно в апреле. Иногда

оставалось по две-три обоймы на винтовку и по одному диску на пулемет. Смазывать оружие было нечем. Приходилось применять для смазки пулеметов щелочь, которая быстро сгорала.

Были случаи, когда по два дня не выдавалось никакого продовольствия. Многие бойцы и командиры от истощения болели дистрофией. Как раз в это время зацвели елки и сосны, и мы ели завязавшиеся шишки. Самых крепких бойцов посылали в деревни за сухарями, иногда они что-то приносили. От голода опухали ноги, руки, лицо, появлялись трещины и раны на ногах. Таких больных отправляли в медсанбат – некоторые умирали еще по пути. На марше после привала некоторые бойцы не могли подняться без посторонней помощи. У меня тоже начали тогда опухать ноги. Сапоги не налезали. Пришлось распороть по швам брюки ниже колен. Болели почти все командиры, хотя питание для всех было одинаковое. Мне, как парторгу роты, приходилось проводить среди бойцов работу по поддержанию боевого духа. Я рассказывал им о том, что жители Ленинграда находятся в еще более тяжелом положении, что они ждут от нас быстрой ликвидации блокады.

... Оборону мы занимали в большинстве случаев в лесистой и болотистой местности. Траншеи постоянно были залиты водой. Доты строили в два наката из бревен, сверху обсыпали землей и обкладывали дерном для маскировки. Строили, рыли траншеи, устраивали огневые пулеметные точки ночью и сразу же маскировали. Почти все лето нас заедали комары, которые носились тучей, днем и ночью. Чтобы отдохнуть от них и поспать спокойно, закрывали амбразуру и вход в дот, жгли сухие еловые шишки. Дымом спасались от комаров, хоть и на короткое время. Немецкая авиация часто бомбила нашу оборону. Обстреливали нас из дальнобойных орудий. Мы несли большие потери.

... Был такой случай. Немецкий снайпер обнаружил амбразуру нашего дота и вел огонь зажигательными пулями. Одна из пуль рикошетом попала в гранаты, и на них загорелась краска. В это время я один отдыхал в доте. Я быстро накрыл горящие гранаты и загасил пламя. После этого гранаты стали хранить в нишах, вырытых в стенке траншеи. По звуку выстрела я определил, что снайпер находится недалеко от траншеи. С разрешения командира роты на рассвете я послал двух бойцов – Волкодава и Гусева – с заданием сделать засаду и взять снайпера. Они замаскировались вблизи от места, откуда снайпер вел огонь. Ребята набросились на него, когда он полз на свою позицию. Снайпер был человек сильный и ловкий, справиться с ним было трудно, пришлось *применить* приклад – но удар был не рассчитан и к вечеру немец умер, едва успев дать ценные сведения для командования. За выполнение задания пулеметному расчету была объявлена благодарность.

... Несколько раз нас отводили с передовой на отдых, километров на пять в тыл. Мы приводили себя в порядок, грели воду в бочках из-под бензина, мылись в походных банях и, самое главное, освобождались от насекомых, которые беспощадно нас грызли. Но и на отдыхе нас часто беспокоили немецкие самолеты и дальнобойные орудия.

САМОСТРЕЛЫ

РУТИНА

РАНЕНИЕ

На четвертый день нас переправили в прифронтовой госпиталь, который находился на берегу озера Селигер. Перевозили на санях, на которых

были выстроены будки из фанеры. Мороз был крепкий, и нас, раненых, заворачивали в ватные одеяла и обкладывали химическими грелками. При погрузке сделали обезболивающие уколы – морфий.

Ну, прибыли. Госпиталь там был такой: длинные траншеи выкопаны, глубокие, накрытые бревнами в несколько накатов, там леса хватает. И дерном накрыто. Где копали – оставляли вроде кровати. Хвоя настлана там, потом постели какие-то.

В первые дни у меня была высокая температура и слабость от большой потери крови. От пищи я отказывался, состояние было угнетенное и безразличное. Думаю – а, все равно! Ноги нет, руки тоже нет (это я так думал тогда) – зачем мне жить? Об этом медсестра доложила главврачу госпиталя. Он подошел ко мне как-то и спросил, почему я ничего не ем. Стал меня убеждать, что для скорейшего выздоровления нужно питаться. Я категорически отказался:

– Зачем и для чего я нужен в таком состоянии? Оставьте меня в покое!

Главврач – участник финской войны, и на груди у него был орден Красной Звезды. Когда я увидел орден, мне стало просто стыдно, что такой заслуженный человек уделяет мне столько внимания.

Он вторично подошел ко мне и спросил:

– Что бы вы ели? У нас для раненых все есть.

Я сказал, что хочу свежее яблоко красное и меду. Откуда, думаю, они возьмут... Красное яблоко на фронте! Врач ушел, я подумал, что он оставит меня в покое.

Однако через несколько минут он подошел снова с медсестрой, которая несла на тарелке два красивых свежих яблока, мед и две банки – тех, что на спину лепят, – красного вина. Уговаривать не стал, а приказал:

Почти на каждом обходе я просил врача отнять ногу и тем самым избавить меня от мучений. Но врач утверждал, что я буду ходить на своей ноге, хотя и плохо, что нога еще долго будет болеть и нужно терпеть.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Те деньги на полевой книжке дали временно небольшую поддержку. Но надо было находить выход из такого положения. Я обратился в трест «Макеевуголь», где работал с 1924 года, и зам управляющего трестом тов. Рубинский выписал мне 20 кг картошки и дал свою лошадь, чтоб привезти продукты с базы. Дал он распоряжение и начальнику АХО, чтоб мне привезли угля и дров, получил я также кое-что из одежды для детей, из американских подарков. (Мой отец до сих пор помнит какие-то удивительные клетчатые штаны made in USA, которые достались на его долю и приобщили его к международной моде. – И.С.)

Однажды на рассвете, когда со стороны немцев началась беспорядочная стрельба, один красноармеец совершил самострел: ранил себя в ногу. Чтобы не обнаружили, он закрыл ногу куском коры, содранной с елки. Винтовку он привязал к дереву проволокой, а другим концом – за спусковой крючок. Потянул за винтовку, и последовал выстрел. Мне сразу сообщили мои пулеметчики, я прибежал к месту происшествия. Сразу все стало ясно. Кора, которую он привязал к ноге, была пробита пулей. Рядом валялась винтовка, к курку все еще была привязана проволока (где он только ее достал на

передовой?). Пулей пробита кора, которой он обмотал ногу. Где он проволоку только взял, которая была к курку привязана? Он ничего не успел отвязать, трус, он же боялся. Как выстрелил – сразу винтовку бросил, даже патронник не открыл, и гильза была там.

Самострел лежал и истекал кровью. Никто из бойцов не хотел его перевязывать. Они хотели его добить на месте. Я закричал:

– Вы что делаете?

– Да вот, гад такой!

– Подождите, на это есть трибунал.

Я приказал раненого перевязать и вызвал начальника особого отдела, командира и политрука 3-й роты.

Этот боец, самострел, был уральский крестьянин, здоровенный парень. Он все время ходил грустный, еще с того времени, как при формировании проходили учебные стрельбы, и то он тогда уже... был в угнетенном состоянии. Он растерялся: еще до фронта не доехал, а уже переживал это дело! Его даже комиссар батальона спрашивал – почему ты так ведешь себя? А шахтеры не грустили. Они привыкли в тяжелых условиях работать, вот почему они такие.

Собрались все. Политрук только сказал ему: я ж тебе говорил... Он его убеждал раньше, что не надо бояться.

Решено было расстрелять самострела как изменника Родины. Тут же, сразу. Приказали ему самому выкопать яму, но он не мог копать, он был белый – такой делается человек перед расстрелом. Он уже мертвый, когда его расстреливают. Яму ему выкопали. На краю могилы он сидел, стоять не мог: на одной ноге не устоишь. Он уже неживой был, он уже был убитый морально. Тут же и боль. Он уже как немой был. Молчал, ничего не говорил, растерянный такой. Возле ямы, его там же и израсходовали: начальник особого отдела и с ним бойцы, двое, с автоматами, дали каждый очередь. Тот и завалился, прямо так, в шинели, как был.

И жаль бы его – ну чего ж ты, дурак? И мы ж так переживали, в нас же тоже стреляли. Он думал, что ранит себя, его отправят в госпиталь, потом в тыл, а там домой попадет. Но это ж все равно б обнаружили это дело! Даже если пуля насквозь пройдет, по ее действию все равно видно, чья она была. Немецкая пуля тупая, а наша острая, наша разрывает больше. Тут же ясное дело, на месте преступления, из какой винтовки стреляли.

Второй случай. Два бойца, оба татары, прострелили друг другу руки. По заключению врача установлено, что стреляли с близкого расстояния, так как возле ран находился порох. По приговору трибунала оба были расстреляны перед строем как трусы и изменники. Тогда и в тылу что-то было, тогда обкомы ихние разогнали, а раньше были татарские. Они, наверное, письма получали. Не хотели воевать, какая-то тайная агитация между ними, видно, была. Они тогда вспоминали Чингисхана, Батыя, своих вождей. И даже носили некоторые эти – медальончики с Чингисханом.

...Мне рассказали, что в батальоне произошло ЧП – во время перестрелки перебежал к немцам боец-татарин Басиров, находившийся в боевом охранении. И теперь за потерю бдительности командира Карпова будет судить трибунал. Ясно, что пустят в расход. Карпов был хороший, дисциплинированный командир, преданный нашей Родине. Знал я его с самого начала формирования дивизии. Я вспомнил, как месяц тому назад, проверяя ночью боевое охранение, я задержал Басирова при попытке совершить

перебежку – он был без винтовки, – доставил его в штаб батальона и сдал особистам. Они его допросили и почему-то выпустили. Так что они виноваты, а не комвзвода. Почему тогда Басирова отпустили, а теперь Карпова обвиняют в потере бдительности? Я сказал – проверьте, ребята, что такое. Разобрались, и Карпов был освобожден из-под ареста. Этот случай разбирался потом на партсобрании полка, и виновники были наказаны за проявленную беспринципность при допросе Басирова.

...В обороне от скуки наши кричали немцам:

– Фриц вшивый! Ганс!

А те кричат в ответ:

– Иван, ты дурак!

Приходят ко мне бойцы:

– Товарищ командир, немец тебя ругает!

– Идите вы! – говорю.

А немцы дальше кричат через рупор:

– Иван! Ты дурак!

Потом кто-то обидится, они или наши, и начинается перестрелка. Смотришь, кого-нибудь ранили.

– А что ж вы, зачем трогаете их? Иван таки дурак...

...Летом мы освободили один городок, где был немецкий госпиталь. Мы осмотрели немецкое кладбище, где они хоронили своих убитых и умерших от ран: сотни могил с березовыми крестами, и на каждом кресте – каска. На некоторых были надписи «Только вперед!». Городок немцы перед уходом сожгли. Возле разрушенной школы валялись тетради и учебники. Жители рассказывали нам, что фашисты бросали гранаты в погреба, где люди прятались во время боя.

...Участок, где мы должны были совершить бросок на лыжах, был заминирован немцами и обстреливался из минометов и противотанковых орудий. Прорваться к немецким траншеям не удалось, бой продолжался дотемна. В нашем пулеметном взводе было два убитых и три раненых.

Оттуда вели обстрел с орудий, и ко мне приполз солдат. В руках у него оторванная человеческая голова, вся в крови. Протягивает мне.

– Ты что? – спрашиваю.

– А вот Остроушко голову отрезало, снарядом.

– Давай быстро, видишь, там воронка от снаряда? Положи туда ее.

Потом нас отвели километра за два, привезли питание: сухари, мясо в котле наварено... Но мы такого насмотрелись, что мясо редко кто мог взять в рот, противно было. И я вот выпил кружку четырехсот граммовую спирта-сырца, и давай сухари грызть. Какое там мясо...

В этом бою участвовал и мой брат Андрей, он служил тогда в подразделении стрелковой части, что стояла на правом нашем фланге. Но об этом я узнал только при встрече с ним уже после ранения. Ранило его так. Они поставили пулеметы под большими елками и били из-под них. Так их накрыли снарядами. Так же нельзя, сосна – это ж ориентир. А надо так: если пострелял из пулемета, не сиди на месте, знай, все равно тебя наметят. По звуку узнавали. Я послал людей: а ну-ка давайте посмотрите, там пулеметчиков разбили, может, что у них есть. Так оттуда принесли несколько сухарей, нашли

там. Это называлось мародерство, конечно. Нельзя так: тут бой идет, а мы тащим сухари! Да ведь люди голодные.

...Нам нужно было преодолеть расстояние около километра – по открытой местности, под огнем немецкой артиллерии. Мы быстро перебрались через бруствер и поползли по-пластунски. Нас прикрывала наша батарея, она была прямой наводкой. Ракеты освещали местность, и нас, наверное, было хорошо видно. Как только рядом падала ракета, ее засыпали снегом, тушили и продвигались дальше вперед. Стали перебегать, метров так по 60. Убило одного нашего, прямой наводкой снаряд попал. Трудно было поднять бойцов для перебежки по направлению к немецким траншеям. Солдаты не поднимаются. Командир отделения Адамчук Иван, который заменил погибшего комвзвода, поднялся и подал команду: «За Родину, за Сталина, вперед!» И тут же был убит немецкой пулей.

Во время перебежки меня и задело: мина минометная. Подкинуло меня, опекло все, руку отбило. Помню, в сознании промелькнула мысль: «Ну все, конец Ивану!» Не помню, сколько времени я лежал до этого и думал – почему я еще живу?

...Меня повезли два солдата волокушей. А пулеметы бьют. Черт-те что делалось. А нога ж болит! Мне казалось, что каждая трассирующая пуля летит в мою раненую ногу. Но я быстро преодолел страх, который перешел в ненависть к фашистским захватчикам и в обиду на себя, что мои товарищи в бою; а я вышел из строя – возможно, навсегда.

...У меня было тяжелое ранение: раздроблена ступня левой ноги и расколота пяточная кость, перелом обеих голеней, ожог лица. Я находился в тяжелом состоянии. Я временно потерял память и в беспомощности, мне рассказали потом, два дня кричал: «Вперед, за мной!» – и матом. Ругался здорово и кричал, пока в чувство не пришел. Да и потом, бывало, ночью другой раз как приснится про бой, так аж страшно.

– Выпить вино и съесть то, что просили! Я приказываю!

Выпил он вина – и я выпил. И съел яблоко. Медсестре он приказал, чтоб перед едой давали мне по стопке вина или водки.

И вот как утро, надо завтракать – кормили хорошо, – стопочку приносят. Выпил – хорошо!

А как-то консервированной крови моей группы не оказалось, тогда вызвали донора – молодую девушку-комсомолку, и она согласилась дать мне свою кровью. Я отказывался: зачем ее мучить? Но она категорически настаивала, и мне пришлось согласиться. Она оставила мне свой адрес, но он затерялся потом в переездах, а вспомнить не смог. И не смог еще раз поблагодарить ее письменно за благородный поступок.

Это написал, чтобы знали, какое чуткое внимание было к раненым.

Ранение я получил 25.12.1942, и Новый, 43-й, год пришлось встречать в полевом госпитале. Там же со мной рядом находились два пулеметчика-уральца из моего бывшего взвода и много бойцов из лыжного батальона нашей 166-й дивизии. К нам в госпиталь прислали из дивизии делегацию с поздравлением. Прибывшая из нашего медсанбата медсестра спела несколько фронтовых песен, «Землянку» и другие. Некоторые из раненых бойцов и командиров плакали навзрыд.

...Когда подошел состав и началась погрузка, появились немецкие самолеты, началась бомбежка. Все легко раненые, кто мог двигаться, выбежали в укрытие, а лежащие остались на носилках – в том числе и я. Мне неоднократно приходилось бывать под бомбежкой и обстрелами, и я никогда не испытывал страха. Но в тот раз было как-то жутко! В беспомощном состоянии, в закрытом помещении, а кругом рвутся бомбы, осколки залетают в окна. Особенно страшно стало тогда, когда воздушной волной от взрыва выбило дверь и разрушило стену. Все затихли, ожидая конца... С нами была медсестра, она не бросила нас и оставалась рядом все время, пока продолжалась бомбежка. Она успокаивала нас, говорила, что немцы бомбят эшелоны, а станционный домишко им не нужен.

После отбоя, когда зенитки отогнали немецкие самолеты, раненых быстро погрузили в вагоны. Привезли нас в Вышний Волочек. Привезли в госпиталь, он размещался в школе. Положили в углу на носилках, шинелью накрыли. Лежу, ожидаю в очереди. Подходит ко мне кто-то и говорит:

– Вы не в этот госпиталь попали!

Ты представь себе...

– Вас в другой надо.

– Да куда ж мне в таком виде в метель?

– Ничего не знаю.

Я говорю:

– Никуда не поеду.

И достал пистолет, он у меня как был, так и остался. Думаю: если что – убью. Ну, потом главный пришел врач:

– В чем дело? – Врач посмотрел на пистолет: – Придется сдать.

Забрали у меня пистолет, но оставили в этом госпитале. Меня поместили в палату «газовиков»: дежурный врач предполагал, что у меня гангрена, так как нога посинела и распухла. В палате нас было шестеро, двое из них за ночь умерли... Пролежал я в том госпитале несколько месяцев, а потом уже перевели меня в Москву. Во время следования эшелона, при подходе к разрушенной станции Клин, появились немецкие самолеты, начали сбрасывать бомбы и стрелять из пулеметов по вагонам. В нашем вагоне два человека были убиты и один вторично ранен. Зенитчики открыли огонь. Мы не видели, что делалось вокруг, почувствовали только, что машинист дал задний ход и отвел эшелон от станции.

В Москву приехали утром.

Из вагонов нас выгружали на Казанском вокзале. Выносят на носилках. Шинели у нас те, что были в траншеях, в глине. Народу собралось, москвичи плачут, смотрят на нас. Жаль им, понимаешь. Потом привезли нас в Академию имени Фрунзе. Там три этажа из восьми заняли под госпиталь, первые три, а то выше носить же – не наносишься. Пока везли, простудился, чиряк был на задку. Попросил у сестры ваты. Так я сделал такой как бы бублик и надел, наложил его. В Москве старушка медсестра, говорю ей – я не могу, чиряк, простуда. Она – сейчас. Помазала мазью какой-то – как защемило! А потом вторично помазала. И прошло. А то ж невозможно!

В Москве начали нас купать, нога в гипсе, я боялся, чтоб не размочили, а они обмотали как-то клеенкой. Искупали, побрили. И дали нам пищу. Белого хлеба по куску, по котлетке, еще что-то. И по пачке папирос «Ракета». Мест

нет, меня определили в вестибюле на первом этаже – громадном, красивом. Постель была чистая и удобная.

Лежишь, покуливаешь. Впервые за все это время я почувствовал себя спокойно. Не было слышно ни самолетов, ни взрывов. Врачи, медсестры и няни проявляли к нам самое чуткое и дружественное отношение. Следует отметить, что медслужба находилась на высоком уровне на всем пути следования – начиная от фронтовых санитаров, которые под взрывами и пулеметным огнем, не щадя своей жизни, оказывали необходимую помощь.

Питание там было раз в день, – черного хлебца 600 грамм, сахару нет, давали или две сливы сухих, или алычи. А тут надо поправляться! Все-таки и кровью истек, и все. Я дал медсестре полевую книжку, написал доверенность, она получила деньги, купила буханку хлеба черного, огурцов, принесла нам. Братия ж голодная – давай! – и поели все.

Там мне сделали операцию на левой раненой ноге и левой руке, которая была контужена. Операция шла под местным наркозом. Сделали укол в позвонок, запустили туда новокаину, разрезали пятку и вырубили кусок кости и наростки окрепшего хряща. Почти не чувствовал боли, но сильно было слышно стук и отдачу ударов деревянного молотка по долоту, которым производили обрубку.

...Рана зажила, я начал подыматься и учиться ходить на костылях. Наступать ногой было опасно, кости только начали срастаться. Но боли не утихали: ступня, пяточная кость и голень были сломаны, нервы повреждены. Нога оставалась синей и отекающей, кровь проходила плохо.

...В феврале 1944-го из госпиталя я выписался с инвалидностью первой группы. К тому времени я получил уже известие, что семья моя осталась в живых и находится в тяжелом материальном положении.

Я оформил все свои дела и заехал еще в село Чебаркуль, где жила семья пулеметчика из моего взвода. Долго с ними беседовали, меня все спрашивали – как там их Кирюшка, жив ли? Был я с ним вместе в последнем бою, а после ранения его не видел. Мать Кирилла занималась домашними делами, а жена работала в детсадишке. У нее был сын-подросток, он провожал меня на станцию и сидел возле меня до прибытия поезда. Во время беседы он заплакал горько и рассказал, что ему очень обидно – отец сражается на фронте с фашистами, а мать связалась с шофером, который у них живет на квартире, спит с ним. Бабушка ругает ее, а мальчику запретила писать об этом отцу: жив останется – придет, и сами разберутся. Такое дело приходит на баб иногда... Я ему:

– Да, верно, не пиши, это правильно бабка сказала. Это тяжело ему будет.

Так что я подтвердил, что это правильно. Что ж он может сделать? Ничего ж не сделает... А настроение какое у человека будет?

...Прибыл я в Макеевку (домой) в конце февраля 1944 года. Семья моя во время моего появления находилась в крайне тяжелом положении. Топить нечем, в квартире холодно, жена болела. Дети полураздетые, тощие от недоедания. Их было четверо. Почти все, что было у семьи из вещей, пошло на менку, а остальное забрали немцы при обыске.

Я привез с собой две пачки концентрата из пшена и с килограмм хлеба. Мать сварила похлебку из концентрата с добавкой кукурузной сечки в большой кастрюле. Я перепугался, когда глянул, как они на кукурузную кашу кинулись. Все это было моментально съедено. Ребята ж голодные как собаки. А у меня ж еще деньги были на полевой книжке. На следующий день пошли с дочкой Раей

на базар. А там буханка хлеба стоила 140 рублей, кило сала 300 рублей. И всех ловят – кто покупает, кто продает – и берут, паразиты, в милицию. Я хожу, наблюдаю, а дочка торгует. Я ж на костылях, нести не мог, и обратно так Рая несет хлеб, сало. Вечером детям даю хлеба по куску, сала, накрошу цибулю. И спать. Тогда как попало спали: кто под кроватью, кто где.

После моего приезда домой, через несколько дней, мы, женой поехали в Днепропетровскую область, в село недалеко от станции Пятихатки, чтобы выменять продуктов. Собрали все, что имелось еще из пожитков, да начальник ОРСа дал еще несколько метров материи, но за эти пожитки много не удалось выменять, пришлось отдать еще и бритву. Бритву променял, бриться нечем. Потом еще гимнастерку снял с себя и белье. Остался в бушлате теплом на голое тело.

С нами была тогда и моя свояченица – старшая сестра жены Настя. Мы остановились у одной молодой хозяйки. Жена и свояченица копали с ней огород, а я сидел в хате и чистил кукурузу – выдирал зерна из кочанов. За этот наш труд получили картошки, кукурузы и пшеницы. С этим багажом, что наменяли и заработали, особенно трудно было с погрузкой в товарный вагон. Нам повезло – как раз эшелон порожняком следовал в Донецк. Погрузить помог красноармеец, а до станции довез мужик на коровах за плату.

Был вечер, на станции на всех путях стояли воинские эшелоны, которые следовали к фронту. И тут налетели немецкие самолеты, стали сбрасывать в беспорядке бомбы. Десятки зениток открыли по самолетам шквальный огонь. Перепалка эта длилась около часа в сплошной темноте – станция была затемнена. Я стоял и думал: «А что, если вдруг угодит бомба в вагон? Мы можем оба погибнуть, а что тогда дети будут делать сами? Продукты и деньги у них на исходе, а мы в пути уже десятый день...» Я хотел предложить жене, чтобы кто-то из нас ушел из вагона подальше, так хоть кто-то из нас останется в живых. Но потом передумал – и не стал этого говорить. До конца бомбежки мы вместе оставались в вагоне. Самолеты отбомбились и ушли.

Доехали домой благополучно, харчей подвезли, пшеницы, кукурузы, картошки и других продуктов, на первый случай семья была обеспечена питанием. Начали мы и выпекать. Такая терка была, из железа сделанная. Перемалывали два раза, муку делали. Спечем хлеб, несем на базар. Рая носит, а я наблюдаю. 140 рублей буханка, и нарасхват.

А потом дали хлебные карточки.

И зажили мы!

Блатняк

17 мая 2007 г., 16:36

Страна издает свои любимые звуки.

Изо всего, что можно, у нас несется веселый шансон, он же блатняк. Ларьки, вокзалы, такси и даже, по сообщениям детей, школьные автобусы – всюду те же ноты. Чем же это плохо, если людям песня строить и жить помогает?

Не то что плохо, но не сразу понятно.

Я каждый раз при удобном случае спрашиваю у хозяев шансонных магнитол:

– Был у Хозяина?

Люди обычно не понимают вопроса. Они то есть не сидели и даже не вращались в криминальных кругах.

– А раз ты тут ни при чем, зачем слушаешь про зоны, про Колыму?

– Ну так красиво же! Хорошие душевные песни...

А что? Это все ведь не зря. Сами не сидели, так родители, или дядя, или дедушка. Или соседи. Да и вообще вся, считай, страна построена зэками! Начиная с Питера и кончая высоткой МГУ и БАМом. Вот отчего у нас так любим блатняк. Мне иногда делают замечания:

– Ну нет, Питер строили не зэки, а крестьяне. А МГУ – немецкие пленные.

Друзья! Все понимаю. В том числе и то, что взгляд у нас замылен, а прицел сбит. Насчет строительства Питера: если людей согнали из деревень, не спросив на то их согласия, поселили в бараке и заставили работать задаром, под конвоем, – какие ж они крестьяне... это типичные зэки. А пленные немцы, которые работали на стройках, под охраной, – тоже зэки, просто немецкой национальности... Так-то.

И вот на днях, покупая, кстати, в Питере, построенном зэками крестьянского происхождения, – в ларьке батарейки к диктофону, я услышал из старого кассетника песенку про то как «мне часто снится за колючкой твоя помятая кровать».

– Что, был у Хозяина? – спросил я, ожидая обычного недоуменного ответа. Или глупого ответа про то что он сам хозяин своего ларька.

Но на этот раз все было по-другому.

– Было такое, пятерку оттянул... – ответил с тенью смущения продавец, молодой мужик вполне законопослушной и даже модной внешности. Он не стыдится своего прошлого и не скрывает его, да это ж и хорошо. Помню, как иные австралийцы мне хвастались, что вот у них предки были каторжники и есть документы. А у кого нет доказательств, те как будто в армии не служили, они как бы дефектные. И построили ж страну! Ну не одни только каторжники, еще для полного комплекта понадобились проститутки, которых разметали прям на берегу, когда приходили набитые бабами корабли – не для пустых бесплодных забав, но ради жизни на Земле.

И вот те из них, что не ушли в побег – а многие сбежали, простодушно считая, что, если идти на север, окажешься в Китае, – принялись плодиться и размножаться. И сейчас их потомки ничуть не жалеют о том, что живут не в коммунистическом Китае, а в роскошной стране Австралия.

Нас немного отличает от Австралии. В самом деле, сколько сходства! Предки наши – часто зэки. Проституток наехало из ближнего зарубежья столько, что они уже вытесняют бродячих собак из переулков тихого центра Москвы. У нас практически такие же бескрайние просторы, как в Австралии. И началось потепление климата!

И вот последнее сообщение с телеграфной ленты: Австралия решила уничтожить 4000 лишних кенгуру, которые терроризируют тамошних фермеров. И то сказать, их там били-били, стреляли разрывными пулями, травили крысиным ядом, душили колючей проволокой, и все никак. Его хрен догонишь, с его-то мощными ногами, которые так и просятся быть пожаренными на гриле. Его голыми руками не возьмешь, и шкуру еще попробуй пробей, сапогам из нее сносу нет! Давайте нам его сюда, этого чудесного зверя! Он выживет в нашем новом климате, он тут будет как дома.

А что, действительно прекрасный зверь, такой мог бы выжить даже при советской власти! Он вполне достоин звания советского человека...

Три источника, три составные части: зэки, проститутки, кенгуру. А если после постройки новой красивой страны останутся лишние – перестреляем, как вон теперь австралийцы. Главное – не стыдиться своих корней. Что не только приводит к успеху (см. пример Австралии), но еще и, кстати, патриотично.

Догоним и перегоним Австралию, ура! Это даже круче, чем догонять Португалию, о чем было столько разговоров.

Загадочная закулиса

24 мая 2007 г.

На фоне теперешней политической борьбы – нет, точнее говоря, возни, практически уже предвыборной – я вспомнил старые времена. То есть я долго думал, что мне это все напоминает, из моей частной жизни – и таки вспомнил.

Начну издалека.

Это было в девяносто каком-то году. Едем мы с шофером из офиса домой. Он такой счастливый: поставил на машину спортивный руль и теперь с упоением играет им; новая игрушка. Я держу в руках старый штатный руль и пугаю соседей по полосе справа: дожидаясь, когда они на меня посмотрят, и резко вращаю штурвал вправо; они делают глаза как у селедки, дергаются и орут матом что-то задорное.

Наигравшись, я начинаю ставить задачи шоферу:

– Значит, завтра едем на дачу, там я застреваю на пару дней, а ты будешь возить Васю.

– Какого Васю?

– Журналиста Андрея Васильева. Известного тебе.

– А чего это я должен его возить? У него свой шофер есть!

– Какая тебе разница, кто у него есть? Повозишь!

– Не буду.

– Как так?

– Игорь Николаич, вы на дачу – и я на дачу!

– Послушай, – спокойно говорю я как человек, славящийся своей деликатностью, – в рабочие дни ты должен все-таки работать. А не на даче загорать.

– Нет, вы на даче – и я на даче. – И т. д., из пустого в порожнее.

– Ну ты понимаешь, что если человек работает у меня шофером, то он решает транспортные задачи на вверенном ему авто, а не ведет жизнь вольного художника?

– Понимаю. Но Васю возить не буду.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь? Это может означать только одно... А ну-ка останови.

Мы паркуемся на обочине. Я жестом призываю шофера выйти и жестом же требую отдать мне ключи. Он не верит. Он прекрасно знает, что только позавчера я получил права и некоторые правила движения знаю, но асом меня пока нельзя назвать, да и от карьеры гонщика пока следует воздерживаться. Если жить хочется. Но я кивками подтверждаю правильность своего решения.

Единственная поблажка, которую я ему дал, была такая: разрешение забрать спортивный руль, купленный им на личные средства. Со старым штатным рулем я тронул. Он долго смотрел мне вслед – там был длинный прямой отрезок – и с понятным чувством наблюдал, как машина дергается от грубо выжатого сцепления и пару разу вовсе глохнет. Я так понимаю, он ждал, что я остановлюсь, выйду из машины и заору:

– Да хер с ним, с Васей, мало ли что я ему обещал! Пусть на троллейбусе поедит, как ранний Ельцин! Я пошутил насчет преемника, даже и на пару дней! Возвращайся! Прости меня, дурака!

Я, однако, ехал и ехал вперед, пока не пропал из виду своего шофера, бывшего шофера.

До дому я доехал успешно, но был весь мокрый и по пути вращал глазами, наблюдая, как меня слева и справа обходят, облетают пулями прочие участники движения. С утра ничтоже сумняшеся я двинул в сельскую местность. Жену посадил справа, и она прикуривала сигареты (это, стало быть, случилось до 1994 года, в котором я бросил курить) и давала мне из своих

рук затянуться. Она по моей команде оглядывалась, когда нужно было узнать, нет ли сзади машин на опасном расстоянии.

Ехали, помню, долго и мучительно. Когда к обеду мы наконец прибыли на место, я вывалился из машины, выпил стакан водки и спал до следующего утра: сказывалось перенапряжение.

Обратно ехать было немного веселей, через три дня уже не очень страшно, а там я втянулся.

После и жену заставил сдать на права. Как она ни отбивалась. Она машину водит, но, правда, только в моем пьяном присутствии, и заранее берет с меня слово не напиваться сильно, чтоб я еще мог контролировать ситуацию на дороге и давать четкие команды. Моя мечта – чтоб я дрых на заднем сиденье, а она меня везла с ветерком, – остается несбыточной. Я ей говорю: давай хоть по воскресеньям, ранними утрами, катайся сама, набирайся мастерства. Нет! Не хочет...

В какой-то момент, начитавшись газет, я понял, что это все притчи и аллегии.

Фрондирующий суверенный шофер – старый барон-губернатор, который грозился отделиться от России. Два руля, один бутафорский, второй спортивный, – это Дума и... сами знаете кто. Жена у меня – это как бы общественная палата. Или новый президент. Которому я вроде как дал порулить, но...

Трудно только отвести какую-то определенную роль Васе, тут как раз самый широкий простор для фантазий; роль международной Закулисы – одна из самых скромных.

Суверенная африканская демократия

1 июня 2007 г.

Вот прилетел из Африки и спешу поделиться. Все так актуально. И забавно.

Был я в одной тамошней стране, в которой построена суверенная демократия... Не надо тут искать злобных параллелей, которых нет; случись какому супостату на нас напасть, думаю, что запишусь добровольцем сражаться за суверенитет. Сказать такое, конечно, легко, но я тут не голословен, поскольку точно помню, как в молодости порывался поехать воевать за сербов. Не сделал я этого тогда исключительно по причине нехватки денег. Будь у меня тогда пара тысяч долларов, чтоб купить экипировку и оставить что-то жене с малолетним ребенком на первое время, то точно б сорвался. Фраза о том, что не в деньгах счастье, обретает тут новое звучание; будь у меня тогда некая сумма, я мог бы давно уже, подобно товарищу солдата Швейка, бежать с оторванной головой, метко стреляя при этом из винтовки по неприятельским аэропланам. Хотя – если ж глубоко копать – в Чечню я на боевые действия хоть и ездил, однако же в сугубом статусе штатского журналиста. И автомата в руки там не брал. Но противоречие тут только мнимое: я же подписывался на войну, а в Чечне, как нас учит руководство, войны не было уж сто лет с лишним, а одна только контртеррористическая операция. Которой положено заниматься профессионалам, а уж никак не народному ополчению.

Итак, суверенная демократия.

Не далее как в прошлом веке эта африканская страна обрела суверенитет, прогнав европейцев.

– А что, действительно была такая необходимость? – расспрашивал я там местных.

– Да конечно! Мы же были рабами, а нашей страной командовали белые. Это было довольно обидно. Ну мы и решили вопрос.

– И довольны?

– Да не то слово.

Ну и ладно. Я спрашивал чисто для общего развития. Мне просто интересно сравнивать. Не Россию с Африкой – про это я достаточно уже написал и еще, может, отчитаюсь, – а суве-

ренные страны, которые были колониями, с несuverенными, которые так и стонут под гнетом белых, неполиткорректно говоря, колонизаторов. Во мне эти сравнения вызывают почему-то очень живой и парадоксальный отклик. Перед суверенной африканской страной я побывал на острове Реюньон, который имеет статус заморской территории Франции (оцените всю деликатность термина. Ну не писать же – колония). Там я тоже расспрашивал местных (практически по-африкански чернокожих) о жизни. И наблюдал за ней. Разница такая. Томящиеся под пятой Франции реюньонские туземцы ни в чем себе не отказывают, пользуясь плодами французского социализма со всеми страховками, медицинами, пособиями и даже – вот уж странность для жарких стран – замечательной питьевой водой из крана. Несuverенные реюньонцы, как я заметил, были ко мне совершенно равнодушны и никаких услуг, заглядывая в глаза и теребя за рукав, не предлагали. Они занимались своими делами – или же лежали на траве, покуривая марихуану.

Не то в посещенной мной африканской стране.

Она живет куда бедней Реюньона, и на каждом углу на тебя кидаются местные, пытаясь впарить какую-то ерунду за бешеные деньги или просто по-братски требуя поделиться, потому что им надо «ням-ням» (странно, я думал – это чисто русское выражение.) Один из них предложил мне знакомство с девицами предосудительного поведения. Я под благовидным предлогом – чтоб долго ему не рассказывать о своей завидной моральной устойчивости – отказался.

Он обиделся:

– Ты, наверно, наслушался грязных историй про СПИД? Это все ложь.

– Что ты, что ты! – Я не хотел его обидеть.

– Ну раз так, то я, чтоб ты не сомневался, приведу тебе свою сестру! Совершенно здоровая красавица двадцати лет, хоть сейчас на конкурс красоты. Всего за 50 долларов.

Африканские цены после торга тают раза в два. Без пяти минут «Мисс Африка» обошлась бы дешевле бутылки рядового вина в ресторане, я как раз только пообедал. Обошлась бы – будь я падким на сомнительные удовольствия субъектом, грязным каким-нибудь сластолюбивым старикашкой.

Церемонно отказавшись от сестры, я все-таки задумался о смысле происходящего.

В самом деле, для юной прелестницы не было бы ничего оскорбительного в том, чтобы предложить интим заезжему досужему иностранцу. Особенно такому спортивному искрометному пузатому красавцу, как я.

Куда обиднее для нее было бы унижаться под гнетом некоей европейской державы и жить на подачки от белых людей – знаете, все эти пособия, построенные с барского плеча больницы и дороги, жалкие тысячедолларовые (!) пенсии...

Если человек – это звучит гордо, то он должен быть готов умереть за суверенитет. Например, от голода. Или от СПИДа. Сестра на панели – еще не самое страшное. Мог бы и сам на амбразуру.

Но не все это понимают, не у всех есть достаточно гордости. Вот на Реюньоне провели недавно референдум – а не отделиться ли от Франции, не взять ли столько суверенитета, сколько можно унести?

Неловко вам говорить, но туземцы Реюньона большинством голосов предпочли стонать под французским игом. Более того, они даже не стыдятся говорить и думать, что они умные...

Что за люди, в самом деле?

Юбилей журфака МГУ им. Ломоносова

7 июня 2007 г.

Сколько нас таких расплодилось по всевозможным конторам с дипломом литературного сотрудника редакции. Некоторые, вы будете смеяться, даже попали в эти самые редакции! Отдельные оригиналы даже задержались в ремесле!

При том что, как вы понимаете, огромное количество знаменитых (хотел сказать «великих» или там «замечательных»), но это не та профессия, где можно претендовать на Нобелевскую премию или бронзовый памятник) журналистов на журфаке не бывали никогда и никакой в нем надобности не испытывали.

И мне понятно, почему так.

Я знаю, что за люди идут туда.

Ну конечно, каждый судит по себе, вот и я.

В юности, в школе, я ответственно подошел к решению вопроса о будущей профессии и начал ее выбирать.

Для начала я разложил по полочкам свои человеческие качества и начал их приставлять к разным ремеслам и специальностям. Я с похвальной трезвостью сразу отмел те, где требовались усидчивость, аккуратность, дисциплинированность, любовь к трезвому образу жизни. Невозможно было представить, что я буду годами, изо дня в день, приходить в одно и то же место в 8:00, причем тщательно выбритым. Я тщательно искал область применения для человека, неспособного к общественно полезному труду, который любит путешествия, пьянки, новые знакомства, ну там на диване полежать, почитать книжки. Вдохновила меня и схема «трое суток не спать, трое суток шагать ради нескольких строчек в газете». Я это понял так, что ты можешь куда-то усвистеть на три дня, подальше от начальства, а заметка в 20 строк будет достаточно уважительной причиной самоволки. Добавить сюда семейную фотосъемку и почитывание Конан Дойля со словарем, чисто для развлечения – и вот она, профориентация! Так я же готовый журналист! Как интересно!

Навел, значит, справки – а надо на журфак публикации предоставить. Пришлось идти в газету, какая поближе, – это оказался «Макеевский рабочий». Ну что ж, придется, со вздохом смирился я, поработать... Задание мне дали такое: написать про театральный кружок на забыл какой шахте. Поехал я туда на спектакль, после которого профорг увлек меня в кабинет, где сидели лучшие люди предприятия за столом, а тот ломился от «Зубровки», портвейна и одесской колбасы. Я, конечно, отказывался, я при исполнении! Я не пью! (В таких количествах.)

– Да ладно, что мы, корреспондентов не видели! Все пьют, одно на уме.

– Я не настоящий корреспондент! Я в школе учусь!

– Не знаем ничего. Назвался груздем – пей, и все тут.

Выпил, конечно, до дома добрался в ночи, утром не смог встать в школу и потом оправдывался тем, что срочно сдавал материал в номер. Учителя с умным видом кивали. Тем более что я был не очень далек от истины – двадцать строчек про шахтеров, которые страшно тянутся к культуре, вместо того чтоб бухать, в газете таки вышли.

И дальше я в ремесле так и выступал где-то по той же схеме, с потреблением алкоголя, ну марки напитков только меняются, с тем же процентом правды и приличий, – в самом деле, не писать же мне было в том полудетском раннем тексте про пагубный коктейль из «Зубровки» и «чернил». Я все-таки журналистское произведение писал, для публикации в реальной прессе, которая имелаась в наличии, а не постмодернистскую пьесу для посмертной постановки в московских модных подвалах. (Эти пояснения я даю для людей, далеких от нашего простого ремесла.)

Ну и вот с такими приблизительно текстами я был взят на журфак.

И там я чуть было не ушел с прямого пути. Я посмотрел на декана Засурского, который, красавец, то и дело летал в Америку, а заезжая в Москву, вел со студентами вольнодумные беседы, и подумал: «Это мое! Когда я вырасту, то стану деканом журфака!» Мне, правда, доставало профессорской элегантности, но я намеревался быстро ее приобрести, и вперед...

Слава Богу, я вовремя одумался. Мне хватило ума не влезать в конкуренцию с Ясеном Николаевичем. Я продолжил игру на своем поле.

Которое иногда было картофельным. Не все помнят, что раньше студентов отправляли в колхозы убирать урожай, вкалывать за харчи. Там от полевых работ часто удавалось откосить, прикрываясь выпуском стенгазеты и поездкой из колхоза в Москву за проявителем, закрепителем, увеличителем и проч. Газету я назвал L'indien, в противовес разным «правдам» и «ленинским путям». Был в моде Дассен, хотелось в Париж, да и на дворе конкретно стояло бабье лето, по истечении которого проект по-любому закрывался, – вот, пожалуйста, актуальность.

Много было разного, за что меня могли выгнать с факультета. Но не будем здесь о веселом, все-таки у нас торжественный повод и солидная дата, тем более что выбор тем не богат, список человеческих слабостей не так уж длинен. Но – не выгнали. Один мудрый и знающий человек мне после все объяснил:

– Косить от работы, прикрываясь стенгазетой, – ну, неплохая идея. На каком-нибудь физфаке. Но учудить такое на факультете журналистики! Это же верх цинизма и самоуверенности! (На которых и стоит наше ремесло.) Кого ж тогда оставлять, если выгнать такого?

Не скажу, что я провел на журфаке лучшие годы.

Но именно с него они начались.

Сегодня, когда прошло столько лет – я закончил в 1980-м, – могу сформулировать. Я страшно благодарен журфаку за ту благородную миссию, которую он выполняет в этом мире. Он дает шанс таким людям, как мы, – ленивым, нелюбопытным, пьющим, не имеющим способностей к наукам. И даже нас, таких, он вывел в люди, и мы теперь развлекаем почтенную публику как можем.

Кем бы мы были без него?

Поди знай...

PS

На прошлой неделе я читал в Высшей школе экономики лекцию о смысле журналистики. По ходу дела встал вопрос о том, должен ли журналист писать правду. Я объяснил, что не должен. Есть только одна профессия, в которой положено говорить правду и только правду: это пророк. С посохом, босиком, готовясь к мучительной казни, без редакционного задания, без ксивы, без суточных и гонорара, без бизнес-плана – вперед! На журфаке таких специалистов не готовят. Мы все-таки сфера обслуживания, индустрия развлечений. Иногда – экстремальных, но таки развлечений.

Что касается правды, то ее журналист может писать и говорить на тех же основаниях, что клоун или официант. Дело тут не в профессии, а в человеческих и гражданских качествах.

Люди просто часто это путают.

А не надо.

Снимая пенки с Сокольников

19 июля 2007 г., 17:25

В выходные я попал в парк Сокольники и получил там замечательные впечатления, которые мне, как этнопсихологу, очень дороги.

Я вообще читал про этот парк много плохого. Живущий (или живший – может, он оттуда уже съехал) в тех краях Виктор Шендерович, пламенный трибун, крыл Сокольники почему зря, клеймя руководство этого заведения за непростительную алчность – там якобы ввели пятидесятирублевую плату за вход! Однако я в это не очень верил, полагая, что неистовый (за что мы его и любим) Виктор в пылу полемики несколько преувеличивает.

Так вот оказалось, что все так и есть. 50 рублей! У ворот стоят два охранника в черной, как у Штирлица, форме. И завораживают поток отдыхающих к кассе.

Шендерович, стало быть, не очерняет действительность? А описывает ее адекватно?

Но это еще не все. Внутри парка есть еще так называемый розарий. Это участок местности, огороженный опять-таки забором. И опять касса, опять охранники в зловещем черном. И тот же полтинник за право прогуляться между клумбами.

Я не стал исследовать весь розарий, но не исключаю, что там есть еще пара-тройка уровней и за переход на каждый из них надо платить. Знаете, по типу матрешки, жлобский такой стриптиз: снимаем слой за слоем, платим, платим, и всегда есть что снять, это как капуста, там поди еще доберись до кочерыжки.

Вот она, красота! Огородить все заборами и снимать пенки с дерьма, и наставить кругом мордатых охранников – и будет счастье. Для полноты которого парк наполнен громкой музыкой. Источников ее несколько десятков, она доносится из разных точек. Если стоять под динамиком, то вы будете слышать только одну тему. Если отойти от него чуть в сторону, вы сможете слушать не одну песню, а три или четыре, которые разве только слегка глушат друг друга. Замечателен и репертуар: некий провинциальный полублатняк в исполнении неизвестных певцов.

Многоголосье это, видимо, означает торжество плюрализма. Десятки развешанных по парку динамиков куплены, похоже, на собранные с посетителей деньги – типа, не зря пропали, и об этом заявлено так громко, что это должно казаться убедительным.

Особенную красоту теме придает такая замечательная деталь: спереди, с парадного входа, – торжество закона и охранников. С тыла, это в лесу, на северной стороне парка, – здоровенные бесплатные ворота. Заходи, гуляй... Не только заходи, можно и на машине заехать. И катайся себе по парку... На моих глазах люди заезжали, остановившись на полминуты пообщаться с охранником. Репликами они обменивались или еще чем, не знаю.

– Что, любому можно заехать? – полюбопытствовал я.

– Вы что, не видите табличку – «Автомобилям въезд в парк запрещен!»?

– А вот едут же люди.

– Так у них пропуска специальные. Или они сотрудники милиции. Разве не понятно?

Опа. Все как у взрослых! Спецпропуска, спецслужбы, льготы и привилегии; чего нельзя в лоб, то замечательно удается с черного хода... Друзья, да это просто действующая модель страны! В Сокольники надо водить школьников на уроки обществоведения или как они там называются.

Единственное, что тут отражено нереалистично, – это бесплатные туалеты. Но это нарушение простительное и, увы, неизбежное: в парке попробуй замани человека справиться нужду за деньги... Себе дороже.

А вне Сокольников разве бывают бесплатные сортиры? Это все-таки Россия, самобытная страна. Тут все строго.

Центральный парк, Люксембургский сад, Гайд-парк – они почему-то бесплатны. Даже странно думать про далекие наивные страны, в которых такое бывает. Когда ходишь по тропкам Сокольников, в существование Запада как-то даже и не верится.

Эта их бесплатность – она проистекает явно из провокационных или иных побуждений типа клеветнических... Но они еще пожалеют об этом.

Самое интересное, что нашим людям в Сокольниках нравится. Никаких следов возмущения я не заметил. Никто не жалуется, не плюется в сердцах. Отдыхающие с довольным видом прогуливаются среди насаждений. Прекрасный отдых! Это, похоже, я ничего не понимаю.

Похоже, где-то тут надо искать национальную идею. Как это ни печально.

Итак, конспективно: деньги из воздуха, дешевая культурка, и кругом бездельники в униформе...

Тыща вистов Ющенко

26 июля 2007 г., 17:45

Прошлый уик-энд я провел на Волге.

Острова, шашлык, водка, стандартный набор удовольствий. Встретился я и со старым товарищем Леней, этническим украинцем, жителем Самары, мы пообедали – кстати, на тех же островах, поговорили по душам. Вспомнили, как водится, старое, разные смешные случаи. Один был такой. Как-то сели мы играть в преферанс, коротая время в долгом полете из одной зарубежной страны, и сперва поспорили – а почему у нас будет вист? Один из игроков, серьезный пассажир, предложил играть по маленькой – доллар вист. Леня просто взвился:

– Да вы просто ох... вшие животные! Жирные твари! Вы зажрались! Доллар – вист! И вы это предлагаете мне, бюджетнику! Простому, типа, земскому врачу! Живущему на одну зарплату!

Бюджетник из нас всех был он один. Нам стало в какой-то мере не то что стыдно, но как-то неловко. Не стыдно потому, что никто из присутствовавших давно не пользовался бесплатной медициной, давно уже забыли, что это такое. На Лениной бедности никто из нас не наживался. И тем не менее...

– Ну ладно, ладно.

– Что «ладно»?

– Ну сколько ты скажешь, столько и будет.

– Рубль вист.

– Чего-чего? Ой, извини, да, конечно.

Ну, расчертили А4, сдали карты... Пошло-поехало... Выпивку разносят... Все как у людей, по той же схеме, как, бывало, играли при Советах.

Слово за слово, час за часом полета игра двигалась вперед. У меня с самого начала начались проблемы, потому что я впервые в жизни играл «Ленинград», прежде садясь исключительно за простенькое и теперь очень патриотическое «Сочи». Распасы серьезно подняли мою гору, потом еще паровоз я получил на мизере. Сели, короче, считать. Считали, считали, и оказалось, что после всех взаимозачетов я должен Лене тысячу вистов.

Я молча достал тысячную голубую бумажку и протянул победителю. Он отказывался, но куда ж тут.

Инициатор нашей игры, который требовал доллар за вист, выступил в роли спортивного комментатора и дал такой отзыв о только что закончившемся матче:

– Вот видишь, Леня, как ты был не прав, что не послушал меня! Вместо этой скромной бумажки ты б сейчас держал в руках десять стодолларовых купюр. Но ты ведешь себя так, как ведешь, и потому у тебя нет денег. И не будет, боюсь!

Леня, пока деньги у него как раз были, убрал их в тощий кошелек бюджетника. От греха подальше – мало ли, вдруг и эти пропадут!

Я молчал. Мне было приятно, что я поучаствовал в решении проблем страны – в подъеме благосостояния наших медиков, пусть даже одного и совсем незаметно... Приложил слегка руку к реализации нацпроектов – наверно, один из них как-то же должен касается медицины?

Леня сделал жест доброй воли – решил мне как-то скрасить возможные переживания от проигрыша:

– Будут проблемы, сразу ко мне! Все сделаю, что в моих силах.

Все – это на самом деле не так много, это очень ограниченный спектр услуг. Леня на работе всего только и может, что всунуть. Или вставить. Всовывает он такой аппарат под назва-

нием «эндоскоп». Мест, куда можно его пристроить, у человека не так много. Это те самые места, о которых вы сразу подумали. А если этот человек мужчина, этих мест еще меньше, как вы сами понимаете.

Я решительно отказался. А то пойдут разговоры, что Ющенко вставил донецким по самое некуда. Это лишнее. Тем более что такого не было. И не будет.

Ну ладно, донецкий – это я. Вы догадались. Но при чем тут Ющенко? Все просто: это фамилия Лени! Так получилось. Кто не верит, пусть проверит и убедится, что эндоскопист Ющенко действительно работает в городской клинической больнице № 5 г. Тольятти (медгородок).

Да и зря он волнуется, что вот ободрал меня как липку. Потеря тысячи рублей не сделала меня бедным. А тыщу в долларах я б скорей всего и не проиграл: я б вместо того мизера пасанул. И мы б еще посмотрели, кто кого.

Мораль этой басни очень простая: всякий Ющенко должен понимать, что донецких голыми руками не возьмешь. И мелкие тактические выигрыши не стоит принимать – и выдавать – за серьезные победы.

Что же касается конкретного Ющенко, Лени, то парень он прекрасный. У него есть серьезное обаяние и ярко выраженное чувство юмора. Пользуясь случаем, передаю привет его жене Ларисе, за которой числится победа на конкурсе «Лучшая девушка Тольятти». Вот это действительно достижение!

В отличие от тысячерублевого скромного выигрыша.
Совершенно причем случайного.

Пределы приличий

2 августа 2007 г., 17:16

Я встретил на улице забавную вывеску: «Джи и Мани банк». Это как бы множественное притяжательное – Джо и Маня, это одна пара, а когда таких много и всех зовут одинаково...

Легко представить, как эти Джи и Мани собираются и учреждают свой банк. А что, неплохо.

Молодцы, ребята! Совсем недавно я видел где-то вывеску GE – понятно, что это General Electric. И вот уже эти чуждые англицизмы обрусели и превратились в эти самые Джи И. Люди показали уважение к стране пребывания, к ее языку. Коряво, но уважительно.

В самом деле, где вы видели на Западе товар с названием ВОДКА? Шалишь, брат! Что это за ВОДКА такая! Не бывает так. Это там всегда, извините, называется VODKA. С какой стати они писали бы там совершенно им чуждой кириллицей? Для чего им ее допускать к себе? Когда все вокруг пишут латиницей. Люди же у себя дома...

Очередь за прочими!

Сейчас уже не те времена, когда преклоняться перед Западом было можно, модно, красиво и безобидно. Кто хочет перед ним это делать (хотя не очень понятно, зачем вообще преклоняться перед кем-то или чем-то), пусть делает это под свой страх и риск. Взгляды на Запад вообще, похоже, пора пересматривать, и они уже пересматриваются глобально. Даже самими жителями Запада. В тех же Штатах иные ястребы видят в хит-параде своих врагов в 2020 году Францию – поскольку к тому времени она, вероятно, станет исламским государством, обладающим ядерным оружием, которым она будет размахивать легко догадаться у кого под носом. (Есть информация, что половина французских школьников уже сегодня – мусульмане, и легко просчитать перспективу.) Преклоняться перед такой Францией – это будет очень экзотично.

Что касается англичан, то они, бедные, намучились со своим наводнением. Им, возможно, придется менять не только мозги, но и ПМЖ, когда острова, не к ночи будь сказано, совсем затонут. Думаю, что мы их приютим у себя в Сибири, причем не в плохом смысле слова

«Сибирь», а в позитивном, по-хорошему: дадим им кусок китайской границы или берег совсем теплого Ледовитого океана в аренду на 49 или даже 99 лет с правом продления. Пусть живут.

Кстати уж, о Китае: он пристраивает к России свои красные фанзы с гнутыми крышами в самых престижных местах. Вы это можете увидеть своими глазами, посмотрев на одноименный (со страной Россией) кинотеатр со стороны Большого Путинковского переулка. Красивая и говорящая картинка.

С «Джи И» мы, стало быть, выяснили. В ближайшее время, у меня есть предчувствие, все выяснится и с другими иноязычным надписями. Мы скоро увидим новые логотипы уважаемых западных журналов. Пока трудно угадать, как они будут называться в новой жизни. «Менз хелс» или «Мэны хелз»? «Эсквайр» или «Эксквир»? «Играющий мальчик» или «Плейбой»? «ФХМ» или «Фэхээм»? Может, «Эфэйч-эм»? Хорошо также «ЭфэйчЪ-эм», это совсем по-русски. «Бизнес-уик». Или «Деловая неделя» – кстати, неплохо.

И некоторых русских журналов это коснется тоже. «Хэхээл» – или «Очень, очень большой»? Бьютти – так звали собаку Байрона. Может, они так и переименуют – «Собака Байрона»?

Кстати, я давно уже разговаривал про это с одним высокопоставленным чиновником, который мог решить вопрос. Или по крайней мере его инициировать. Он был вхож к президенту! Фамилия президента была тогда Ельцин. Я чиновнику изложил приблизительно то же, что вам сейчас. Он ответил:

– По бизнесу тут все нормально. Торговая марка... Не вижу причин вмешиваться.

– Но я к тебе сейчас обращаюсь не как к бизнесмену! (Которым ты тоже являешься.) Я с тобой разговариваю как с чиновником. Как с российским государственным деятелем.

Он ничего не ответил. Он не понял. Он ушел. С должности. Вскоре после нашего разговора – у нас администрация сильно поменялась. Сейчас все по-другому. Если вы заметили, русское стало котироваться выше. Свое стало еще ближе к телу.

Чтоб не было недоговоренностей: сам я к Западу отношусь с теплым интересом. Я на Запад то и дело ездю. И разговариваю на некоторых западных языках – с ошибками, конечно, с акцентами – но взял же я на себя труд эти языки выучить. Квасной патриотизм – это не про меня.

Я прекрасно помню, откуда пошел этот термин. Один купец – его фамилия была Кокорин – вскоре после окончания Крымской войны давал банкет для инвалидов, которые участвовали в тех боевых действиях. Все подавали самое лучшее. Из напитков таковым было шампанское. Но оно ж французское, вражеское! Может, на водку его поменяем? Нет, оставим! Но разбавим его народным русским квасом. Из патриотических побуждений.

Отродясь я не пил такого коктейля. Я его противник.

Запад – пусть будет. Но в пределах приличий. Все-таки хорошо, когда их соблюдают.

ВВС: ночная бабочка в новой форме

9 августа 2007 г., 17:10

Проходя на днях по Москве, увидел, как двое бойцов в камуфляже отдают мне честь. Может, они что-то перепутали? На всякий случай я оглянулся: за мной шел майор – так это все, значит, ему. Причем он был без фуражки! С непокрытой головой!

– Почему без головного убора? – спросил я его деликатно, но со скрытой угрозой.

– Да мне тут близко добежать.

– Все равно нехорошо. Не знаю, что с вами делать... В комендатуру, что ли, сдать? – спросил я задумчиво.

– Может, не надо?

– Ну ладно. Идите. Но скажите вашему начальнику, что я сделал вам замечание.

– Хорошо. Спасибо. Я скажу. А от кого замечание? – проявил он бдительность.

– А что, разве сами не видите? – спросил я с укором.

Он извинился, еще раз меня поблагодарил за доброту и ушел.

Конечно, этот случай привлек мое внимание к проблемам российской армии. Я своими глазами увидел растущий демократизм в войсках: видите, даже майор может поддержать светскую беседу, и ему не чуждо вольнодумство – по городу расхаживает без фуражки. Хотя, может, ему просто неприятно ходить в головном уборе теперешнего покроя, который высотой тульи превзошел уже и СС, и черных полковников, и латиноамериканскую хунту – и даже Африку! Чем выше тулья, тем ниже боеспособность армии – не мной подмечено... Мой майор ждет, видно, фуражку нового покроя, которую обещали поставить осенью. Там будет очень низкая тулья, какая была в годы громких побед русского оружия, – про это объявили на днях.

Я стал внимательней присматриваться к военным. И был вознагражден. Я увидел на тротуаре замечательную пару. Сперва я отметил ее: она была такая высокая, сисястая, веселая и беспечная. Она шла, размахивая сумкой, и смеялась, и ее рыжесть сверкала на августовском солнце. Хороша. После я скосил глаз на ее спутника. Это был, вы не поверите, военный курсант! Здоровенный, плечистый, мордатый, глаза горят, фуражка по-казачьи на самом затылке, китель расстегнут – жизнь удалась. С каких пор такие девки гуляют с курсантами? Давно такого не было. Наверно, лед тронулся...

Я вспомнил, как в 2000-м в городе Сантьяго на авениде 11 сентября, любимой улице чилийских военных (не смейтесь, ее так называли в 1973 году, после того как придавили красных во главе с Альенде), встал как вкопанный: по улице шел курсант. Наших мы помним, какими те были: заморыши в мятом камуфляже, с тонкими шеями, которые сшибали мелочь на улицах. А тот был высокий красавец в блестящем парадном мундире, с портфелем из дорогой натуральной кожи... И в белых перчатках. Он шел по улице лениво и с таким достоинством, какое у наших генералов не встретишь. В довершение картины он достал из кармана рукой в белой перчатке мобилу и изящно ответил на звонок. Мобила тогда – не что сейчас, это было круто...

Это не спасло Пиночета и его офицеров от преследования, но тем не менее.

Что-то подобное стало происходить и у нас, выходит. Я поговорил про это с дружественным политтехнологом, капитаном запаса Андреем Ильницким, который сейчас служит в ЦК КПСС (или как оно сейчас называется, ну, где медведь на четырех ногах нарисован? В Банном переулке у них офис). Он сказал:

– Лови момент: когда офицеры вернутся в рестораны и станут там гулять как дома, значит, государство вернулось.

Словить непросто: сейчас в Москве тыщ 10 ресторанов, а при Советах было несколько десятков. Но тенденция понятна.

Еще я перекинулся парой слов со знакомым геем. Он пожаловался, что трудно теперь снять солдата. Раньше их было пруд пруди на ночных улицах, а теперь одни штатские. А как известно, женщины (и примкнувшие к ним в этом смысле пассивные геи) так любят военных...

Черту в дискуссии подвел мой знакомый, который влюбился в проститутку. Он ее перидически вылавливал в известных ему ночных клубах и дружил с ней. Она его покорила следующими параметрами: исполнительность, четкость выполнения команд, знание матчасти, воля к победе. Никаких бабских капризов и жеманства. Спрашивается, откуда такое в ночной бабочке? А все очень просто. В минуту страсти она призналась от чувств, что проститутка она не настоящая, только учится. А так она старший лейтенант ВВС. Служит под Москвой в Н-ской части, стоит на боевом дежурстве.

Многое стало понятно!

Конечно, над ним смеялись, когда он рассказывал, что влюбился в старлея. Он сбивчиво объяснял, смеялись еще громче...

Так вот: девчонка пропала. Нету ее в клубах, сколько ни шарь. И номер мобилы поменяла. Вот и вся любовь.

Действительно, в Вооруженных силах РФ происходят какие-то важные процессы...

Это приятно.

Но!

Товарищ старший лейтенант! Милая! Пожалуйста, сообщите в редакцию ваши новые координаты. А то парень переживает. Самое обидное, что он вас всегда только в штатском. Но хочется хоть разок в форме. Хоть в новой, хоть в старой. Форма не главное, тут содержание важнее... И интерес населения к проблемам Вооруженных сил.

Ностальгия

16 августа 2007 г., 16:10

Находясь на чужбине, вдали от родины, не имею возможности сочинить актуальную колонку. Что там, дома? Не знаю. Не смотреть же, в самом деле, русские каналы, хотя их тут есть пяток. А почему не смотреть? Так новости, какие щас идут, я таких при Советах еще насмотрелся, типа, начальство у нас чудесное и все делает правильно всегда, а остальные – козлы. Это пусть молодежь смотрит, ей такое в новинку. Хотя и она уже могла успеть к этому привыкнуть... А кино, кино же хорошее крутят по русскому ящику! Крутят иногда, не спорю. Но я его могу смотреть только на видео, в записи. Таков мой способ борьбы с ТВ-хамством. Таким, когда на самом интересном месте включают рекламу. Зачем люди палят бабки? Зрители в момент показа рекламы либо бегут пописать, либо щелкают и уходят с канала, часто забыв на него вернуться. Рекламу вообще надо давать в газеты и журналы, там она деликатна, ее можно послать и заметить после, от скуки. Кино же столько идет хорошего по ТВ, что я, как вернусь в Москву, пойду покупать DVD-рекордер, пусть он пишет, а то головка на видеке подтерлась. На новых аппаратах, кстати, слышал, есть функция пропуска рекламы ваще – особенно агрессивной; у меня есть список продуктов, которые я не пробую из принципа, достали уже. Это касается, в частности, некоторых сортов пива, которые отрекламированы настолько настойчиво и бездарно, что я их просто ненавижу.

ТВ-начальники говорят: реклама – плата за хорошее ТВ. За CNN, что ли? Как у них там потоки идут? Странно... CNN – хорошее, а рекламу ставят нам почему-то.

И потом, не надо прикрываться хорошим кино, его же не в Останкине снимают, это чужая заслуга. Но тем не менее выступлю актуально – на темы отпускных поездок.

Значит, отдыхая в Юрмале, конечно, я не раз заезжал в город-герой Ригу, которая – самая настоящая Европа. В том смысле, что в ней снимали и Берлин, и Цюрих, и Париж в советские времена. Для совка это сходило за настоящее. Семнадцать мгновений весны, типа. И вот в Риге я увидел знакомое здание: это ж Музей *Latviesu strelnieki*, латышских то есть стрелков!

Подхожу ближе, а там другая вывеска: «Музей оккупации». Как интересно. Конечно, их же вермахт захватил, и теперь они клеймят оккупантов – а у нас некоторые их называют сгоряча фашистами.

Захожу, а внутри не то, про что я подумал. Там про советскую оккупацию. Ну там уголок лагерного барака чисто колымского огорожен. В таком духе. И плакаты с латышами-красавцами в немецкой форме со «шмайсерами». Вот кто сражался с оккупантами, значит.

И вот я вступил в дискуссию с бабушкой-смотрительницей, или кто она там в музее, постаревшая такая, мужественная арийская блондинка.

Я ей объяснял:

– Верните Музей стрелков на место! Вам его большевики за заслуги поставили. За то, что вы помогли Советскую власть установить по всей империи. И решающую битву под Кромами в 1919 году красные выиграла только благодаря вам. Мы, украинцы, тоже в СС служили не хуже

вашего (на самом деле, конечно, не так массово, это я в полемическом задоре), но не хвастаем этим. Но даже самый злой критик не скажет про нас, что мы главные ответчики за Советскую власть. А вы самые что ни есть большевицкие прихвостни.

Бабушка сперва спорила, а после согласилась.

Я ушел довольный. Было приятно, что я в дискуссии одержал верх. Наутро, опохмелившись, я стал вспоминать про вчерашнее. И осознал, что бабушку покорила не мой интеллект. Ей просто стало страшно: пришел пьяный, орет и размахивает руками; не ровен час, зашибет. Она сочла за лучше признать мою правоту, лицемерка.

Я-то перед походом в музей выпил сперва ностальгически рижского бальзама. А после еще и иных напитков, виски там и джина – благо в Латвии это все продают дешевле, чем в Duty free.

Что украшает отдых.

Не знаю уж, как латыши к этому пришли, но это мудро. Надо бы и нашим перенять этот патриотический опыт. Умоем латышей!

Не все же жлобиться.

Поздравляя Альбац

23 августа 2007 г., 17:35

На неделе кто-то кое-где у нас порой отмечал годовщину путча и его подавления.

Я как-то подзабыл про дату. Хотя как щас помню, мотался по баррикадам, томился в туннеле, где раздавили трех демократов, ожидал ракетного удара по Белому дому, с неудовольствием глядя на небо... Это все, правда, не от души, а по долгу службы: я чего-то писал в подпольную газету. Подзабыл – но в машине включил радио, «Эхо», к которому прирадовался как раз в путч, – а там моя однокурсница по журфаку МГУ Женя Альбац рассказывала, как в дни печальные путча ее редакция – «МН» – была окружена танками и все такое. (Заодно поздравляю ее с повышением, она теперь замглавного в бывшем «Новом времени», откуда только что не от хорошей, видно, жизни ушел мой бывший начальник по «Коммерсанту» Раф Шакиров. Ему я тут тоже, как в «Поле чудес», передаю привет. Думаю, не пропадет. Желаю ему и дальше успешно менять редакции и не тужить.). Другая моя однокурсница, Аня Мазепа (она потом поменяла фамилию, выйдя за Сашу Политковского), тоже б явно высказалась на тему, но она уже в вечности, докуда не достает русская злободневная политика... Редуют ряды демократических журналистов!

После я за ужином включил ТВ, а там длинный, но прочувствованный сюжет про Пуго. Который пошел к путчистам, после об этом пожалел и – застрелился. Как это в старые времена делали офицеры в случаях проблем с честью.

Такое чувство, что после Ахрамеева и Пуго никто из наших офицеров не стрелялся. Блядь, как мне больно, что русские офицеры перестали стреляться! Я в каком смысле? Если б они перестали от того, что не совершают бесчестные поступки, – это было б другое дело, я б тогда добивался от Минобороны разрешения носить офицерскую форму, будучи резервистом. Но все ж несколько иначе, мы понимаем.

Я, короче, выпил за упокой души Бориса Карлыча. К которому, прямо скажу, в 91-м был прирастен. И цитировал в прессе злобные про него чужие стишки, которые не буду тут приводить, вы сами помните.

Ну чекист он, ну из латышских стрелков; попал парень в переплет. Его деды установили у нас советскую власть, а она свергнута, и куда податься латышу? В буржуазной Латвии за такое поведение тоже б не похвалили, он-то настроения земляков знал... Есть касательно относяща-

яся к делу присказка: «Евреи, не танцуйте на русской свадьбе!» В общем, положение латышского чекиста в те времена было хуже губернаторского. И...

Прости, короче, Борис Карлыч.

А еще в августе 91-го я в прессе же наехал на идеолога ГКЧП Сашу Проханова. Не видевши его на тот момент ни разу в глаза. Прости, Александр Андреич. Некрасиво тогда получилось. (Причем не знаю, кстати, простил бы я в такой ситуации.)

Короче, прости, если можешь.

Чем дальше от романтической юности, тем меньше сомневаешься в том, что человеческое выше идеологического. Нас просто в школе этому не учили, а, наоборот, засрали мозги.

Теперь вот по чуть приходим в себя.

В меру сил.

Насчет Пуго. Вот что лучше – застрелиться? Или, как бывший Верховный главнокомандующий сверхдержавы, за деньги идти рекламировать произведенную в странах НАТО пиццу? Как это сделал один из активных (или пассивных?) участников событий 91-го. Срекламировал – и сыт, пьян, нос в табаке...

* * *

Хотя – пусть и те и те как хотят. Я им не указ. Я-то вообще что? Но с них же еще спросят. Есть еще инстанции повыше нас с вами. Куда нам, дуракам, чай пить! Есть такие инстанции, в которых судьи Гаагского суда будут плакать как дети. Не говоря уж о наперсниках разврата (разврата – в плохом смысле этого слова).

Вскоре после путча, вот забавно, я попал на отдых в тот самый Форос, в бывший санаторий ЦК. Там обеды подавали по меню, надо было только заказывать заранее, за день или два. Но вот только икра и осетрина были зачеркнуты в меню. Напечатали бланков на сто лет вперед, режим казался вечным, ан нет... А теперь в дни около памяти путча по всей стране запретили жрать ту же самую черную икру.

Как смешно иногда закольцовывается история!

А иногда и грустно.

Вот к годовщине путча же наше начальство запретило Би-би-си вещать у нас на русском. Это новая победа демократии и народовластия (как черти из коробочки из моей памяти выскакивают старые формулы.) Я чешу репу и хмурюсь. А по ТВ утром в четверг уже шла прямая трансляция из Кемерово, где всенародно начали уже отмечать День шахтера (который вообще-то будет в последнее воскресенье августа) с чествованием человека труда и – сто лет не слышал этого термина – шахтерских династий.

Если так и дальше пойдет, к следующей годовщине в Кремле будут награждать путчистов. А Женя Альбац будет про это злобно вещать не с Арбата, где «Эхо Москвы», а из Лондона. В лучшем случае, которого я ей желаю.

Заканчиваю текст. Поскольку без мата не могу обсуждать эту тему дальше. А с матом нельзя же. Это теперь тоже уголовка. Е... (текст обрывается).

Как я провел каникулы

31 августа 2007 г., 10:50

Мы ездим куда подальше не для того ведь, чтоб выпасть из одной реальности, забыть ее, нырнуть в новую, а вынырнув оттуда, забыть, в свою очередь, и ее – чтоб вернуться домой и там, дома, делать вид, что ничего не произошло. Нет, друзья! Эти фрикции – туда-сюда, Россия – за граница, Россия – за граница и так далее, – они не зря, не впустую. Это все мелкие

детали единого мощного полового акта на границе стихий, который кончится либо слиянием миров, либо их взаимным уничтожением. Ну или, на худой конец, столкновением концепций и взглядов на жизнь. И кто-то победит, кто-то один.

Я много там, снаружи, видел...

Всего сразу не вспомнишь, но уж обозначу первое, что пришло на ум.

В Африке я заезжал в такую глушь, что там даже мобилы не брали сигнала, о как! Но я видел там знаете что? Пандусы! Для инвалидов колясок! Фантастика... Дикие негры полагают, что сперва надо для инвалидов пандусы устроить и только потом – антенны мобильной связи... Я представляю, как сейчас, читая эти строки, хохочет Лужков, как смешны ему наивные черные туземцы со своими примитивными бреднями. Так вот почему в Африке так бедно – они о слабых думают, вместо того чтоб бабло колотить! Сами виноваты. Я, кстати, где-то вычитал, что вот Лужков состарится, уйдет на пенсию и ему все икнется и он будет ездить на инвалидной коляске по Москве. Глупости, не будет он так ездить. Его будут возить на спецвэне с откидным пандусом, он себе купит. Жена подарит, у нее бабки, говорят, есть. Хотя – что-то я не видел солидных бизнесвумен, при деньгах, чтоб они жили с нестатусными стариками. Я, наоборот, знаю целый ряд состоятельных дам, которые живут – иной раз даже и в законном браке – с молодыми, очень спортивными людьми. Рядом с которыми я себя чувствую пенсионером...

Еще про богатство и бедность.

В богатом турецком провинциальном городе Анталия я видел роскошь, не представимую в нищей нашей глухой столичной нефтяной Москве. А именно: видел я пешеходный переход, который идет над дорогой, так туда люди не по ступенькам карабкаются – но на электрическом эскалаторе поднимаются! Куда нам, дуракам, чай пить и щи лаптем хлебать... Это ж скоко денег надо... Скоко энергии! Как верно заметил в радиовыступлении коллега Доренко, у нас нет другого пути, кроме как строить в стране платные дороги; вот если б у нас нефть была, то мы могли б и бесплатные, – а так где ж денег взять?..

Еще видел я такое чудо: бесплатный автобус, который везет людей из аэропорта до города. Это где ж такое? Скажу. Аэропорт этот назван в честь Кеннеди, а везет до Нью-Йорка, до ближайшего метро. А у нас я с глубоким чувством изучил наклейку у кассы в аэропорту Домодедово, которая извещала, что и дети, и пенсионеры едут за полную стоимость. Ну а что, у нас же не лицемерная Америка, чтоб играть в демократию и всякий гуманизм, цирк устраивать! Раз человек человеку волк, так пусть эти волки друг друга и рвут на куски. Мы, русские, открытые и простые люди, что думаем, то и говорим, и делаем что хотим, а кому не нравится, пусть идут к Евгении Марковне. Такими похвальными и отважными манерами, кроме русских правдолюбцев, обладают еще разве что деревенские дурачки, – это я так, некстати...

И самое странное наблюдение сезона – это Айя София, бывший наш православный храм, после азиаремонта превращенный в мечеть. Да оно, может, и к лучшему, что так вышло. Что я тут имею в виду? Если б Константинополь остался за православными, как мечталось разным поколениям наших радикальных патриотов, то знаете, что было б с Айя-Софией? Скажу: русский народ-богоискатель взорвал бы ее, по своему обыкновению, и поставил бы на ее месте элитарный жилой квартал с подземной стоянкой и бутиками. Или – как же я сразу забыл – бассейн! Но, думаю, не с пресной водой, как в бассейне Христа Спасителя, а с морской, и все была б какая-то польза от проливов. Первое время. Какое-то время. А после византийская греческая советская социалистическая республика один бы хер провозгласила независимость и давно б вступила в НАТО не хуже какой-нибудь Латвии. Как мы любим. И там бы по-братски воссоединилась с греками, и турками, и болгарями, которые когда-то друг друга в произвольном порядке резали и за которых мы рвали жилы и лили кровь.

Задаром.

А если б мы, перед тем как сдать проливы за понюшку табаку вместе с Берлином и прочим, русские, их бы завоевали с боем, то население России было б не 142 миллиона, а может, и все 50...

Может, и правда – что Бог ни делает, все к лучшему.

Как же «без блядства»?

6 сентября 2007 г., 18:06

Как не поговорить про новую книжку? Особенно если человек специально тебе ее занес по дороге домой с ВВЦ, где была презентация. Со стартовым тиражом 25 тысяч, что по нашим временам просто фантастика. Продадутся, не продадутся – не суть важно; главное, что в человека кто-то вложился.

Да, именно про книжку – тем более литературный академик. Который еще в 1996 году читал рукопись первой книги тогда молодого, а теперь не то что маститого, но заматеревшего автора. И даже печатал куски в прессе, с его согласия. Был мощный отклик. Возможно, потому, что тогда в первый раз в стране затевалась операция «Преемник».

Фамилия первого «преемника» была, как вы помните, Немцов. А новая книжка называется «Исповедь бунтаря, или Политика без блядства».

Заголовок эпатажный (кого-то), но это ж оксюморон. Ну какая ж без бл...ства политика? Такие взгляды могут быть разве только у людей, плохо знакомых с римской историей. Я пролистываю какие-то книжки про античную политику, когда от русской становится тошно. Прочитаешь главку-другую про древнеримские доблести типа предательств, убийств, кровосмешения, клятвопреступлений, ну мелькнет какой-нибудь чудак, который всерьез думал о народном благе, а дальше опять обычные политические темы – и так светло становится и легко: все у нас как у людей. Мы все-таки Европа, мы по цинизму и жестокости бессмысленной любви к роскоши ничем не хуже римлян.

И с этой точки зрения Немцов вовсе не политик, зря он на себя наговаривает. Он вполне приличный человек. Открытый. Вполне симпатичный. Я, кстати, всегда за него голосовал, когда ходил еще на выборы. В последний раз это было осенью 2003-го. Не то чтобы я верил в спасительную для страны роль СПС или, не дай Бог, сам был партийным, ни в коем случае; просто хотелось сделать приятное своим товарищам, которые как раз собрались на одной стороне баррикад.

Книжка получилась веселая, простая и таки весьма откровенная, и еще к тому же недлинная. Она также получила от меня очень высокий балл в графе «способность автора рассказывать истории про себя, в том числе и не очень красивые». Немцов это умеет, что, конечно, поднимает его акции. Плевать ему на то, кто что подумает, – а это всегда симпатично. Долго не буду тут про труд, а лучше накидаю вам цитат, поскольку это всегда глупо выглядит, когда тебе долго и умно рассказывают про чужую книгу. Цитаты я выбрал, разумеется, не о преимуществах либерализма и пользе всяких свобод, тут нас не надо лечить, – а все больше о вещах сопутствующих.

«...народу должны так перекрыть кислород, чтоб он стал задыхаться, и только тогда он поймет».

«(Ельцин) меня спрашивал: «Вы – молодой человек, а где вы с девушками встречаетесь?» Я ему сказал, что у меня есть место, а он мне говорит: «Надо иметь много мест, потому что одно место будет засвечено». А дальше он сказал гениальную вещь: «Знаете, почему родилось движение молодежных жилищных кооперативов? Почему? Мне надо было каждые шесть месяцев сдавать новый дом».

«Реальные пенсии в 1997 году в долларовом выражении были точно такими, как в 2006-м, а нефть, между прочим, стоила только 12 (!!!) долларов».

«Есть принцип Питера: каждый стремится к уровню своей некомпетентности». (Если Питер понять не как фамилию писателя, а название города, получается сильная шутка. – И.С.)

«– Егор, если бы ты на глазах у телезрителей выпил бутылку водки из горла... народ перестал бы тебя ненавидеть.

– Я водку не пью, я пью виски. Непонятно, как отреагирует народ на виски, – спокойно объяснил Егор Тимурович».

«Я, как вице-премьер... собрал экстренное совещание... Пришли все, кроме директора ФСБ Владимира Путина... Путин позвонил и сказал, что он прийти не может, потому что у него заболела собака... Не помню, в каких выражениях я говорил тогда с Путиным, но наверняка невежливо. Уверен, он не забыл».

«...за годы путинского правления численность бюрократов выросла на 500 тысяч человек».

«Для меня, как и для любого нормального мужчины, внешность женщины имеет большое значение, хотя рано или поздно все-таки хочется и о чем-то поговорить».

«Очень опасна соль. Соль абсорбирует воду, и человек пухнет. Он вроде бы и не ест ничего, но опухает. Поэтому пиво нельзя пить ни с какой рыбой, да и вообще лучше не есть под пиво ничего соленого».

«У меня появилась современная матчасть, и я освоил большие волны на Маврикий... Современному виндсерфингу меня учил Миша Ершов. Сейчас с ним активно занимается Прохоров».

«Есть теория, что каждый половой акт сокращает жизнь. Надеюсь, что теория неправильная».

В предпоследнем абзаце (а еще Штирлиц учил нас, что главные слова надо говорить, выходя из кабинета старины Мюллера, – так они лучше запоминаются) Немцов цитирует своего коллегу Столыпина: «Мы строим Россию для бодрых и трезвых, а не для пьяных и ленивых». Это для кого же, для гастарбайтеров, что ли? А для русичей что – Пушкин будет строить? Пушкин тут упомянут и потому еще, что он нас позиционировал как «ленивых и нелюбопытных».

Столыпин тут удачно вообще вспомнился автору книги, я этих двоих часто раньше мысленно сравнивал. И спрашивал себя: а почему б Немцову, как лидеру правых, главному консерватору страны, не отрастить бороду до пояса и пузцо по самое некуда да не наплодить пяток детей от ОДНОЙ жены, а из серфера не переквалифицироваться в церковные старосты? Вот были бы традиционные ценности... Но, с другой стороны, Петр Аркадьич плохо кончил, и сами знаете, к чему привели его реформы. А Борис Ефимыч жив-здоров, прекрасно себя чувствует и полон планов. И я за него искренне рад. Может, он и прав таки?

Вообще же, строго говоря, политика без блядства – это котлета без мяса. Такие блюда уместны где-нибудь в меню для бедных.

Третий Рим и русский Цезарь

13 сентября 2007 г., 16:41

Новые кадровые решения вдохновили политических обозревателей на богатые комментарии по всему спектру путинского правления. Я слушал, слушал их – краем уха, правда, – и вдруг задумался. У меня появилось чувство, что это все *dijā vie*. Что-то такое уже было...

Порывшись в своих шкафах и покопавшись на стеллажах, открывая наугад книжки, я таки нашел среди них одну, которую, по своему обыкновению, подвергну беглому цитированию, заранее извинившись за слово «Цезарь» (так в тексте):

Цицерон... противник Цезаря... его легко было запугать, и Цезарь просто напустил на великого оратора негодяя. Этого человека звали Публий Клодий. Лишенный каких-либо моральных устоев, чванливый, развратный... Клодий велел банде наемных хулиганов запугать бедного оратора. И Цицерон сдался. Он добровольно отправился в ссылку в Эпир, жалея себя и пребывая в унынии. В его отсутствие Клодий конфисковал все имущество прославленного оратора.

Так Цезарь разделался со всеми могущественными людьми Рима. Двое из них, Помпей и Красс, оказались связаны с ним неразрывными узами. Двух других, Катона и Цицерона, выжил из города. Теперь он собирался сделать следующий шаг – добиться славы великого полководца. Получив ее, он сможет править один.

Цезарь... сумел так устроить, что в 49 г. до н. э., когда истек срок его полномочий как губернатора Галлии, он сразу же стал консулом Рима. Промежутка, во время которого он оставался бы без должности и мог предстать перед судом, не было.

Цезарь... в октябре 45 г. до н. э. был назначен пожизненным диктатором, и никто уже не сомневался, что, дождавшись удобного момента, он объявит себя царем.

Почти все время своего пребывания у власти Цезарь сражался с врагами... развивал бурную деятельность по реорганизации административных структур. Он увеличил число сенаторов... за счет выходцев из провинций. Это сильно ослабило партию консерваторов, поскольку сенат больше не был защитником узкой кучки олигархов, тесно связанных между собой.

Цезарь стремился реорганизовать и сделать более эффективной систему бесплатных раздач хлеба тем, кто имел на это право. Он стремился поощрять браки и деторождение, даровав женщинам, имеющим детей, разрешение носить дополнительные украшения, а отцам – право на снижение налогов... У него были грандиозные планы – усовершенствовать законы и многое другое.

Пристально рассмотрев все, что пытался сделать Цезарь, мы не можем не стать его сторонниками. Коренная перестройка системы управления в Риме была, так или иначе, необходима.

Элементы демократии присутствовали в римской системе управления, поскольку некоторые посты были выборными... власть сосредоточивалась в основном в руках сенаторов, которые представляли интересы весьма немногочисленного класса общества.

Даже если бы представители различных районов римского государства жили в Риме, они едва ли представляли бы себе, какие проблемы существуют у их избирателей...

Римляне выбирали не между монархией и демократией, а между эффективным и честным правительством – с одной стороны, и неэффективным и продажным – с другой. Со времени Гракхов римский сенат становился все более продажным, а управление – все менее эффективным. Более того, оппозиция состояла из негодяев, потворствующих самым низменным инстинктам толпы... В то время наиболее эффективное и честное управление мог обеспечить именно единоличный правитель, умный и порядочный, обладающий неистощимой энергией, умеющий подчинить

себе других людей и заставить их честно и эффективно выполнять свои обязанности – или назначить других на их место.

Конечно, Юлий Цезарь не был таким идеальным правителем, ибо не существует идеальных людей, но он был одним из самых способных людей в истории, и в Риме того времени он не знал себе равных. Случалось, что он вел себя как суетный, нечестный или жестокий человек, способный на предательство, но зачастую он проявлял проницательность, энергию, мягкость, умение прощать. Более того, он очень хотел создать в римском государстве хорошую систему управления, а для этого ему требовалась вся полнота власти. Иного выхода он не видел.

...никто не сомневался, что республиканская форма правления лучше монархии.

...члены старой сенаторской партии считали, что его реформы разрушают старую систему управления, которая сделала Рим великим. Другие люди опасались установления монархии. Третьи – завидовали Цезарю как человеку и бесились при мысли, что полководец, некогда бывший одним из многих, теперь будет почитаем и едва ли не обожествляем как верховный владыка. И правда, Цезарю уже начали оказывать божественные почести...

Цезарь уже несколько раз устраивал эксперименты, проверяя, как римский народ отнесется к его воцарению... протянул ему диадему которая на Востоке символизировала монаршую власть. В наступившей за этим гнетущей тишине Цезарь отбросил ее и воскликнул: «Я – Цезарь, а не царь!» – и народ разразился громом аплодисментов.

Римская республика... поднявшаяся от захолустного поселения до мировой державы, прекратила свое существование. Отныне законом стало слово одного человека.

С одной стороны, забавно. С другой стороны, я, как патриот, испытываю гордость – мы вон как ловко продолжаем славные римские традиции! Не жук нагадил... Вот не надо смеяться, когда Москву называют Третьим Римом! Все лучше Верхней Волги, с которой нас, бывало, сравнивали.

Не все тут однозначно. Легко, конечно, догадаться, что Цицерон – это как бы образ независимого телевидения. Клодий? Непонятно кто. Наемные хулиганы – это уже неактуально после учреждения следственного комитета.

Конечно, логично было тут дать вам выходные данные этой книжки, но я пока воздержусь. Книжечка, чтоб вы знали, вышла в 2003 году, как раз перед вторым сроком, незадолго до президентских, как вы помните, выборов. Чтоб не смутить и не спугнуть издателей, я пока помолчу. И буду внимательно присматриваться к новинкам на исторические темы, особенно касающиеся римской истории. Я надеюсь ближе к новым выборам получить целый ряд книжек, которые смогут меня развлечь.

Армения: юбилей коньяка

21 сентября 2007 г., 12:41

Вы будете смеяться, но этот год юбилейный: ровно 120 лет назад армяне начали делать армянский коньяк. Звучит как-то неожиданно, наподобие 300-летия граненого стакана. Однако ж это документально подтвержденный факт. В отличие от случая со стаканом. Я съездил на торжества, сейчас как раз самый их разгар – идет же уборка винограда, – и, само собой, не пожалел. Это же вкус, знакомый с детства. Мы при Советской власти начинали пить коньяк

армянский и слышали, что бывает еще и французский, но твердой уверенности в этом не было; лично я не исключал, что это пропаганда.

Но, вообще говоря, я ездил не попойнствовать – с этим как-то уже давно и незаметно не стало проблем. И не для того, чтоб вспомнить молодость, ностальгически вздыхая на некогда посещенных местах: Арцвашен, куда я в начале 90-х ездил на боевые действия, отошел к Азербайджану. Причина была глубже: я решил воспользоваться случаем и в спокойной обстановке подышать воздухом древней цивилизации. Меня как-то всегда впечатляло, что Армения приняла христианство в IV веке – это круто! И что армяне воевали еще с самим Древним Римом. На территории Армении, как известно, был зарублен в битве римский полководец Красс – тот самый, что подавил восстание Спартака.

В итоге я получил от поездки то, что хотел, то есть проникся чувством прикосновения к древности, которая так от нас близка и досягаема пока без визы. А еще к тому же получил побочный эффект. Я испытал давно уже забытое чувство: приехал в другую страну, а там – вот неожиданность – к русским гражданам очень тепло относятся. Я уж думал, таких мест не осталось, мы ведь уже, кажется, со всеми переругались. Зачем-то.

Как странно и как приятно это чувство, что иностранцы тебе рады потому только, что у тебя русский паспорт... В общем, я получил такой позитив, что настоятельно советую и вам слетать в Армению и тоже получить уникальные переживания.

Нас, да, любят. Несмотря ни на что. Взять хоть Ленина, который в 1920-м отдал Турции крепость Карс и – внимание! – гору Арарат (в честь которой, кстати, назван знаменитый коньячный завод). Прикиньте, нормально это? Ильич так рассудил, от большой, наверно, дальновидности и прозорливости, которой он славился, что Кемалю Ататюрку надо помочь – он же обещал, что построит в Турции коммунизм и примкнет к мировой революции...

Да, как начнешь думать про русскую внешнюю политику – плохо становится. Против этого даже бледно смотрится снос советскими начальниками старинных зданий в Ереване под видом борьбы с национализмом и под тем соусом, что надо из Еревана сделать «образцовый социалистический город» с бетонными коробками...

В 1945-м мы, конечно, были уверены, что Арарат и даже проливы у нас в кармане, раз Турция воевала на стороне фашистов, а мы победили... Но Трумэн, который на тот момент как раз только что разбомбил атомными бомбами японские города, принял Турцию под свое крыло и мы, бедные, умылись. Опять я, пардон, вспомнил про нашу внешнюю политику...

И вот сегодня, после всего, Армения дружит с нами, и держится за нас, и не мечтает, как некоторые, вступить в НАТО – может, только потому, что больше никого у нее не осталось, что другого выхода у нее нет. Если так, это нас не очень украшает... Н-да... Надо тем более держать себя в руках, а то мы умеем расслабиться и наколоть дров.

В Армении вам, когда вы приедете, расскажут много трогательных историй. Типа вот чего: армяне первыми придумали возделывать виноград, первыми начали пользоваться железом и изобрели пиво, а также цветное телевидение, что их коньяк не хуже французского, не зря ж его пил сам Черчилль... Последнее утверждение у многих вызывало улыбку. Но на самом деле французы (компания «Перно-Рикар») таки ведь купили завод «Арарат» и выпускают там напиток с названием таки коньяк, а не какое-нибудь бренди! И открыто продают его за рубеж, то есть главным образом в Россию! Французы получают с этого, конечно, прибыль, продажи после покупки выросли в два с лишним раза.

Но для армян это большая победа. Они победили! Они доказали всему миру, что могут побеждать! Даже в невыносимых условиях! Это не только коньяка касается, но и многого прочего, взять хоть тот факт, что территория страны за тыщи лет с тех пор, как существовала Великая Армения с портами на Средиземном море (про которую не все помнят), уменьшилась в 10 раз! Тяжело, наверно, с этим жить, но ведь живут люди. Я там со многими разговаривал, просто так останавливая людей на улицах, и от бесед получал огромное удовольствие: люди

веселы, добры и жизнерадостны, мягки и деликатны и, кажется, сплошь симпатичны. Как бы я, простите ради Бога, хотел, чтоб и русские были такими... Я пишу эти строки в самолете, уже видна Московская область, и я представляю себе суровые каменные лица русских пограничников, которые посмотрят на меня с глубокой неприязнью.

Я теперь при слове «армянин» представляю себе армянского царя Тиридата Второго, который, несмотря на свой статус, лично участвовал в Греции в Олимпийских играх, дрался с простым народом и стал олимпийским чемпионом по кулачному бою, а после, в триста каком-то году, сделал христианство государственной религией. Пусть римляне ухмыляются, но они это сделали позже – вот не проявили такой проницательности...

В общем, я искренне поздравляю армянский народ со славным юбилеем.

Кстати, может, и нам разобраться с водкой и устроить торжества на весь мир? А то Олимпиада еще ж не скоро...

Что же есть у соловья, или Навстречу выборам

4 октября 2007 г., 15:37

Зубков станет президентом в 2008 году, поработает месяца три, потом немного устанет – все-таки сплошные стрессы, да еще в таком возрасте – и уедет в санаторий. Оттуда пришлет заявление по собственному, с приложением медсправки, все честь по чести. На новые выборы, хошь не хошь, придется идти ВВП.

– Я не хотел, – скажет он. – Меня позвали. И обратите внимание, не я изменил за эти три месяца Конституцию, и теперь президентский срок ограничен 10 годами, а количество сроков – тремя. Мне до этого нет никакого дела. Вы мне устроили итальянскую забастовку? Очень хорошо. Теперь довольны? Есть ко мне вопросы?

Об этом всем сообщило радио Би-би-си. А оно-то откуда знает, с чьего голоса поет? Так это я ему рассказал, в его же эфире, сразу, как только поставили Зубкова.

Это я вам сообщаю в первых строках, чтоб покончить со злободневностью и высокой политикой. Она нас все-таки интересуется меньше, чем наша частная жизнь и происшествия, имевшие место с нашими приятелями и собутыльниками.

Один из моих таких, Женя его зовут, выпустил новую книгу. А я же покровитель изящных искусств, особенно belles letters. И пошел я на презентацию, это в ИТАР-ТАСС. Мент на входе меня не пускает, хотя я и зван.

– Покажи пресс-карту!

А у меня ее давно уже нет. Как-то без надобности. Сто лет никто не спрашивал.

– На тебе, – говорю, – визитку. Там все про меня написано.

– Нет, положено пресс-карту.

– Вот подумай сам: я щас зайду в ларек, где ксерят, и там мне за 10 минут любую ксиву слепят. А визитка у меня богатая, с тиснением, видишь – настоящая точно!

Надо отдать менту должное – он меня запустил.

Женя мне на презентации вручил книгу. Толстая, под 600 страниц, я ее кинулся в тот же день читать и прочел с немалым интересом, что по нынешним временам, как вы понимаете, редкость. (Некоторые прочли ее намного раньше, в ЖЖ по адресу www.roizman.livejournal.com.) Позвонил автору и говорю:

– Твоя книжка вызвала во мне приступ комплекса неполноценности. Мы ерундой занимаемся понемногу, а ты горы сворачиваешь. Сиротам помогаешь, инвалидам деньги на операции собираешь, ментов, невинно посаженных, вызволяешь, наркодилеров ловишь, наркоманов лечишь и прочая, прочая...

– Да брось ты, я такой же, как все. Просто меня так вынесло.

Прошло время, что-то этак с неделю, и стало ясно, что не одного меня взволновала бесхитростная Женина книжка. На нее была такая реакция: Женя (Ройзман его фамилия, не слышали?) больше не будет депутатом. Там другие какие-то люди пойдут вместо него на выборы. Долгая история, я в этом не разбираюсь. Он, короче, давил наркомафию у себя в Екатеринбурге и таки ее заметно придушил. На этой волне его вынесло в депутаты; сперва он был независимым, дальше депутатов обязали прибиться к партиям, он по необходимости прибил к одной, теперь не важно уже к какой. Дальше – или раньше – он со всеми переругался, особенно с коррумпированной милицией и с цыганскими наркобаронами, которых немерено пересажал со своими активистами. Ну а теперь все вернулось на круги своя. По мне, так это логично. Романтики и поэты – это я про Ройзмана – редко попадают в политику в виде исключения, по ошибке, по иронии судьбы. И долго в ней не задерживаются. Чтоб проиллюстрировать всю глубину пропасти между поэтом и политикой, дам вам цитаты из новой книжки с названием «Сила в правде».

(Прошлая, для справки, называлась «Город без наркотиков» – как раз про искоренение наркомафии силами фонда, который создали Ройзман и компания. Тираж давно разошелся, книга вышла, как ни странно, в самиздате – высокая оценка! Самиздат в наши времена – это покруче даже громкой премии.)

В новой книге упоминается и старая, типа вот так, о роли и заслугах фонда, о том, что та работа продолжается: «Сейчас у нас наркоторговцев суды не отпускают. В Екатеринбурге каждый судья знает, что, как только он отпустит наркоторговца, его тут же покажут по телевизору и скажут какие-нибудь ласковые слова... По стране всего чуть больше 30 процентов наркоторговцев приговариваются к реальным срокам лишения свободы. В Екатеринбурге – больше 80. В том числе и поэтому в Екатеринбурге за последние пять лет от наркотиков не умер ни один ребенок». Но при этом: «Мы полностью отрезаны от СМИ. Как будто нас нет. Телевизор нас не показывает. Да я в общем-то без претензий». И еще: «Не дают нигде размещать наружную рекламу. Людей пытаются запугивать». «Еще раз всем говорю: мы работаем каждый день. Проверяем пейджерные сообщения, собираем информацию, контролируем все дела, которые можем, отслеживаем все суды, предоставляем закупочные деньги, понятых, закупщиков, транспорт... Просто о нас не пишут и по ТВ не показывают. А так-то мы есть».

Еще про это, причем очень изящно: «Только что позвонил мой товарищ. За деньги его пригласили на телеканал «Ермак» (вещает на УрФО). Выставили два требования: не критиковать президента и не упоминать меня. Как считаете, может ли на такой почве сформироваться мания величия?»

«Самая простая мотивация для нормального мужика? Запросто: жажда справедливости (как один из аспектов – жажда мести), такая мелочь, как поиск причин для самоуважения, элементарная мужская ответственность за маленьких детей и пожилых родителей. На поверхности лежит – просто чтоб друзья не думали, что струсил».

«Никогда не мог заставить себя разговаривать на канцелярском языке. Да и не хотел. Думаю, это основная причина, по которой мне не суждено встроиться в систему».

«Удивительные люди эти политики! Вчера обзывались (за спиной) обидными словами, а сегодня зовут дружить от чистого сердца. Как в подобном случае умилялся протопоп Аввакум: «Сегодня батюшко, а вчера – блядин сын».

«“Анисим, Анисим, мы тебя возвысим, посадим на терем, а потом снимем и обсерем”. Вот это да! Вот это по-нашему! Замечательная пословица!»

«В кулуарах после обсуждения один депутат другому:

– Да, надо эту графу убирать! Моя баба ходит на выборы и все время голосует против всех.

– А почему так?

– А я, – говорит, – тебя знаю, там все такие же, как ты».

И вот чем он закончил свою книгу, это из беседы с товарищем:

«– Зачем ты вообще это делаешь?»

– Долги раздаю...

– Не понимаю...

– Я раньше тоже не понимал».

Глубоко, не для СМИ, тут надо репу чесать и думать...

Я свою эту заметку закончу стихами Давида Самойлова, которые Ройзман приводит в своей книжке, завидуя, что это не он написал:

Что же есть у соловья?
Голос, больше ничего...
Что же есть у воробья?
Вовсе нету ничего...

У стихов появилось теперь новое прочтение, еще одно. Типа – было за кого на выборах отдать голос. А сейчас за кого? И есть ли голос, если нет выборов? Хотя, может, то, что будет в декабре, все-таки можно назвать выборами? Не знаю, мне трудно судить. Я по выборам не хожу уж который год, неохота зря подметки стирать. Нет, а вы, конечно, сходите, отдайте голос за нерушимый блок!

Если вы, конечно, держите себя за соловья.

PS

Текст будет неполным без констатации слуха: Ройзмана подвинули, потому что он сидел. Чтоб не портил картину.

Ну сидел.

И?..

А давайте еще Солженицына сошлем на 101-й километр. Как старого ээка. И пусть Путин туда к нему в гости ездит чай пить, а не в Троице-Лыково. На кой нам двойные стандарты?..

Первый цыган в космосе

4 октября 2007 г., 15:37

Иллюстрация к пушкинской мысли о том, что мы ленивы и нелюбопытны. Сегодня знакомый журналист меня спрашивает: а что это какие-то спутники кругом на разных сайтах? Так юбилей же полета этого самого спутника! Ровно 50 лет назад.

Хотя, может, это касается только нашего поколения (вот как я, который тогда без всяких памперсов старомодно ссался во что было, мне в дни запуска спутника в октябре 1957 шел второй месяц), а новое больше знает и будет знать о стране и трезвей и справедливей взглянет на жизнь. Вот сколько-то лет назад, когда моя младшая, Людмила Игоревна, пошла в первый класс, я ей к чему-то, кстати, из лучших побуждений, решил сообщить, что зато русские первыми полетели в космос (слово «зато» вызвано было, видимо, тем, что наши опять чего-то напортачили и надо было мне как-то впрягаться-объясняться).

– Нет, папа, это неправда. Первыми в космос полетели вовсе не русские, – ответил ребенок твердо.

– Что ж ты говоришь такое? С чего ты взяла?

– Нам в школе объяснили.

– И что же вам объяснили?

– Первыми полетели не русские. А собаки.

Дети так любят животных. Особенно собак и разных щенков. Я даже думаю, любят сильнее, чем людей, тем более взрослых. И вот в глазах детей совершилась огромная, жуткая несправедливость: собаки совершали подвиги и во множестве гибли и в космосе, и при возвращении, когда парашюты не раскрывались, а вся слава и все деньги достались взрослым (в смысле людям). Чему мы учим детей? (Аналогичный случай с Америкой, которую якобы открыл Колумб, после чего коренных индейцев почти извели и они особо не возникают: хрен с ним, открыли их так открыли.)

– Но собаки-то русские! – защищался я в тот раз. Дочка смотрела на меня с прохладцей – типа, отмазка слабая. Все вы, взрослые, врете. Как обычно.

Самое ужасное, что русскость собак, которую я декларировал, не подумавши, тоже под большим вопросом. Поскольку первых собак, которые взлетели в ракете 22 июля 1951 года, задолго до Белки и Стрелки, звали так не очень чтоб по-русски: Цыган и Дэзик. (Об этом сообщил в праздничные дни Первый канал ТВ.) Погоняла откровенно безродно-космополитические: цыгане, они же мотаются туда-сюда, ничего святого, коммунизм даже для виду не строили, а Дэзик – это стилига такой сильно педоватый как бы, Дэзи же женское имя. Не Жучка, короче, с Тузиком, не коренные русаки.

Безродность космонавтов усиливалась тем, что они были пойманы в Москве как ничьи дворняжки.

Одним из последующих космонавтов стал тот еще кобель с кличкой опять же стилижной – Бобик, уменьшительное от преклонения перед Западом (Роберт). Бобик так вроде слетал разок, помучился там в нечеловеческих условиях (сохранились кинокадры с видеопортретами собак, у которых при перегрузках чуть не отрываются головы), а после понял, что ему этот энтузиазм с дармовщиной, смертельной опасностью, за которую после чужие люди, не нюхавшие пороха, получают премии и ордена и звездочки, – ему это как собаке пятая нога. И так по пути на старт Бобик внезапно выбрал свободу и, вырвавшись из рук конвоира, заскочил в какую-то длинную трубу и по ней ушел. Больше его в Капустином Яре никто не видел. Но и на Западе этот сукин сын вроде не всплывал, советских космических секретов не выдавал.

А кто полетит-то? Полчаса до рейса, как позже пел Кикабидзе. Один кобелек оставался, а экипаж-то из двух должен состоять, датчики заготовлены, надо ж работать. Кто-то вспомнил, что возле солдатской столовой кормятся дворняги. Короче, быстро поймали там кобелька подходящего размера, чтоб костюмчик сидел, срочно его помыли – и в ракету, и он даже не успел сказать «Поехали!». В отчетности кобель прошел под кличкой ЗИБ (Замена Исчезнувшему Бобику). Когда спускаемый аппарат приземлился, героев-кобелеков пошел встречать лично Сергей Палыч Королев. Открывают люк, а там один кобель свой, казенный, проверенный, а другой – незнакомый и подозрительный. Генеральному конструктору в ответ доложили, что решили для повышения отдачи от исследований запустить неподготовленного кобеля, нетренированного – и оказалось, что можно и так. Королев обрадовался и после сообщил на Политбюро, что скоро будут на отдых в космос отправлять по профсоюзным путевкам.

Политбюро эту историю про Бобиков, Зибов и прочих приبلудных Дэзиков выслушало молча, но после, видно, кому надо вломили и работа по подбору кадров была усилена. В итоге, когда очередь после собак дошла до людей, выбрали офицера из простой семьи, без партийных взысканий, но, с другой стороны, с княжеской фамилией и симпатичной, не как у чекистов или партаппаратчиков, улыбкой.

Видите, если для начала потренироваться на собаках, иногда получают поразительные результаты. Жаль, что этот мудрый подход не применялся ни до, ни после. Какой прекрасной была бы наша жизнь, если б социализм, перестройку, приватизацию и вертикаль власти испытывали сперва на собаках!

Почему русские журналисты восхищаются маньяками

11 октября 2007 г., 17:39

Решил я вам написать занудную скучную заметку. А что? Я же не подряжался писать строго диалоги для клоунов.

Жизнь – вещь скучная, и чем дальше, тем меньше в ней того, что реально трогает и задевает. Наверное, это не только и не столько возрастное, судя по похвальному пофигизму, которым охвачена наша замечательная молодежь. Выборы, политика, курс валют, третий срок, футбол, приезд Саркози, уезд его же, партийная жизнь – это все как-то идет вяло, что про это ни читаю, – одна зевота. Должен признаться, хотя это, наверно, нехорошо, даже факты массовой диареи не потрясли моего воображения.

За последние дни, если говорить про СМИ, чувства во мне вызвал один только битцевский маньяк. Нет, даже не сам маньяк – ну что взять с урода? Ну пусть себе пройдет суд, а на зоне вурдалака порвут нормальные зэки. Обычная история. Самосуды хоть как-то компенсируют отмену у нас смертной казни, и так создается некое равновесие. Раз уж мы заговорили о смертной казни, то надо, по идее, дать свое мнение. Оно такое: не мне судить, раз я сам не готов приводить приговор в исполнение. А был бы готов – тогда б, конечно, высказался. Сама же отмена, как мне кажется, оскорбительна для русских. Это я говорю как бывший репортер криминальной хроники, как бывший тюремный очеркист.

Я проехал – репортером – сколько-то десятков зон, в том числе и те, что для смертников. Вел я как-то беседу и с маньяком, только не из Битцы, а из другого парка – Измайловского. Не помните? Тоже была громкая история. Лет 20–30 назад. Там таксист в свободное от работы время ходил по парку – по той части, что ближе к шоссе Энтузиастов (ну и названьице придумали товарищи для Владимирского тракта, по которому, как известно, в старые времена шли пешие этапы в Сибирь). И боролся за нравственность: убивал исключительно проституток и голубых, всего числом вроде 18, а натуралов и парочки, которые спаривались бесплатно, он и пальцем не трогал. Вот такой человек. Как сейчас помню. Приводят мне его в кабинет, в браслетах, застегнутых сзади, охранник тут же остается наготове – иначе нельзя, такой порядок. Душегуб этот садится на стул и смотрит на меня. Пожалуй, взгляда тяжелей я в своей жизни не видел. Очень суровый парень, неприятный, прямо скажу. И голос тоже – ох недобрый. В общем, нехорошо это – маньяк, скажу я вам. Откуда ни глянь. В таком духе.

И вот я читаю про битцевского людоеда. Первое судебное заседание описали, второе. Одна газета, другая, третья. И такой он получается в описаниях душка, маньяк этот, такой он веселый и эмоциональный, так глубоко проникает в психологию жертвы! Так чутко прислушивается к тонкостям своих ощущений! Какой он вообще якобы красавец! Как сговорившись, сотрудники разных СМИ лепят даже вроде и положительный образ. Есть же простые механизмы психики, есть несложные манипуляции, которыми можно вызвать сочувствие даже к крокодилу, который в данный момент откусывает вам жопу. И вот я думаю: кого эти репортеры хотят впечатлить – меня, может? Или безумную какую бабушку, уставшую от сериалов? Или каких скучающих тинейджеров, у которых нет денег на кафе и дискотеку, а тут им описывают такой дешевый развлекательный экстрим?

Друзья, товарищи! Я сам служил начальником отдела преступности. Я сам не без греха. Не мне, казалось бы, возникать. Но вот я говорю: коллеги! Вы что, ох... и, родные? (Простите, что я так фамильярно.) Опомнитесь, возьмите себя в руки! Я говорю вам это в здравом уме и трезвой памяти.

Пишите про маньяка просто и коротко: ужасен, отвратителен, подл и безумен. Собаке – собачья смерть. И все. Хватит! Слово «совесть» знакомо вам, надеюсь, или как?

Мы, репортеры, оказались такими легкомысленными и бестолковыми, что, когда введут жесткую цензуру, у нас не будет морального права вякнуть. Нам будут тыкать в нос эти вот восторженные песни про маньяков. И будут правы. Грехи наши тяжкие.

(Ой, насчет собаки и собачьей смерти. Я забылся. Вот вам про наше национальное унижение. Нам же Европа запретила расстреливать! Мы ж не по доброте душевной отменили вышку, а потому, что нам взрослые запретили. Понимаете? На американцев Европа боится пасть открыть, американцы на эту дешевую разводку, что-де смертная казнь – это негуманно, недемократично и прочее, не повелись. Они только цыкают зубом и говорят так называемым правозащитникам: вы с вашими красивыми идеями идите к русским лохам, а мы маньяков на электростул. Кстати, про американцев: как деликатно они едят, да хоть про своего убийцу, который перестрелял школьников. А могли б не хуже наших живописать героизм, мозги на стенах, стенания и мечты расстрельщика, звать молодых придурков к новым свершениям.)

Миша! Леша! Вася! Макс! Саня! И прочие сотрудники криминальных отделов и их начальники! К вам обращаюсь я: братья и сестры, одумайтесь!

Типа, покайтесь, птицы!

Не то я решительно перестану читать ваши газеты.

И что тогда с вами будет?

Навстречу выборам: без слова «Путин»

18 октября 2007 г., 20:32

Шел я надясь (Парфенов мне объяснил: это то же самое, что наемни, только более про-стонародно) мимо Музея Ленина (а может, его уже закрыли и я так называю здание по старой памяти?) и увидел стайку бодрых старушек. Они были одеты весьма демократично – в платочках, сильно ненювых платьях и нитяных чулках. И пели, нестройно, конечно же, белогвардейскую песню «Сотня юных бойцов... на разведку в поля поскакала».

Я ее слышал в Штатах в исполнении скаутов из русского лагеря. Песню эту после красные переделали для своих целей, как известно, но это не важно. Вместо деникинских войск вставили буденновские. Все в дело пущено! Даже и сами буденовки, пошитые еще при царе и называвшиеся богатырками. И шинели с красными полосками, символизировавшие рыцарские доспехи. Не успели армию переодеть в новую форму... Сейчас в очередной раз передевают, чтоб китель был без нагрудных карманов, а то неудобно ордена навешивать; интересно, за что их собираются раздавать, кто заложил в бюджет (из которого пошивается обмундирование) рост героизма? Так, надеюсь, успеют переодеть в этот раз.

Короче, стоят бабушки, я на них глазею. Заметив мой интерес, две ко мне подлетают со своими детскими красными флажками.

– Что, вы заинтересовались? Идите к нам!

Бабушки были, кажется, точно не в себе: нашли куда звать. И кого.

– Нет, – говорю, – я просто смотрю на электорат Зюганыча. И мне приятно видеть вас, бабушек.

– Приятно?

– Ну да. Приятно думать, что через пять – десять лет у красных не будет электората. Ничего личного, чтоб вы были здоровы; это просто социология.

– Вы не то что-то говорите. Мы вам сейчас объясним, как надо, и вы все поймете.

Я медленно иду себе своей дорогой, а бабушки рядом со мной; мы как бы в колонне, только я без флажка. Они агитируют меня за Советскую власть. Кто постарше, и так все помнит, а молодые все равно не поймут... Наконец одна из бабушек шепчет мне на ухо:

– Постойте минутку, не уходите, а я эту сумасшедшую прогоню. Она совсем уже рехнулась, такое несет.

Бабушка точно скоро вернулась, отогнав свою товарку чуть не пинками.

– Теперь могу вам наконец все рассказать как есть... Вам надо в Мавзолей ходить, хоть раз в неделю. Мы ходим и там подзаряжаемся космической энергией. Это замечательно! А вот еще хочу вам показать...

Она достала из кармана контейнер от киндер-сюрприза, с дыркой, из которой торчал шнурок длиной так сантиметров 20.

– Это чтоб будущее узнавать. Я беру за конец шнурка, чтоб эта штуковина свободно болталась, и задаю маме покойной вопрос какой-нибудь. Если маятник слева направо качается – это значит «да», а если взад-вперед – то «нет». Она все знает! Вот, дарю вам. Пользуйтесь на здоровье...

– Ну что вы, бабушка, как же я у вас такую ценную вещь заберу... Как же вам ваша мамаша эсэмэски будет слать с того света? Нет-нет, оставьте себе. Вам небось нужнее.

– Да вы за меня не волнуйтесь, – добро улыбнулась бабушка. – У меня еще есть. – Она сняла с плеча рюкзачок и раскрыла его. Он был весь набит пустыми желтыми яйцами со шнурками.

Так что, Геннадий Андреич, имейте в виду: у вас все яйца в одной корзине.

Страна неуправляема: *Happy end*

25 октября 2007 г., 18:13

Сигналы об этом поступают давно и с разных сторон и собираются в некоей копилке. Волосы не то что встают дыбом, но легкий морозец идет по коже.

Вот губернаторы стали делать что хотели, так что не было возможности с ними договориться. И пришлось их того, без права переписки назначать.

Регионы стали подумывать о том, сколько полномочий они смогли бы унести без спросу, и, в общем, оставили их без денег, все стали забирать в Москву, а уж оттуда как-то что-то рассылать. Чтоб знали, где в доме хозяин. И кому. И вообще...

Потом нефть принялась дорожать... Моя, кстати, нефть; нефтяных компаний у меня нет пока, но недра-то народу принадлежат вроде как. И чем дороже то, что достается из недр, тем лучше должна жить почтенная публика. Слышал я, что в Казахстане, где тоже недра набиты разным добром, подоходный налог 10 %. А вот у нас чем дороже, тем неуютней! Пенсию, правда, подняли почти на четыре барреля, и этого хватит на кило вареной колбасы, о которой так мечталось в свое время... Колбаса, впрочем, тоже подорожала на баррель.

А далее я узнал вдруг, что президент наш, будучи на Камчатке, сказал: вот я в прошлый приезд, три года назад, велел вам построить газопровод. Ну и где он? Хорошо еще, никто из присутствовавших на том совещании не показал на Путина пальцем и не спросил громко: «А кто это такой? Чего это он раскомандовался?» Кого ж тогда и слушаться, как не Самого?

И вот еще интересно: штатские машины иногда – иногда! – таки пропускают пешеходов на зебре, а вот гаишники – никогда. Как это странно, как это выразительно... Это – позиция.

Что еще мне «нравится» – светофоры. Зажигается зеленый, ты начинаешь идти – не бежать, а именно идти, не торопясь, – и хорошо еще на второй половине перехода, не на первой, видишь красный, и машины режут и несутся у тебя под носом. Это важный сигнал, я не про светофор тут, а про знак, который дает нам власть: эй ты, а ну давай бегом, быстро, марш, никто на тебя внимания не думает обращать, кто такой вообще? Выразительная деталь...

По центру Москвы среди бела дня бегают стаи диких собак и кидаются на проезжающие машины. Иногда и на людей.

Над Кремлем, что уж совсем некрасиво, кружат вороны и гнусно каркают. Неужели их нельзя как-то перестрелять или там переловить силками? Ладно б орлы летали – лучше б одноглавые, конечно, хотя кто нас спросит...

«Порадовали» и чекисты. Это отдельный разговор.

Раньше я от них дождался, когда ж они изловят ренегата Калугина и привезут его в Москву в железной клетке... Так и не дождался, уже и перестал от них ждать такой резвости. Хотя они пару раз показали сноровку: в одной арабской стране грохнули одного чеченца, а потом привели в ужас Лондон, попачкав его полонием, – типа, не дружите с нашими врагами, бойтесь. Я думаю, что коллеги наших чекистов за рубежом дали этим деяниям высокую оценку по гамбургскому счету.

И вдруг сцепились чекисты между собой, сажают друг друга... Я теперь не очень жду от них подвигов. Просто мечтаю, чтоб они сидели и пили пиво, молча причем. И не смущали слабых и малых сих.

Я вам говорю, страна решительно неуправляема. Мы не знаем, куда она едет, какой завтра будет строй и режим, какой флаг и гимн. Я, к примеру, не понимаю, что означают красные пентаграммы на кремлевских башнях, почему орлы у нас в коронах; может, у нас республику уже отменили? Я, честно говоря, не читал Конституцию. Может, там уже чего вписали или вычеркнули. Кто, как, когда? Не знаем, всегда так было. Да нет же, не было этого! Не знаем, вот вписано, и все...

Еще вопрос. С какой целью тело немецкого шпиона и международного террориста по кличке Ильич лежит в подвальном помещении пирамиды – типа, чтоб другим неповадно было шпионить? Тогда не хватает только таблички на груди с надписью в жанре «Он помогал партизанам» или кому там.

А тут еще и выборы на носу, одни, другие...

«Русь, куда несешься ты?» – это я цитирую Гоголя, который изобразил Русь в виде тройки, которая движется в неизвестном направлении. И неудивительно, что там же, в коляске, очень мутный пассажир, который скупает мертвые души, – не к выборам ли? Хотя тогда же не было выборов. Да и сейчас, похоже, не будет... Помните анекдот?

Лектора спрашивают из зала:

– А при коммунизме деньги будут?

– Нет, не будет денег.

– Да когда ж они будут?..

Господи, что ж мне в голову лезет с утра! Но что вы хотели в такой туман, в такую серость, когда, по выражению классика, вместо неба над городом висит мокрая тряпка? И потом, что это я взялся из-за выборов переживать? Неужели это с похмелья? (Вечером был на вручении премий в память Никиты Кириченко, видного аналитического журналиста.) Хотя, может, действительно никаких выборов и не будет вовсе, зря мы себе портим настроение. Вон есть у нас творческая интеллигенция, она зовет ВВП на царство, он послушает, послушает, да и... (Но, с другой стороны, если уж звать кого на царство, так, может, лучше варяга какого? Хиддинка, к примеру. Я давно удивлялся, почему русские футболисты так медленно бегают и так часто отдают мяч противникам, – и вот пожалте! Мне кажется, что рейтинг у голландца будет вполне приличный.)

Ладно, что мы все про скучное и негативное. Давайте я вам выдам позитив все же. Нарру end, как в Голливуде, ну если не в жизни, то хоть в заметке.

Такой. Странно видеть, как внуки или просто ученики людей, которые убивали детей в подвалах, топили в проруби юнкеров, взрывали храмы, посылали на голодную смерть крестьян, сдирали кожу с офицеров, отрезали носы священникам и насиловали монахинь – такое никаким чеченским боевикам не снилось, – вдруг принялись исправно платить налоги и волноваться по поводу буквального, дословного соблюдения Конституции. Нету у них забот глав-

ней. Какой прогресс! Невероятно... Я – честно – этому очень рад. Вперед идем ну просто семимильными шагами.

А вы все ноете, все жалуетесь на жизнь.

Императорский выбор Путина

1 ноября 2007 г., 18:04

Трудно придумать более скучную тему, чем политические разборки накануне выборов. Если, конечно, ты сам не депутат или не вложил в Думу солидными инвестициями. Или не политический обозреватель, – короче, если ты простой человек.

Уйдет Путин или нет?! – это сильно волнует чиновников, которые кормятся с этого дела, и друзей теперешнего президента, например Никиту Михалкова. Я пытался его выпросить, как он видит процедуру нехода Путина. Никита Сергеевич воскликнул, что он не процедурная сестра, – короче, ушел от ответа. Да знаю я, что не сестра! Я его как режиссера спрашивал! Это же серьезная постановка, это важная мизансцена, в которой должна быть внутренняя логика... Нельзя пускать дело на самотек. Иначе может выйти конфуз. Представьте себе весенний денек 2008 года. В Кремле суеда, радостное волнение, одних курьеров 300 тысяч. Музыка играет, фанфары, гусары, по ковровой дорожке наподобие каннской взбегают наверх новоизбранный президент. Он движется к пюпитру с Конституцией... И тут в залу выходит Владимир Владимирович, в шлепанцах и халате, и говорит:

– А чё тут у вас? Чего шумите?

– Ну как же... Вот, президент новый...

– Вы что, обалдели? А я?

– Так вы ж сказали, что уйдете.

– Уйти-то то я уйду, все мы в этом мире гости. Но я же не ушел еще! Что ж вы при живом президенте себе позволяете?

– И что теперь делать?

– Знаете что? Идите-ка вы по домам.

Все уходят...

Нет, так нельзя, нехорошо как-то. Надо заранее все продумать.

Я думаю, что Никита Михалков может помочь своему другу при помощи другого своего друга – Патриарха всея Руси. Можно ж договориться, чтоб ВВП венчали на царство. В «Новостях» об этом сообщат просто и буднично, парой строчек, без помпы и без шума. И тогда ВВП выполнит все свои обещания: он не президент, не премьер, а занятие себе нашел.

А Конституция? Так в ней про царя ничего не написано. Никаких нарушений. Патриарх представляет церковь, которая, слава Богу, отделена от государства, венчание на царство – вещь сугубо духовная, не государственная.

Попробуйте себе представить кандидатов в президенты, которые не зайдут к царю за советом. Не получается? У меня тоже...

Противоречия между наличием монарха и демократией нету никакого, посмотрите хоть на Англию с Японией или там Нидерланды, Норвегию... Осматривая эти страны, я часто ловил себя на мысли, что, может, я прирожденный монархист. Вот оно, решение! Не могу себя назвать другом Путина, не могу также блажить на тему: «Без него Россия пропадет!!!» Я просто пытаюсь придумать сценарий, который позволит соблюсти приличия. Так-то мы понимаем, что уйти никто не уйдет никуда. И не отдаст руль охраннику Жириновского.

Перед тем как обнародовать свою идею, я зашел к соавтору (книга «Ящик водки») и товарищу по работе (журнал «Медведь») Альфреду Коху – так, перекинуться парой слов. Он выслушал изложенные доводы и предложил мне назначить Путина не царем (это все-таки должность), а императором – что ближе к понятию «аятолла». Кох мне сообщил:

– Вполне бывают императоры при республике. Это Древний Рим, начиная с Августа, это Франция при Наполеоне и, наконец, США при Буше-младшем.

Ну вот видите, как все удачно складывается...

А тут совершенно случайно и кино вышло в прокат про конец Смутного времени («1612»). Которое кончается учреждением новой династии. Все как по писаному...

PS

Но всегда кто-то испортит настроение...

Вчера вспомнил, что первым, кто потребовал от Путина остаться, был Проханов. Я пошел и к нему перекинуться парой слов, а заодно выпить винца. Причем забавно, что он пил белое, а я, напротив, красное. Это все накануне октябрьских, заметьте...

И вот мне что рассказал Александр Андреич, вот он чем испортил мое благостное настроение:

– Началась великая октябрьская путинская революция! Путинские репрессии неизбежны. Сейчас в стране та же ситуация, что была в конце Гражданской войны, накануне процесса против промпартии. После выборов пройдет грандиозная чистка...

Причем он это излагал в таком духе, что вот оно, счастье, не за горами.

Товарищ Проханов! При всей к тебе симпатии, все же типун тебе на язык. Не императорское это дело – чистки проводить.

Вечность и мышьяная возня

8 ноября 2007 г., 19:53

Вот, прилетел из Одессы. Вся местная экзотика типа Дюка, Екатерины и Бени Крика вам, безусловно, известна, и я не буду вас ею утомлять. Хотя на истории с памятником Екатерине Второй можно коротко остановиться. Памятник ей, убранный в свое время большевиками, возвращен на место, опять восторжествовала справедливость, через 87 лет, – лучше поздно, чем никогда. Возле памятника первое время протестовали казачки, но теперь они пропали, остались одни менты. Которые не мешают подойти к монументу поближе и изучить надписи. Из них следует, что Новороссийский край был завоеван российской короной, а вовсе не правительством Ющенко, и всем от этого немножко неловко. Казаки, желая памятник вслед за большевикам упразднить, проявляли просто революционную твердость. А потом им, как и большевикам в свое время, надоело валять дурака и они занялись повседневными делами.

Ранее на месте Екатерины – во время ее вынужденного отсутствия – стоял памятник потемкинцам. Я по простоте душевной всегда думал, что речь идет о графе Потемкине и его соратниках, но, к стыду моему, оказалось, что увековечены были революционные матросы с известного броненосца. Так вот этот невыразительный монумент перенесен ближе к спуску им. Жанны Лябурб, французской революционерки. На самом же деле памятником восставшим вполне могла бы служить многофигурная композиция «Лаокоон и его сыновья», стоящая у археологического музея. Змеи, которые терзают благородных джентльменов, – чем не художественный образ червей из известного мяса, обусловившего знаменитый бунт?

Но тут речь не о монументах и не о частном дне рождения, ради которого я летал за, пардон, границу. Все-таки главным впечатлением поездки были беседы с Борисом Литваком, великим человеком, который в память о своей рано ушедшей дочери построил детский реабилитационный центр. Там лечат больных детским церебральным параличом. Бесплатно причем

лечат. Не спрашивая гражданства. Центр оснащен новейшей техникой, какая только бывает и мыслима сегодня. Про это много писали разные люди и я в том числе. Самое удивительное, что Литвак не имеет никаких капиталов и живет на зарплату тренера детской спортшколы, ну и еще на пенсию – парню все-таки 77 лет. Откуда деньги? Боря (его все почему-то зовут именно так, а иные так и вовсе Боречкой) обладает удивительным даром – доходчиво объяснять даже неподготовленным людям, что на это дело деньги давать надо. Все построено и держится на частные пожертвования. Странно, удивительно, но это так. Это работает. Боря – святой человек. Я его сравнивал с библейским пророком, это по крайней мере объясняет, отчего с ним все на ты. С пророками на вы ведь не говорили.

И вот теперь, после сколько-то летнего перерыва, я прилетел в Одессу и увидел новую необъяснимую вещь: возле центра построена коробка восьмиэтажного здания. Боря показывал его с гордостью:

– Это гостиница для родителей, которые привозят больных детей. Они тут будут жить бесплатно. А на первом этаже столовая, в которой их будут кормить – бесплатно же.

Понятно, что у Литвака какая-то сверхнормативная энергия, его место – в списке Форбса, он стал бы легко миллиардером, стоило б только захотеть. Но он занимается совсем другими делами. И заставляет каждого из нас задумываться о жизни, ну хоть слегка.

Будучи в Одессе, я три дня не читал газет и не смотрел ТВ. По прилете оттуда по телефону постепенно стал узнавать политические новости. Они все мне после бесед с Литваком показались мелкой мышшиной возней. Которой так и являются. По сравнению с вечностью и с деяниями пророков, из которых с Борей Литваком мне посчастливилось быть лично знакомым. Дай Бог ему здоровья! Сейчас таких не делают.

Телефоны детского бесплатного центра в Одессе:

+38 (048) 724 2505

+38 (048) 724 0548

Выборы в штатском

15 ноября 2007 г., 20:28

Надо успеть про выборы чего-то написать, пока можно, там же как-то запрещают за сколько-то дней.

Представьте себе такую картинку. В утро выборов в орган власти, куда идет один очень высокопоставленный чекист, вам в дверь стучат. Вы смотрите на часы, а там полшестого. Открываете дверь... Там стоят люди в штатском. Они вам дают пять минут на сборы... Вы, одетый, спускаетесь и видите у подъезда автобус. Туда таких же штатских, как и вы, аккуратно усаживают люди в штатском же и везут на избирательный участок. Там под бюстом Ленина – пионеры и пионерки в белых рубашках, с галстуками, салютуют. Вы отдаете голос, понимая, что при таком-то уж раскладе будет 99 процентов... Вас проводят в буфет, где продают сосиски и импортное пиво.

Что, похоже на сценарий антиутопии? Может, и похоже.

Я знаю, что вас смутило: сосиски с импортным пивом, зачем они в избирательном буфете, когда их кругом полно? Остальное вы так бегло просмотрели с легкой скукой.

Я тоже споткнулся тогда на гастрономическом абсурде: ну зачем? Все остальное меня тоже не очень удивило. Это все было в лихие 70-е, когда я с ВВП (одновременно, но со сдвигом в пространстве: я – в Лейпциге, а он – в Дрездене) выполнял задание Родины в Восточной Германии. Про него вы и так знаете, а я был студент и писал дипломную работу. А на выборы – в Верховный Совет то ли СССР, то ли РСФСР – шел тогда Андропов. Он был выдвинут, как сейчас помню эту смешную деталь, рабочими Горьковского завода телевизоров. Почему

именно этим трудовым коллективом? Намек на то, что чекисты далеко видят... Что сладкой вам (нам) жизнь не покажется, если что не так. Намек на ополчение, которое пошло из Нижнего Новгорода очищать Московский Кремль... Сарынь на кичку... А может, просто пальцем ткнуть куда попало? Поди их знай, чекистов...

И вот я думал тогда: чем же плохо немецкое пиво с немецкими сосисками, зачем было в седьмом часу утра подпихивать меня к прилавок с привезенными из соседней Чехословакии сосисками и пивом же? Но уж, видно, такая команда была дана по всей огромной империи и во всех «наших» буфетах, раскиданных по земному шару, кипела работа. В Зимбабве везли пиво из Кении (хуже советского, кстати), из Бельгии – во Францию, из Штатов – в Мексику...

Конечно, то были не выборы. И это будут не выборы. И в целом прав был адвокат Павел Астахов, когда проводил в Твери митинг сторонников неухода Путина. Его корят: ах, ты юрист, как ты мог! Но ведь трезвым людям, мало-мальски знакомым с простейшими принципами законотворчества и криминологии, известно: уважаются и выполняются только те законы, которые нравятся подавляющему большинству. Уж на что был хорош «сухой закон» в Штатах! В смысле, для печени хорош и для снижения преступности. Но не пошел. Хотят люди Путина – если хотят, – задача ответственного юриста дать его людям, причем корректно, с соблюдением каких-то солидных процедур, чтоб пьяные матросы не кинулись разрушать до основания. Это я без шуток вам говорю, как самодеятельный юрист и бывший криминальный репортер.

И Сталин был прав, отстраняя крестьян от участия в выборах. Ну какое они могли дать волеизъявление? После того что устроили в Гражданскую? Опять красного петуха пускать? И новую элиту вырезать? Чтоб это до сегодняшнего дня тянулось, как в Зимбабве?

Про сегодняшний день я сказал не для красного словца. Не так давно беседовал я с пьяным – не скажу крестьянином, но сельским жителем, крепким мужиком с определенным достатком, не гольтьбой какой. И вот он мне признался честно:

– Я сам ничего начинать не буду. А если кто другой начнет, я присоединюсь охотно. И петуха красного пустим, и поделим кой-чего, и кое-кому кое-что припомним.

Как это все близко! Какие еще нужны антиутопии?

Правые говорят про свободные ответственные выборы... Я в прошлый раз голосовал за СПС, там и знакомых полно, и тяга иных к западной жизни мне понятна; я хоть и русский патриот (либеральный патриот), на Западе нахожу много милых подробностей и симпатичной ерунды... Мне и таким, как я, которые строят из себя умников, больше и голосовать-то не за кого... Я надеялся в прошлый раз, что те ребята, которые считают, подкинут сколько-нибудь голосов правым, чтоб хоть была какая-то компания там в верхах, чтоб можно было Западу показывать наши демократические достижения. Это не было сделано. Но что-то мне подсказывает, что в этот раз правым не дадут пропасть. Они (или тут уместней сказать «мы»?) уже – после всего – не так страшны для начальства. Я думаю, на этот раз Сурков – или кто там – таки наконец пустит правых в Думу.

Эта моя мысль окрепла после того, как я совершенно для себя неожиданно получил сигнал от Путина. Я не ожидал, что он приедет на юбилей красного террора в Бутово, я только фантазировал на эту тему, я представлял себе нереальную ситуацию, что вот он приедет. Я был озадачен, когда он приехал наяву. С другой стороны, почему нет... Не все ж с доярками и ткачихами общаться. Хочется, наверно, поднять уровень дискуссии, а то: «Вы знаете, я не непомерно великий, просто я необычайно, но в рамках приличий великий».

Я про что-то похожее разговаривал по пьянке с молодым парнем, который меня подвозил ночью на «Жигулях» за скромные деньги, и он – это уже когда я заплатил – сказал, что мысль моя неплоха и он таки проголосует за СПС. При том что отродясь на выборы не ходил...

Смешно, что на другой день мой старый товарищ с могучим интеллектом решил агитировать меня – меня! – за «Единую Россию».

– Что-что? – искренне удивился я. – Да ты в своем ли уме? Как ты мне такое можешь предлагать? Мало у вас подхалимов? (Подхалимы – это просто очень хорошо воспитанные люди прагматичного толка, они просто обчитались книжек типа «Как приобрести друзей и влиять на людей».) Ты лучше ответь Немцову он говорит, что за путинское правление у нас стало чиновников на 600 тысяч больше!

– Во Франции еще больше!

– Они там, во Франции, уже под арабами совсем; заедь к ним, они тебе твою любимую новую машину сожгут – тогда поговорим. А вот как так: в газете на одной полосе идет реклама «Единой России», тут же про рост цен на нефть и стабфонд, и – цинично – объявления о том, что вот не на что детям делать операции, так что граждане пусть скинутся. По-моему, это идеологическая диверсия или как это сейчас называется...

Он молчал.

– Может, цензуру усилить? Пусть она крамолу отслеживает. Или объявления эти про операции запретить.

– А что, это мысль! – бодро откликнулся он.

Так что ожидайте новую заботу партии.

Вчера сдал в номер (в журнал «Медведь») интервью. С писателем Алексеем Варламовым. Который вышел в финал премии «Большая книга» с призовым фондом, между прочим, 6 миллионов рублей. Итоги будут оглашены 22 ноября. Позже выяснилось, что он получил вторую премию. Варламов не только писатель, он к тому же и преподает в МГУ. Тема его докторской диссертации была такая: «Жизнь как творчество в дневнике и прозе Пришвина».

– А чем вас так заинтересовал скромный Пришвин? – спрашиваю.

От ответил:

– Меня очень поразили его дневники, которые он начал вести в начале века. В них я нашел очень вдумчивый и глубокий анализ русской истории. Пришвин и история, Пришвин и большевики, Пришвин и народ. На чьей он был стороне – народа или большевиков? Он был резкий враг большевиков в 1917 году, а в 1918 году вдруг увидел в них историческую правду. Когда мужики распоясались, он их очень испугался. Бунин тоже испугался, но он их проклял и уехал. А Пришвин здесь остался и пришел к выводу, что большевики – это единственная сила, которая может мужиков привести в чувство, вразумить. Что только так с ними и надо – жестоко, железно, окуная в прорубь... Иначе эту стихию не утихомиришь. И он увидел в этом историческую закономерность и справедливость. С этим можно соглашаться или не соглашаться, но он, просидев в деревне три года в самое страшное время, выстрадал эту позицию. Большевики – это жестокая школа, через которую должен пройти анархический народ для своего же блага, чтоб от этого анархизма излечиться...

Если кто забыл, большевики усмиряли крестьян – нешто и правда для их же пользы? – при помощи такого инструмента, как чекисты.

Все уже было, что ли?

А на выборы сам Варламов давно уже не ходит. С тех пор как разочаровался в Ельцине.

Вот хотел я тут дурным голосом проорать: «Все на выборы!» – но как-то неловко перед Варламовым. Чего это я взялся выступать от имени яйцеголовых, когда такой человек молчит...

Блатная иерархия власти

23 ноября 2007 г., 14:33

В своем выступлении в Лужниках ВВП среди прочего, как известно, сообщил: «Власть действительно допускает ошибки в своей работе».

А после дал совет: «Можно и нужно критиковать власть за это».

Я как-то сразу подумал, что это не ко мне. Есть специально обученные люди, которые лучше меня, тропливее и грамотнее исполняют совет вождя.

Я вспомнил про другое. Про разговоры насчет демократии, которые в последний ельцинский – кто ж тогда знал – год я вел с известным правозащитником Валерием Абрамкиным. При Советах он был реально политзаключенным. И вот он мне сказал, что тюремный опыт убедил его в такой вещи: нашему народу демократия чужда.

Я, конечно, удивился: откуда демократия в тюрьме-то, когда ее и на воле не было? Уж при советской-то власти – точно.

Валерий, однако, уверял меня, что сживал в камерах, где было настоящее равноправие и полная демократия. Имелись в виду учреждения, где правили мужики, то есть фраера, где не было блатной иерархии. Это работало! Все решалось коллегиально, сходкой. Но если ситуация сильно затягивается во времени, то – внимание! – люди устают, им это перестает нравиться. Тогда появляется некий пахан и ему сдают власть. Люди добровольно снимают тему равенства и братства – и восстанавливают жесткую иерархию.

Про термин «вертикаль власти» мы не слышали в те времена. Я только уточнил, в тогдашних терминах:

– Это ты про то, что на воле описывается термином «твердая рука»?

– Конечно.

Абрамкин, видно, много думал про это, у него были наготове объяснения, литые формулировки:

– Это от потребности многих людей иметь некую внешнюю совесть. Человеку часто хочется, чтоб кто-то снял с него ответственность – и взял на себя. Эта модель, по которой призывали варяга для наведения и поддержания порядка. В тюрьме такое случается, когда появляется новый человек. А бывает, кто-то из своей же камеры берет на себя такую обязанность...

Летом 1999 года мы не знали, кто придет и сделает все как надо.

Ну что же. Раз это есть, раз существует такая потребность – значит, иначе нельзя. (Похоже, люди и женятся по тому же принципу.) Это типа ручейка, который пробивает себе дорогу. Нравится нам это или нет. У нас нет другой страны и другого народа. Надо уметь жить в такой стране, какая есть. Жили же когда-то при так называемом социализме...

Тогдашняя наша дискуссия плавно перетекла на воспоминания про обстрел Белого дома.

Абрамкин и для этого нашел зоновскую аналогию:

– Накопилась критическая масса людей, привыкших к насилию. У таких, когда они никого не бьют, начинается ломка, как у наркоманов. Это по ощущениям похоже на Гражданскую войну. Ну, на Гражданской я не был, но у меня было похожее настроение, когда в зоне начался беспредел, когда в зону вот-вот введут внутренние войска.

Не к ночи будь сказано.

Еще я вспомнил про ситуацию с Пастернаком, на довольно вялую и безобидную книжку которого про доктора Живаго власть крепко обиделась. Тогда тоже выступали различные ткачи и даже очкарики в строгих костюмах и страстно, волнуясь, говорили о любви к начальству... И острой нелюбви к тем, кто против. Эстетически это не очень, конечно, но по сути понятно желание быть ближе к прямому пути. Из двух вариантов – любить начальство или не любить – предпочтительней, конечно, первый вариант. Счастливы те люди, которые способны испытывать такую любовь искренне! Я практически даже близок к тому чтоб чуть-чуть завидовать им.

Пастернака власть не любила... За что, кстати? Я читал роман очень внимательно – тогда, при самиздате, это еще было возможно, сейчас-то мы чтением перекормлены, – пытаюсь найти причину. Так вот крамолы там я нашел две порции: 1 – что-то типа «стало ясно, что коллективизация была ошибкой, и чтоб ее скрыть, была начата большая война, которая собой мно-

гое заслонила»; 2 – внимание! – «страна идейно вернулась ко временам диких первобытных пастухов и всевластных вождей, которых обожествляли». Что-то в этом роде. Вот этот второй пункт был наверно сильно обиден: кругом же вроде Европа, цивилизация, костюмы европейские же, а тут такие слова.

Но конечно, никого это не может обмануть. Какая Европа? Я как человек степной, родом из донецких степей, в детстве в огромных количествах насмотрелся на скифских баб – таких каменных истуканов в натуральную величину, их там полно. И потому строки «да скифы мы, да азиаты мы!» (запятые можно ставить, можно нет; смысл меняется только чуть, интонационно) я воспринимал не как поэтическую вольность или шутку, а как жесткую констатацию факта. Скифы – это круто, это была сверхдержава; грубо говоря, они делали что хотели и шугали европейцев. Говоря о том, что у нас дикий народ, я однажды был деликатно прерван вопросом:

– А ты, типа, не дикий?

Я схватился за голову. О Господи. С этого надо было начинать! Ну конечно же, я дикий, дикий степняк и скиф! Я варвар! С такой деталью, что я не хочу разрушать белый Рим, он мне в чем-то симпатичен... Но и камлание, которое начато по всей стране в честь нового вождя (или не сильно нового, не важно), мне не кажется чудовищным. Нормальное камлание, наше, скифское, простое. Оно необычайно демократично. Надо орать в пользу и в защиту вождя или там атамана «Любо!» или как там, – у запорожских казаков была замечательная демократия. У нас все в порядке. Страна живет так, как ей комфортно, как она привыкла.

Сколько раз я примерял на себя эмиграцию – но хлеб чужбины скучен. Сколько я видел эмигрантов там, как они жалки и нервны, если не имеют возможности вернуться сюда, пусть и с новым паспортом. Какие удивительные глаза у людей, которые провожают тебя в Москву оттуда, откуда им нет дороги домой, по известным причинам...

Вольнодумец Бертольд Брехт, отвечая кому-то – Ульбрихту, что ли? – на упрек, что народ Восточной Германии несознателен, говорил: «Если вам не нравится этот народ, найдите себе другой».

Теперь эти слова издевательски возвращены бумерангом тем людям, которые при шляпах и в очках, которые думают, что они сильно умные. «Не нравится?»

Да нравится, нравится...

У меня в юности была знакомая, она трудилась проводницей в купейном вагоне. Как-то мы с ней загуляли, она не ушла в рейс, и в наказание ее на неделю перевели в общий вагон.

Когда она отбыла срок, отказалась возвращаться обратно:

– В купейном надо улыбаться каждой сволочи, здрасте-извините, а в общем вагоне кого хочешь посылаешь на х..., не надо подметать каждые десять минут, разносить чай – сами нальют, и вообще чувствуешь себя свободно.

Так и мы сегодня... Со своим народом, там, где он.

Это и есть свобода, что б вы ни говорили.

Предвыборное похмелье

29 ноября 2007 г., 18:05

Вы будете смеяться, но у меня немало знакомых, которые нетвердо определились с выборами. Не ожидал... Я думал, что... короче, сами понимаете.

Некоторые вообще не знают, идти ли.

В этой связи я вспоминаю рассказ архивариуса города Монтре. Мадам Лоти ее зовут. Она мне с черным юмором рассказывала, что после 1917 года на берега Женевского озера кинулись толпы русских. Они помнили, что там хорошо. Так оно и было, если с деньгами, а нищим беженцам, каковыми они стали, спасибо Советской власти, приходилось кисло. Русских

дворян с удовольствием нанимали лавочники выносить горшки за детьми и заодно за те же скромные деньги учить потомство хорошим питерским манерам. Я думаю, те дворяне кусали локти, жалели, что нельзя вернуть время назад и погибнуть не лакеями, но русскими солдатами – в бою с большевиками. А еще страшней их терзала мысль, что, останься они там, может, и победили б... Это, повторяю, для тех, кто не идет на выборы.

А то был случай. Один из моих любимых на тему высоких политических материй. Будучи в прошлые выборы в Индии, я с товарищем поехал в российское торгпредство голосовать по открепительному. А еще пяток товарищей не поехали – им неохота было по жаре переться через пять кварталов. Когда мы вернулись, застали дискуссию о том, что народ у нас политически пассивен. Я пристыдил спорщиков, они спохватились, что да, некорректно вот так сотрясать воздух в присутствии нас, избирателей.

Сейчас один человек – весьма солидный, что с виду, что по роду занятий, – меня страшно удивил:

– Я за коммунистов пойду голосовать.

– О как! Да в своем ли ты уме? А еще бизнесмен...

– А я посчитал (у него хорошее образование, он спец по точным наукам), что если голосовать за какую-то третью партию, то мой голос размажется по двум лидерам.

– И?..

– Значит, чтоб досадить «Единой России», надо голосовать за коммунистов.

– С которыми ты на одном поле не сядешь.

– А я и не говорил, что сяду. Но голос свой им отдам.

– У меня с математикой плохо, но я уверен, что ты несешь херню.

Надо отдать ему должное, человек задумался... Мы выпили еще, и он, кажется, засомневался. Слишком трезво смотреть на Россию нельзя, истины не увидишь. Кстати, здоровенный плакат с цитатой насчет «умом не понять» я как-то встретил в зоне, по соседству с тоже классикой – «на свободу с чистой совестью».

Кстати, о теме правоохранения, которая прямо вытекает из эковской тематики. Земля на Рублевке так дорога по единственной причине: дачники стремятся подпасть под бесплатную охрану, которой спецслужбы окружают Самого. Я также догадываюсь, отчего не поступает в продажу земля от МКАДа до Барвихи: полагаю, там в лесах сидят в подземных схронах наподобие бандеровцев некие спецназовцы, которые, если что, выскочат и укажут восставшему народу дорогу к кузькиной матери. Защитят гаранта и его соседей.

Вообще хорошо ли это, полезно ли – быть сильно прогрессивным? Известный Огарев, забежав впереди паровоза, еще в 1840 году отпустил на волю своих крестьян, с землей причем. Когда он им это объявлял, думал, они упадут ему на грудь и станут братья. Но они хором зарыдали и стали причитать: «Не надо нам свободы, а надо нам хорошего барина!» Тем не менее, поняв, что дело это уже решенное, свободу они приняли, но на барина сильно обиделись. И в храме не подходили к нему. Его это подавляло... Но сделать ничего уже нельзя было... Сегодня Огарев сделал бы выводы и проголосовал бы, конечно, за «Единую Россию».

Маленькая притча, как мы любим. Я как-то теплой осенью ехал в поезде. Было душно, а окна намертво задраены. А помните, когда-то были форточки...

– А давай как-нибудь откроем! – говорю проводнику.

– Нельзя, у нас же кондишен.

– О! Так включи его.

– Нам запрещают: люди простудятся, начнут жаловаться.

– Ну допустим. А зачем же у вас еще и топят в такую жару?

– Так это центральное отопление, с локомотива тепло подается.

В общем, ничего нельзя сделать... Вертикаль власти, не правда ли?

Я разве только вызвал начальника поезда и с жутким скандалом вынудил его при помощи слесаря выставить раму в коридоре и стоял под теплым ветром, наблюдая среднерусские пейзажи. К ночи похолодало, и раму поставили на место. Такая, знаете, модель демократии в ручном режиме. Зачем нам выборы губернаторов и их технически легкий импичмент, когда можно назначать и выгонять вручную? Вообще моментально? Куда ты мчишься, поезд без форточек и без кандея? Не дает ответа.

Да я и не надеялся его получить...

Но зато вроде стабильность. И безопасность Эти темы волнуют людей снизу доверху. Не только гастарбайтеров, которых шерстят рядовые менты. Если вы заметили, после октября 93-го первое, что сделали победители, – поставили вокруг Белого дома замечательный высокий железный забор...

И тем не менее на фоне всех странностей и сомнений один знакомый сказал (от греха подальше не буду называть его фамилию):

– Боря отморозенный, к тому ж зря он впрягался за Ющенко, конечно. Но! Мне нравится, что он стоит как скала, один в штормовом море. И плевать ему, что один. Это по-мужски. Вот пойду за него и проголосую... А за кого еще? За кого?

Я однажды заметил, что у каждого народа свое базовое состояние. Немцы воюют, французы едят деликатесы, китайцы вкалывают, и прочая, прочая, а русские – находятся в состоянии похмелья. Будучи в нем после выборов, мы с вами в нем и встретимся.

Ура, что ли...

Оранжевые в Минске, Немцов президент

6 декабря 2007 г., 17:28

Получив сегодня с утра известие о том, что русский военный флот вернулся в Мировой океан, я догадался, что и по суше нам тоже придется куда-то топать. Другого выхода нет. Иначе что ж, одна нога (армия) здесь, а другая (флот) там?

Легкий бодрый холодок пошел по коже от словосочетания «Рабоче-крестьянская Красная армия». С легкой прослойкой интеллигенции, как положено. Заместо рабочих у нас теперь интеллектуалы и 64 тысячи деятелей искусств, которые на правах условного гегемона всенародно одобряют и поддерживают, вместо крестьян – киргизские гастарбайтеры, которые покорно убирают не хлеб, но снег, вместо интеллигенции – чекисты, теперь их черед побыть мозгом нации. Красный цвет в названии армии буквален: знамя же у нас именно такое.

Выдвигаться известно куда: на Запад, поближе к коварному НАТО. В Белоруссию придется выдвигаться, к братушкам – не все братушки еще вступили в НАТО, кажется?

Значит, так. После построения у нас тут вертикали и провала выборов...

Тут лирическое отступление. Цифры, как мы понимаем, нарисованы самые простые, какие просились. Не 90 же (слишком, это только для Кавказа хорошо) и не 51 (ненадежно как-то) процент голосов записывать за правящей партией! Ну так, 60–70, в пределах приличий. Коммунистам реальную цифру – а у них полно избирателей – стремно давать. Лучше б урезать, а то они могут неправильно понять – вон и без того у Геннадия Андрейча такая сталь в голосе перед выборами прорезалась, какой я за ним не замечал. Жириновский – верный служака, державник, как его Никита Михалков похвалил, никогда на Кремль не тянул. Его проценты ему как орден, и не Ленина, но и не значок от ЖЭКа. Эсеры вполне заслужили свои семь с хвостиком, для начала, ну и, чтоб все правильно понимали, не очень размахивались. Все правильно, я б и сам приблизительно так же делил голоса. Люди ответственные никак не могут сейчас допустить в нашей стране свободных выборов. У меня только одна досада, не претензия

даже – не пустили в Думу правых, хоть в минимальном каком-то количестве. Некрасиво. В капстране-то.

Конец лирического отступления.

...выборов. В смысле думских. А там президентские, которые надо тоже как-то готовить.

Не пускать же на самотек.

Идеальным раскладом была бы оранжевая революция в Белоруссии. В то время как Москва вроде успокоена новой польской дружбой. И тут вдруг толпы и палатки в Минске, наши триколоры и портреты Путина, Лукашенко в женском платье бежит в кубинское посольство, некий белорусский Куусинен провозглашает взятие власти в руки народом... Путин вынужден ехать куда зовет его братский народ. Вводить в России чрезвычайное положение или нет, я еще не придумал, это после, в рабочем порядке. Но народные избранники двух стран уже братаются. И вот-те на: грядут выборы президента объединенной братской страны. На которые кое-кому придется идти без вариантов, ну и для массовости Жириновский одолжит своего охранника; вот ведь бескорыстный и тонкий человек!

А выборы президентов Белоруссии и России идут своим чередом, преемники сражаются за место под солнцем по первому разу, можно даже при флердоранже, никакого третьего срока!

Слово чекиста дано и сдержано: сказал не будет третьего срока – вот его и нет.

Самое интересное – кого ставить на техническую должность президента РФ. Почему Немцова (он, кстати, кажется, хотел) нельзя на нее поставить? Не пойму... Ну уважьте наконец нас, старых диссидентов! А вас и так не забудет!

* * *

Да. Теперь вас уже точно не забудет...

PS

Было бы тонко и изящно подготовку оранжевой революции в Минске поручить как раз Немцову – он в Киеве должен был все узнать в деталях, как оно там. У него было бы личное эмоциональное топливо – его ж там белорусские менты арестовывали даже. У меня, кстати, был знакомый немец из ГДР, который в свое время, закончив в Воронеже юрфак, просился на работу в тамошнюю, воронежскую же, ментовку. Он так мечтал, что придет однажды в лейтенантской форме и вломит сержанту Сидорову из вокзального отделения милиции, который не раз запирал пьяного студента из братской страны в обезьяннике. Но ему отказали, он чужой был гражданин. А мы с белорусами станем согражданами! Так тот немец, солнцем палимый, вместо ментовки нашей поехал за границу читать лекции студентам – как это часто приходится практиковать потерявшему место на госслужбе Борису Ефимычу.

Ну и про пожизненный срок для нового объединенного президента будет просто договориться – мы ж цивилизованная космическая держава, не Венесуэла, слава Богу, какая-нибудь.

И все вопросы решатся. Бывшие братские соседи, правда, задержаются и заерзают, как бы и им не попасть под раздачу, но им полезно держаться в тонусе. Это же входит в нашу новую концепцию, если я правильно ее понял.

Случай на рыбалке

12 декабря 2007 г., 19:43

Намедни, принимая в пищу лобстера и мучаясь от ностальгии в скромном ресторане на берегу Гудзона, я предавался лирическим воспоминаниям. Вспоминал разные истории, которые имели место по ту сторону Атлантики.

Однажды на рыбалке был такой случай.

Два взрослых дяди таскали хариусов одного за другим удочками из Байкала. За этим ужасным зрелищем зверского истребления всего живого наблюдал чувствительный мальчик, такой в очочках, сразу видно, из хорошей семьи. Его мучила жалость, он весь исходил сочувствием и чуть не плакал. Но тут вдруг один хариус, уж совсем было поднятый на борт яхты – хоть и дорогой, но русской, провинциальной, – сорвался с крючка и свалился обратно в чистой-шую, что твой эвиан, воду. Мальчик кричал «ура!» и прыгал по палубе.

– Молодец, рыбка! – орал он. – Я так рад за тебя! Расскажи там своим друзьям, что тут творится! Чтоб не клевали больше... Спаси их!

Дяди – а это были простые дяди, обычные матросы – очень косо и весьма недобро посмотрели на мальчика: кто его научил говорить гадости людям под руку? Чего это он так борзееет?

Мама этого радикального юного гринписовца сделала сыну замечание:

– Ты бы лучше помолчал. А то, неровен час, выкинут тебя за борт и поминай как звали...

Дяди молчали. Все посмотрели на них и заметили, что они очень серьезны и слова под руку им вовсе не понравились. По идее они должны были свернуть все в шутку, поулыбаться, сказать мальчику что-нибудь доброе и ободряющее – все ж таки они были матросами богатой яхты, а мама с ребенком – гостями их хозяина...

Но нет – они угрюмо смотрели в мрачную байкальскую даль. Русские люди очень гордые, они даже в убыток себе нороят сказать, что думают, по любому поводу. Или посмотреть так, чтоб ты понял сразу все, что они думают. Мальчик с сомнением и с плохо скрытой тревогой спросил маму:

– А что, нельзя говорить, что я думаю? Мы разве не в свободной стране живем?

– Вот когда кончится отпуск и мы вернемся в свободную страну, там и будешь язык распускать. А здесь – можешь ты помолчать?

Мальчик таки замолчал и больше уже ни о чем не спрашивал маму. Видно, он как-то смог сообразить, что между островом Ольхон (к которому мы причалили накануне) и островом Манхэттен (где лет 10 назад его родили уехавшие с Украины папа с мамой) – дистанция огромного размера, в разных смыслах слова.

Но это еще не все.

На другой день мальчик тайком от мамы пришел в кубрик, где отдыхала команда, поправил очки, достал из футляра свою скрипочку и сбавил для матросов нормальный концерт. Они не очень уважали Паганини, им лучше – Михаила Круга, но в глазах их читалась радость: вот, интеллигент пришел и снял перед ними шляпу. Показал, что все понимает правильно. И впредь, понятно, будет молчать. А захочет нести что ему в голову придет – пусть летит из Второго Шереметьева к себе в мир бесправия и там орет, что Рейган – дурак.

А ведь, казалось бы, ТВ он не смотрит, газет не читает, на партсобрания не ходит – ан нет. Подышал воздухом Родины пару дней, и готово! Хоть в медвежата (или как там называется пионерская организация нынче?) записывай. Дети быстро все схватывают... Это все было в 2005-м, когда мало кто мало о чем догадывался. А мальчик после этого ни разу в России замечен не был. Отказывается ездить. Я, говорит, лучше к бабушке поеду с бабушкой.

На Украину.

Праздник чекиста

20 декабря 2007 г., 20:23

Тема ЧК сейчас в моде. Кто раньше шифровался, теперь гордится. Кто не при делах, надувает щеки и делает вид. Да вот и я, старый диссидент, теперь то и дело упоминаю о том, что мой дедушка служил в ЧК (это среди прочего – про то, как воевал во Вторую мировую, я

писал в «Газете. Ру» в мае). По мне, так это просто для прикола, так, забавный парадокс. Но, может, все глубже, поди знай, что там и как в подсознании...

Так вот про деда. Он поступил туда в Гражданскую. Это была харьковская чрезвычайка. Его, новичка, повели по зданию показать, где что. Заглянули и в подвал. Распахнули дверь, и дед прям отпрянул.

– А что такое? Что тебе не нравится?

– Что ж за вонь у вас тут!

– Какой ты нежный! Привыкнешь еще.

– А что это?

– Та здесь мы стукаем. В исполнение приводим. Трупы убирают, кровь высыхает, а мозги, видишь, разлетаются по стенам и гниют.

На службе он, видимо, показал себя с хорошей стороны – раз его отправили в школу младших командиров ВЧК учить пулеметному делу, которое в те времена лежало вполне в сфере высоких технологий. «Максим», конечно, а также «кольт», «люис» и даже такая экзотическая модель, как «шварц-лозе». Учебных пособий, то бишь пулеметов, хватало, с остальным были проблемы. Жратва скудная, быт бедный, вместо одеял свои же шинели. В холода курсанты топили у себя в бывших казачьих казармах печку-голландку. Дров не выдавали, но от разобранных заборов и наломанных на кладбище крестов был хороший жар.

Учеба длилась полгода, а после в школе устроили выпускной вечер. Начинающим командирам выдали аттестаты и ценные подарки, кому что, – деду достался серебряный портсигар. Потом торжественный ужин. Все знали, что у командира стрелкового взвода жинка гнала самогон, он и принес четверть, как ожидалось. И командир школы – тоже четверть, но только у него самогон был не простой, а настоящий на меду. Тут соблюли субординацию. А начальник штаба так вообще отличился: пришел с бутылкой фабричного денатурата, и по форсу это был уровень вполне себе Chateau Margaux.

За ужином завязалась беседа. Дед принялся расспрашивать комиссара Марченко о причинах, заставивших того однажды ночью устроить у себя в комнате стрельбу. Дед как раз дежурил, а тут пальба. По тем временам она могла означать что угодно – кроме салюта. Дед схватил пистолет и бегом на выстрелы. Влетает в комнату, а там комиссар. Сидит голый на кровати, в руке пустой «наган» дымится, а сам тупо в стену смотрит и ничего не слышит. Дед забрал ствол и уложил стрелка досыпать. И вот теперь комиссар по пьянке все объяснил своему бывшему ученику, уже ж не было между ними пропасти:

– А... Это было вот почему. Я служил в Губчека раньше, так мне там пришлось расстрелять 518 человек. И ночью эти дела на меня находят... Я стал неспособен к той службе. Поэтому меня и перевели в школу. Теперь комиссаром... Тут же стукать не надо, так что справляюсь.

Дед так понял, что потерялся человек, и ему помогли, дали работу полегче. Главное – вовремя человеку помочь, успеть! А вот с начальником Губчека Журбой такой номер не прошел. Он тоже так иногда стучал, но все больше чужих. А потом в ЧК попал его брат – моряк, из эсеров. Его быстро приговорили. Журба зашел к нему: «Ну, братец, не послушал меня? Пойдем теперь...» Пришли в подвал, понятно зачем. Какая-то нужда заставила чекиста лично повести на расстрел своего брата, хотя можно ж было это свалить на кого-то. А в подвале на полу там откуда-то взялась пустая бутылка (легко допустить, что на трезвую голову расстреливать тяжело. – *И.С.*). Так моряк ее схватил – и как шарахнет брата по башке! Выбил глаз. Но и с выбитым глазом чекист все равно брата расстрелял – вот ведь выдержка и целеустремленность! Расстрелял – и служил дальше, вроде все шло хорошо. Но через какое-то время Журба на мотоцикле на полной скорости кинулся на проволочное ограждение, особый отдел был обнесен колючей проволокой. Думали, может, это случайность. Нет – настоящее помрачение рассудка. Ну что ж, сняли человека с должности и отправили на лечение.

Среди знакомых моего деда легче всех убивал некий Лазаренко, командир кавалерийского отряда. Взятых в плен бандитов он любил казнить собственноручно. Сперва был трибунал, как положено, а потом приговоренных, связанных, отдавали Лазаренке. Он зажимал человека коленями и откручивал ему голову, как курице. Командира этого считали не маньяком, а так, просто обозленным: знали, что бандиты убили его отца и мать. А с Лазаренкой ездила жена, верхом. Она сама, правда, не убивала.

Про свой личный ехрегиенсе в этой сфере дед помалкивал, и слава Богу. Он только теоретизировал абстрактно: «Убить человека – это только кажется, что легко... Если одного убить – и то он снится. Даже если немцев, из пулемета, с большого расстояния – все равно это откладывается. И держится в голове, накапливается...»

Короче, примите поздравления с Днем чекиста. В аккurate сегодня.

Прощание ушанки

28 декабря 2007 г., 15:08

Новый год в который уже раз – второй, кажется, – попадает на теплое время. Вот уже ученые принялись разоблачать шарлатанов, которые всерьез гнали про глобальное потепление, а все равно в декабре тепло.

Уже не только в Москве, и в провинции в потепление поверили. Смирились с ним. Все реже удастся увидеть ушанку, в каких раньше ходила вся мужская половина Союза, штатские в том числе, и повсеместно, – теперь ею покрывают головы только редкие гости столицы, посланцы диких каких-то степей. Шапка эта важна, значительна, при том что надобности в ней нет никакой, ну если ты, конечно, не ушел на всю зиму в глухую тайгу. Она строго ритуальна и символична, это не от холода, но чтоб показать принадлежность к великой евразийской степной империи.

Но после мы ушли в Европу, в цитадель белой цивилизации. И шапки ушли туда же. Но не на наших головах, это случилось порознь, по отдельности. Мы ушли мысленно, а шапки – live, в чемоданах, в качестве сувениров. Кто не догнал, тот на старом Арбате берет у смешных спекулянтов черную кроличью ушанку с адмиральской богатой кокардой. А одна деятельница так называемого современного искусства – ее зовут Оля, кажется, – производит такой арт: к ушанке из синтетики она приделывает бисерный самолет. А что, некоторым нравится...

* * *

Ушанка – это знак Азии, это меховая шапка из тех, в которых дикая дивизия рубила кого скажут, или крымчаки, которые жгли Москву и скрещивались с блондинками, даже не спросив, как тех зовут; казаки, калмыки, чечены, ваххабиты и кто там еще, все сплошь люди военные, полувосенные, разбойные. В таких шапках комфортно мотаться по диким местам из конца в конец континента, в них удобно, скинув форменную уставную фуражку и питерский тесный мундир, в черкеске с трофейной саблей воровать местных девок и жить с ними, а после, как наскучат, их резать и валить все на местных, как это делал скрывшийся под прозрачным вторичным погонялом Печорин поэт-любитель Лермонтов.

Эта форменность, это пристрастие принадлежать к огромной незаконной русской орде, к махновской вольнице, о которой мечталось, летом как-то переходила в тему фуражки, армейской ли совершенно, или с оторванной кокардой, или в бедной версии этого головного убора – кепки-восьмиклиники, которая только маскируется под мирную штучку. В такой воровской кепочке удобно ходить с финкой резать поздних прохожих или драться на танцах... А если ее задрать, задрочить на затылок, обнажится околыш, и так ловко в этой кепке стоять на броневике, как, бывало, стоял один немецкий шпион! Замечательно можно к этому околышу при-

собачить тряпочную звезду или красную полоску – это будет смотреться не менее уместно, чем опознавательные знаки на той же папахе. При том что жестяная, кривая, вырезанная из консервной банки и покрашенная кубовой краской звезда довольно дико бы смотрелась на, к примеру, шляпе. Я помню свою первую ушанку, которую принял, как награду, после ношения какой-то детской шапочки с завязками... В ней было нечто партизанское, и хотелось кого-то мочить, выскочив внезапно из кустов. Я помню форменную фуражку, которую носил в детсаду. Это был мощный знаковый головной убор, совершенно как бы военный, черный, как бы флотский или эсэсовский (никогда я не видел Путина в армейской фуражке хаки, а вот во флотской – да; видно, с армией он себя не ассоциирует, а побыть в образе оберштурмбаннфюрера Штирлица, который весь в черном, он, видно, не прочь), с достаточно высокой тульей. Кокарда на той фуражке была в виде открытой книжки, какую у подышающего ослабевшего СЭВа отнял Лужков, – что это было: остаток, ошметок школьной ли старинной формы, гимназической или ремесленного какого училища? Что за антиквариат? Я всерьез планировал пойти в этой фуражке в школу, но как-то не сложилось – школьная форма к 64-му, вполне себе либеральному, году сделалась с виду пацифистской (при том что кровавые, с соплями, драки на заднем угольном дворе никто не отменял, конечно). Фуражка пылилась на антресолях и после пропала бесследно.

Помню и купленную в Хельсинки фуражечку наподобие вермахтовской, типа фашистской буденовки, – она была хоть и черная, но вполне с виду боевая. У меня ее все выпрашивали и выменивали, я отказывал, люди устали от моего упрямства и кепочку попросту украли – а что, на дворе были так называемые лихие 90-е.

Забавно, что сегодня люди не знают, что им носить на голове. Все не то! Выбор мучителен и безысходен. Не ушанка, но и не шляпа, и не папаха же все-таки... Берет? Мне лично это ближе, но я вижу, что люди мной недовольны. Гаишники брезгливо и жалостливо при виде моего головного убора спрашивают: «Художник, что ли?» Я неопределенно изображаю что-то пятерней. Они добавляют со вздохом: «Ладно уж, езжай, что с тебя, типа, взять...»

Даже теперешний президент, хромая утка, не знает, что ему надеть – то ли пирожок того фасона, что пошивали для членов Политбюро, то ли меховую флотскую фуражку, то ли шапку Мономаха (очень с виду азиатскую), то ли простецкую корону... И он сам, и его чекисты добавляют неопределенности к вопросу. Им вроде же положена форма, а они ее не носят – может, она висит где-то в секретных лубяньских шкафах. И головной убор какой-то же положен им? А нам? Поди знай... В оттепель хорошо, можно и с непокрытой головой, без опознавательных знаков. А как поменяется, как перейдет к заморозкам, к холодному миру – что напялить на голову? Да чтоб не ошибиться? Куда идти, как жить, какой путь у страны и у нас в ней – непонятно. Как всегда. Да и ладно!

Кстати, что за шапка у Дедушки Мороза? С виду – старинный русский почвенный головной убор, национальная шарка, а присмотреться – так слизанная с Запада ермолка Санта-Клауса, только тупая. А пощупаешь ее, так ясно: тупфта, подделка, тряпка из старых запасов, когда шили флажки, и аптечная копеечная вата из остатков, а главный запас-то пошел на бороду.

Здравствуй, Дедушка Мороз, борода, хрен с тобой, из ваты! Ты подарки нам принес? Ну доставай, не томи... А откуда он вообще взялся, кто он такой, этот гражданин Мороз, какова его легитимность? Пришел и диктует, делает что хочет. Что, не слыхал про такую вещь, как выборы? Какой уж у него срок идет, у этого деда? А?!

Но прочь крамольные мысли. И хватит изображать из себя наивных простаков. Какие уж там выборы, да и на что они нам. Надо веселиться. С Новым годом, с новым, как говорится, счастьем! Правда, правда, я не шучу, это искренне.

Ура!

Путь русского самурая

10 января 2008 г., 20:01

Некоторые граждане увлеклись уже Медведевым и стали размышлять о том, как бы им построить жизнь под него. Однако есть и такие, кто много думает про его предшественника. И пытается понять его действия, угадать планы и определить принципы, которыми он руководствуется в жизни.

Судя по прессе, людям многое непонятно в действиях предшественника Медведева. Непонятно это в основном западникам. И это неудивительно. Ведь шутка насчет того, что Россия – европейская страна, всего лишь шутка, хотя и довольно тонкая. А мы-то – Восток. Не Ближний и не Средний, а тот, откуда к нам пришло дзюдо. И не только оно, но и бусидо – кодекс, по которому живут настоящие самураи. А также дзен.

Достаточно пролистать бегло наставления старых мастеров, и многое, если не все, станет понятным. Про человека, который идет путем воина. Пусть даже и в штатском. Я даю вам тут отрывки и урывки, не помечая, какой из них что объясняет. Но вы и сами догадаетесь, какой абзац к чему относится. Что делать с Америкой, как и зачем шпионить, Абрамович, Ходорковский, свобода прессы (которая, не могу удержаться от намека, выведена в образе физиономиста), как испытывать людей на верность при помощи раскаленных щипцов, с какой скоростью надо бежать по зову хозяина, почему нельзя брать на службу ронинов из других, кроме Питера, провинций... По какой цене надо выкупать нефтянку у тех, кто ее приватизировал... Как прощаться и что значит, когда человек говорит, что уходит... Почему не надо нанимать на работу сильно умных... Как будут взаимодействовать премьер с президентом... Как вообще вести кадровую политику. Как шутить наконец – а мы знаем, что у Предшественника (почему-то захотелось тут написать это слово с большой буквы) есть очень крепкие шутки.

Но главное, чего не могут понять западники, – что для самурая нет плохого и хорошего, для дзенского монаха нет черного и белого, а есть только путь, вот и все...

Ну, поехали.

«Мы можем припомнить слова Нансэна: «Добродетельный правитель не использует умных слуг». Здесь «умный» означает «обдуманый», то есть слишком умный, чтоб ему можно было доверять».

«Чтобы достичь такого состояния, в котором мы соединяем две фазы в одном существовании, мы должны проходить через них снова и снова. По-японски это называется «э-го» (э – перестановка, го – взаимный; можно приблизительно перевести как «взаимный переход».)

Господин Мин-Ван выстроил монастырь для Ло-Шаня и попросил его произнести первую речь в лекционном зале как мастер монастыря. Ло-Шань сел в кресло, но не сказал ничего, кроме слова «прощайте» (!) перед уходом в свою комнату. Войдя к нему, господин Мин-Ван сказал: «Учение самого Будды было, должно быть, таким, как ваше сегодня». Ло-Шань ответил: «Я думал, что вы чужды учению, но сейчас я понял, что вы имеете некоторое представление о дзене».

Когда некий человек говорил, что нужно с большим вниманием следить за расходом средств, кто-то заметил, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Известно, что рыба не будет жить в слишком прозрачной воде. Но если поверхность воды покрыта ряской или другими подобными растениями, то водоем будет изобиловать рыбой, которая сможет прятаться в их тени. Таким же образом более низкие сословия будут жить в безмятежности, если на некоторые вещи смотреть сквозь пальцы или пропускать их мимо ушей. Этот факт следует принимать во внимание при оценке людского поведения.

Бороться с несправедливостью и отстаивать правоту – трудная вещь. Более того, если будешь думать, что быть праведным – это то, к чему нужно стремиться, и делать для этого все,

что в твоих силах, то, наоборот, наделаешь множество ошибок. Путь лежит в более высоких пределах, нежели праведность. В этом очень трудно убедиться, но в этом заключается высшая мудрость. С высоты этой точки зрения такие вещи, как праведность, кажутся довольно мелкими. Если человек сам этого не понимает, узнать этого нельзя.

Поведение человека во время дождя позволяет нам узнать кое-что полезное. Когда попадаешь под сильный дождь, то пытаешься не промокнуть и быстро бежишь по дороге. Но пробегая под скатами крыш, все равно остаешься мокрым. Если же ты сразу осознаешь, что от дождя не убежишь, то хотя и промокнешь, зато не будешь выглядеть глупо. Такой подход следует использовать во всем.

Некий человек сказал следующее. Существует две разновидности характера: внешняя и внутренняя, и человек, у которого недостает одной или другой, ничего не стоит. Это, к примеру, как лезвие меча, которое следует хорошо заточить и затем вложить в ножны, время от времени вынимая из них и хмуря брови, как перед схваткой, вытирая лезвие, затем снова вкладывая его в ножны. Если меч постоянно обнажен, то человек станет размахивать им; люди побоятся к нему приближаться, и у него не будет союзников.

Если меч постоянно находится в ножнах, он заржавеет, лезвие затупится, и люди будут соответствующего мнения о его владельце.

Когда Набэсима Таданао было пятнадцать лет от роду, кто-то из кухонной прислуги повел себя грубо, и один из солдат собирался побить этого человека, однако в конце концов тот зарубил солдата. Старейшины клана посчитали, что слуга заслуживает смерти, рассудив, что, во-первых, он нарушил субординацию и, кроме того, устроил кровопролитие. Таданао выслушал это и сказал: «Что хуже: нарушить субординацию или же отклониться от Пути самурая?» Старейшины не смогли ответить. Тогда Таданао сказал: «Я читал, что, когда само преступление неясно, наказание должно быть легким. Пусть некоторое время посидит в темнице».

Однажды, когда какие-то люди собрались на платформе внутренней цитадели замка, некий человек сказал Утида Соуэмону: «Говорят, что вы учитель фехтования, но, судя по вашему повседневному поведению, вы вряд ли можете научить чему-нибудь путному. Я полагаю, что если бы вас попросили совершить кайсяку (это когда по-дружески отрубают голову парню, который вспорол себе живот. – *И.С.*), то, вместо того чтобы отрубить голову, вы бы, наверное, отсекали человеку макушку». Соуэмон возразил: «Это вовсе не так. Нарисуйте у себя на шее чернилами маленькое пятнышко, и я докажу вам, что могу нанести точный удар, не отклонившись ни на волосок».

Цзы Чань находился при смерти, когда кто-то спросил у него о том, как управлять страной. Он ответил: «Лучше всего, когда правитель с добротой относится к собственным подданным. Однако управлять страной, проявляя лишь доброту, трудно. Если доброта превращается в мягкотелость, это приведет к тому, что подданные перестанут уважать своего правителя. В таком случае предпочтительнее управлять страной строго. Это значит, что следует проявлять строгость до того, как возникают какие-то сложности, стремясь к тому, чтобы вовсе их предупредить. Проявлять строгость после того, как худшее уже случилось, – это все равно что поставить ловушку».

Когда молодой Хотта Кага-но-ками Мамори был слугой сегуна, он проявлял такое упорство и настойчивость, что сегун решил проверить, что скрывается в глубине его сердца. Для этого сегун нагрел щипцы и положил их на жаровню. Обычно Масамори подходил к противоположной стороне жаровни, брал щипцы и приветствовал господина. На этот раз, когда он, ни о чем не подозревая, взял щипцы, то сразу же обжег руки. Однако он опустил в поклоне, как и обычно, и тогда сегун быстро поднялся и забрал у него щипцы.

Среди изречений священника Банкэя есть и такое. «Не одалживай силу у другого, не полагайся на собственную силу; отбрось мысли о прошлом и будущем и не живи повседневными заботами... тогда Великий Путь открыт перед тобой».

Хирано Гонбэй был одним из Воинов Семи Копий, которые в битве при Сидзугакадакэ атаковали противника и взяли высоту. Впоследствии его пригласили стать одним из хатамото господина Иэясу. Однажды, когда господин Хосокава принимал его у себя дома, он сказал о нем следующее: «Храбрость господина Гонбэй не является секретом в Японии. Поистине жаль, что такого храброго человека поставили на такую низкую должность, как та, которую вы сейчас занимаете. Если бы вы стали моим слугой, я бы отдал вам половину моих владений». Не дав никакого ответа, Гонбэй неожиданно поднялся с места, вышел на веранду, повернулся лицом к дому и помочился. Затем он сказал: «Если бы я был слугой господина, то никогда не смог здесь помочиться».

По словам одного из старейшин, когда самурай выбирает врага на поле боя и неотступно преследует его, это подобно тому, как ястреб бьет птицу. Пусть даже он ворвется в гущу тысячной стаи птиц, он не обратит внимания ни на какую другую птицу, кроме той, которую он выбрал сначала.

Ходзе Ава-но-ками, который был учителем воинских искусств, однажды собрал своих учеников и позвал физиономиста, который был популярен в Эдо в то время, чтобы тот определил, храбрецы они или трусы. Он направлял их к этому человеку по одному, говоря им: «Если он определит «храбрость», вам следует проявлять еще большее усердие. Если «трусость», вам следует прилагать еще большие усилия, пренебрегая своей жизнью. Это то, что дано вам от рождения, поэтому в этом нет ничего позорного». Хиросэ Дэндзаэмону тогда было около двенадцати или тринадцати лет. Когда он сел перед физиономистом, то сказал ему колючим голосом: «Если во мне ты прочитаешь трусость, я зарублю тебя одним ударом!»

Чрезмерное обогащение путем эксплуатации других людей и разрушения усыпальниц запрещается.

Необходимо иметь тайных агентов в имениях ближних и дальних и даже в мирные времена постоянно поддерживать с ними связь.

Если среди людей, служащих нашему клану, есть такие, которым недостает таланта или способностей, то с ними следует обращаться с особым милосердием из-за глубины и силы их непреклонной преданности.

Кроме случаев крайней необходимости, не следует позволять ронину из другой провинции выполнять обязанности своего личного секретаря.

Господин не должен без особых на то оснований претендовать на собственность своих вассалов – например на их лошадей и соколов, или же мечи, копья, картины, или китайские товары. В общем, для вассала обладание ценными вещами является таким же естественным, как и для хозяина. Если же все-таки господин желает что-то заполучить, то он должен предложить за эту вещь цену вдвое больше обычной. Если так не поступить, то вассалы, которые об этом узнают или услышат, утратят желание обладать подобными вещами, и в результате красивые изделия и предметы, передававшиеся от поколения к поколению, будут отосланы в другие провинции. В этом вопросе надо проявлять большую деликатность.

Даже если ты и очень дружен с кем-то, крепко подумай, прежде чем обращаться к нему с просьбой. Древняя поговорка гласит: «Потянувшись от жадности за лишним стаканом вина, можно потерять лодку, полную рыбы».

Если хочешь развлечься, то сделай своими развлечениями такие занятия, как соколиная охота, охота на оленя и борьба (!).

Если тебя вызывает к себе господин, то мешкать никак нельзя. В «Лунь Юй» говорится: «Когда Конфуций вызвал правитель, то он отправился, не ожидая, когда подадут повозку».

...Ну вот, такова в двух словах восточная мудрость. Теперь вы все поняли и можете грамотно прогнозировать будущее...

А вы говорите – Конституция. Что с вас взять?

«Подъемник уносит спесь»

17 января 2008 г., 22:06

Актуально: подобно многим тысячам других юных обладателей МВА, мой племянник Володя Свиначенко, молодой, но солидный финансист, вернулся с лыжного отдыха. И зашел ко мне поделиться своими восторгами. В итоге мы заспорили. Он за, я – против.

Я сам причем бывал на разных лыжных курортах – первым был Давос – наверно, не последнее место, раз там проводят тусовки высочайшего ранга, в ходе которых ньюсмейкеры прогуливают заседания и катаются – так, наверно, и было задумано. Альпийские красоты ни в коем случае не оставили меня равнодушным, я долго мог бы тут гнать волну насчет чистоты воздуха, снега, пряничных домиков, сортиров и проч.

Но вот с гор я не спускался на лыжах. При всей модности этого занятия. И вот выслушав племянническую оду этому «виду спорта» и выслушав его рассказы про усталость от катания, которая накатывает к вечеру, я вдруг все УВИДЕЛ.

До меня вдруг все дошло. Вот отчего горные лыжи так модны у нас! Оттого что это не спорт, требующий усилий и затрат энергии и времени, а красивая халява. Вот заберись на гору, вскарабкайся на нее, волоча на себе лыжи и рюкзак с провизией и палатками, – тогда да, я сниму шляпу, глядя, как ты спускаешься. Но – нет... Человека наверх поднимает подъемник, с сиденья которого можно весело поплевать вниз и сожалеть о том, что так много времени приходится тратить на подъем. «Я катался!» – говорит человек с некоторой даже гордостью. Которая – откуда? Тебя подняли бессловесным грузом, в подъеме нет никакой твоей заслуги, ты после просто и легко соскользнул вниз. Пытаясь делать это красиво.

Смешно, что у других народов – другие забавы. Выбранные по другому принципу. Я помню, с каким священным восторгом смотрел на тысячи людей, которые после захода солнца занимали пляж Копакабана и с остервенением играли в футбол. Так вот откуда, догадывался я, бразильское футбольное чудо! Французы носятся на велосипедах, для них «Тур де Франс» необычайно важен. Японцы десятилетиями засаливают и замусоливают свои пояса каратистов, пока те не почернеют. Ну и прочее в таком духе. И вот мы придумали – а давайте кататься с горочки! Да катайтесь... Но и это еще не все: этим принято гордиться! Это все – какой-то русский путь: с горки стремительно вниз, с дороговизной и самодовольством. Это продолжение темы нефти, которую вовсе не русские закачивали в недра, чтоб после ее торговать и транжирить вырученные деньги на ерунду. И гордиться золотовалютными запасами так интенсивно, как будто они заработаны настоящим честным трудом, а не продажей черной жижи из глубин преисподней.

Забавно также, что все эти катания происходят за границей, это очень концептуально. Я понимаю, что создать свой автопром хотя бы на уровне французского – дело для нас неподъемное (скупка чужих автозаводов не в счет). Но горы-то есть у нас, и гостиницу построить много ума не надо... Но тогда б это вывалилось из концепции – красиво жить на всем готовом! Вот еще – строить и думать; куда изящней прилететь на чужой готовый курорт и героически кататься с горочки...

В таком духе я долго разглагольствовал, но племянник отмахивался от моих аргументов.
– Так дай мне свои!

– Я не готовился к дискуссии, так нечестно! Мы в разных весовых категориях. Легко тебе, старому полемисту...

Я предложил ему подумать три дня и прислать мне свои аргументы почтой. Я пообещал ему поставить их, не читая, в конец своего текста, и у него будет возможность меня побить. В конце концов, почему нет, я просто старый скептик, я сгущаю краски, и, может, я сам, прочтя Вовино письмо, признаю, что торговать нефтью – высокоинтеллектуальное занятие... Делить

заработанные другими бабки – благородней, чем учить детей в сельской школе. Что кататься с горочки – это круче, чем пахать. Что красиво транжирить богатства и приписывать себе чужие заслуги – чудесно... Что победные цифры насчет ВВП отражают усилия российского народа, который в едином порыве... Что мы все брюзжим!

На самом деле все ведь, вполне возможно, просто чудесно! Логично также предположить и даже понадеяться, что новое поколение будет лучше нас... И еще нас устыдит.

Но я-то что – я еще деликатен и корректен! И гуманен!

А вот у меня есть старший товарищ, который в принципе мне годится и в отцы, с легчайшей натяжкой (так что мы тут, грубо говоря, представим мнения аж трех поколений), так тот тоже любит горные курорты, но на горные лыжи не вставал ни разу. А что ж он там, спрашивается, делает? Все очень просто: он сидит весь день в ресторане с прекрасным видом и любуется горами, параллельно слегка выпивая в приятной компании (которую сам вывез из Москвы). Пик его удовольствия приходится на те моменты, когда мимо окна проносятся какого-то несчастного, который сломал ногу ли, шею или что там еще ломается в таких ситуациях. Он думает: «Я всегда знал, что я умный, но теперь я получил этому лишнее подтверждение. Ну что это за народ, который за свои же деньги ломает себе родные кости?!»

Эту сторону вопроса, заметьте, я не обсуждал вообще, это было грубо все-таки.

Итак, вот обещанное письмо племянника: «Общеизвестный факт, что многие наши соотечественники посещают хорошие рестораны для тусовки, и лишь некоторые – чтобы вкусно пообедать или поужинать. То же, но лишь на первый взгляд, можно сказать о наших поездках на горные лыжи в Альпы. Такой модный и неотъемлемый тренд зимнего сезона. Но если посмотреть на этот отдых по сути, то это возвращение, казалось, так давно утерянного взаимопонимания между нами – россиянами. Высота 3 тысячи метров меняет взгляд на окружающих и осознание самого себя.

Ощущение такое, что подъемник с каждым метром вверх уносит всю спесь, а давно приевшуюся русскую напыщенность перед друг другом – глубоко вниз. А на вершинах свежий горный ветер буквально сдувает, и выдувает всю суету мирскую, и лепечет сагу про мирный край, откуда мчится он.

Грандиозность и величие альпийских вершин, их бесконечный горизонт оставляет только корневые для каждого человека чувства – веру, любовь и понимание. А однажды, когда уже стемнело и центральная улица маленькой альпийской деревушки наполнилась нашими соотечественниками, я услышал гимн России. Здорово!

И может быть, под воздействием чистого горного воздуха и благоприятной окружающей атмосферы в лицах и глазах наших соотечественников я заметил то, чего не увидишь в Москве, – доброжелательность, что ли.

И что бы ни говорили, Альпы – это настоящий и бесконечный «Энерджайзер». Проверено!»

Код Москвы – 666

24 января 2008 г., 15:43

Намедни, возвращаясь вечером домой, на лестничной площадке встретил соседа. Он, одетый в халат и шлепанцы, выносил мусор.

«Три года живем рядом, а как чужие!» – подумал я и позвал его зайти ко мне и выпить по паре рюмок.

– Но только чтоб не заводиться, без фанатизма! – предупредил я. Он легко согласился и на это тоже.

Зашли. Устроились на кухне.

– А вот шампанское, к примеру, в честь свеженаступившего Нового года! – говорю.

– Нет, – отвечает, – не люблю я эту кислятину.

– Ну тогда коньяк, у меня как раз «ХО»!

– Да ну его. Тоже не люблю.

– Тогда самогончики! Очищена марганцовкой и активированным углем и апробирована.

– Вот это другое дело!

В итоге мы выпили по сто самогона и съели две банки кильки в томате, после чего сосед пошел домой. Я его проводил с чувством глубокого и полного удовлетворения, а то все как-то не по-людски было.

Забыл сказать, сосед мой – француз. Высокопоставленный сотрудник одной фирмы. Весьма состоятельный человек. И вот поди ж ты! Как все запросто! По-человечески! Без понтов! Я едва не прослезился. В последний раз я так же запросто общался с водопроводчиком Юрой, который заходил по делам – насчет вентиляей.

А у нас, а мы... Возьми мельчайшего клерка, и он весь отравлен мыслями о гламуре, он в простоте слова не скажет, он мнит себя элитой: 100 долларов не деньги, у него дома отдельные бокалы для каждого напитка, включая граппу и мартини; мы-то с французским миллионером из граненых. И вот такой пассажир зубрит книжки Минаева и при помощи зубного порошка учится нюхать кокс, скрутив вместо стодолларовой купюры долларовую трубочкой – из экономии. Москва отравлена нефтью, это действительно проклятие. Это наказание за страшные грехи – легко застрять в мыслях о том, какие именно, выбор богатый.

В рамках исполнения этого наказания город покрывается, как заразой, страшными бутылками, в которых скупленный на миланских сейлах и парижских складах хлам продается по удивительным ценам. Ну кто это будет покупать? Пенсионеры? Бомжи? Солидные люди уж всяко хоть пару-тройку раз в году вылетают в заграницы, и там отчего ж не затариться... тем же товаром, но куда дешевле. Я испытал культурный шок этой зимой, приобретя джинсы «Левис» в Нью-Йорке за 39 долларов, ровно такие же в Москве можно без труда найти за 4 тысячи рублей (при курсе 23 рубля за доллар).

Бешеный волк носится по городу и кусает прохожих, и они сходят с ума – вот что происходит! Можно догадываться, в чьем воспаленном мозгу родился грандиозный сатанинский план: вздуть цены, вздуть, взвинчивать, поднимать – на все, просто на все! Представим себе, что есть человек, который получает со всего процент. (Может, он такой не один – это не принципиально.) Чем дороже это все, тем больше получит и он! А остальные как будут жить? Пусть сами позаботятся о себе!

Круче всего это удалось с жильем.

Делается это так. Записывайте, если кто хочет повторить. Значит, надо прежде всего снести все дешевые гостиницы в городе. Все! Сразу! Удавить попутно тех, кто предлагает сперва построить одну новую гостиницу, потом снести устаревшую и так далее. Введены в строй тысяча мест в трехзвездных гостиницах – можно снести 500 мест, и так далее. Но нет! У нас как в песне: «...до основанья, а затем...» Затем начать строить гостиницы супердорогие. Ну помножить парижские цены на три, к примеру. Так-так... Иностранцы, правда, не очень будут ездить в такой город, они у себя в Америках привыкли к дешевизне и почти к дармовщине, ну да что с того? Русские провинциалы тоже не потянут этих цен, но кто ж будет думать о малых сих?

И вот когда в городе остается три или четыре доступные гостиницы – ну так случайно получилось, они как-то уцелели, – начинается самое интересное. Прибыль от них зашкаливает! Как же это пережить тем, кто строит не отели, а простые жилые дома? Очень просто: цены на жилье неизбежно подтягиваются к уровню гостиничных. Сначала в Москве... Далее везде, от Москвы до самых до окраин.

Человек, сидящий на проценте, потирает руки. Наконец-то он счастлив... Похоже, следующий план, по логике, будет такой: отравить в России все колодцы. Но с этого-то какая прибыль?! А не важно, если вошел во вкус – остановиться нельзя и выскочить из колеи не удастся.

Как-то я встретил на МКАДе автоцистерну, возящую, судя по потекам, смолу. Госномер, как сейчас помню, был ббб, буквы забыл. Прямые поставки смолы из столицы в пекло! Или, наоборот, из ада в Москву – не важно, это самый идеальный, самый символический московский бизнес. В концентрированном виде. А нефть – это всего лишь образ пекельной смолы, еще одно ее воплощение, еще один символ халявы, которая из ада идет к нам и уничтожает российского гражданина живьем, превращая его из человека в гламурного живого мертвеца.

Летание за три моря

31 января 2008 г., 17:43

Улетая в Индию с большой бригадой писателей и иных деятелей культуры на книжную ярмарку, шлю вам эту заметку.

В Индии главное то, что это настоящая заграница, правильная, ясная и понятная. И во всех – по крайней мере в разных – смыслах близкая. И потому с Индией нам надо что-то делать, конкретно. Это я вам объясняю бескорыстно, не будучи ни индологом (я, наоборот, бывший германист и американист), ни туроператором, ни торговцем коврами и изумрудами, которых там не счесть. Я хоть был там прежде всего один раз, скажу, чем она близка нам: большая, с множеством народов, с горами, морями и равнинами, не сказать чтоб богатая, хотя народ смекалистый: одних программистов сколько! Больше, чем дворников во всей Средней Азии.

У их народа такой же философский настрой, как у нашего, люди там любят рассуждать о вечном и не очень озабочены потреблением, европейскими стандартами и протестантскими ценностями. Один русский радикальный патриот меня как-то расспрашивал об индийской жизни, и я ему сказал, чтоб коротко: люди живут как у нас, только не такие злые, как мы. Мой собеседник был обижен в лучших чувствах:

– Да как же так, да русские – добрейшие люди, последнюю рубашку отдадут, вон с латышей даже ничего не взяли за то, что мы им из деревенской хуторской окраины сделали европейскую республику!

Я, не подумав, стал отвечать что думаю:

– Я много слышал о русской доброте – жаль только, что от самих же русских исключительно. Но мне б хотелось послушать свидетелей-инородцев, есть у тебя такие?

Он проглотил воздух, как рыба, и после смог только сказать:

– Но насчет последней рубашки-то ты согласен?

– Ну, латышей своих мы отпустили с землей и без выкупа не по доброте, но по разгильдяйству и наивности исключительно. О чем теперь все у нас жалеют.

Главный пример ужасающего добродушия индусов таков. Я видел там множество автомобильных пробок, в которых люди терпеливо и философски стоят – почему-то не обзывая друг друга пидорасами. И даже если они попадают в ДТП, свидетелями которых я там был не раз, они – вот ведь странно! – не грозят друг друга урыть и почему-то не обращаются друг к другу «ты, урод», как это принято в иных цивилизованных космических державах, одной ногой стоящих в Европе, до которой Индии ужасно далеко.

Я не стал в той дискуссии добивать знакомого ультрапатриота еще одним доводом: индусы – народ практически непьющий, ибо мой собеседник в ряду лучших, может, сынов России страдает жестокими запоями...

В общем, Индия русским в основном непонятна, и они зачем-то ездят не в нее, а в чуждые нам страны типа богатой Европы и самой богатой же части обеих Америк. При том что и там и там можно было б найти себе ровню, да хоть Болгарию с Ирландией или там Мек-

сику или Венесуэлу... Но из какого-то мазохизма наши едут в иные места, пооткрывать хлебало на жизнь, настолько иначе и не по-русски устроенную и благополучную, какой у нас не будет никогда. С надеждой запрыгнуть в нее немедленно... как об этом мечтала сельская простушка, героиня Муравьевой из «Москва слезам не верит», которая изображала из себя светскую столичную даму и планировала выйти замуж не за лейтенанта, но сразу за генерала. (А ее подружка, пророчески опередив страну на четверть века, дала прощелыге-телевизионщику, сочтя его не пустым пижоном, но носителем подлинной духовности.) Так дети мечтают завтра же стать взрослыми, бросить школу и начать курить и жрать конфет от пуза.

Приблизительно такой же гармоничной и довольной собой, как Индия, была бы и Россия, если б ее получше отапливали и народ наш был бы почерней – у смуглых нету той блажи, что они, типа, европейцы. Хотя какие наши годы – зимой –5 у нас уже считается диким холодом, а азиатских лиц в Москве все больше и больше, чисто как в Лондоне или Берлине, не говоря про Нью-Йорк, – это вам не провинциальный Киев, по которому ходят исключительно бледнолицые братья. Так что все лучшее – впереди!

А Европа вон гибнет, бедная, что с нее взять... Потопы, морозы, албанцы, мафия, НАТО, дороговизна и прочие напасти. Это оттого, что Европа смотрит и идет не в ту сторону. Она идет в тупик, она знает, что не туда бы ей, но мчится по колее не задумываясь – и это называется рационализмом, и прагматизмом, и цивилизованностью! Американизация Европы – ошибка, ведь даже дети знают, что Колумб хотел открыть морской путь в Индию, он понимал... Вот истинная цель для настоящего европейца даже, а не то что русского! Там – все... Но про это мало кто знает – ну я, Beatles и еще горстка мудрецов, иных из которых поди еще выкури из благословенного Гоа, в котором и сам-то я чудом не остался... в свое время... а ведь мог бы...

Дели как город контрастов

7 февраля 2008 г., 19:27

В Индии, в Дели, проходит Всемирная книжная ярмарка. Я как раз на ней. Так что коротко поделюсь.

Россия тут в этом году почетный гость. Так что наших особенно много – и писателей, и журналистов. Вот навскидку звезды из списка: Александр Архангельский, Алексей Варламов, Александр Кабаков, Сергей Лукьяненко, Юрий Поляков, Захар Прилепин, Эдуард Успенский, Сергей Чупринин и многие другие.

Один из репортеров передал на родину веселую заметку про одного випа – тот устроил такую разборку, что дальше я лучше обойдусь без фамилий. Тем более что некоторые так и просили – пиши что хочешь, но про меня ни слова.

На этот раз – по сравнению с тем, что было еще несколько лет назад, – представлен весь писательский спектр. А то почвенники обижались, что их не берут. И даже был скандал, когда привезенные за казенный счет писатели-прогрессисты демонстративно не пошли на устроенный Путиным прием. Теперь все на месте. Справедливость восторжествовала. Но Путина на всякий случай не везут на ярмарку, от греха, наверно, подальше. А ожидается только Зубков, и то на следующий день после закрытия мероприятия: береженого Бог бережет.

Я много раз бывал на чем-то похожем и писал про то, сколько кого приехало, какая тема, какие контракты, – но все это так неинтересно! И никому не нужно. Люди, которые приезжают в таких случаях, думают о чем-то другом и занимаются чем-то другим, не забывая, конечно, достойно нести высокое звание русского писателя. Но приятно думать о том, что русская духовность страшно интересна в Индии, население которой, по некоторым оценкам (точной информации нету), перевалило за 1,7 миллиарда – чуть не написал «долларов» – человек, и если даже полпроцента из них вникнет и захочет что-то наше купить – ого-го! Тут много думают о Толстом, особенно того периода, когда классик стал вегетарианцем, это индусов страшно

возбуждает. Они, кажется, думают, что мы все такие: мяса не едим, не противляемся, ходим босиком (что тут невероятно актуально), думаем о высоком и проповедуем разумное, доброе, вечное. Даже неловко от этого.

Я хотел было выступить перед собравшимися насчет отдельных особенностей русской духовности, но потом засомневался и бросил эту затею.

А тезисы были такие.

«Трудно объяснить иностранцу про русскую духовность в литературе. Когда у нас темы такие: украл – выпил – в тюрьму (это «Преступление и наказание»). Когда у нас карты – пьянка – проститутки – чужие жены – разборки, на которых братва хватается за стволы и мочит друг друга за понятия (это Пушкин с дуэлями и прочими своими экзотическими развлечениями). Когда аналог Ксюши Собчак со всей ее светской жизнью и прочим гламуром – главный персонаж Толстого (это Наташа Ростова)».

В общем, с индийскими товарищами я говорил про другое и делал все, чтоб их не разочаровать.

Как это все происходило? Ну, приемы, церемонии, речи со всеми ритуальными заходами, с упоминанием Афанасия Никитина. И так называемые круглые столы с участием писателей с обеих сторон. Большая, наверно, ответственность! Я перед началом одной такой процедуры дал напутствие одному известному писателю, который как раз стоял под стендом с портретами наших классиков:

– Смотри не подкачай, ты отвечаешь за всю русскую культуру!

Он ухмыльнулся:

– Мне-то что? Там, видишь, кроме Чехова и Толстого, вон еще портреты живых авторов: Войновича, Улицкой, Распутина, – вот пусть они и отвечают.

Но они просто не приехали, и пришлось ему отдуваться.

Другой писатель три дня решал для себя вопрос: что делать с мешком дьютифришного алкоголя, который ему доставили в номер по ошибке? Он как-то пытался найти законного владельца, но почему-то ему не удалось и он счел, что это трофей.

Третий автор, смуглый красавец с масляными глазами, был только после предъявления паспорта допущен на мероприятие, а то его отшивали:

– Куда прешь, тут только для русских писателей!

Четвертый говорил, что пишет лучше, чем Аксенов и Бродский, что Пушкин – средний автор, и не важно, кто сегодня считается лучшим, потому что история потом переставит все с неправильных мест на заслуженные и потомки про него услышат.

Пятый хвалил почему-то не себя, но писателя Кабакова, который в последние годы заметно прибавил.

Шестой же лояльно спрашивал: если шаг к свободе – это шаг к пропасти, так не лучше ли сделать шаг назад? Причем про выборы 2 марта не было сказано ни слова.

Седьмой затаривался местным ромом – его широко хвалят в Интернете самодельные путешественники (160 рупий за бутылку, то есть 4 доллара с копейками) – и шел брататься к представителям конкурирующего литературного течения.

Восьмой, делая вид, что не придает ярмарке никакого значения, что ему тут скучно, уходил в разгар пьянки к себе в номер и там тщательно готовил выступление на «круглом столе», которое было репетицией нобелевской речи; у кого ж из писателей ее тезисы не заготовлены!

Вообще же дискуссии происходили приблизительно так. Вот типичный пример. Индийский автор говорит речь, из которой я опускаю слова про Афанасия Никитина:

– Россия не такая, как все. Это не Европа, которая идет своим путем. Мы многое заимствовали у СССР, который первым в мире начал строить социализм. Но этот этап прошел, как все в этой жизни проходит. У вас теперь – новая Россия! И нам интересно, как у вас там все

развивается. Мы соседи практически, и наши три кита – Индия, Китай и Россия – совместными усилиями смогут многого достичь... и так далее.

Его русский коллега, который специально меня предупредил, что желает остаться неизвестным, отвечал:

– Метафора о трех слонах неточна. Символ России – медведь, Китая – дракон, а Индии – слон. Примирить между собой такие могучие существа трудней, чем выдрессировать трех слонов. Это куда более интересная задача для дрессировщика. Если три этих зверя сумеют объединиться, это будет очень мощный союз. Если говорить о закате атлантической цивилизации, то она действительно состарилась и тяготеет к самоуничтожению.

Новая идеология политкорректности разрушает основы западной цивилизации. Я бы рискнул назвать политкорректность идеологическим СПИДом, который поразил Запад. России, в отличие от Китая и Индии, пока что не очень удается совмещать модернизацию с культурными традициями, которые мы во многом утратили. Но в последнее время появилась надежда, что удастся это преодолеть... Битники и хиппи всегда имели интерес к востоку, у них была связь с Индией, с индийским опытом духовной жизни. Я и сам этим интересовался в молодости – от чтения текстов до музыки Индии, которая проникала в джаз и рок. Индия представляется нам обителью свободного духа, и этот почтительный интерес к Индии остался. Это была не Индия официальных делегаций, но Индия духа и свободы.

Конечно, тут работает и бригада переводчиков. Командует ими, чтоб вы знали, полиглот Дмитрий Петров, который, по слухам, говорит на 30 языках и дает частные уроки русским (русскоязычным) олигархам. Так вот тут на него насели и потребовали либо подтвердить, либо опровергнуть эту информацию. Он взял время на размышления и после проведения подсчета сообщил на другой день, что говорит на 25 языках, но на профессиональный синхронный перевод отваживается только с шести. Всего-то! Люди приняли эту информацию к сведению и долго чесали репы. Что касается олигархов, то со всеми желающими ему поработать не удастся, потому что преподавание в родном инязе он бросить не может – есть же у него совесть.

Снова на тему русской духовности, о которой, жаль, так редко удается поговорить всерьез, а страшно же хочется. Проходя в Дели по проспекту Толстого мимо офисного центра Tolstoy House (переплюнули нас по названиям и по уважению к нашему же классику), я подумал о том, что мы, кажется, чего-то не понимаем, не знаем, как лучше объясниться с добрыми соседями. Я вспомнил в этот момент про рассказ наших посольских: мы никак не можем с индусами сторговаться насчет нашего авианесущего крейсера «Горшков», в цене не сходимся. И с подлодками, которые мы им совсем уж было продали, возникли проблемы. Может, надо в торговлю оружием тоже внести побольше духовности? И мы достигнем тех же успехов, что и в культурных обменах? Толстой, Толстой. Вот назвать этим громким именем крейсер, так его, гляди, индийские флотские с руками оторвут. А подлодку – чтоб ее быстрее сбавить – назвать не U-672, а «Наташа Ростова».

Или, на худой конец, «Му-му». А противолодочный корабль тогда уж – «Герасим».

Малый бизнес партии

14 февраля 2008 г., 17:27

С одним человеком была такая история.

Он был малым бизнесменом и со своим скромным штатом снимал офис. Бедный, но в хорошем месте. И недорого. Но приблизились выборы в Думу... Еще те, прошлые, 2003 года. И арендодатель почему-то вдруг решил, что офисы будут сдавать только партийным. Партия имелась в виду та, от которой уже мозоль на языке; это как бы и не название политической

организации, а просто мантра какая-то. Малый бизнесмен пошел договариваться... И удачно. Он просто вступил в партию! Со всеми своими секретаршами и уборщицами!

Но на этом патриотические инициативы хозяина не остановились. Он, демонстрируя благонадежность, пустил под свою крышу какую-то шайку юных головорезов, которая взялась вести предвыборную агитацию. Ясно, в чью пользу. Этаж сразу покрылся флагами, пачками плакатов, листовок – это все навевало тоску, – но также и сигаретными пачками и окурками, пивными бутылками, гондонами и шприцами. А из санузла пропали полотенца, мыло, туалетная бумага – в общем, если б не пачки с листовками, то просто беда.

Ребята пели к тому же хорошие песни, – наверно, партийные, а какие ж еще? Типа «Растаман всегда найдет, // Что не докурит, то допьет...» или «Лаванда, баланжа, я сирота-а-а!»

Как я уже намекал (см. строчку про гондоны), архаровцы приводили девушек. Гости так говорили на мате, что вахтер-отставник-спецназовец краснел. Он случайно подслушал, как девушка рассказывала подружке о своей маме, какая та хорошая, одними только матерными выражениями, среди которых слышалось изредка просто «мама».

А сам малый бизнесмен подслушал беседу двух парней:

– Какого х... ты выкинул пачку листовок в мусорный бак? В том доме живет их стукачка! Она же нас вые...!

– На что ж мы тогда жить-то будем?

Бабушка таки стукнула, и ребята попали на бабки. Им неделю было не на что бухать, и на этаже временно воцарилась мертвая тишина и покойницкая какая-то чистота.

Но потом жизнь взяла свое, и все стало как у людей.

Малый бизнесмен был человек начитанный, по крайней мере ТВ смотрел, и ему казалось, что происходящее похоже на «Собачье сердце». Он особо не напрягался, потому что экономил на аренде, и про братву думал снисходительно, любя все живое: «Ну, это как крысы завелись – что ж с ними сделаешь...»

После выборов арендодатель выгнал хулиганов. Куда они подались? Малый бизнесмен ностальгически пялится в ТВ всякий раз, как показывают наших, и ваших, и прочих, черт знает чьих...

Потом его и самого выгнали. И он думал, что зря таки вступил тогда в партию... Нехорошо получилось – и офиса нету, и перед ребятами неловко... Потом и фирма лопнула – знаете, с малого начинается, только потяни за нитку. Малый бизнес, если он не бензоколонка, не самое сладкое место, несмотря на все бывшие старания Хакамады.

Люди расплозились кто куда. Малый бизнесмен мыкался, мыкался, перепрыгивая от копеечного извоза до челночества... До тех пор пока его не взяли на хорошее чиновничье место. Он туда пошел совсем уж от отчаяния, кто ж его возьмет сегодня туда, в сладкую жизнь... Конкурс был страшный, как на «Фабрику звезд».

Но его резюме победило: он был единственный из всех соискателей ветеран партии. С солидным стажем. Теперь он в шоколаде, семья счастлива – она наконец зажила, а то все перебивалась с «Копеечки» на «Пятерочку» и не знала, как пройти в бутик.

Так о чем бишь я?

Малый бизнес – решительно за Путина, за партию. Ура, товарищи.

Русские – чисто албанцы?

21 февраля 2008 г., 19:59

Февраль знаменит в нашей стране главным образом революцией. Которая после вылилась, как это часто бывает, в Гражданскую войну. Война эта вроде кончилась, по разным оценкам, году в 1920—1922-м. Слово «вроде» тут не случайное. Потому что по документам как-то все мутно. Где акт о капитуляции? О мире? О перемирии? Нету ничего... Да и суть туманна.

Ленин лежит в Мавзолее, Ленинский проспект у нас есть и Ленинградский с одноименной областью тоже, да и знамя у нас, пардон, красное. С «той» стороны есть разве только двуглавые орлы (которые на кремлевских башнях перемежаются звездами), да триколор, да памятник Колчаку в далекой провинции – в Иркутске, к постаменту которого зачем-то приделан профиль парня в буденовке... Есть еще торжественно похороненная царская семья. Вот вроде и все. А чтоб Ленинский проспект переименовать ну пусть не в Деникинский, но хоть обратно в Большую Калужскую, такой и речи нет. Мавзолей стоит себе как ни в чем не бывало... Его не то что не убирают, но даже и денег с Зюганова не берут за рекламу бренда ЛЕНИН – хорошие, наверно, тарифы! Представьте, сколько б слупили с «Пепси-колы», вздумай она повесить на Мавзолее свой логотипчик...

Легко сама собой тут встает тема справедливости, на которую нам – в смысле обществу – плевать. Только-только стали временно затихать дебаты про атамана Краснова, про попытки теперешних казаков – верней, того, что от них осталось, – реабилитировать своего героя. (Я помню, как с болью мне про это рассказывал Мигель Краснов, из тех самых Красновых – чилийский отставник – в Сантьяго-де-Чили, пока его не посадили демократы...) Но им напомнили, что так нельзя, ведь Краснов был против большевиков и во Вторую мировую сотрудничал с фашистами. Казаки простодушно напоминали, что не от хорошей жизни так повернулось, а после геноцида казаков, который стыдливо называли расказачиванием (никто, кстати, не называет холокост разьевреиванием). Ничего не знаем, сказали им, был у немцев – и точка; значит, повешен честно. Тяжелая тема, безусловно. Едва подъемная. Все на эмоциях. Я прочел где-то текст Захара Прилепина, своего товарища, про как раз это: казаки были против советской власти, а деды писателя сражались за нее, так что ж, дедов, что ли, надо было извести по казачьей логике, тогда б и Захара не было? Нерв ухвачен, я сам о чем-то похожем иногда думаю, когда на ум приходит Гражданская, в которой мой дед был на стороне красных. Если б победили мои любимые белые, не было б и меня? Красивый парадокс; я ж говорю, нам не нужна справедливость. Истинно говорю, не нужна! Как говорил кто-то из мудрецов, я привожу мысль в изложении Никиты Михалкова: «Не требуйте от Бога справедливости, потому что если бы он начал ее осуществлять здесь и сейчас, то давно б нас всех наказал, каждый сам знает, за что конкретно его». Не лизь поперед батька в пекло.

Историю Гражданской и историю сопротивления большевикам писали победители, которые Краснова повесили за его германские симпатии, а Ленина, немецкого шпиона и автора Брестского мира, – почему-то нет, даже и вопросов таких нет ни у кого! Красная армия маршировала в Брестской крепости с фашистами перед войной и прекрасно готовила в Липецке кадры фашистских летчиков, и замечательно мы помогли вермахту вооружиться, и сталь им туда слали, и нефть (кто б им еще дал), а они нам в обмен химическую промышленность поставили (нефтепереработка, резина для военных колес и проч.). Кто у нас руководил подготовкой фюрера к войне, Сталин? Повесьте его рядом с Красновым. Во внутреннем дворике Лубянки. А, некорректно? Ну тогда хоть переименуйте Свердловскую область, казачки просили, а то нехорошо: он уничтожил казачество, и вдруг ему такая честь. Может, хоть извинится кто-то за то, что комиссары доверили чеченам резать казаков и позволили им забрать казачьи земли? (Тут русские выступили в роли сегодняшних американцев, которые потакают и подыгрывают албанцам.) Идите, ответили им, не морочьте голову. Смиритесь с новой реальностью.

Насчет «смиритесь» – это Буш сказал сербам и русским по поводу Косова. Мне кажется – ну вот если пытаться залезть ему в голову и разобраться, что там, – он не хотел нас обидеть. Он мог ведь думать: «Русские поймут. Лучше других. Они сами сколько убили православных, сколько выдавили беженцев из своей страны, а сколько храмов взорвали! Всяко больше, чем косовары. Расказачивание – разве это не этническая чистка? А красные командиры, которые потом командовали страной, чем лучше албанских полевых командиров? Да, мы признали бандитское Косово – но точно так же мы в свое время признали и пиратскую кровавую крас-

ную советскую Россию...» Когда ему докладывают, что русские не понимают и возмущаются, он, похоже, не верит. Это они просто стесняются, им неловко... У меня есть одна знакомая, русская с американским паспортом, – не слышал от нее эмоций по поводу русско-сербско-американско-косовских дел. Я думал, оттого что она там, далеко. Но вот недавно узнал, что Солженицын сегодня живет в имении, которое принадлежало ее деду. Ну отняли, ну выгнали – что теперь? Обычная история? Смириться? Забыть? И все будет тихо и спокойно, как, например, на ул. Большая Лубянка в Москве: там мирно соседствуют Сретенский монастырь, где чекисты расстреливали тех, кто им не нравился, и ФСБ, через дорогу. Тихо, мирно, благодать... Все довольны.

Нам с Прилепиным, да и вам тоже, хочется жить и выжить, и зачем разговоры о справедливости? На том месте, где сейчас мой дом, раньше был монастырь – его взорвали большевики. И что мне, отдавать свою квартиру РПЦ теперь? Неохота. Да и Солжу, старому пророку, не с руки выезжать из Троице-Лыкова; правильно сделал, что ограничился посланием к сербам с устной поддержкой – типа, пожелал им мужества не покидать родную землю. Это все не мешает нам злиться и на большевиков, и на американцев. И уж тем более не мешает читать новую русскую поэзию на – случайно ли так названном? – олбанском языке.

Ну а что, есть ведь люди, которые верят в случайности. И в то, что справедливость – это когда бьют чужих.

Путаник и Путин

28 февраля 2008 г., 20:24

Перед выборами Медведев выступил с длинной речью в Нижнем. Неизвестно, что он там вещал (я за себя говорю, а про других не знаю), но, конечно, сразу вспомнилось прежнее название города – Горький – и сам великий «пролетарский» путаник, который много думал про советскую власть и то так, то этак к ней поворачивался, разными боками. Но в целом ей верно служил. Она о нем взамен долго писала всякую ерунду, изображая полным придурком, которому лишь бы сладко и богато пожить, и за это он, типа, готов был нести любую чушь, да хоть про диктатуру пролетариата.

И вот сегодня, когда русский интеллигент сосредоточенно чешет репу: а идти ли ему на выборы и чем бы там заняться, если уж идти, – Горький страшно актуален. Тем более что про него уже давно разрешено писать все и многое уже написано как на душу легло.

Да вот хоть взять книжку из серии ЖЗЛ, которую написал Павел Басинский. Я его за эту книжку просто зауважал; правда, мы, кажется, незнакомы, жаль.

Сразу ставится ребром чуть не главный вопрос. Цитируется Тютчев, который про нашу интеллигенцию говорит, что главное в ней – это ненависть к власти, какой бы та ни была. Тонкое замечание: сегодня, всякий раз видя пропутинского яйцеголового, удивляешься – а он-то как попал в эту компанию? Ладно б бюрократ был, или силовик, или нефтяник, трусливо прячущий тело жирное в утесах, а то – голь перекатная с умным видом...

Вот Горький вернулся из солнечной Италии в Советы. Басинский по этому поводу изящно пишет: «Возвращаясь, Горький жертвовал не только свободой. Он жертвовал собой. Это сложно понять, глядя на роскошный особняк Рябушинского и дачу в Горках. Но это было так. Оставаясь в эмиграции, Бунин и Шаляпин сохраняли себя. Горький собой жертвовал». Басинский нашел в архивах отчет, согласно которому Советской власти содержание семьи Горького за девять месяцев 1936 года обошлось в миллион 10 тысяч рублей – при тогдашней месячной зарплате врача в 300 рублей. (И еще важная деталька: вернулся он после того, как понял, что Нобелевки ему не видать... И после того как боевики Муссолини устроили на вилле писателя жесткий обыск. И еще вот что он сказал по поводу своей репатриации, весьма красиво: «Надо все-таки жить в России, а то здесь одолевает какое-то оперное легкомыслие.

Водевили писать хочется... Здесь не настоящая жизнь, а опера...» И такой был ужас: Горький искренне горевал о смерти «друга» Ленина и даже плакал о нем, как плакал при известии о смерти Толстого».)

То есть, грубо говоря и применяясь к сегодняшнему дню, Горький пошел и проголосовал за Путина. Не уверен, что я 2 марта смогу это сделать. Не уверен, что вообще пойду на участок... Все решено могучим ураганом, мы знаем, кто победит и с каким счетом, чего подметки зря тереть? Зачем делать лишние движения и жечь кислород, которого в Москве и так мало?

Недавно один либерал мне жаловался, что в подземном переходе на Пушкинской видел толпу омонцев, которые коварно кого-то готовились бить. Я говорю:

– А это что, типа, нехорошо?

– Разумеется!

– Ну а представь, что такой отряд сидел бы в засаде в 1917 году и, завидя большевиков, избил бы их дубинками, а выживших сгноил бы в казематах и никакой Гражданской?

Оппонент вынужден был признаться, что это было бы счастьем...

Но мы тут не про меня.

Макс Пешков быстро поднялся. Он был такой звездой, что даже трудно сравнить с кем-то сегодняшним. Так, еще в XIX веке после выхода довольно скромной книжки «Очерки и рассказы» в Петербурге «русская интеллигенция давала банкет в честь новорожденного гения». Так быстро не росла слава даже Льва Толстого... Это был просто Пелевин тех дней.

Боборыкин возмущался: «Всего пять лет пишет! Я вот 40 лет пишу, 60 томов написал, а мне таких оваций не было!» Толстой, кажется, тоже завидовал, иначе зачем бы ему давать такие отзывы на тексты младшего товарища: «Фальшь ужасная», «Отвратительно», «Очень гадко».

А Горькому на это было плевать, он про этот банкет так писал: «Лучше б мне не видеть эту сволочь, всех этих жалких, маленьких людей, которым популярность в обществе нужна более, чем сама литература».

Смешно, что вернувшийся Горький так и не написал книгу про Сталина, хотя разговор был, – не написал, и ничего ему за это не было! Наняли Барбюса, который слепил заказуху на деньги управделами. Продажную, не от души книжку Горький написал только одну – «Достигаев и другие», в 1932 году, про осиное гнездо вредителей. Легко отделался. («Мать» он писал по заказу, но тогда, в 1906–1907 годах, он искренне верил во всю ту лажу. А в 1922 году еще в Берлине Горький написал, что в ужасах революции повинен народ, а никакие не большевики, – пронзительная мысль! «Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа». Такой у нас народ, и другого нету... И Сталин тогда в чем же виноват, а?)

Но самое, может, смешное, что в юности (в 1887 году) Горький, когда был Пешковым, застрелился из револьвера, оставив записку, что в его смерти надо винить поэта Гейне (?!). По официальной версии стрелок просто не попал в сердце и, полежав в больнице, чудесно выздоровел. (В отличие от Саввы Морозова, который, после того как Горький отбил у него любимую подругу Машу Андрееву, в 1905 году застрелился раз и навсегда.)

Но людям, хоть сколько-нибудь знакомым с культом вуду, сразу все станет ясно: труп Пешкова взял кличку Горький и в качестве зомби решал свою главную задачу – морочил людям головы.

Но вот ведь что смешно: зомби этот принес много пользы! Он помогал разным людям, которых после смерти заступника просто шлепнули, и все (в их числе Каменев и Бухарин). А еще он успел помочь группе сионистов во главе с Бяликом выехать из Союза в Палестину. А еще провел революцию в издательском бизнесе, еще до революции, в 1901 году, так что идеология ни при чем. Горький основал издательство «Знание» и стал платить честно – вместо 300 рублей за книгу давал автору без малого 6 тысяч. Бунин стал зарабатывать благодаря

Горькому! А то все мыкался. И нобелевский лауреат, конечно, тоже Максу завидовал и крыл его почем зря. В голове не умещается!

Зомби на службе мира и прогресса! Тем более за хорошие гонорары... А может, так и надо? Тоже выход... Может, продаться Кремлю – это не хуже, чем, имея вид на жительство на Западе, слать оттуда крамолу, играя в Герцена, который под конец жизни признал, что зря он наезжал на царя Николая. Но было поздно, его уже никто не слушал – это было неинтересно... Кому нужен эмигрант, который хвалит свою родину? Это довольно глупо смотрится.

Черный юмор агитпропа

7 марта 2008 г., 15:00

Установление партийной монополии никогда и нигде не приведет к добру. Лучшие люди отойдут в сторону, худшие повалят в партию валом. Худшие готовы приспособиться ко всему, чтобы сделать карьеру. Партия как бы для того и создана, чтобы отбирать худших. Этот отбор партийных людей, согласных повторять все глупости партийной догмы, отталкивает людей высокого духовного качества. Люди первого сорта вообще редко вступают в партию.

Я специально не закавычил предыдущий абзац, чтоб вы порадовались. Все мы люди начитанные и сразу догадались, что я цитировал философа Ивана Ильина. А к чему?

Да к тому, что в предвыборные – в конце февраля – дни документальный фильм про великого философа крутили как минимум дважды. Как красиво вот отчехвостить пафосных партийных карьеристов! И не где-то, а на государственном политическом канале, где круглосуточные вести.

Вот она, бескомпромиссная предвыборная кампания! Вот у нас какой спектр государственной пропаганды! Я, честно говоря, был растроган, тем более что такого не ожидал.

Вот как актуально дали высказаться человеку, за чтение книг которого при Сталине расстреливали, при Брежневе сажали, при Гитлере грозились концлагерем. Скорей всего фильм делался не для того, чтоб в кремлевский эфир гнать крамолу, а наверное, ради других цитат. Типа: «После тирании демократия для России будет губительна, ибо будет только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность. Народоправство станет карикатурой. Либералы не предусмотрели, что крайняя или неуместно и несвоевременно предоставленная свобода ведет к разнузданию и порабощению».

Тоже неплохо завернуто. Актуальненько. Тем более что это, пардон, похоже на правду. И про русских демократов, которые уместней бы смотрелись в Швеции, – зло, но, увы, метко.

И еще цитата – ни вашим, ни нашим, ни правым, ни левым: «Русский народ впал в состояние черни».

В общем, уплыл этот умник в 1922 году в Германию на знаменитом философском пароходе, с ним было еще 200 яйцеголовых. По этой схеме теперь высылают малограмотных гастарбайтеров... Только сейчас их выдворяют из аэропорта, а тогда по причине слабого развития авиации – из простого порта.

Но как бы то ни было, несмотря на антилиберальный пафос фильма и прославления режима, который при Путине вернул прах философа в Россию, мне очень приятно, что пропаганда у нас не вся забубенная, а оставляет люфт для черного юмора и веселой шутки. Вот если б еще портреты главы государства не превышали размером почтовую марку. Тогда б глава сильно выиграл в глазах людей, которые по разным причинам не испытывают к президенту личной любви, но готовы уважать его как наемного менеджера высокого ранга.

Думаете, я слишком многого требую? Но вон Кадыров, говорят, не позволяет вывешивать свои портреты...

Хотя в итоге они, увы, все равно везде висят.

Ярмарка вечных ценностей

13 марта 2008 г., 21:03

Итак, в Москве опять открывается книжная выставка. Ну и что? Вот в таком приблизительно духе про нее и пишут.

Но ведь были же времена! Я про глубокую Советскую власть. Были километровые очереди, были жесткие ментовские кордоны, были счастливые лица людей, которые уже простояли часа по три и были близки ко входу... Вдоль очереди ходил некий странный человек и предлагал на продажу такой удивительный предмет, как западногерманский паспорт. Его то и дело подзывали и заглядывали с надеждой: а вдруг похож, вдруг одно лицо? И я заглянул... Мне уж мнилось, как я перехожу Checkpoint Charlie и оказываюсь в Западном Берлине... А там свобода и все прочее, чего так не хватало, как витаминов в цингу. Оглядываясь, уже мудро, назад, я понимаю, что хотелось не столько жвачки и джинсов и не столько даже самой свободы, о которой из нас никто не имел тогда никакого понятия (лозунг «ненавижу коммунистов» все же вяловат), а хотелось, как я теперь запоздало осознаю, приключений с интеллектуальным уклоном.

Их и давала тогда книжная ярмарка, на которую я, передумав уходить за кордон по купленному у щипача бундеспаспорту с помощью моего ломаного немецкого, и пошел.

Какие же счастливые лица были у людей, которым удалось протыриться на выставку. Мы ходили притихшие от счастья по книжным рядам и спрашивали друг друга: веришь ли ты своим глазам? Да это же сам Бергсон! А вот, глянь, сам Киркегор!

А это... Не может быть – сам Ницше! Там не было прямой антисовы на русском; само собой, никакого Солжа. А были разве что западные философы, которых не жаловали марксисты, и это была страшная дуля в кармане! Еще «страшней» она была оттого, что вся эта заумь была на языках оригиналов. Ну сколько было в Москве таких пассажиров, которые бегло читали философские книжки не по-русски? Страшно далеки они от народа. Ну и что? Народу было валом! Книжки разметались как веником. Если кто думает, что книги тогда и такие продавали, то он ошибается. Литературу эту разворовывали как бы – девки-стендистки специально отворачивались, когда кто-нибудь из книголюбов начинал оглядываться по сторонам бегающими глазками, засовывая бессмертное произведение себе в широкие советские штаны. Иные даже давали совет, что лучше украсть в первую очередь.

Вот на кой ляд воровали? Ну, во-первых, это прекрасно продавалось. И подарок это был роскошный по тем временам, когда одноразовая зажигалка была ценностью – ей в дно вклеивали клапан для перезарядки, если кто помнит. Переоценку ценностей тех на сегодняшний курс удовольствий удобно производить где-нибудь в Африке с ее нищетой и с высокой ценностью даже и картонной коробки, не говоря уж про шариковую ручку.

Кстати, книжка, которая мне досталась, была *Umwertung aller Werte* – переоценка, то есть, всех ценностей, – и на обложке был портрет Максима Горького, который совершенно неслучайно косил под великого немца Ницше, но целенаправленно под него косил и даже причесочку у того содрал, как стилиаги позже стриглись под Пресли, – если вы помните, в свой донищеванский период Горький носил длинные волосы.

Так я даже пытался вчитываться в ту книжку! Сегодня это положительно невозможно себе представить, но тогда к таким вещам относились серьезно даже чекисты! Сколько, помню, они у меня выпили крови, изымая невиннейших Шестова и Бердяева, а я при этом счастливо улыбался, оттого что перед их приездом успел утопить в дачном сортире «Архипелаг ГУЛАГ», за что приношу Александру Исаичу свои извинения. Ну а что я мог сделать? Чекисты виноваты! (Хорошо, у нас новый президент будет штатский вроде.)

В общем, московская ярмарка была мощным праздником.

Лет через 25 после нее меня нашел старый потерявшийся, как подсел, товарищ из тех, с кем мы тогда восторгались культурными ценностями.

«А помнишь» и прочее в таком духе – но братания не получилось, все прошло, как с белых яблонь дым. Тот томик Ницше все еще стоит на какой-то из моих книжных полок, и я, взяв его в руки, вздыхаю по тем временам, когда нас одолевали прекрасные иллюзии.

И вот еще я вспомнил про того похитителя книг. Он когда-то расстался с любимой девушкой, после того как, уходя однажды после романтической встречи, похитил у нее Библию, полюбому ценную вещь, откуда ни глянь, – и книга вечная, и стоила аж 100 рублей.

Вот как! А девушки что? Они и сейчас, и тогда одинаковы...

Посконный патриотизм

20 марта 2008 г., 18:16

На днях я разговаривал со знакомым, довольно радикальным патриотом (себя я позиционирую как патриота либерального). Про разное, по делу, но и про самобытность, и про корни, и про истоки мы никак умолчать не могли. То есть про это говорил он, а я слушал и задавал наводящие вопросы.

Патриот между делом хорошо отозвался о сталинских высотках, которые изящно отыгрывают старинные мотивы Московского Кремля. И в этом – преемственность веков, продолжение традиций. Я деликатно заметил, что вообще-то наши высотки – это как бы такие нью-йоркские небоскребы, усеченные, укороченные, бюджетные.

– Да, но откуда эта архитектура взялась на Манхэттене? Не наши ли эмигранты ее туда завезли? Приблизительно те же самые ребята из России, которые построили хваленый Голливуд! – парировал патриот.

С Голливудом – это точно, это евреи, выходцы из России, которых не пускали в приличный бизнес, пошли осваивать разную ерунду типа дешевых развлечений; я про кино в местах, где недвижимость была подешевле, в Богом забытой далекой Калифорнии. С Голливудом хорошо он меня поддел. Но еще был не вечер.

– Ну, допустим, Empire State Building списан с Московского Кремля, – говорю. – Это очень красивая мысль. Но меня смущает одно: Кремль наш строил не очень русский парень, это был такой приезжий гастарбайтер из южных республик...

– Да-да, помню: Фьораванти его фамилия. Но! Сколько там итальянского, а сколько нашего, посконного? Вот мы ездим по Италии, и что-то мы там ничего похожего на наш Кремль не видим!

– Ну почему ничего... А зубцы Кремлевской стены – ровно такие же, как на венецианском Арсенале!

– Зубцы – это мелочь. Зубцы везде одинаковые. А башни Кремля – истинно русские.

– Русские?

– Конечно. В России была богатейшая традиция деревянной архитектуры! Строились огромные дворцы, одних только печек там было по 300 штук!

– А какие были те дворцы? Ничего ж не уцелело.

– Думаю, они были страшно похожи на теперешний Кремль. Фьораванти смотрел, смотрел на них – и проникся, принял единственно верное решение...

– Да, но...

– Ничего не уцелело. Итальянец использовал русские мотивы! И у тебя нету доказательств обратного.

У меня таки точно их не было.

Да мне и спорить не хотелось. В конце концов, нанимать итальянцев на стройку – довольно забавно; у наших предков был размах, это не таджиков с украинцами зазывать... Я недавно проезжал с товарищем по Ленинградке и показал ему пальцем на одну старую офисную башню, там сидит какой-то НИИ:

– Вот я тут, когда был студентом, подрабатывал на отделке, бил отбойным молотком дырки для вентиляции! У них была ошибка в проекте, так мы исправляли. Червонец за вечер я брал, хорошие деньги для семидесятых...

– О, уже в те времена в Москве работали украинские гастарбайтеры!

Неплохая шутка.

Насчет американцев с Фьораванти, которые слизали наши национальные мотивы, украли наш интеллектуальный приоритет. Может, так оно и было? Может, надо думать, что оно было именно так? Кому мешает мысль о том, что вся хваленая европейская демократия слизана с нашего новгородского вече, казачьего круга, блатного сходняка и собрания колхозников? Разве не красива вся недавняя телевизионная история кремлевского батюшки Тихона про то, что Запад все украл из Византии, начиная от идей и кончая матценностями? И что Запад без нас, то есть без Византии, наследниками которой мы являемся (только не вешайте на нас ее долги, как за Советский Союз), был бы давно уже диким, грязным и страшным – каким обратно становится только сейчас (это я про парижских пригородных арабских поджигателей и албанских наркоторговцев)?

Зачем стесняться этих понтов, таких, в сущности, безобидных? Так называемые цивилизованные народы типа французов вон думают же, что войну выиграли танкисты Леклерка... И никто им не плюет под ноги. Другие думают, что открыли Америку, а великие царства майя и инков не в счет. Третьи изображают из себя последовательную демократическую страну со старинными университетами и заумной гуманистической философией, а Третий рейх – так, ерунда, сколько там было того рейха-то? Больше разговору...

Ну и нам пора, может, в таком духе. Фьораванти небось не от хорошей жизни поехал на чужбину на заработки. Понаехал, зашиб в Москве копеечку от наших щедрот, снял оранжевую безрукавочку – и домой, хоть будет семье с чего прокормиться до следующего сезона. Мы гастарбайтерам всегда рады, чего уж тут. Не самим же вкалывать в антисанитарных условиях. Хватит, поглотили пыль на московских стройках.

Даешь наноквартиры

27 марта 2008 г., 20:45

Буйное безумное строительство в Москве продолжается. Я недавно проезжал мимо «Сити», порадовался за будущих новоселов: какие богатые виды из окон! Я внимательно рассматривал строящиеся объекты, делать-то в пробке все равно нечего, а тут хоть жалом покрутить. Когда счастливцы вселятся, пробок уже не будет. Какие пробки? Из подземных гаражей новостроек – «Сити», «Дон-стройка» (особенно в Сокольниках, где пробки раньше кончались после долгого проползания от МКАДа через Черкизовский рынок, мертвую Семеновскую площадь и кошмарную Преображенку, – теперь там все начнется так, что мало не покажется), «Капитала» и чего там еще – выедут автомобили, заблокируют друг друга, и жизнь в столице замрет.

Тут нью-йоркский resident, живущий, вообще говоря, на два города, прилетел к нам в Москву и через неделю взвыл: «По четыре часа в день в пробках, устал, хочу обратно в Нью-Йорк!» Чтоб понять, о чем речь, надо провести мысленный эксперимент. Представим себе, что Чикаго, Бостон, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Атланта и прочие города такого уровня снесены и единственная возможность для провинциального американца приобщиться к цивилизованной жизни – это поехать жить и работать в Нью-Йорк. Город, конечно, замрет и пре-

вратится в заросшую чертополохом древнюю столицу, по каким любил лазить Индиана Джонс. Чтоб сделать эксперимент еще более наглядным, можно мысленно снести и Нью-Йорк и пусть все американские лимитчики ломаются в Вашингтон. И пусть там американский Лужков, после которого хоть потоп, лишь бы заработать на дорогих метрах, сносит памятники, все, какие есть, и ставит тридцатизэтажные коробки в центре, а некоторые дороги в центре пусть бесплатно заберет себе под парковки ЦРУ, как это у нас делает КГБ—ФСБ. Ну и что б было в бедном Вашингтоне?

Если б американцы мыслили точно так же узко, как мы (типа, хватит одного города на всю страну! А остальные пусть будут поселки городского типа и еще один музей – Питер!), они б жили как мы. Отчего мы только вот на днях додумались строить города-спутники? И на кой ляд эти спутники? Отчего их не отнести от столицы на 500 и тысячу километров?

Можно очень серьезные объекты построить, с нашей-то нефтью... А что делать с «Сити»? Туда лучше всего заселить инвалидов, они будут с удовольствием рассматривать с высоких этажей московские виды. И это будет очень рационально: у инвалидов нет ни машин, ни денег на их покупку, и пробок они не создадут. И в город не выйдут – на костылях и креслах по Москве можно проехать ну метров 20 максимум, пандусы у нас по-прежнему не строят...

В ту же тему и новые «прогрессивные» тенденции в жилищном проектировании, такие же «мудрые», как все прочие заходы московских строительных «гениев». Не редкость студии площадью 80 метров и даже 100! Там задумано одно окно или два. Типа модно. С какого такого безумного перепуга, когда у нас двушки строились по нашей нищете в 40 метров общей площади? Когда клерки уже скидываются и вскладчину снимают квартиру, устраивая из нее коммуналку, – назад в совок, в жалкую стыдную нищету и график уборки сортира...

Может, надо как-то это принять к сведению и наплевать студий по 10 метров? Куда входит и санузел, и шкаф-кухня, как в доме Минфина, о котором столько разговоров сейчас? Вы скажете – мелко, вяло, несовременно, не в ту сторону, мы же страшно богатая страна. И откуда у меня этот бред?

Откуда? Бред? Да я для вас просто приукрасил ситуацию, я предлагаю вообще полумеру, такую слабую, разбавленную, потому что полную правду московский чиновный ум постичь не в состоянии. Я про те отели, которые давно уже строят у себя и успешно эксплуатируют японцы и которые наши раньше высмеивали, ха-ха: это такие спальные ячейки, с телевизором, высотой со вторую полку купе. Командированный, набегавшись за день, приходит в отель, переодевается в пижаму и с бутербродом и бутылкой пива устраивается перед ТВ, бегая по надобности в сортир в конце коридора, – ну и что, у нас в общежитии МГУ удобства тоже были разнесены по торцам здания, и душ был в подвале, мужские-женские дни... (Видите, как хитрые японцы много лет назад предугадали два наших проекта и соединили их в один – наножилье. Кстати, о доступности жилья: его появляется тем больше, чем недоступнее нормальная медицина, а? Есть над чем подумать...)

Но разве нам Япония указ? Пусть японцы учат своих жен щи варить. А мы будем идти своим путем. Или стоять. В пробках. Стоять в пробке на русском пути, когда все едут своими дорогами, – это концептуально.

И русская мечта сюда же в те же деньги: чтоб они все заехали в тупики и вернулись в нашу пробку и мы б над ними посмеялись...

Конец света против НАТО

3 апреля 2008 г., 18:27

Какая красота происходит с НАТО и вокруг него, ну или ее... Украина с Грузией туда мылятся. Это непонятно, потому что свежо, лицом к лицу лица не увидеть. Больше ясности

и логики с Македонией, потому что там больше истории вопроса, причем истории красивой, красочной, драматической, противоречивой и смешной сквозь слезы.

Итак, с чувством глубокого, исключительно литературного удовлетворения начну сейчас вслух вспоминать о трагикомизме македонского вопроса в свете НАТО.

Шел 1999 год, это было как будто вчера, в те дни, когда Пугачева отмечала свое пятидесятилетие. Я полетел в Македонию сочинять заметку. Готовилась же наземная операция, вход в Косово, ну и надо было освещать. Я кинулся за билетом до Скопье (это, если кто забыл, столица этого осколка Югославии). А нету билетов! По той простой причине, что НАТО отменило полеты самолетов Аэрофлота над Македонией. А что международные договоры, соглашения, что бизнес наконец? Ничего. Ни извинений тогда, ни компенсаций, ни переговоров. Этому как-то не придали тогда значения, а я добирался на перекладных от Софии, куда наши аэропланы тогда летали (а сейчас не знаю, летают ли: бывшие братушки болгары в НАТО уже – на кой им русские рейсы).

Я написал тогда: «Очень тонкое впечатление: в пасхальное утро разбудили меня не колокола, как можно было ожидать в праздник в православной стране, но таракание моторов. Я вышел на балкон и без большой радости принялся рассматривать пару черных натовских вертолетов, облетающих город. Нашли время, а?» Ну это пустая лирика, как и дешевый разводняк со словом «братушки», которые, эти братушки, нынче взасос целуются с турками – братьями по оружию. Я тогда как-то расстроился, но и встречные македонцы делали скорбные лица и клялись в любви к России. Я специально набрал маек с недвусмысленными русскими надписями, чтоб светиться и вызывать восторги русофильства на себя. Теперь, после всего, мы отчетливо видим, что эти любовные клятвы, как это чаще всего с ними и бывает, насквозь лживы и холодны. Но тогда! Сколько я выслушал просьб о помощи! Они там через одного просили меня как-то подействовать объявлению Третьей мировой войны, они буквально умоляли меня организовать ракетно-ядерный удар по Штатам. Или, на худой конец, наладить поставки зенитных ракет – ну что мне, трудно, что ли? Для этого им было ничего не жалко, они готовы были налить мне рюмку или даже три, нет, пять рюмок ракии! (Хотя я и на свои мог выпить, и выпивал там немало, а за их счет пил исключительно из вежливости, чтоб вроде как не обижать людей.)

Как только не клеймили македонцы своих теперешних натовских братьев, с которыми готовы бок о бок умереть за правое дело! Bastards – это было даже нежно. А то, бывало, и вовсе в их адрес высказывались однозначно: «Пичка их матер педерска!» Они сравнивали натовцев с фашистами – и те и те, типа, бомбили Белград.

Ну бомбили... Фашистам македонцы не успели поднести боеприпасов, а натовцам – пожалуйста, будут и бомбы цеплять к самолетам за милую душу, Белград так Белград по новой. И поедут в Косово строить там бок о бок с албанскими братьями военные базы, новые, в дополнение к замечательным старым.

А мы за них впрягались! Переживали! Некоторые даже ездили туда на войну, причем не просто душно, репортерами, а всерьез, с АКМ в руках. Подставляли башку... Как-то неловко теперь за прошлое. Я уж не говорю про Первую мировую, которая с Балкан и пошла, когда русским устроили очередную разводку.

В свете вышесказанного автором русской идеи надо признать Шнура, который провозгласил: никого не жалко, никого. В песне. Про братву. Которая, может, единственная полностью русская – по духу – прослойка нашего общества. Ну и еще разве что прапорщики и попы. А чекисты – нет, те более глобалистичны, вон их сколько на Западе прижилось, перебежчиков. Экскурсии там водят по местам боевой славы...

А разительных деталей этой картине подкидывают пензенские подземные сектанты. Именно они придали натовской встрече в Бухаресте мощный и окончательный смысл. Мы как-

то в полушутку по своим телеканалам гоним эти сюжеты – ну а что, типа, ну залезли в землянки с детьми, подумаешь! Рядовой черный юмор как бы. Но как это видят белые люди? Вылезших из-под земли русских ни в дурдом не тащат, ни в суд за издевательство над детьми – нет! Им просто дарят корову. Что, это серьезно, это они реально так живут, у них такие законы и такие правила жизни? – спрашивают западники. Мы в ответ хихикаем. А у них, боюсь, мороз идет по коже при мысли о том, что земляки и родня точно таких же пензенских дежурят в ракетных шахтах. И тоже, может, ожидают некоего неизвестного знака свыше... Чтоб вылезти. Или, наоборот, притащить туда детей. И ждать конца света. Или устроить его. Что, кто-то у нас удивится такому повороту? Я также боюсь, что им там, в Бухаресте, хочется как-то чем-то заслониться от нас, чтоб не думать о плохом. Расширить НАТО хотя бы, даже понимая, что в случае чего это не спасет. Но, когда все на нервах, хватаются и за соломинку.

Хорошо еще хоть мы не обращаемся к ним с репликами типа «Не бойтесь нас, мы хорошие!». А то у них просто нервы могут не выдержать. Вот правильно мы тут молчим. Верное прочтение ситуации. Какое у нас бывает нечасто...

Но ведь бывает же!

Видите, сколько вокруг позитива.

Часть 2. ЭССЕ

Современное искусство: от хорька до Микеланджело

Современное искусство круче нефтянки – там больше процент прибыли. Сейчас, когда арт на подъеме, можно все, что угодно, продать, причем дорого. К тому ж это и почетно – считаться художником или арт-критиком, а то и вовсе коллекционером. Про это шла речь на слете деятелей искусства и тех, кто около. Слет прошел в пионерском лагере «Веретьево», приватизированном его бывшим пионером Андреем Гнатьюком.

Я был на этом мероприятии не репортером, но основным докладчиком. И это придает репортажу, который все-таки был написан, особый привкус и новую достоверность.

Одним прекрасным снежным ранним утром мы с Андреем Бильжо тронулись в путь. Сели в машину и, значит, вперед по Дмитровке. Через два часа езды, в девять утра, мы въехали в ворота объекта «Веретьево», где на улице под навесом, под модными стоячими газовыми обогревателями, уже был сервирован завтрак: пшенная каша, яичница, салаты, чай... Бильжо по старой врачебной привычке снял пробу с еды, а после, увидев хранившиеся тут же на улице запасы водки, предложил выпить по 50. Объяснив, что для здоровья это даже полезно.

– Ну если доктор прописал, то что ж нам остается, – резонно заметил я.

Мы выпили. И закусили.

Мало что может сравниться с этим тонким удовольствием – в субботу с утра в пионерском лагере выпить водки и закусить соленым огурцом и порцией горячей яичницы – на морозце-то. От чего еще можно получить такое чувство свободы? Такую красивую иллюзию?

Скоро выпили по второй. Молодой блондин в эсэсовской черной форме, которую, как известно, шили по лекалам Хьюго Босса, принес нам по порции салата «Оливье». И черного хлеба – под кусками которого была видна роспись на тарелке: портрет Штирлица и надпись «Спецлагерь “Веретьево”». После дама в штатском выдала нам валенки, вязанные носки и варежки – и тельняшки.

После третьей я пошел осматривать территорию.

В центре лагеря стоял здоровенный двухэтажный сруб, а по лесу тут и там раскиданы более скромные избы. Я заглянул в одну и обнаружил там натопленную печку, стоящую в ногах кровати, и, как ни странно, совмещенный городской санузел.

Прохаживаясь по территории, я обнаружил действующую пивную палатку советских времен. И кучу смешных плакатов той же эпохи. Все это было забавно... Давно уж я писал про необходимость построить «СССР» – парк аттракционов, чтоб там было все как тогда: газировка за три копейки, менты в старой форме, райком, набитый бессовестными мудаками, такси «Волга» с шашечками... Говорят, немцы уже строят парк «ГДР». У нас, насколько мне известно, дело не пошло дальше вывешивания в одном пафосном ресторане старинного меню, слепой копии с машинки, где все было очень коротко и ясно: «вино сух., водка, салат овощной, шницель мясной, рыба жареная, вода, пиво, чай». Ресторатор при этом рассказывает вздыхая – вот, типа, откуда мы вышли. Имея в виду, что теперь ого-го! На самом деле на кой ляд человеку навал разносолов, когда он все равно в итоге съест салат и второе? Как если бы он сготовил дома или сходил бы в гости запросто...

Короче, в «Веретьево» я поехал в довольно для меня неудобном режиме (подъем в шесть утра в субботу и проч. в таком духе) – бросив все. Я должен был увидеть этот объект. Про который много слышал. Когда-то тут был настоящий пионерский лагерь. То и дело на отдых сюда засылался родителями реальный пионер – в советском смысле этого слова – Андрей Гнатьюк. Прошли годы. Мальчик вырос, заработал денег, тратил их туда-сюда на разное, мотаясь,

в частности, по планете, а после взял да купил тот свой детский пионерлагерь. И привел его в божеский вид, проведя глубокую перестройку. Вот ведь серьезная операция! Это как бы макет машины времени, шутовская попытка восстановить связь времен, сувенир на пленэре, авангардный – или, скорее, арьергардный – ландшафтный дизайн. В любом случае забавная игрушка. Во многих людях живет что-то такое, зреют удивительные желания! Так, один знакомый журналист в перестройку нанял шофера, и тот за отдельную плату называл своего седока барином. Другой мой знакомый, которому обломались деньги, тут же нанял телохранителя, и тот за ним ходит по магазинам, кабакам и в баню. Больше они никуда не ходят... Третий купил деревню вдали от Москвы и играет там в крепостное право – сечет мужиков на конюшне и покрывает всех девок, какие глянутся; все по согласию и по утвержденным тарифам, само собой.

И вот теперь – «Веретьево».

Которое в тот день функционировало не просто в режиме дачи (пьянство на свежем воздухе) – но было местом проведения чтений по проблемам современного искусства. Туда съехались десятки людей – современные художники, арт-дилеры, галеристы и коллекционеры.

Я был назначен первым докладчиком.

Как это ни странно.

В искусствоведы я попал вообще против своей воли. Случайно. Арт-критиком меня назначил Бильжо – на правах маститого художника, признанного светила. Он с умным видом рассказывал мне, что сидение голого Кулика в клетке с собаками не пустая блажь или там глупость, но самый натуральный акт современного искусства. Я, разумеется, спорил – ну как же не спорить? До драки не доходило, дискуссию мы вели корректно, каждому были интересны доводы противной стороны. А такое редко, редко бывает...

Бильжо и предварил мой доклад своим предисловием:

– Когда мне говорили про СИ (таким сокращением здесь и далее будет обозначаться «современное искусство»), что это чушь собачья, я всегда защищал его – я ж всегда им интересовался!

Но однажды я засомневался. В частности, после того как Свиначенко заявил: «Трясти членом и лаять может любой, много ума для этого не надо, и ты не можешь этого не знать как психиатр. Да нешто это искусство?»

Я пытался разубедить Свиначенко, у меня были свои аргументы – но надо признать, что и он говорил убедительно... (Все-таки могу я иногда глаголом жечь сердца людей! – *И.С.*) Я стал ловить себя на жуткой мысли, что СИ становится все менее интересным, там все больше повторов, это все больше похоже на 60-е... Появились вопросы: чем актуальное отличается от злободневного, что значит – раскрутить художника? И не похоже ли это на «Фабрику звезд»? Если да, то не устроить ли фабрику СИ? Ладно я; но когда я разговаривал с профессиональными искусствоведами – Альберто Сандретти и Наташей Золотовой, мне стало ясно, что они не все понимают...

Именно поэтому я как модератор дискуссии попросил Игоря Свиначенко приехать и выступить тут с докладом.

Я, естественно, выступил. Отчего же нет. В очень сильном сокращении дам вам тут свою пламенную речь:

– Тот факт, что о СИ вынужден докладывать макеевский шахтер Свиначенко – при том что я не напрашивался! – означает, что у СИ действительно большие проблемы. Раз оно не может без меня разобраться в себе.

Не обращайтесь внимания на то, что я в ходе своего выступления пью водку и закусываю ее солеными огурчиками, я серьезен. До такой степени, что я даже готовился к докладу... Я пытался для себя сформулировать – что такое СИ и чем оно отличается от «обычного» искусства. Я думал, вспоминал беседы с художниками, перечитывал что-то. Ладно, я вам не автори-

тет. Но вот недавно мне Андрон Кончаловский говорил про СИ: «Полотно Энди Уорхолла, на которое он просто помочился, все остальное было сделано фотоаппаратами, продается за десять миллионов долларов. Все знают, что это только экскременты Энди Уорхолла, но покупают за десять миллионов долларов, потому что знают, что могут продать какому-нибудь кретину. Как сказал Сальвадор Дали, «я богат потому, что мир полон кретинов». Это показывают современные инсталляции, что мир полон кретинов, если они считают это искусством... Почему такой подъем в культуре, например, в Китае? Потому что китайцы прежде всего не работают вне своей культуры». Я довольно много проговорил с Эрнстом Неизвестным. Он то и дело срывался на брань в адрес Лео Кастелли, который продавал баночки с говном по 100 тысяч долларов. Не стовариваясь то же самое говорил и Михаил Шемякин про говно. Продаваемое под видом арта.

Или давайте возьмем художника Максима Кантора – успешный он по вашим меркам?

– Вполне, – согласились в зале.

– В своей толстенной книжке «Учебник рисования» он клеймит, к примеру, Брускина, выведенного под фамилией Гузкин. А еще он там же описал хорька, с которым сожительствовал некий «художник», причем концептуально – на сцене, под комментарии арт-критиков. Вот, типа, новое слово в искусстве. Яркий, красивый образ! Чаще всего СИ – в плохом смысле этих слов – как раз и есть половой акт с хорьком. Ни удовольствия, ни красоты – один эпатаж, ну и на том конце деньги. Деньги! Это холодное циничное зарабатывание денег. Люди зарабатывают как могут, но зачем их называть художниками? Пусть называются бизнесменами. У меня есть вопросы к деятелям СИ. Могут ли они нарисовать похоже или умеют только лепить кашки? Требуется ли их занятие затрат энергии? Трудно ли повторить работу? Для меня это важно. Если да – художник, нет – приказчик в арт-бизнесе, не более того.

– Так что, художник должен уметь рисовать, что ли? – возмущенно спросили из зала.

– Вы будете смеяться, но по мне, так должен! Пусть нарисует похоже, а после идет лепить кашки. И жить с собачкой.

Такого дремучего провинциализма в зале не ожидали. Кто смеялся, кто орал, кто тихо кривился. Художник! Рисовать должен уметь! Неслыханно... Может, от него еще чувств требуют? Или, не к ночи будь сказано, мыслей о Боге или там вечности? Да, собравшиеся давно не слышали таких оскорбительных выпадов в свой адрес... И в адрес дела, которому служат.

Меж тем я мужественно продолжал свой пасквиль:

– Чувство – вот что главное для художника! Вот этот вопрос о чувствах – он принципиальный, он главный.

Зал потрясенно внимал этой крамоле. Люди жалели уже, что пустили такого человека в приличное общество...

– Готов человек за свое искусство жизнь отдать или нет – принципиальный вопрос! Когда «абстракционистов» пидорасами обзывал Хрущев, когда их в дурку закрывали к Бильжо, когда выставки давили бульдозерами – это да, это было серьезно. Я преклонялся перед величием этих людей. Они знали, на что шли, они на все были готовы, чтоб вот так самовыразиться. Когда потом иные стали продавать мазню на Запад, по заказанному меню... типа, что надо: Сталин, менты, коммуналка? – ща слепим, говно вопрос, только бабки подгоняйте... Тут искусство кончилось. Пошел голый бизнес.

Причем один и тот же художник может работать и в СИ, и в просто искусстве, в высоком искусстве. И мера тут – чувство! Вот он, водораздел! Когда тот же Бильжо рисует карикатуры, где жена изменяет Петровичу, это СИ. А когда он гневно обличает политических противников, думая при этом «а вдруг посадят?» и все равно рисуя, – это, братцы, уже высокое искусство... Когда галерейщик Метелицын торгует картинками, где девка-лошадь-цветы, на потребу широкой публике – это бизнес, чего Игорь и не скрывает. А когда он в начале девяностых с моей

подачи начал работать с Хамдамовым и заключил с ним договор об эксклюзиве, и работал долго в убыток себе – это уже служение высокому искусству.

– Ну что ж это? С Хамдамовым многие работали! – поступила реплика.

– А где были эти умники, когда Рустам ютился в коммуналке напротив консерватории? Будучи на мели? Где?!

Зал молчал.

– То-то. Теперь, когда Хамдамов поднялся, легко говорить...

Именно чувство! Вот Олег Кулик, которого мне Бильжо преподносит как большого художника. Я б с этим легко согласился! При одном условии. Если б Кулик показал глубину своих чувств пусть даже и как человек-собака. Он не просто должен был голый тусоваться с кобельками. Нет! Он должен был жениться на собачке – в Амстердаме где-нибудь, там всех, кого ни попадя, расписывают. Далее он должен был эту сучку искусственно оплодотворить, ее детям завещать все свое имущество, а щенков, которых она родит, усыновить, в том же самом Амстердаме. Более того – никакого искусственного их вскармливания! Кулик должен вызвать свою сестру, и чтоб она грудью вскармливала сученят человеческим молоком, – как бывало, крепостные крестьяне давали сиську борзым породистым щенкам, выменанным на три деревни. Тогда б – да, я б уважил размах человека-собаки. Чуждо и непонятно – сказал бы я, но – уважаю, уважаю. За большое чувство и серьезность отношения к большому искусству. Да, сказал бы я, это – Искусство, с большой буквы. А то... Кулик и Кулик, бабки зарабатывает, и ладно. Как может. Все не на паперти. Но то, что он отрекся от собачки, срубив на ней бабла... Сколько таких собак, одичав, стаями бегают по Москве и кусают людей!

– Да-да! Кулик должен был сочетаться со своей собачкой, как Герасим! – заорал кто-то с похмелья, путая два сюжета в один. – Герыча с Муму и Ромео с Джульеттой.

Когда поднялась эта вот собачья тема, телеведущая Светлана Конеген заволновалась и что-то неразборчиво и с чувством стала говорить из задних рядов.

– Света, успокойся! Твою собачку я не трону!

Она затихла. Я продолжал свой исторический, не побоюсь этого слова, доклад:

– «Современного» художника я вообще сравнил бы с проституткой. Она хорошо работает, знает приемы, которые в ходу на рынке, она модная. Хороша собой: глянешь на нее – слюни текут. Но! Она совершенно холодная, работает ради денег, а вовсе не из любви к искусству, даже если таковая у нее есть. И *ложилась* она на вас. Бесчувственно.

А настоящее искусство – это...

– Ее мама, – подсказала художница из публики.

– Дураки. Это жена! Она теплая, вся на чувствах, бесплатно, там целая история жизни, а не просто бабок срубить по-быстрому.

Наконец из зала начали поступать реплики в поддержку докладчика, причем со сторон довольно неожиданной – от художников. Приехавший из своей Германии русский художник Борис Бергер, настолько он великий, на которого участники собрания смотрели со священным ужасом, сказал:

– Брат, насчет чувства ты прав! Это точно...

А «синий нос» Александр Шабуров так и вовсе заявил:

– Я тоже из маленького шахтерского городка, как Свиначенко. И мы, шахтеры, хотим показать, что ничего не понимаем в современном искусстве, и чтобы такие вот мелкие защитники говнюков, как некоторые, почувствовали себя клопами на нашем народном теле! – И это все не просто так, не дежурно, а с чувством (!), слегка даже заикаясь от волнения.

Докладом моим дело, конечно, не кончилось; за три дня дебатов столько было всего наговорено, что на книжку хватило б.

Но тем не менее штрихами надо кое-что отметить. Конечно, много забавного сообщил публике Леонид Бажанов, директор центра современного искусства, признанный авторитет в

этой сфере и тем не менее симпатичный и простой человек, никаких понтов – ни зауми, ни шарфика, ни даже трубки. А еще мне было приятно, что вот мы с ним сошлись, лед и пламень, разные стороны баррикад, а я родом с шахты имени не кого-то, но Бажанова, правда, с другими инициалами.

Бажанов, за что ему отдельное спасибо, коротенько изложил историю и теорию искусства начиная с неолита. Также он сообщил приблизительно следующее, вполне причем самокритично:

– Население не знает, что такое СИ, и я несу за это ответственность. Раньше я выступал на заводах и в перерыве рассказывал пролетариям, которые пили кефир, заедая булкой... Я был даже в детской колонии в Хакасии, и там тоже пытался объяснить смысл СИ... Я приехал сюда не только из желания выпить и погулять по снегу, но и нести своей крест просвещения народа. Хотя память слабеет и сил нет.

– Крестьяне, освободившись от крепостной зависимости, стали требовать от художника, чтоб им тоже было понятно. Хотя зачем? У них же было свое, народное искусство – они раскрашивали ложки-матрешки. Какая это жуткая вещь – зависимость художника от масс! Художники смертельно боялись говорить о СИ, потому что любая кухарка могла написать письмо в ЦК и потребовать, чтоб ей объяснили, что тут намалевано... СИ соблазнило людей, которых не пускали раньше в приличную гостиную... кубиками морочили голову... деклассанты... мировая революция стала не модной...

Ниже даю самые содержательные реплики, мысли и комментарии на тему, которые были высказаны в ходе трехдневной дискуссии:

– Мизин и Шабуров все берут из массмедиа, ничего не придумывают. Но их целующиеся милиционеры выстрелили через два года после того, как были нарисованы – когда началась война между ФСБ и Госнарконтролем.

– Когда художник сам себя продает, он не станет известным.

– А почему тогда не пригласили Никаса Сафронова?

– В России есть два национальных бренда: «мудак» и «Третьяковка».

– Малевич и Кандинский все время на выезде, и Третьяковка зарабатывает на них деньги.

– У арт-критиков предложения длиннее, чем у Л.Н. Толстого! Они пишут это друг для друга! Там такие термины, что ни в каких словарях не найти!

– Художник не защищен юридически от воровства, так что образы часто оказываются похищенными. В рекламу к примеру.

– Мы имеем искусство, которое себя никак не осмысливает.

– Это, сука, заметно.

– Но деньги за говно кто-то платит же!

– Люди свободны говорить, что СИ им не нравится, – и не покупать говно за 100 тысяч.

А кто хочет, пусть покупает.

– Оборот СИ больше, чем в нефтянке, и инвестиции в него дают ни с чем не сравнимые прибыли!

– Оно стоит бешеных денег! То ли людей дурачат, то ли надо вкладывать деньги туда?

– В комнатах вешают Хамдамова, но его не принимают на Венецианское бьеннале, куда, кстати, и Шемякина не берут, и Неизвестного тоже!

– Малевич был плохой отец, жадный, чудовищный человек. Позвав гостей, всю осетрину съедал сам... Он вместо галстука мог надеть женский чулок фиолетового цвета...

– В Казани во дворе музея неделю стояла подвода с работами художников русского авангарда – шел дождь. А как кончился, так работы сожгли. Там было много работ Бурлюка, который предлагал устроить музей СИ в Уфе. Россия уничтожала культурные слои...

– Америка дала задачу ФБР поддерживать абстрактный импрессионизм и делегировала им бюджет для поддержки СИ, чтоб обратить внимание человечества на Америку как центр

культуры. Что-то похожее было и у нас: Кандинский и Родченко приходили и расписывались за паек, выжить надо было.

– На Сотбисе Гриша Брускин, к зависти Кантора, стал миллионером... Он был должником по квартплате, так после успеха заплатил долг по московской квартире и купил себе еще квартиру в Нью-Йорке. Все завидуют ужасно!

– Я живу в деревне и ни к чему не стремлюсь...

– Коллекционеры вовсе не так напрасно выкидывали свои деньги.

– Футбол – это перфоманс.

– Так что, Абрамович тоже современный художник?

– Нет, он владелец.

– Типа галерист?

– Нет. Он станет галеристом автоматически – если «Челси» объявит, что он не футбольный клуб, а перфоманс.

– Минимал арт – это СИ, но никакого отношения к актуальному искусству не имеет. А гей-парад – это актуальное искусство, оно выходит за пределы СИ как интеллектуального процесса... В строгий орден концептуалистов его не принимают.

– Чего-чего не принимают?

– Вот так вот... Но – непонятно.

– Вот авангард как самое передовое искусство...

– А что такое авангард?

В зале невеселый смех. Стали выяснять, что такое просто авангард, а что второй авангард и что – исторический авангард.

– А я не знал, что соцреализм относится к китчу!

– Есть постимпрессионизм. А еще проторенессанс.

– Сезанн и Гоген – это постимпрессионисты?

– Да. Пост.

– Это еще не модернизм?

– Это не модернизм, это истоки модернизма.

– А Матисс – уже модернизм?

– Да! Да!

– Матисс – это фавист?

– Вам помогает понятие «фавист»?

– Я не понимаю этого... Я ничего не понял... В терминах нет смысла!

– А не надо понимать! Просто это так – и все.

– Но так нельзя – так и все! Нет никакого смысла!

– Дадаизм полемизирует с модернизмом...

– Я не понимаю этого. Не хочу понимать!

Это на арт-профи наехал Владимир Добровольский, который когда-то учился в физтехе, потом работал в самиздате (где мы с ним и познакомились) и при новом режиме ушел уже в легальные бизнесмены и стал коллекционером.

– В этой каше и путанице разобраться нельзя...

– Если держаться терминов, мы разрушим всю историю индивидов и гениев, носителей искусства! Ящика с правдой и истиной нет...

– Терминами вы постоянно пользуетесь, а определять их не желаете? И считаете даже неприличным над этим задумываться? Не понимаю...

– Термины – это чтоб вас обмануть, коллекционеров разных!

– Нас не обманешь!

– Девяносто пять процентов того, что называется СИ, – это говно.

– У меня нет говна и никогда не будет.

– ...Так делают все постаревшие мальчики, которые начинают подсчитывать свои дивиденды... Один и тот же человек постулирует себя то как актуальный художник, то как коммерческий, и ничего страшного в этом нет.

– А вы сами выбирайте – то ли вам вкладывать в него деньги как в коммерческого художника, то ли как в актуального; есть механизмы...

– Любое искусство коммерциализируется. На нашей памяти Толя Зверев за бутылку водки отдавал свои картины.

– Поскольку Свиначенко уехал, публика стала засыпать...

И точно, Бергер под эти речи дремал в первом ряду. Шабуров в семейных трусах ходил по зимней избе и жаловался, что по утрам он ощущает холодок на голове. Дебаты меж тем шли своим чередом.

– Я антисоветский демократический коммунист...

– Такого нет сейчас – чтоб четверо парней сами пошли репетировать. Без вонючего продюсера. Налич – единственный пример за 20 лет.

– Ловлю себя на мысли, что мне скучно ходить по московским и венецианским бьеннале. Все это уже было! Я б тоже так смог. У меня были моменты, когда я мог сказать, глядя на произведение искусства: «Ни хуя себе!» У меня такое да, было. Но много лет я такого не могу себе сказать...

– Я как художник делаю для вас космозику и пытаюсь донести до вас космическую сущность этих объектов. Надо ли мне так напрягаться или лучше жопу показать и собачкой полаять?

– Надо шевелиться. А то нас выебут конкуренты.

– Как показывает опыт веков и поколений, может быть хорошее искусство с хуевой исчезающей социальной оболочкой.

– Шопинг – это та самая ведущая идеологема, о которой забыли сказать...

– Спад интереса к культуре закончился. Сегодня в Москве можно делать любое искусство и оно будет востребовано. Умопомрачительные цены на СИ вызваны ростом спроса...

– Люди создали среду и существовали в ней с удовольствием, а потом вдруг заметили, что тут носятся бешеные бабки, причем мимо. И они засуетились, поняли, что надо что-то менять!

– У нас просто никто не работает, а в Базеле где-нибудь удивляешься каждый раз: когда они успели столько наработать? У нас просто такая страна... Деньги шелестят, какое тут искусство? Все смотрят – вдруг олигарх мимо пробежит и что-то с него удастся получить. А вот в 80-е самая красота была – денег ни у кого не было, и все занимались делом...

– Я могу красиво рисовать пейзажи, к примеру, а могу пытаться сделать открытие, как Малевич. Стабильный профессионализм или креатив – что вам нужно?

– Я понял! Надо найти молодого художника и купить у него дешево все, потом сделать с ним что-то зверское, чтоб про него написали газеты, а дальше планомерно раскручивать коллекцию. Я тут познакомился с критиками, которые за деньги, я понял, и будут этим заниматься.

– Деньги – это живое существо; они могут стать ничем, а могут – чем-то интересным.

Кроме собственно разговоров были и реальные перфомансы. К примеру, Бергер, одетый во все белое, вывел в зал самку поросенка на ошейнике. Поскольку на стене висели две работы бисером – черный квадрат и красный, – все поняли, что вот это метафора. Такое, значит, современное искусство, бисер перед свиньями. Что касается «синих носов», то свой самый знаменитый фокус – «Салют из штанов» – они не осмелились показать вживую, а прокрутили видео. Там у них в штанах были спрятаны пиротехнические пусковые комплексы, откуда вылетали ракеты. Мелкие, правда. Художники это исполняли, будучи в защитных очках. А почему только на видео? Шабуров объяснил:

– Пиротехнику мы раньше делали довольно часто, пока не обожгли себе... э-э-э... организмы. Это случилось в Венеции. При исполнении у нас загорелись штаны.

– Ожог покажите! – закричала девушка из зала.

Реплика была проигнорирована.

– ...После чего мы от этого перформанса не отказались, но стали его исполнять без удовольствия.

Ну и, конечно, на трезвую голову, а в «Веретьево» же шла пьянка.

Дискуссия шла дальше как могла:

– Цюрихское озеро в длину – 39 километров.

– И что ты нам эту Швейцарию в морду тычешь?

– Я вступил в немецкий Союз художников, сходил посмотрел, что выставляется в их ЦДХ, – такая тоска!

– Художественная элита – гетто для неудачников.

– Волосы на лобке раздражают...

Дальше, натурально, взрыв смеха и бурное обсуждение:

– У тебя у самого яйца бритые?

– Вторые сутки в общей мужской спальне спит молодая художница N...

В очередной раз взяв слово, «синий нос» Шабуров долго рассказывал про то, как идет забор спермы у быков на племенных заводах. Если коротко, то там два способа: на куклу и на подставу.

– Зачем мы это слушаем?

– Какое это имеет отношение к СИ?

– Давайте вернемся к конструктивному разговору! – взмолился модератор.

Ответом ему была реплика из зала:

– Конструктивный разговор закончился на Свиначенко.

ИТОГО

Ближе к концу третьего дня, когда надо же было подводить какие-то итоги, организатор мероприятия и хозяин лагеря бизнесмен Гнатюк сказал о главном – ну, в смысле, о том главном, что стало тянуть людей к СИ:

– Нефть поперла, денег стало много... Германия после войны покупала дома, потом машины, потом занавески, а на каком-нибудь шестом этапе потребления начала покупать арт. Когда нефть поперла, можно было все понять про СИ – тем, кто учил экономику...

Все просто в этой жизни, и чудес, как мы и догадывались, не бывает.

Орлуша как поэт все-таки пытался от денег перевести разговор к вечным темам, к поискам истины, если так можно выразиться:

– Я не имею отношения к искусству. У меня такое ощущение, что я попал ночью на Курский вокзал и там наперсточники говорят о том, как обмануть лоха. А вы такие же, только говорите, что шарик реально есть.

Далее он продолжил о вечном и прочитал свой стих про старика Микеланджело с такими строками:

То, что будет названо работой гения,
хотелось послать ко всем хренам.

И еще про то, что «есть один заказчик, Он нам всем заплатит».

Это прозвучало не в тон общей дискуссии, крутящейся вокруг бабла, славы и разводки лохов. Но уж так получилось... Знаете, это как в приличном обществе кто-нибудь некстати ругнется матом, так и тут – только наоборот. Про деньги Орлов тоже сказал, причем связал их с вечными ценностями:

– Деньги лучше вкладывать не в СИ, а в вагинальный секс, который в России сейчас не востребоваан. А это ж тоже искусство. Вот буквально вчера в Киеве, в публичном доме имени Веры Матвеевой, в меню увидел очень странную вещь. Ну, сначала все как везде: Нателла – 390, Анжела 500, – но внизу вот что: «Животные – 140». Оказалось, что животные – это еще новые, неотбрендированные молдавские проститутки с неумелыми ласками. Мне дали скидку 40 процентов за то, что я придумал девушкам имена...

Бергер выслушал это все и с радостью узнавания, со счастьем от того что тебя понимают, сказал, что вот Орлов сюда прибыл из киевских борделей, а он сам из квартала красных фонарей Амстердама, где видел приблизительно то же.

– Смотрю – из-за стекла девушка манит пальцем: заходи, мол! Я, глядя на нее, думал: надо взять тут черную блядь и привезти в Москву – пусть она прочтет пару стихов на голландском. Сказать людям, что она известная поэтесса, – и все поверят!

Конец цитаты.

Ну вот приблизительно так, мне кажется, и с современным искусством. Хорошее это и веселое дело, что б вы ни говорили.

Тюрьма: «Понятия – квинтэссенция русского самосознания»

По фене только ленивый не выучился, депутаты так и вовсе очень бегло ботают. Некоторые удивляются: как же это все получается? А так. Представьте себе десяти– или даже пятнадцатимиллионную (по разным оценкам) армию людей с общим опытом, который они накопили, насобирали по СИЗО, ШИЗО, ПКТ, карцерам, транзиткам и пересылкам. Что мы про них знаем? За кого, например, они голосуют на выборах? И почему? Что хотим знать?

Не знаем ничего и знать не хотим. От страха и лени, что ли. Вот бывший зэк – серьезный, кстати, исследователь, два красных диплома и шесть лет за плечами – хочет издать умную правдивую книжку про тюремную жизнь и культуру. Редкий, кстати, случай, чтоб бывший опытный зэк захотел с нами всерьез про свое говорить, на нашем языке, и сказать ему есть чего.

Так никто не хочет книжку эту издавать и денег не дает.

Нашелся человек, говорит – дам, но только надо всю фактуру освежить. Автор не хочет, говорит, так давайте, репринт. Ну и не договорились.

Зовут этого бывшего зэка Валерий Абрамкин. В прошлом диссидент, физхимик, первое издание этой своей книжки он выпустил еще в 1992 году. Труд под названием «Как выжить в советской тюрьме» вышел тиражом 60 тысяч и стал библиографической редкостью. С тех пор, конечно, все сильно изменилось, и необходимо переиздание. Но не получается: невозможно найти спонсоров! Странно... Такая тема – и вот вдруг стала неинтересной в России?

То ли скупы отказавшиеся бизнесмены, то ли они добыли себе, купили гарантии от суммы и тюрьмы. А может, просто слишком сенсационными показались им изложенные в книжке идеи? Абрамкин, например, утверждает, что тюремная субкультура – самое точное изложение нашей национальной модели поведения, народного понимания справедливости. Потому, утверждает автор, тюремные нравы вместе с тюремной лексикой так легко принимаются широкой публикой на воле. А все беды, по Абрамкину, от того, что люди меняют справедливый тюремный порядок на беспредел.

В целом же книга рассчитана на широкий круг читателей. Еще бы: по статистике, 15 процентов взрослого населения страны сидело или сидит. Это не считая тех, кому сесть только предстоит.

Название у книги, конечно, неточное. Дело даже не в устаревшем слове «советской», а в том, что к заголовку надо добавить «Если повезет». И речь в книге не только про то, что трудно выжить, – остаться нормальным человеком там тоже трудно.

Валерий Абрамкин родился в 1946 году. Русский, из рабочих. После МХТИ посвятил себя науке: чистил сточные воды в Курчатовском институте. Сидел в 1979–1985 годах: за издание нелегального журнала «Поиски взаимопонимания» (более известен как просто «Поиски»). Самые крамольные тексты Абрамкина были про творчество детского автора Хармса.

Сейчас Абрамкин руководит общественным центром содействия реформе уголовного правосудия. Этот центр пытается облегчить участь российских узников. Причем на деньги зарубежных благотворительных фондов: у России на это денег нет и не предвидится. Фонд Абрамкина занимал две комнаты в бывшем ЦК комсомола. Теперь ограничивается одной: дорого.

Валерий Абрамкин – худой изможденный интеллигент, семидесятник с классической для своего круга биографией: КСП – институт – самиздат (никто не прошел мимо: кто почитывал, а кто и сам делал) – дворничество – чистая и бескорыстная надежда на Запад. Романтика безнадежного сопротивления режиму, теплые особенные отношения, которые между людьми легко возникают на этой почве... Сколько же было тогда таких романтиков! Да пол-Москвы. Только немногие жили этим всерьез, мало кто сам, собственноручно ксерил крамолу, единицы

отваживались отправлять на вольный Запад свои страшные сочинения. Из них тоже мало кто пошел в тюрьмы. Из пошедших не многие вернулись... Так что Валерий Абрамкин – особенный, редкий человек.

За что были эти мучения? За невинный, безобидный журнал, за детского безвредного Хармса Абрамкин потерял огромную порцию жизни, здоровья. Он вернулся оттуда с туберкулезом, ему подсаживали больных с открытой формой и давали одну кружку на всех... Он вернулся, но героем быть не захотел, не стыдясь рассказал о неудавшихся попытках самоубийства, предпринятых там, в лагере. В разных своих интервью говорил, что «выходил из лагеря с ощущением, что они могут сломать любого, с любым сделать что угодно». Более того: «В 1985-м я вышел на свободу совершенно внутренне сломанным». «Если б у меня вдруг была возможность вернуться в прошлую жизнь, туда, в 70-е, я бы постарался избежать этого». Такая откровенность вообще вызывает страшную симпатию.

Зачем он написал эту книгу – чтоб помочь страждущим? Нет, это попутный эффект. Просто он по натуре – исследователь. Он подвергал исследованию все, что ему попадалось на жизненном пути: способы очистки воды, творчество Хармса и проч. Оказавшись в тюрьме, он поневоле взялся за исследование предмета, который имелся в наличии: тюремная субкультура. Конечно, увлекся. Он даже был рад, что попал не на политическую зону, а к уголовникам, – это ему как исследователю дало более разнообразный материал.

Но не издают книгу! Это весьма странно: тюремная тема важна в России, как нигде, и общество эту тему с великой охотой обсуждает! Но на уровне смехотворно низком, вопиюще несерьезном; это сводится к экзотике типа наколок, блатных песен, «Джентльменов удачи» и чернухи в прессе. Всерьез этим заниматься не хочет никто! Почему? Каждый надеется, что его минует чаша сия, что печальное знание не пригодится в жизни никогда... Ведь напуганному Достоевским, Сталиным, Солженицыным, Шаламовым гражданину России кажется: жизнь кончается на воле, а тюрьма – это конец, жизнь там невозможна.

Так есть ли она, жизнь в тюрьме?

Советы начинающему зэку (кратчайший конспект книги Абрамкина)

«Первое знакомство с тюрьмой попросту убить может, с ума свести – так оно тяжело», – учит автор. Но если вы сразу не умерли и не сошли с ума, то тогда есть смысл приступить к борьбе. Никакого расслабления! Надо сосредоточиться и решительно взять первый рубеж. То есть взять казенное имущество, положенное зэку: матрас, подушку, одеяло, полотенце, трусы, майку, кальсоны и рубашку. Это все надо осмотреть с предельной внимательностью, потому что от этих незначительных и чепуховых, с вольной точки зрения, вещей будет долгое время зависеть уровень жизни зэка. Претензии к качеству у вас могут принять только в момент выдачи, а никак не позже. После ничего поменять уже невозможно. А при убытии из тюрьмы (например в лагерь) стоимость порченного имущества с зэка вычтут. Ценность этого тряпья в тюрьме трудно переоценить. Лишившись его, зэк не только приведет в беспорядок свой гардероб (представьте себе ощущения человека, обделенного трусами и полотенцем; и взять негде), но и лишится такой роскоши, как возможность пить чай. Ведь вскипятить воду в камере больше не на чем, кроме как на обрывках одеяла и полотенца (горят без дыма и запаха). Функцию чайника выполняет железная кружка, а огонь добывается трением либо от лампочки. (Иногда все чаще – тюремные власти допускают в камеру кипятильницы, но такого комфорта вам гарантировать никто не может.)

В тюрьме (особенно транзитной), как и на воле, людей порой грабят. Особенно новичков. Поэтому в тех местах, где есть камера хранения, лучше воспользоваться ее услугами. Туда полезно отдать часть вещей. Но для этого необходимо иметь вторую сумку! Обе ваши сумки, если вы намерены ими пользоваться лично, должны быть предельно скромными и не иметь

«молний» и металлических деталей. «Чем меньше багаж зэка, тем меньше внимания он к себе привлекает», – учит Абрамкин; как будто на воле иначе! «Поначалу лишнее лучше просто раздать, не дожидаясь вызванных завистью конфликтов, оставив при себе лишь самое необходимое» – ну это вообще тянет на полновесную философию.

Вы можете полюбопытствовать: а в какой форме перераспределять излишки? Раздавать бедным? Но где в тюрьме найти нищих, которые сидели бы в подземных переходах? Так вот знайте: лишние вещи и еду при входе в камеру лучше положить на стол, объяснив, что это «на общак».

«Не бойся других арестантов. Очень часто они «гонят жуть», то есть запугивают, – но не больше того». Также «не бойся тюремщиков... Ничего страшного в их карцерах нет... Убить и покалечить тебя сотрудники этих заведений сами боятся».

Страшная ошибка, которую допускают люди слабонервные, нелюбопытные, попавшие в наркотическую зависимость от комфорта, такова: новички иногда норовят задержаться в «прихожей», то есть они пытаются игнорировать тюремную жизнь и жить воспоминаниями. Но это прямой путь к деградации, а то и вовсе к печальному концу! Все-таки жизнь надо принимать такой, какая она есть, – вам непременно об этом кто-то уже говорил. То есть в тюрьме лучше сразу начать присматриваться к местным правилам и обживаться на новом месте...

Новичок должен быть предельно осторожным: надо следить за каждым словом, каждым жестом, каждым своим поступком, чтоб нечаянно не нарушить строжайший тюремный этикет. Даже мелкая ошибка может резко изменить, а то и заметно сократить, жизнь провинившегося.

«Если в новой камере предлагают чаю, отказывайся, говори, что не хочешь! – учит Абрамкин. – Возьмешь у кого не надо, потом до самой смерти не отмоешься. Надо присмотреться и понять, кто есть кто, чтоб ничего не взять у кого не надо, чтоб тебе потом ничего не предъявили (не поставили в вину. – *И.С.*). Откуда я его знаю, может, он ментовской! У меня есть понятия...

Тюремный этикет, например, запрещает пользоваться парашей, когда кто-то ест (или когда все слушают интересную передачу по радио), садиться за стол не сняв пиджака, свистеть, «выносить сор из хаты» – то есть рассказывать секреты вашего коллектива чужим камерам. Дурной тон – отнимать или просить что бы то ни было. Убирать камеру положено всем по очереди.

Надо, конечно, обращать внимание на то, кто какой касты. Блатные – это понятно кто. Мужики – те, кто намерен после отсидки вернуться к нормальной жизни. Козлы – зэки, открыто сотрудничающие с тюремным начальством и потому занимающие теплые места типа завхоза, завклубом. Туда же входят и суки, ссученные – секция профилактики правонарушений. Козлом быть нехорошо: при случае, особенно на этапе, правильные арестанты могут убить... Петухи – каста неприкасаемых, туда входят, например, опущенные. Их легко отличить по тому, что лежат они либо под нарами, либо у параша, и никто с ними не разговаривает. На всякий случай, советует опытный зэк, «будь очень сдержан в общении. Не лезь ни в какие кентовки и группировки, как бы голодно и холодно ни было. И только найдя близкого человека, потихоньку сходишь с ним».

Обжившись в своей камере, зэк постепенно расширяет круг общения и приобщается к интересам всей тюрьмы, знакомится с местными mass media. Связь с другими камерами осуществляется при помощи кружки, приставленной к трубе отопления (туда надо кричать информацию). Можно также откачать воду из унитаза (веником или тряпкой) и использовать его как переговорную трубу. Еще книжки про большевиков учили нас, что можно перестукиваться. Тюремная азбука Морзе такова: тридцать букв русского алфавита помещаются по вертикали в таблицу – пять клеток в высоту, шесть в ширину. Так, «к» выстукивают следующим образом: два удара (вторая строчка сверху) – пауза – пять ударов (пятая буква по счету начала строки).

Кроме того, для связи можно пользоваться обычным сотовым телефоном: его вам позволят передать с воли за отдельную плату – по договоренности.

Опытные люди непременно имеют тайники для разных ценных вещей. В камере надают советов, куда прятать. Но это ни в коем случае не должно быть руководством к действию: раз все знают, значит, это ненадежно. Этими байками можно только вдохновляться и придумывать оригинальные решения. Абрамкин сам, например, там вот что придумал:

«Покупки в тюремном ларьке паковали в коричневую оберточную бумагу. Так я ее раслаивал и засовывал туда деньги, а после обратно заклеивал. Далее бумагу мял и в нее заворачивал грязные носки. Так ни разу на шмонах не смогли эти деньги найти!»

Тюрьма – хороший полигон для людей, которые ценят в себе способность выживать в экстремальных ситуациях. Попав зимой в камеру с выбитыми стеклами, человек изнеженный и неподготовленный может растеряться и запаниковать. Между тем как достаточно снять с себя рубашку, помочиться на нее, прилепить ее, обоссанную, к решетке и так держать, пока не примерзнет. Но тогда надо быть готовым к сырости – начнет ведь таять иней на стенах. А как же бороться с сыростью? – спросит пыливый читатель. Абрамкин дает ответ:

– Никак! В этой борьбе зэк терпит поражение. Потому что сырости способствует соль, которую специально для этого добавляют в штукатурку. Хорошее подспорье для поддержания сырости в камере – отсутствие гидроизоляции... Называются эти фокусы прививанием чахотки.

Да, но что же тогда делать?

И на это есть исчерпывающий ответ:

– Зэк должен спокойно относиться к тому, что со здоровьем ему придется неизбежно расстаться.

Прям не знаешь, считать ли это полезным советом...

– А чем это, Валерий, отличается от Бухенвальда?

– Да ничем... В Барнаульской тюрьме у нас в камере был такой холод, что кто-то даже написал на стене: «Это фашизм».

И все-таки про здоровье, чтоб уменьшить неизбежные его потери. Можно уговорить сокамерников не курить по утрам, когда вы делаете зарядку – а без нее никак! Еще хорошо ходить босиком по снегу, когда выводят на прогулку. Полоскать горло простой водой. За 20 минут до еды полезно выпить чаю без сахара. От печени помогает растительное масло – полоскать рот (потом обязательно выплюнуть!). От геморроя – разрезанный зубок чеснока, запихнутый в больное место. Лишай смазывают намоченным об запотевшее стекло пальцем – говорят, помогает. Боли от ушибов снимаются свежей мочой, которую после, через пару часов, смывают.

Правильные тюремно-лагерные понятия

«Нельзя просто пригрозить, а потом отказаться от этого». «Нужно отвечать за свои слова. В тюрьме не признается никакое изменение ситуации, никакое “нечаянно”».

«Еще одно понятие – не вмешиваться... в этом мире каждый должен ответить за себя сам. Потом тебе помогут – не помогут, уже дальше другое дело».

В книге приводится такой пример действия этого понятия – до крайности наглядный и очень четко передающий дух тюремного закона: «В отрядах козлы вгоняют в секции... авторитеты не мешают козлам, это ведь еще одно сито – пройдет человек или не пройдет. Конечно, они вступятся, если начнется страшный беспредел, если козлы вдруг начнут бить этапника, но первое слово за себя ты должен сам сказать. Потом тебе помогут».

Не вмешиваться, дать человеку самому ответить за себя и самому распорядиться своей жизнью. Вплоть до того, что «человеку, который хочет вскрыться (перерезать себе вены. –

И.С.), нельзя отказать в этой ситуации. Это его проблема, он требует мойку (лезвие без-опаски. – *И.С.*) – ему дают».

«На общем режиме (иногда и на усиленном) нельзя с земли ничего поднимать. Пусть хоть шапка упадет – она после этого считается зашкваренной (то есть нечистой. – *И.С.*). Упала – иди дальше, ищи другую».

«Не ходи слишком часто в штаб, особенно один – могут заподозрить тебя в стукачестве».

«В столовой, у поваров, ничего нельзя покупать... покупая из общего котла, ты воруюшь у братвы».

Нельзя там брать ничего чужого. Не то что не красть, а даже не трогать без разрешения. Разумеется, не предавать.

«Карточный долг – такое же святое понятие, как неприкосновенность чужой пайки».

«Никаких драк, оскорблений среди братвы быть не должно». Там – интернационализм, дурным тоном считается разжигание межнациональной розни.

Конфликты решаются путем разборок. «Устраивается что-то вроде собрания, на котором спокойно, без рук и повышения голоса, обе стороны высказывают братве все, что они по поводу своего спора думают... вопрос... решают тут же, на месте», или «обращаются в более высокую инстанцию – к своему авторитету», или «к вору на другой зоне».

«Обычно человека, признанного виновным, отдают на милость правого».

– Задача авторитета не в том, чтоб наказать виновного, а решить так, чтоб обе стороны были довольны! – рассказывает Абрамкин.

Беспредел

– Валерий! Вы подробно описываете, как себя вести в правильной хате. Суть вроде такая, что если ты приличный человек, то не пропадешь. Если тюремный закон соблюдается. Так?

– Да.

– А если не соблюдается? Это часто ведь бывает?

– Часто... В транзитной тюрьме, на этапе, на общем режиме, где одни новички и некому проследить за соблюдением понятий.

– Ну так если все новички, так, значит, там нету бандитов, рецидивистов и все в основном приличные люди?

– Не так...

Зэковский беспредел – это сила кулака, отсутствие всяких понятий о правилах, о том, как люди должны поступать в той или иной ситуации... На беспредельных зонах (или в беспредельных камерах) идет постоянная борьба за власть, разборки происходят самым диким образом: тут тебе и избияния, и убийства, и правых бьют, и виноватых, – кто сильнее, тот и прав.

Самое некрасивое проявление зэковского беспредела – пресс-хаты. Там собирают «шерстяных» – зэков, приговоренных тюремным миром к смерти либо опусканию. Они по заказу администрации мучают зэков, бьют и насилюют, чтоб выбить нужные показания или просто в наказание. Боятся они только одного – перевода к правильным арестантам, что для них равнозначно смертной казни.

Единственная книжная рекомендация, которую хоть как-то можно отнести к пресс-хате, касается права зэка на самоубийство. Невесело, конечно, – но это же и не «Веселые картинки».

Тюремный закон выходит на волю

Мы с Абрамкиным пьем чай в его казенной комнате в бывшем комсомольском ЦК. Чай на воле доступен и дашев, никакой с ним проблемы... Хорошо!

– Валерий, вот вы скажите – откуда взялся тюремный закон? Это что, проявление инстинкта какого-то? УК – понятно, он написан, и растиражирован, и до всех доведен. А тут?

Вот жалобы слышатся отовсюду: что-де тюремные нравы и традиции все шире распространяются на воле. А что такое нетюремные нравы, как они сформулированы? Вы в книжке написали про тюремный закон: «Образ жизни, который подчинен правильным понятиям, легче и разумнее предписанного советской властью». То есть раньше «понятиям» противопоставляли Моральный кодекс строителя коммунизма или там Устав КПСС, а сейчас-то что? Может, христианскую мораль?

– Христианская мораль? Она «понятиями» вполне, кстати, охватывается. Вот вы прислушайтесь, как звучат заповеди в камере. Не убий – так предусмотрены мирные разборки. Не укради – категорически нельзя у своих! Не лжесвидетельствуй – ну тут и говорить нечего. Чти отца твоего и мать твою – более чем, взять хоть «не забуду мать родную», «ты жива еще, моя старушка» и проч. «Не прелюбы сотвори» и «Не пожелай жены искренняго твоего» – это тоже в тюрьме обеспечивается автоматически.

Что осталось? «Да не будут тебе Бози инии разве Мене». «Не сотвори себе кумира и всякаго подобия». «Не приемли имени Господа Бога твоего всуе». «Помни день субботний». Но и этим первым четырем заповедям тюремный закон не противоречит.

То есть и понятия, и заповеди описывают, по сути, одни и те же нормы поведения; это разные формулировки одного и того же морального кодекса. Только в заповедях еще особо оговариваются такие частности, как единобожие, недопустимость кумиров...

– Странно, странно, но это звучит как будто убедительно, внутренняя логика имеется...

– Вот вы формулируете проблему: что можно противопоставить понятиям? А нет альтернативы. У оппонентов ничего нет, там пустота. Ведь понятия не какая-то банда убийц придумала, они выстроены на народном представлении о справедливости, на национальной культуре. И не зря тюремные понятия встречаются в старинном русском праве, например – выдать головой, то есть отдать виновного пострадавшей стороне, пусть что хочет с ним сделает. Такая мера, как известно, предусматривалась «Русской правдой» Ярослава Мудрого.

– И что, в тюрьме обязательно убивают выданного?

– Редко. Это нехорошо считается. Отдают головой, а братва смотрит, что дальше будет. Но никто в таких случаях не убивает – считается, что достаточно по морде небольно дать или выискать пачек пять махорки. Вот это будет по понятиям, такого человека уважать будут.

Да. Так в культуре, в субкультуре, важен национальный аспект. Взять, например, французов. Предательство у них посреди рейтинга пороков, у нас, в самом низу, поэтому они более законопослушные: им не в падлу сдать соседа.

Или такой вопрос: а почему у нас демократия плохо идет? В рейтинге социальных институтов в России парламент на последнем месте. (А Церковь, к примеру, на первом месте по степени уважения; на втором – пресса; армия на третьем, а правозащитные организации – на четвертом.) Не зря Верховный Совет расстреляли, и ничего, публика это легко пережила. Почему так? Потому что все знают – большинство всегда глупее авторитетов. В понятиях это отражено, а официально почему-то не признается. Кстати, разборки похожи на процедуру решения спорных вопросов староверами: там тоже собираются авторитеты, обмениваются соображениями и ищут прецеденты.

То есть нашему народу демократия чужда, ему нужна власть авторитетов!

– Как не нужна демократия? А баррикады в 91-м?

– Так это ж быстро прошло. Теперь про те баррикады людям и вспоминать неловко.

Далее Абрамкин рассказывает мне вещь, которая мне кажется открытием на пути изучения русского менталитета. Все-таки как ученый он из этой своей «научной командировки» очень много выжал...

Так вот что он мне рассказал:

– Я сживал в камерах с полной демократией и равноправием, где блатной иерархии нет. Так интересно, что люди от такого братства со временем устают!

– И чего ж они хотят?

– У них появляется как бы потребность в иерархии!

– В том, что на воле описывается термином «твердая рука»?

– Конечно. Это такая потребность иметь некую внешнюю совесть; человеку часто хочется, чтоб кто-то снял с него ответственность и взял на себя. Эта модель, по которой призывали варяга для наведения и поддержания порядка. В тюрьме это может быть новый, чужой человек, а может кто-то из своей же камеры взять на себя такую обязанность... Вот что показывает тюремная практика.

– Похоже, не только тюремная... Просто на воле все более путано и бледно.

– Это потому, что на воле, если человеку что-то не понравится, он плюнет и уйдет, а из камеры уйти некуда и все процессы там доходят до завершения.

У нас в чем беда? Народное представление о справедливости не совпадает с официальным правом, оттого у нас, классики про это много писали, правда выше закона и ему противоречит. Это очень русское явление. В Англии, Франции закон с правдой совпадает, а у нас нет. У них право обществом усвоено, а у нас право чужое, заемное, не прижилось оно. Пока.

Мы ведь какие? Мы на собраниях одни, а в частной жизни совсем другие. Мы общаемся друг с другом, решаем проблемы на базе традиционной культуры. Но когда попадаем в сферу формального права, то теряемся. Простое заявление написать не можем правильно на казенном языке!

– Так вы что хотите сказать, что надо ввести тюремные нормы во внешнем вольном мире?

– Да не тюремные это нормы, а традиционные ценности... Это культура! И надо ее вернуть народу!

– Ну хорошо, допустим. Но как это будет выглядеть? Опишите-ка мне вольную жизнь, политику с точки зрения понятий.

– Пожалуйста. Вот Сталин – вел себя культурно, в смысле в рамках культуры, работал «под царя». Очень важен с этой точки зрения его внешний аскетизм. Заметьте, вор в законе берет себе самую меньшую пайку. Из уважения ему первому дают выбирать, он как самый сильный может взять себе лучший кусок! Но, имея огромную, фактически неограниченную власть, он берет самый маленький кусочек хлеба. Это часть правильного, культурного образа власти. А Чубайс не по понятиям поступил, когда взял тот гонорар в 90 тысяч долларов. Не должен был он такую жирную пайку брать.

– А Борис Николаич?

– Он в какой-то период культурно работал. С привилегиями боролся, в троллейбусе ездил... Это было очень грамотно. А теперь там, наверху, меняют правила игры как хотят. Идет беспринципная борьба за власть. Получается – беспредел...

– Это же чисто тюремная ситуация – беспредел и борьба за власть. Вам лично приходилось такое наблюдать в более естественных условиях, то есть там?

– Как же, конечно. Помню, сидел я в Барнаульской пересыльной тюрьме, в 1983 году дело было. Там был главный вор по кличке Латын. Он не очень правильный был вор – понятия нарушал. А однажды пришел с этапом еще один вор, он был и круче, и правильной. Ну и началась борьба за власть. Дошла она буквально до поножовщины; никого, правда, не убили, так, чуть порезали. Можно сказать, что победу по очкам одержали «наши», то есть правильные блатные. Могло показаться, что восторжествовала справедливость. Но потом... Правильные начали жрать побежденных, не соблюдая никаких приличий. И этот эффект от победы справедливости сразу смазлся. Было очень тяжелое чувство... Меня никто не трогал, меня настолько уважали, что даже не отняли одеяло – у остальных-то позабирали, пожгли – чифир варить. Но все равно мне лично было неприятно...

– Не хотите ли вы сказать, что это похоже на ситуацию с обстрелом Белого дома?

– Это – точно похоже! Происходит разрушение порядка. Накопилась критическая масса людей, привыкших к насилию. Такие люди, когда они никого не бьют, испытывают ломку, как наркоманы. Это по ощущениям похоже на Гражданскую войну. Ну, на Гражданской я не был, но у меня было похожее настроение, когда в зоне начался беспредел, когда в зону вот-вот введут внутренние войска...

– Вы за базаром-то следите, ладно? Вы наших не замайте политиков, вы на своих бандитов посмотрите – что ж они на воле не блюдут ваш закон? Сколько случаев: «крыша» деньги берет, а работу не делает, это как?

– Так это неправильные бандиты! На всех не хватает правильных, потребность в них слишком высокая, ну и нанимают кого попало. Что вы хотите, в любой профессии хороших специалистов мало!

Да и зря вы такую черту между тюрьмой и волей проводите. Вам тут, на воле, кажется, что вы прям святые. А у меня, знаете, было такое ощущение, что если поменять местами зэков и людей на воле, так ни там, ни здесь ничего не изменится.

Везде люди живут...

Смысл русской тюрьмы

Недавно я лежал в Москве в очень, очень хорошей больнице и там от скуки думал о разном. И вот я, по сторонам, вдруг заметил, что эта больница, а конкретно палата, мне что-то напоминает. И что же? Вы будете смеяться – камеру тюрьмы De Champ-Dollon, что под Женевой! Да-да, наша элитарная больница – это их рядовая тюрьма. Камера та, в свою очередь, была получше комнаты общежития МГУ – я про ФДС, что на Мичуринском проспекте.

Еще я сравнил казенную еду в больнице и в тюрьме. В первой давали жидкий суп, переваренные макароны, скудные котлеты. Есть можно, но... В Женеве кормили запеченной рыбой (немороженой) и фасованным йогуртом – такого у нас пока нет, в Москве давали кисель, разливали из кастрюли.

Забавно, что ту швейцарскую тюрьму мне хвалил полковник Юрий Афанасьев, когда я его навещал в Орловской женской колонии, которой он много лет успешно руководил.

Его уже нет с нами – святой был человек, реально. Святой не в переносном смысле, а по определению: он не ставил свои интересы выше чужих, причем речь идет не о семье, а о простых зэчках, которых он не выбирал, которые к нему попали случайно. Не то что интересы типа карьеры и развлечений, он и здоровье положил на службе да и, в сущности, всю жизнь – вот так поживи на нервах да на скандалах... Вместо того чтоб все бросить и уехать куда-то спокойно лечиться.

Афанасьев был в той же женевской тюрьме на стажировке – его посылали с делегацией, перенимать опыт. Так он после мечтал туда, в тюрьму, съездить на отдых, побыть там простым зэком, расслабиться и подумать о жизни.

Ну а что, в этой шутке только доля шутки. На самом деле условия не хуже, чем в советском санатории. Непременный телевизор в комнате, то есть в камере. Если она одноместная – это 12 с лишним метров. (В ФДС, кажется, мы четвером жили на меньшей площади, а потом нам еще и пятого подселили, с раскладушкой.) Трехместная – 25 метров, пятиместная – 38. Каково? Питание я уже хвалил. Теперь про библиотеку: там 10 тысяч томов. Воздух чистый... Правда, нравилось там не всем. Пал Палыч Бородин и Сергей Михайлов, наши земляки, были недовольны, что попали туда, и последний даже отсудил у швейцарского правосудия 800 тысяч здешних франков за незаконную отсидку.

О чем мы тут говорим? О нашей бедности и их там богатстве? Об уважении к правам человека? О давности гуманистических традиций? О злости русского народа? О наших тоталитарных традициях?

литарных привычках? О рабском нашем прошлом, которое все никак не забудется? О том, что культуру надо возвращать 300 лет, как английский газон? О том, что культура – это слой не толще яблочной кожуры, под которой – огненная бездна, по определению Фрейда?

Не знаю...

Но, думаю, устройство такой тюрьмы у нас поколебало бы устои нашего общества. Стало быть, тут вопрос принципиальный. Вот на днях я прочел в «Огоньке» заметку человека, который посидел в СИЗО, где собраны бывшие менты. По обвинению в коррупции. Он подробно рассказал, что вся водка и все мобильные с воли доставляются операми, тем сподручнее, они ж как раз и следят за строгостью режима. А один товарищ сидельца пошел учиться в вуз в системе МВД, а в академию ФСБ его не взяли – там взятка за поступление неподъемная: 5 тысяч долларов. Все менты или служат, или сидят, всем все понятно, жизнь идет. Такой порядок всем ясен и оттого удобен.

Впрочем, одну тюрьму типа той, швейцарской, я видел в России. Это было псковское СИЗО. Там его начальник полковник Борис Федотов устроил удивительные камеры: без ресничек, но с настоящим санузелом с горячей (!) водой. Там сидели либо за деньги, официально, либо за работу на стройке и ремонте камер. Начальство злилось, ему было непонятно, зачем такой комфорт зэкам, Федотова долго давили, потом как-то выгнали с работы, а потом он умер; короткая и простая история. Он был крепкий, сильный, уверенный в себе и наивный, похожий на медведя. Ходил брат бандитов без пистолета – на своей прошлой службе, – но система его уничтожила. Она чужда ему, он не нужен ей, и когда его уничтожили, снова установилось равновесие. Жалко человека, он был прекрасен, но разрушал то, что было всем вокруг мило... С чем все были согласны.

Что там сегодня, в Псковской тюрьме? Небось воду горячую отключили, ее вольным-то не хватает, ишь, санаторий им устраивать. Похоже, все там кончено...

Как начинаю думать про русскую тюрьму, всякий раз вспоминается полковник Афанасьев, о котором уже была речь, подслеповатый толстяк наподобие Пьера Безухова. Я раз пять, наверно, ездил к нему на зону, и одной из приманок была Любовь Сасина, взрослая дама с профилем Данте Алигьери, которая сидела за какую-то ерунду, одна кража, другая, и во время одной из отсидок после инсульта вдруг начала лепить – из глины, из даже земли, из чего попало – всякие фигуры; это чистейшей воды наивная скульптура. Покойный Афанасьев сделал невероятное, хотя ему это ничего не стоило: он позволил самодеятельной скульпторше застроить своими работами всю территорию зоны – приблизительно так Лужков поступил с Церетели. Там в натуральную величину были установлены русалка, львы, ангелы, Чехов и прочая и прочая. У русалки, как сейчас помню, было белое алебастровое тело, накрашенные губы и голубой хвост. Роскошь! Зона стала выглядеть совершенно наказанно. Не скажу уютно, но близко к этому. Появилось что-то человеческое... Сасиной даже разрешили работать на заказ. Она за копейки, а то и бесплатно – хватало и художнического тщеславия – лепила разные фигуры... После смерти ее благодетеля Юрия Яковлевича (который ей, когда она освободилась, выбил комнату в зонновском поселке) все скульптуры с территории колонии убрали. Все, *finita la comedia!* Все стало как прежде, как всегда.

Эти всплески и их последующее погашение – проявление и выражение важнейших правил русской жизни... Которые можно сломать только истребив русский народ. Наивные либералы и прочие прекраснородные люди думают: ну ничего, еще пару-тройку усилий приложим, еще год-два понадрываемся, поучим общественность западному абстрактному гуманизму – а дальше все пойдет само собой замечательно. В их мечтах видятся русские тюремные камеры чистыми и светлыми и добрыми. И зэки там перевоспитываются, и не вшивают себе в член пластиковых шариков, но изучают полезные ремесла для последующего труда на воле. Видят они и войсковые части, где старослужащие не насилуют молодых бойцов, а, напротив, приветливо встречают их и помогают освоить ратные науки. А также и чистые, не залитые грязью

кладбища с аккуратными надгробиями, и по дорожкам осенью можно пройти даже без резиновых охотничьих сапог!

Но нет, эта маниловщина – не для нас, трезвых и ответственных людей. Мы должны сперва понять устройство русской народной жизни, прежде чем тратить силы на ее улучшение и переделку. Нельзя допустить, чтоб в нашей скудной стране (богатую бюрократическую и сырьевую верхушку мы тут не рассматриваем, она выходит за рамки настоящего исследования) бедный ресурс тратился туда, где он сгорит без пользы, без света и тепла...

Прежде всего надо понять, что ценность человека низка в России даже на воле; вот с этим надо сперва разобраться, а не требовать сразу уважения к абстрактной, незнакомой тебе личности в местах заключения. Логично, что, если у нас цена жизни вольного русского человека составляет, ну навскидку, 20 процентов от средневзвешенного западника, то жизнь запертого в казарме солдата будет стоить 10 процентов, а зэка – пять, не более. А куда отнести человека, который с воли не от хорошей жизни залег в больницу? Если по блату, за деньги, – то, думаю, чуть ли не 15 процентов! (Это я по свежим следам вычисляю, полежавши.) А если это простая больница, на общих основаниях и все бесплатно, как при коммунизме? Думаю, это будет солдатский уровень, твердая десятка процентов. Туда же, на уровень десятки, попадет и пенсионер. Значит, берем мы 10 процентов, это, выходит, у нас базовый уровень, типа солдатиков с пенсионерами, и сельские учителя с фельдшерами сюда же, и библиотекари, и студенты разных там техникумов... Это где-то средний уровень средних граждан страны. Если мы видим, что эти люди едят мясо два раза в неделю, имеют возможность помыться горячей водой раз в неделю, в театрах не бывают, ходят в обносках, ютятся в каких-то барачных каморках или в тухлявых избах с тараканами, не имеют возможности покупать свежие книги и прессу дороже «желтой» – то для того чтоб они окончательно не деградировали, не ушли в бомжи, не отравились насмерть стеклоочистителем, но продолжали жалко трепыхаться и сохранили к себе самоуважение, достаточное для того, чтоб не повеситься на гвозде, мы должны каждодневно давать подтверждения их относительно высокого статуса, внушать им, что они не дно общества, а уважаемые люди с довольно высоким уровнем и качеством жизни.

Задача осложняется гламуризацией медийного пространства, в котором полно картинок богатой жизни мелких дешевых певичек, проституток, не говоря уж про звезд и олигархов. Убийственная картина веселой жизни верхних слоев подрывает веру низов в хоть какое-то подобие правды, правды для бедных. Если мы им тут покажем швейцарскую тюрьму, особенно перенесенную в Псков, где в каждой камере горячий душ, и чисто, и отремонтировано, а потом покажем скульптурных художественных русалок, которые создают арт-среду для старых зэчек, то что скажет наш среднестатистический клиент, который моется в корыте или в бане, а окна у него выходят на помойку? Что он подумает, если мы ему расскажем еще про спортзал в тюрьме и про библиотеку в 10 тысяч томов там же? А когда он, ютясь в рабочем общежитии, имея там койку среди блюющих алкоголиков, узнает от нас про отдельную комнату, которую дали отсидевшей воровке, что он подумает про свой бессмысленный честный отвратительный труд? Куда же денутся десятки миллионов этих несчастных, которые пытаются держаться на плаву без надежд? Когда мы вот там бессердечно над ними надругаемся, показав им красивую жизнь людей из низшей касты, официально вроде отверженных обществом? На какое отчаянное безумие, на какой страшный и справедливый бунт мы их обречем? Я даже думать об этом не желаю, хватит.

Для того чтоб сохранить хоть видимость разумного устройства, хоть иллюзию справедливости, хоть чуело добра поставить на огороде (оно всяко лучше повешенного на воротах от отчаяния человека или повесившегося, какая разница) – надо пролетарию и колхознику дать красивую картину его жизни. Чтоб он зауважал свой жалкий статус, мы должны ему показывать картинки из Бутырки или Крестов, а там спят в четыре смены, там ютятся под шконкой, там проигрывают сокамерников в карты и режут, и едят их, и грабят, и заражают разными болез-

нями, и всякими другими способами повышают статус и самоуважение нищего трудящегося на воле. Он начинает думать, что вон сколько еще у него ступеней до дна! И утром, вместо того чтоб взять топор и зарубить бригадира, который в поселке городского типа сойдет за олигарха или губернатора, человек пойдет трудиться за унижительную плату и будет чувствовать себя свободным высоким гражданином, который кузнец своего счастья и может в любой момент не то что выпить чаю сколько захочет и закурить «Приму», но даже в силах и картошки пожарить, будто он смотрящий или пахан!

В жизни все же должно быть равновесие, и оно всегда есть, если жизнь не угасла и продолжается. Сегодня знак и признак равновесия – отношение общества к зэкам как к низшей касте, отвратительным чужим уродам, которых лучше б спалить напалмом, а если все же позволить им жить, то так, чтоб они не смели показаться на глаза. Если вспомнить дореволюционное отношение к преступникам как к несчастным, то оно уравнивалось студентами, которым было запахло чистить сапоги и они нанимали прислугу. Мы же, которые студентами мели улицы и на стройках ворочали лопатами, того, что было, не пойдем. Мы, студенты, были скинуты на дно жизни, куда не опускался добольшевицкий крестьянин, – и нам необходимо было для продолжения усилий увидеть новое дно, которое располагалось бы ниже нашего. И главной задачей общества, которую оно обязано было решить, для того чтоб не погибнуть под обломками рухнувшей конструкции, было отыскать новых изгоев и загнать их в свежеевыкопанный подвал, который должен быть непременно ниже общежитских унылых комнатух без удобств.

За что хвататься сегодня, чтоб поднять в обществе градус гуманности, как создать обстановку, в которой солдатика не забивали б в цинковый гроб, а зэку не отрезали б легкое и не выкалывали глаз шилом? Наверно, не с европеизации тюрем надо начинать, а с чего-то другого. Может, стоит взяться за сельскую учительницу? И подтянуть ее до такого уровня, чтоб она на зарплату могла купить какую-нибудь дрянь, «Жигули» например, и чтоб она могла отдыхать хоть дикарем в Крыму, и чтоб могла раз в год приезжать в Москву или в Питер и оплачивать номер пусть в дешевой гостинице, ночевка в которой встала б ей сегодня в недельную или месячную зарплату? Тогда такая учительница сможет пожалеть чужого зэка, она ужаснется тесноте в камере и еще там чему-то. А сегодня я ничего не могу от нее требовать, у меня нет к ней, бедной, вопросов...

ИТОГО

Однажды я ехал из какой-то тюрьмы с девушками из абрамкинского Центра содействию реформ уголовного правосудия (они помогают зэкам еще с диссидентских времен), весь на нервах, они, как люди более привычные, держались лучше, я же все думал о только что увиденных ужасах. И я в сердцах сказал им:

– Вы молодцы, что вот так мотаетесь по этим печальным местам. Но вы ничего не измените. Это невозможно. Но толк все равно есть, для вас: дела вы не сделаете, а душу спасете.

А что, тоже неплохой результат...

Думаю, это был момент истины. И весь смысл всей благотворительности в сторону зэков ровно в этом и больше ни в чем.

Что тоже немало.

Бендер: в России любят всякое жулье

12 стульев в спину революции

Отчего наш народ так любит разных жуликов, натуральных уголовников, бандитов? Почему наши люди им так страстно отдают свои голоса – причем не только ведь в волжских городах?

Этот вопрос я изучал на примере всенародной любви к Остапу Ибрагимовичу Бендеру. Изучение шло в городе Козьмодемьянске (с которого списаны знаменитые Васюки) на Волге. Там трепетно хранят память о славном персонаже: в городе даже есть Музей Бендера.

Симпатичный Бендер – чисто уголовный тип

Но кто же такой, в сущности, этот Бендер? Взглянем на него трезво.

Остап – страшно веселый и дико симпатичный парень. Таким его знал советский народ, и ровно таким же продолжают знать, извините за выражение, россияне. При том что он, конечно же, профессиональный преступник. Об этом говорят тонкие намеки, раскиданные по тексту рукой Евгения Петрова – бывшего одесского сыщика (переклички с уголовным кодексом, с феней, тюремные шуточка и проч.). Для тех же, кто намекам не верит, сообщен упрямый факт: не далее как в 1922 году Остап сидел в Таганской тюрьме.

Понимайте это как хотите, но наша публика не видит никакого противоречия в том, что этот мошенник, брачный аферист, бомж, у которого ни кола ни двора, и космополит безродный – самый тепло любимый народом герой. Уверенный в себе жулик с честным лицом – вот кто у нас главный. Лишь бы с чувством юмора. Ну, может, не столько жулик, сколько фокусник. Шоумен – вот кем был бы Бендер в наши дни. Он и в книге вел одно сплошное синкретическое телешоу, которое в себе объединяло КВН (кстати, чисто одесское изобретение), «Любовь с первого взгляда» и даже «Про это». Беда Бендера в том, что он просто родился раньше телевидения.

Васюки как они есть

Интересно, из какого сора растут стихи, тем более проза, не ведая стыда? Из такого, что корреспондент газеты «Гудок» Ильф лично плыл по Волге на пароходе с тиражной комиссией. Точно таком, какой описан в «Двенадцать стульев». Вот как это выглядело в «Гудке», в номере за 30 июля 1925 года, ведь любопытно же почитать, а сами в архив не полезете:

«У нефтеналивных барж пароход встречают колонны пионеров и рабочих. Они проходят в тиражный зал, и радио снова разносит вдаль номера выигрышей. Вечером доклады финансовых работников и представителя Коминтерна т. Домского на многолюдном митинге в саду Первого мая».

Авторы изображали свои Васюки вот как: «На правом высоком берегу город... В городе 8 тысяч жителей, государственная картонная фабрика с 320 рабочими, маленький чугунолитейный, пивоваренный и кожевенный заводы. Из учебных заведений, кроме общеобразовательных, лесной техникум». (Эти черты Васюков были авторами позаимствованы у волжского города с названием Ветлуга.)

Сегодняшний Козьмодемьянск – Васюки выглядит куда беднее, чем его прототип в 1926 году. Это маленький городок, наполовину состоящий из полуистлевших хат за кривыми забо-

рами. Два местных оборонных заводика давно лопнули, теперь на их мощностях делают мелкие автозапчасти. Тихо, пустынно, голо, почти все закрыто... Но жизнь идет: местные замечательно кормятся с огородов, а уж тем более с Волги и окружающих лесов. Зависимость их от внешнего мира, от цивилизации проявляется главным образом в хлебе и водке.

За полтора часа от Васюков можно добраться до Чебоксар, часа за три – до Йошкар-Олы, это все автобусом. А если плыть на теплоходе двое суток, так доберетесь и до Москвы.

Некоторым неподготовленным читателям может показаться, что Козьмодемьянск был связан с образом Бендера случайно. Но нет, ни чудес, ни случайностей в жизни не бывает. Козьмодемьянск (основанный Иваном Грозным по дороге со взятия Казани в праздник святых бессребреников Космы и Дамиана) – это тот еще городок. Васюковцы (или васюкинцы), например, примкнули к Пугачеву. А он был посильнее Бендера комбинатор, он себя выдавал за сына не лейтенанта (пусть и Шмидта), а – бери выше – самого государя императора.

А вот еще типично васюкинская, бендеровская ситуация. В 1918 году в город заплывла выставка передвижников. В связи с обострением Гражданской войны и взятием Казани (на этот раз белыми) картины оставили в Васюках – на время. Так васюкинцы теперь этими картинами пользуются как своими и никому отдавать не собираются. И почти 70 лет местные патриоты беспрепятственно гордились своей коллекцией, жемчужиной которой была картина работы самого Брюллова, – до тех пор пока московские реставраторы случайно не распознали подделку. Тогда табличку с гордым словом «Брюллов» отодрали и прицепили несколько более скромную: «“Итальянка у источника”. – Неизвестный художник школы Брюллова. 40—50-е годы».

– Еще у нас есть Айвазовский! «Лунная ночь на Черном море», – гордо рассказывает экскурсовод Лена.

– Настоящий? – Я лезу поколупать полотно ногтем.

Она обижается:

– Ну разумеется! А вот еще у нас есть интересный подлинник – «Мадонна с Младенцем». Работы неизвестного художника середины девятнадцатого столетия – подлинная копия с Рафаэля.

В этом музее муляж Бендера из папье-маше сидит как родной. Вообще говоря, в прошлой жизни этот муляж был марийской женщиной, игравшей на гусях (тамошний народный инструмент). И вот музыкантше сделали операцию по перемене пола.

– Нос у него маловат...

– А у марийцев у всех такие.

Этих гусярш было, собственно, две, так из второй сделали одноглазого шахматиста. Граждане специально плывут от Москвы на теплоходе двое суток, чтоб заснять на фоне этой парочки.

А что братва думает про социально близкого Бендера?

– Бендер! Приехал на день, побегал как дурачок и смылся. Да и что он кому хорошего сделал? – пренебрежительно характеризовал комбинатора местный авторитет Олег.

В соответствии с планами Бендера в городе построен причал для дирижаблей, на которых сюда должны были слетаться гроссмейстеры. Честно сказать, он задумывался как речной порт, но воду в реке не удалось поднять на шесть метров (что должно было произойти после построения Чебоксарской ГЭС). Теплоходам до новых причалов не достать, но дирижаблям будет в самый раз.

Вы помните, что васюкинцы когда-то купились на идею комбинатора «не платить, а все получать». Заветам Бендера они верны и сейчас. Поэтому нынешний мэр Николай Павлов, из коммунистов, рассчитывает поднять экономику при деятельном участии Остапа. Президент торгово-промышленной палаты республики Марий Эл г-н Емельянов эту линию одобряет. Последний даже выступал в прессе с идеей: «По примеру Дня танкистов учредить День пред-

принимателя, приурочив его к высадке Бендера в Васюках, где особенно гениально раскрылся талант главного концессионера». Ну вот что за талант имеется в виду? Взять денег и смыться на специально для этого угнанном транспортном средстве? Хотя, впрочем, что можно сегодня украсть в Васюках...

Ильф и Петров как зеркало дискуссии с троцкистами

«Двенадцать стульев» – это фактически наш доморощенный Джеймс Джойс; кругом сплошной, как говорится, подтекст и разные аллюзии. Только вместо Гомера у нас привязка к классикам марксизма-ленинизма. Сюжет этой нашей одиссеи влез в один день, но в исторические полгода между апрелем и осенью 1927 года – самый острый период дискуссии Троцкого со Сталиным. (Эту подоплеку вскрыли литераторы Одесский и Фельдман в своем мудром комментарии к юбилейному изданию «Стульев», предпринятому издательством «Вагриус» летом 1998 года.) Дискуссия между классиками впоследствии закончилась, как вы помните из курса истории КПСС, полной победой последнего в результате применения такого убийственного аргумента, как ледоруб.

Вы скорей всего уже этот курс забыли как страшный сон, и потому не лишне напомнить, в чем приблизительный и внешний смысл дискуссии между троцкистами и бухаринцами: леваки требовали мировой революции, а ныне покойные государственники Сталин с Бухариным считали себя опорой нэпа. Надо ли говорить, что смешливые одесситы Ильф с Петровым оказались за нэп. А восторженный романтик Маяковский, страшный путаник и любитель абстрактных безжизненных конструкций (взять хоть странную любовь, которой он занимался с семейством Брик), вышел вроде как сторонником мировой революции, которая, впрочем, как поэтическая идея очень ярка.

Ильф с Петровым всячески пытались уязвить этого троцкиста. Они хищнически придумали персонаж Хину Члек (это, конечно же, Лиля Брик), а дурацкая надпись на скале «Здесь были Ося и Киса» содержала в себе интимные клички супругов Брик, с которыми революционный поэт состоял в любовных отношениях.

Богатая пряность, добавленная к этому литературно-политическому противоборству, такова: одесситы были на стороне сильного, побеждавшего, а Маяковский оказался таким троцкистом как бы из 1968 парижского года. Неизбежны, конечно, были взаимные обвинения. Одни как бы прислуживали Сталину, в то время как другой осмеливался спорить с титаном и не продавался. Или напротив: одни служили идеям рынка и свободы, а другой продался большевикам, но при этом не уследил за сменой конъюнктуры и продолжал за деньги и парижские командировки прославлять мировую революцию, на которую уж прошла политическая мода.

Ильич и Ибрагимич – близнецы-братья

Так вот эта полемика между Ильфом-Петровым и Маяковским породила двух персонажей. У Маяковского, мы по школе помним, главным достижением был образ Ленина, у одесситов же – мы это знали и без всякой школы – известно кто. Справедливости ради надо сказать, что в поэме Маяковского тоже была одна хорошая строчка: «Бочком прошел незаметный Ленин». И – все.

Эти два персонажа – как бы полюса нашей жизни. Вот именно «как бы». На самом деле – это один тип, один образ из глубин русской жизни. Ленин и Бендер! Им обоим чужд систематический честный труд, они предпочитают комбинации, им подавай сразу и все, и отличить свое от чужого они одинаково не способны. Оба комбинатора – неясного происхождения, у обоих равно усматривают еврейские корни. «Заграница нам поможет», – это скорее мог бы Ильич сказать, чем Ибрагимич. Ведь это не Бендер приехал из Германии в опломбированном

вагоне, не Остап требовал мировой революции. Оба они знали массу способов отъема денег у населения – не охваченных уголовным кодексом. (Правда, достижения их и размах несопоставимы.) Оба они с легкостью шли на нарушение законов, оба сидели – впрочем, редко и помалу, не по заслугам... Это все факты, но при этом язык все равно не поворачивается назвать их простыми уголовниками!

Вы что же думаете, зря Бендер говорит ленинскими словами? Иногда дословно: «Учитесь торговать» – частая газетная цитата из Ленина, который звал к нэпу. Бендер еще любит вслед за Ильичем слово в слово повторять, что «каждая общественная копейка должна быть учтена». Бывает, комбинатор допускает в цитировании неточности – впрочем, невинные: «Электричество плюс детская невинность». А наиболее популярная из приводимых Бендером цитат взята, вы помните, из Маркса; эти слова очень любил повторять Ленин: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Тут просто утопающими Бендер называл рабочих – тех, которые якобы гегемоны, и якобы правят миром, и якобы передовая сила общества. Надо же так было ребят обдурить... Короче говоря, фабрики – рабочим, деньги – банкирам. А вспомните сцену встречи на конспиративной квартире. Якобы откуда приехал Бендер (с Кисой)? Из Берлина. Правда, ни слова про опломбированный вагон.

В общем, вы уже догадались, что эти смешные параллели не случайны: под личиной Бендера скрывался не кто иной, как В.И. Ленин (1870–1924).

Да, приходится признать: книжки Ильфа и Петрова – страшная, смертоносная политическая сатира! Слегка выйдя за рамки «Двенадцати стульев» и всмотревшись в более поздние претензии Бендера к Корейко, мы леденеем от ужасной догадки: это же пародия на отношения Ленина с классом капиталистов! (Или налоговой полиции с олигархами и естественными монополиями.) Поделись нетрудовым богатством! Поделился, достали его. Ну а много толку с того отнятого чужого богатства? Отобрала его и пропила какая-то сволочь (румынские ли пограничники, русские ли революционные пьяные матросы с люмпенами)... Разбитая же мечта о Рио в белых штанах – это воплощение идеальной мечты о социальной справедливости.

А гляньте на отношения Бендера и мадам Грицацуевой. Он ею просто пользовался в своих корыстных целях. Мадам Грицацуева – большая, рыхлая, бестолковая, малограмотная, вдовая, не прибранная к рукам, доверчивая – это не что иное, как образ России. Последней Ленин очень хладнокровно пользовался для проведения своих экспериментов. Теперь эпизод с почти свершившейся отсылкой миллиона в Минфин – это чистойшей воды ленинское временное отступление, это явная аллюзия...

Вот откуда всенародная любовь к творчеству Ильфа-Петрова: люди все поняли! Но только не сознанием (это я первый только что догадался. – *И.С.*), а спинным мозгом, или, поученому выражаясь, подсознанием... Тут вот еще страшно забавно, что из этих двух кошмарных диссидентов (в данном случае я имею в виду Ильфа и Петрова), заметьте, не сел ни один. Ну талант!

Отгадки комбинатора

Почему Бендер – турецкоподданный? А в Одессе до исторического материализма многие коммерсанты-евреи брали турецкое подданство, чтоб и конфессиональной дискриминации избежать, но в то же время и от воинской повинности откосить.

Почему он носил шарф? А такова была в Одессе 20-х позаимствованная в соседней Румынии мода. Румынская тема закольцовывается, пограничники этой страны его грабят в конце «Золотого теленка».

С чего вдруг он начинает говорить о необходимости чтить кодекс, это на фоне-то своего тюремного прошлого? А просто в 1927 году и в России, и на Украине были введены в действие новые редакции кодексов – со значительным удлинением сроков.

Почему он входит в город в туфлях на босу ногу? При том что на нем относительно приличный костюм? А потому что костюм у него временно отобрали в обмен на робу, после вынесения приговора. Носки же с бельем оставили, и они в камере совершенно износились. Почему он вошел в город пешком? Потому что на вокзале такой типаж непременно бы привлек внимание ментов.

Музей Остапа

Прошло 70 лет. Что интересно, советской власти, первое десятилетие которой вызвало к жизни Бендера, нету, а дело Бендера живет и побеждает. И тут я не провожу параллелей, а просто напоминаю о том, что начиная с 1995-го ежегодно, в последний уик-энд июня, в Козьмодемьянске проводится праздник – Бендериада (ее же иногда называют Бендерианой). Не кто-нибудь, а сам Фарада приезжал, сама Крачковская – Грицацуева лично была и участвовала (именно эти двое показались местным самыми знаменитыми).

Главное событие праздника, разумеется, аукцион стульев. Дороже 350 рублей за единицу продавать не удастся. Приз внутри – золотые побрякушки на 8 тысяч новых рублей. Для марийского райцентра это могучая, сверкающая, богатая интрига.

На празднике, кроме обязательного сеанса одновременной игры на 30 досках, еще бывают конкурсы – например, рисунка на асфальте: кто чудовищнее изобразит сеятеля. И соревнования по триатлону: бег, прыжки и питье пива.

Основатель и учредитель праздника – Арнольд Муравьев, местный житель, кандидат технических наук.

– Это все для того, чтоб родной город поднялся.

– Вы за что любите Бендера? – Вопрос не оставляет меня в покое.

– Бендер – хороший человек, который наказывает плохих людей, например дармоедов.

Одним словом, талантливый человек. Вот только у нас в Васюках он ошибся...

– А вы каким видите будущее Васюков?

– Каким? Процветающим! Скоро газ проведут в нижнюю часть города.

Пока, правда, заметного прогресса в деле подъема васюкинской экономики не видно.

– Ничего, скоро начнется! Все заметят! Теперь, когда за дело взялся я! – страстно излагает Георгий Иосебадзе, главный хранитель Музея Бендера, что на базарной площади им. Ленина.

Георгий в Васюки приехал в 98-м и за прошлые слабые успехи ответственности нести не собирается.

– Я подниму Бендериану на небывалую высоту! Васюки расцветут и процветут! – ну и далее почти по тексту. Иосебадзе носит значок «Сын лейтенанта Шмидта» и страшно жалеет, что опоздал родиться и прибыть в Васюки, по его расчетам, лет на 70.

– Вот вы, господин Иосебадзе, скажите мне: а что ж в Бендере хорошего?

– Как что? У него был юмор! И – шахматы...

– Но он же не умел играть.

– Однако сыграл! И как! Как умел...

Васюкинцы, правда, еще не все поверили в то, что Бендериада их осчастливит. Некоторые из них связывают задержку пенсий с подготовкой к празднику или с его последствиями. А в 98-м году перед Бендериадой бастовали школьные учителя. Им казалось, что после торжеств деньги будет выбить сложнее. Так дали им денег, они вышли на работу и приняли экзамены.

Порнографические шахматы, как у Лужкова

Как это ни странно, на шахматах в Васюках можно прилично зарабатывать и деньги, и славу, которая достигает самой Москвы (будущих Старых Васюков); так сбылось ведь предсказание.

И это своими руками доказал местный художник-самоучка Николай Леденейкин. Он скульптор и лепит порнографические шахматы. Один комплект фигур выставлен в Музее им. Григорьева, рядом с пристанью. Васюкинцы немного стесняются, но гордятся.

– А его местные не бьют? – спрашиваю у музейных девушек.

– Нет, но определенное непонимание есть...

По первому требованию посетителя музейные девушки звонят художнику домой, он приходит. Это веселый молодой человек приятной наружности, с оптимистическим взглядом в будущее. Он фактически вундеркинд:

– Я изобразительными искусствами занимаюсь с самого детства.

– И что, отец вас не сек?

– Нет, порнографией я недавно занялся. Я ею всего десять лет кормлюсь – как перестройка началась, я сразу завод бросил, ну и в чистое искусство.

– Население вас понимает?

– Я бы не сказал.

– Не бьют?

– Пока не бьют. А побьют, так за меня есть кому постоять. Власть меня уважает.

Леденейкин уверяет, что один комплект его шахмат попал к Сосковцу, а другой так и вовсе к Лужкову: вроде как правительство Москвы заказывало к 850-летию.

– Вот Бендера мне давно предлагают слепить, но я отказываюсь – образ неуловим, не за что зацепиться; за шарф не хочется.

Эпилог

Бендер въелся в нашу культуру и в наши постсоветские головы, в которых с перестройки еще такая каша. Остапа вспоминают в девяти случаях из десяти, когда ленивые репортеры заводят речь про жульничество или, допустим, пирамиду. Написал слово «Бендер» – и больше ничего объяснять не надо. Подписчик счастлив... Про это все я молча думал в машине по дороге из Васюков в Чебоксары, на вокзал.

Шофер тоже молчал угрюмо, а потом говорит ни с того ни с сего:

– Всю жизнь копил на старость, дальнотойщиком ездил по Союзу, чистых простыней не видел. И набрал пятьдесят тыщ. А в девяносто втором это все пропало. И что? И – ничего!

Вот видите – полно еще законных способов отъема денег у населения, не нарушая УК.

Не зря в гимне Васюков есть мудрые строки:

Жизнь Васюков уподобится чуду,
Ляжет на все бендеризма печать.

Ну вот и легла, и лежит.

Но это еще не все. Шофер между тем продолжал:

– А ведь я уж совсем было деньги снял, чтоб «КамАЗ» купить. Уже машину присмотрел – так жена не дала, отсоветовала. Ну и пропали пятьдесят тыщ.

– Ты ее не убил, жену-то?

– Тогда не убил. А щас – поздно...

Вот видите: наш народ – добрый! По доброте своей он способен прощать всех за все, в том числе своих жуликов, и даже любить их навсегда. Как Бендера О.И.

Кто развалил СССР, шахтеры?

Вот это все, что мы сейчас имеем, началось в 89-м году. Но с чего конкретно? Не с шахтерских ли забастовок?

Первой тогда встала шахта имени Шевякова: ну, вспомнили? Тогда это название из всех телевизоров несло. Оттуда есть пошла шахтерская революция, которая свергла старый режим и развалила нашу империю...

Я поехал посмотреть на колыбель той революции невооруженным глазом. Что там сегодня? Как поживают победители? Как победившая революция рассчиталась со своей гвардией – шахтерами? Раздувшими, так сказать, революционный пожар?

Печальное зрелище представляет собой героическая шахта.

Колыбель шахтерской революции – это сегодня огромная братская могила. Может быть, самая глубокая в мире: 280 метров. После революции, когда СССР развалился, там было несколько страшных подземных взрывов. Погибли люди. Удалось поднять наверх только двух мертвых шахтеров, а остальных 23 не смогли достать: под землей после еще долго горел уголь. Перед тем как шахту закрыть, в нее, чтоб потушить этот пожар (помните, раньше модно было говорить про социальный взрыв, про пожар революции – так перед вами буквализация метафор), долго лили воду. Оттого и сыро в шахтоуправлении. Как и положено могиле, шахта накрыта надгробными камнями. На граните выгравированы портреты погибших. Их поставили на сопке ровно над тем местом, где был тот взрыв. Еще там стоят два больших – всем 25 хватило бы места, если бы они были живые и захотели посидеть, – железных стола под навесом. Судя по обилию бумажных цветов, никто не забыт, ничто не забыто.

Ну, мертвые худо-бедно похоронены, хотя, конечно, очень экзотическим способом. А из живых тоже никто не забыт: всех уволили по сокращению и заплатили на прощание по три оклада. Четырем из них дали денег, чтоб выучиться какой-то другой профессии. Остальным – а всего на шахте Шевякова было две тысячи человек – не хватило. Вы удивитесь совпадению, но безработных в Междуреченске сегодня приблизительно столько же. А тогда их не было ведь ни одного.

Еще одно совпадение по цифрам. У нас на шахте Бажанова в Макеевке – это, правда, сейчас за граница, самостийна Украина – тоже был взрыв, и тоже 25 человек убитых за раз. Так у наших тоже одинаковые надгробия, шахта хоронила, только фамилии разные. И портреты выбиты: там ребята из моей школы, соседи, собутыльники, отцы подружек. Кажется, всех знаю в лицо. Еще тем же взрывом ранило 17 человек, они потом по одному в больницах доходили, и хоронили их уже по отдельности.

Из меня, правда, шахтера не вышло, я шахту бросил в юности. Но дед, отец, дядя, братья, зятья – все шахтеры. Самое мое раннее воспоминание такое: ночь, я на руках у матери, весь в ее слезах, мы мчимся на шахту. И вокруг еще много женщин бегут и голосят. Потому что на шахте рвануло так, что окна во всем поселке зазвенели. А отец ушел в ночную. Утром он вернулся. В тот раз все вернулись живые.

Ведь в жизни как: одни смогли выйти на площадь, а другим слабо. На площадь или, например, на рельсы. Кто вроде хотел, но побоялся выйти, тому стыдно и он злится на смелых. И теперь выставляют смелых в виде хамов с натянутым одеялом.

Почему именно они?

Многие обижаются на шахтеров: почему именно они такие скандалисты? В то время как, допустим, брокеры, официанты и гаишники терпят, хотя трудно всем? Не знаю, поймете ли вы.

Вы, случайно, не пробовали ползком перемещаться по норе диаметром 80 сантиметров? На километровой глубине? Проползая через лужу, в которой пузырится метан? Светя перед

собой прицепленной к каске лампочкой? Распугивая крыс, которые претендуют на ваш «тормозок» из колбасы? Когда с потолка капает за воротник робы? А после страшным хозяйственным мылом смывать с себя чернейшую угольную пыль? И получать за это 70 долларов, которые заплатят через полгода или год?

Еще надо учесть исторически сложившиеся шахтерские нравы и повадки. У них, например, в силу производственной необходимости вырабатывается профессиональная привычка – добираться до цели, даже если надо пробить скальный грунт.

Или взять такую сугубо революционную вещь, как взрыв. Для шахтера взрыв как способ решения проблемы не экзотика и не крайность, а обыденность. Мастер буровзрывных работ – рядовая подземная специальность. Отсюда свободная небрежность обращения со взрывчаткой, которой там навалом, несмотря на попытки ввести строгий учет. Один взрывник с нашей шахты, отец школьного товарища, прям в шахте хотел с собой покончить при помощи казенной взрывчатки. На почве несчастной любви. Коллеги отняли у него адскую машинку и выгнали домой, где он мирно повесился.

Эта мода, пижонство, эта русская рулетка, когда самоспасатели (род акваланга) бросают в кучу – авось пронесет. При том что при взрыве или пожаре этот аппарат может заметно продлить жизнь; представьте себе циркового акробата без страховки. Эта способность плевать на инструкцию и закуривать в шахте, не потрудившись даже замерить уровень метана, – на многое намекает.

Представьте себе чувствительного, нервного, с богатым воображением человека, которого занесло работать на шахту. Не можете – и правильно. Там удобней быть человеком без нервов, без воображения, грубым, сильным и смелым. (С другой стороны, эта привычка к зрелищу чужой смерти и постоянная готовность к своей – вряд ли безобидная; нервы же не железные.) Фактически это некий спецназ пролетариата. Кстати, про шахтерские полки времен двух последних больших войн рассказывают, что в них не принято было сдаваться в плен; да и сами они пленных не брали.

Но важнее всего, мне кажется, отцовский инстинкт. Если идешь каждый день подыхать, то понятно желание оставить семье денег хоть на первое время. Это нормальная человеческая реакция, вот отсюда и жесткость требований, и решимость голодовок, и суровость забастовок. (Хотя новым русским политикам такое понимание ответственности может показаться преувеличенным.) Начальники говорят пролетариям, что денег нет, и уезжают на «мерсах». Когда то же самое – «денег нет» – пролетарий повторяет детям, он остается с ними, и они вместе остаются без ужина. Почувствуйте разницу.

Памяти рельсовой войны

Вы помните, как летом 98-го, перед дефолтом, кузбасские шахтеры перекрывали Транссиб. Сидели на рельсах и не пускали поезда.

– Надо сеять, а вы солярку не пускаете! – наезжали на них.

– Вы говорите, домны разрушаются? А у нас жизнь разрушена...

– А как додумались до рельсов? – спрашивал я социально активных шахтеров.

– Так это ж Ельцин нам идею подал! Это ж он хотел на рельсы лечь, если плохо станет, он первый начал про рельсы! Мы просто вместо него легли.

На рельсах они требовали отставки президента и жгли по ночам костры. Потом приехал Сысуев, рабочие заводились совещались с ним всю ночь. И вот они вроде хотели Ельцина уволить, а потом решили: нет уж, пусть лучше достроят котельную. И то сказать, котельную поставить – все меньше мороки, чем президента менять, так ведь? При чем котельная имеется в виду та самая, которую начали по требованию забастовщиков строить еще в 1989 году...

Ну вот, шахтеры с дороги ушли, оставив после себя золу от костров. И бывший шахтер Гавриленко, ныне пенсионер, как-то сразу успокоился. Его сильно раздражали посторонние, которые всегда шастают вокруг пикетов. У него дом как раз возле железной дороги. Так он на своем участке занимается животноводством, и с немалым размахом: у него уже украли двух коров и тридцать шесть свиней и поросят!

Пару лет назад залез к нему на участок человек с пустым мешком – не иначе как украсть очередную свинью. Гавриленко кинулся на защиту своих животных, вор стукнул его железной кой по голове аж два раза – пострадавший нагибается и предъявляет мне два глубоких шрама на лысине. Он еще долго и аппетитно рассказывает, как они дрались, кто куда чем ударил... Кончилась история тем, что ударенный палкой по голове вор глубоко и быстро вздохнул, и Гавриленко, который немало скотины перерезал, сразу понял – кончается. А на суде ему за это ничего не было. Но все равно неприятно, когда посторонние шастают. Так что Сысуев тогда просто очень вовремя приехал, молодец.

И вот когда после некоторые говорили, что незачем шахтерам беспокоить правительство и с Москвы требовать деньги, пусть они там с посредниками на местах разберутся и лично наведут справедливость, я легко себе представлял такую картину. Приходит старик Гавриленко в посредническую фирму, которая непонятно куда деваает деньги за перепроданный уголь, и говорит:

– Здравствуйте, мне в Москве сказали, чтоб я тут навел порядок. Тут кто главный?

Выходит главный. Шахтер бьет его по черепу ломиком, привычно выслушивает последний вздох и с чувством выполненного долга уходит. Он навел справедливость в отношении человека, который воровал у него деньги, применив к нему меру, ранее опробованную на воре, укравшем поросенка. А суд, как показывает личный опыт Гавриленко, его обязательно оправдает.

Это там вообще витает в воздухе, чтоб своими руками наводить порядок, раз начальство не хочет. Один пьяный шахтер мне очень неуверенным голосом жаловался:

– Понимаешь, как получилось? Пошли мы с ребятами, значит, к хозяину посреднической фирмы. Давай, говорим, денег за наш уголь! Тот: а нету. Ходили так, ходили к нему... А после наш один ему говорит: так мы тебя убьем! Он отвечает: ну и убивайте, а я вам по сорок миллионов старыми должен, и, как убитый, значит, точно не отдам. Так шо ж делать – может, правда не убивать?

Мне-то откуда знать? Я углем торговать не умею и специфики этого бизнеса не знаю.

В Москву, в Москву!

Я там говорил с представителем местной интеллигенции Васей, он интеллигент настоящий – в очках, с бородкой, – так он жаловался мне на шахтеров. Он им объясняет, что не Дальний Восток надо блокировать, а, наоборот, Москву! Чтоб она почувствовала. Вот собрать бы всех, мечтает он, и наших, и с Инты, и с Воркуты – на Москву!

Интеллигенция всегда мечтала построить идеальное общество... Интеллигент, видите, чувствует свою миссию и ходит в народ. И пьет, кстати, немного, у нас с Васей даже осталось.

И вот идея Васи потихоньку овладевает массами.

– Правильно нас критиковали! – признавались мне местные. – Что ж мы сами себе мешаем! И еще конкурентам подыгрываем – вон власти думают на польский уголь перейти. Так что нам в другой раз надо не себя блокировать, а Москву, кислород ей перекрыть: пусть она узнает, каково нам...

Москва у них как живая – она красивая, богатая, умная, злая и бессердечная. Словом, стерва.

– Москве, ей что за Уралом – уже не Россия! – делились междуреченцы своими наблюдениями. Насколько сильно они нужны Москве, если она присылает туда свои газеты с четырехдневным опозданием? При том что лету четыре часа?

Вслед за Васей я тоже ходил в народ и объяснял ему, что Москва с ним не будет по ночам заседать, как Сысуев, а примется его бить ОМОНОм. Народ, в который я ходил, спорить с этим не взялся. Никто не поднял меня на смех: мол, обалдел ты, что ли! Да кто ж это ОМОН пошлет на рабочих, на шахтеров! Только молчали в ответ сосредоточенно. То есть очень легко они мне поверили...

Такая картина, новый русский апокалипсис. Колонна шахтеров в робах, с черными лицами, с горящими на касках лампочками. Они молча идут по городу и по пути проверяют холодильники сытых нешахтеров.

Выразительная картинка? В Междуреченске, в 89-м, ее видели. «Аж мороз по шкуре шел», – вспоминает очевидец. А в Москве такого пока не видели.

Их нравы

Междуреченск – вполне курортный город: горы вокруг, леса, две речки и чистый (угольная пыль не в счет) воздух. Как всякий русский город, заставлен коммерческими ларьками со всякой дорогой ерундой. Впрочем, московский турист, меряющий достаток провинции коммерческими ларьками, уподобляется доверчивым иностранцам. Те ведь считали советских граждан богатыми после похода в «Березку»; какого ж рожна им надо? Все как в Париже, а они врут про дефицит.

Там своеобразная манера прогуливаться с девушкой: одной рукой ее надо держать за талию, другой за ручку, как в танце, и ходить туда-сюда с каменными лицами, удивляясь собственной смелости.

А вот реклама в жанре кавээновской пародии на Москву. «Угнали? Надо было ставить... (тут не знают, что такое «Клиффорд», пишут просто и дешево) сигнализацию». Или подсказанная налоговиками стилистика, с учетом бедной местной специфики: «Уплатил квартплату – и живи спокойно!» Как и по всей стране, здесь на улице с перевернутых деревянных ящиков полинявшие бабки торгуют петрушкой, изнуренные серые мужики – ржавыми вентилями, а юноши призывного возраста среди бела дня приезжают в ресторан на «мерсах» и джипах и там подолгу скучают. Тут на чем еще деньги делать, как не на угле? Небось ребята трудятся в посреднических фирмах, что торгуют углем, – если, конечно, они не чисто бандиты...

Ты помнишь, как все начиналось: царство за три куска мыла

Был исторический день 10 июля 1989 года.

Началось, как всегда, с чепухи. Ну еды в магазинах нет, так ее и в Москве тогда не было. Дефицит разный, то-се. Норму выдачи портянок тогда урезали, ну это вся страна помнит. Но обидней всего оказалось, что три месяца обещали выдать мыло и опять не дают! А в продаже его тоже, если помните, не было. Шахта Шевякова. Звено Валеры Кокорина, он главный заводила, выехало из шахты и стоит все черное, обсыпанное угольной подземной пылью, и не хочет немытое домой идти.

– Доколе! – Ну и так далее в том же духе.

Тут бы выйти завхозу и рявкнуть:

– Чего разорались, мать вашу!

И выдать им три куска хозяйственного мыла – на 12 человек как раз бы хватило, куски здоровенные. Помылись бы ребята, пошли б домой пиво пить и, как настоящие интеллигенты, по кухням показывать власти кукиш в кармане.

Но вот не нашлось же этого вонючего мыла, которое варят не из собачьих ли гнилых костей?! И рухнула империя. Знали б на Старой площади, прислали б мыла с фельдьегерем, спецрейсом.

Тут важно заметить, что взрыва не было. Ситуация довольно долго развивалась так неспешно и лениво, что можно было ее разрядить простой доверительной беседой.

Вот шахтеры объявили забастовку, но сами остались тихо сидеть на шахте и для выяснения обстановки послали в город разведку. Разведчики, в робах и касках, просочились к горкому партии (если помните, тогда одна была) и робко выглядывали из-за угла. Тут завхоза было уже мало, но сержант милиции вполне бы справился.

– Кто такие? Ну-ка документы! Пройдемте со мной...

Может, и рассосалось бы.

Но никто их не погнал, и разведчики послали гонца на шахту за братвой. А сами до подхода основных сил прятались по кустам вокруг горкома.

Дальше – громкий митинг. С соседних шахт подъезжали посмотреть: будут бить или нет? Поскольку не били, площадь быстро заполнилась вся.

– Жим-жим был сильный, можешь не сомневаться, – вспоминают горячие деньки очевидцы. – Так и ждали, что Новосибирская дивизия внутренних войск подойдет. Горбачев-то раньше применял ведь войска. В Алма-Ате, например, в Тбилиси, так? Мог же и нас саперными лопатками...

Местное радио писало митинг на кассеты в режиме нон-стоп. Так переодетые кагэбэшники приходили переписывать особо понравившиеся выступления.

А на следующий день и Прокопьевск стал, а там дальше и весь Кузбасс, и стало ясно, что уж на всех-то милиции не хватит.

Страх пропал.

Момент был утерян навсегда.

А что Валерий Кокорин, этот кузбасский Кон-Бендитт? Раздает ли обильно интервью с комментариями? Ходит ли на встречи с пионерами в качестве живого ветерана революции? Нет... Давно уж он уехал из Кузбасса в алтайское село, там у него пасека и скотина. И огород. Похоже на Диоклетиана, который удалился от власти и суеты, чтоб выращивать капусту. Ну вот, он иногда заезжает в Междуреченск и жалуется:

– Я на Алтае молчу, что был инициатором забастовки, а то побьют... Да и сам я как-то по-другому видел развитие событий. Я не ожидал, что так повернется...

И прочие революционеры куда-то делись. Одного тогда сразу выбрали депутатом в Москву; уж срок давно вышел, а он все не едет домой. Ребята на него обижаются. Еще один в Москве в профсоюзах, в люди вышел и живет своей жизнью. В бизнес, конечно, некоторые подались. «Кто-то купился, кто-то спился», – рассказывают местные. Ну а иные и вовсе крякнули (шахтерское словечко для ухода в мир иной).

А какие были митинги! Как касками стучали! Как на министров орали, а то и вовсе на самого Слюнькова из ЦК! Большой, кстати, был человек.

Трибуна как раз напротив горкома (там сейчас суд) – там принимали демонстрации трудящихся.

Вообще, конечно, интересная была забастовка.

Езжайте попейте с шахтерами самогонки, они вам расскажут популярную версию: забастовку устроил КГБ, чтоб свалить Горбачева. Смешно? Поднимите материалы пленума обкома КПСС (не забыли еще, что это такое?).

Там черным по белому было написано: «Угольная промышленность Кузбасса на грани остановки из-за громадных остатков угля на складах».

Запаса было 12 миллионов тонн – столько весь Кузбасс добывал за месяц! Железная дорога не в состоянии была это вывезти, хотя ее никто тогда не перекрывал. Да и некуда было

везти. Госзаказ ведь был только на треть добычи. Продать излишки? Ага, и сесть к теневицам в камеру. Бизнес ведь был делом подсудным. Себестоимость была вдвое выше оптовой цены, ну и прочий бред. А уголь, он не может лежать бесконечно – начинает потихоньку гореть... То есть забастовка была единственным способом избежать страшного кризиса. Промедление было смерти подобно. Немедленно остановить шахты и чем-то занять, развлечь шахтеров! Другого выхода просто не было.

И кто-то на этот выход указал.

Может, это был начальник КГБ Крючков. А может, простой снабженец, который украл ящик казенного мыла.

Не думайте про мыло свысока. На архивных пленках остался счастливый голос министра угольной промышленности Щадова, который выходил к шахтерам на площадь после телефонных звонков в ЦК и объявлял радостные новости:

– Москва разрешила увеличить нормы выдачи мыла!

– Ура-а-а! – отвечала счастливая площадь.

Потом опять министр выходит:

– Дефициту пришлют вам!

А после, заметьте, на стену вешается ружье, в 89-м. Его вешает один железнодорожник, который для этого залезает на трибуну:

– Я хочу, чтоб вы знали: мы можем не только станцию, но и всю дорогу остановить!

– На надо! – орали шахтеры – тогда.

– Вот и я думаю, не надо, – соглашается железнодорожник и уходит. – Но вы на всякий случай знайте, что мы с вами.

Момент очень важный. Тут мы видим, что вдумчивые аналитики сделали вывод и технологию раскола рабочего движения освоили. Сделали это так: подняли железнодорожный тариф за перевозку угля. Какая уж теперь дружба и солидарность! Везить уголь – шахтерам разорительно, один убыток...

Причем, заметьте, тариф касается только русского угля. А польский можно везти по дешевке. Как это изящно! Получается: ну-ну, бастуйте. На свою голову. А мы полякам денег дадим.

Ну хотя бы ради этого – стоило же в 89-м дать секретное указание насчет учебно-боевой забастовки? Не один же я в архивах копался...

Вот еще любопытный архивный матерьяльчик. Он про шахтерскую мечту о близком счастье. Которое добывалось одним росчерком кремлевского пера.

«Союз не может прокормить Кузбасс в обмен на его уголь и металл... дайте нам хотя бы 15–20 процентов этого угля и металла, то есть госзаказ порядка 80–85 процентов, и мы обменяем хоть на что-то этот металл и уголь – и у нас в Союзе, и за рубежом. Нам построят и школы, и больницы, и дворцы спорта...» Наивный народ шахтеры, да? Только это не пролетарий выступал, а настоящий ученый – проректор одного сибирского вуза.

Вслед за мылом дали еды. То есть в Кузбасс стали привозить, например, колбасы столько, что ее стало можно купить! Прийти в магазин, а там свободно лежит колбаса! Чудо!

И это чудо легко совершили коммунисты.

Правда, один ящик колбасы оказался тухлый, его притащили и выставили на трибуну – только Слюньков, жалко, к тому времени ушел.

Бастовали две недели. К концу стачки завалы на складах упали до 8 миллионов тонн – спокойно можно было еще пару недель побастовать... Но пора и честь знать, и рабочих сильно баловать не хотелось.

«Люблю бастовать!»

– Мы тогда не то чтоб революцию делали, в восемьдесят девятом, а просто понравилось не ходить на работу. Экзотика! И в магазины сразу привезли консервы – болгарские, перец с курицей. Вкусные, мы помногу набирали! – Многим весело вспоминать те дни. Правда, в газетах как-то по-другому тогда про это писали, нажимали на сознательность, честь и демократизацию.

– Я тогда, конечно, ходил на площадь, мы там сидели, курили, лежали в кустах. Там митинги проводили другие люди, – рассказывает молодой шахтер Коля Петухов, который тогда был на Шевякова, а сейчас еще лучше устроился. – Верхушка там была пять, ну десять человек. А мы – просто... Мы требования выдвинули. Они все выполнили. Льготы стали платить. Был один месяц отпуск, а теперь два. Стихия! Мы получили пользу от революции. И пользуемся благами. И власть встряхнулась. Нам стали все слать.

– Что?

А дальше, прошу внимания, ключевая фраза:

– Я был сытый и мылся мылом.

Вы отдаете себе отчет в том, какой представлялась хорошая жизнь в 89-м году самым отчаянным революционерам? Но это все прошло без возврата. Все изменилось неузнаваемо, и Коля про это рассказывает дальше:

– Самое главное – бартер тогда начался! Говорили: вот нам разрешили продать партию угля, мы продали и вот вам начисляем столько-то. По 2 тысячи долларов в год безналом начисляли! – У Коли от роскошного воспоминания делается счастливое лицо. – А телевизор, например, стоил 300. И так – три года! Все шахты только про это и говорили. Пожили! Три телевизора я получил, холодильник. Продавал, менял на мебель, на магнитофон, ботинки, куртки, кроссовки. Телевизоры меняли на гаражи и машины... Это котировалось.

А потом... Государство ввело, что ли, налог на доллары, на бартер. Это стало дорого. И за это время в магазинах появились товары. И постепенно стало как теперь... А бастовать что – я вообще люблю бастовать...

Как тушили революционный пожар

Счастливая жизнь кончилась в 92-м. И началась очень несчастливая, особенно на шахте Шевякова.

– В шестой лаве все началось. Там были сложные горно-геологические условия, пласт вздыбленный. Шли медленно, заработка не было, – продолжает Коля. – Газу было много. Директор даже разрешал, если была особенная загазованность, раньше выезжать на поверхность.

Ну и вот 1 декабря 92-го – взрыв. Накопился метан, а там малейшая искра – и все. Пласт шипел всегда, газовый это пласт. Ну что, это обычный наш труд, все об этом говорят, знают, но на работу ходят. Привыкли. Обычное явление. Не знаешь, вернешься ли домой после смены живой. Тяжело, конечно, но я привык и ничего тяжелого не вижу. Потом еще было несколько взрывов, один за другим. А после взрыва туда сосет воздух и горит уголь. Тогда мощно горело! А 25 человек там завалило. Думали, может, они живые. Людей пытались достать. Сказали – если пробьете выработку к людям, по 5 тыщ дадим. И талоны тогда давали на колбасу, потому что опасно. Мы ж тоже рисковали, могли в любое время наткнуться на огонь, и все. Тридцать восемь метров пробили за неделю! Это много. Пробили – а там завал и перемычка бетонная, ее давно поставили, когда в верхней лаве в прошлый раз пожар был. Все зря оказалось – спасти людей не удалось. Но деньги, как обещали, нам все равно дали.

А лаву затопить пришлось. Залили лаву водой.

«Даже у пиратов была демократия, а у нас?»

Поселок закрытой шахты Шевякова. Там, куда ж их девать, живут люди. В бараках и трехэтажных развалюхах. Дворы как после бомбежки, это смахивает на Грозный: все перерыто. К выборам Ельцина в 96-м обещали провести водопровод взамен сгнившего, даже двор перекопали, но после второго тура все бросили и ушли.

Вид у жильцов бедный, сильно поношенный, беззубый и в целом брошенный – словом, типичные русские пенсионеры. Я разговариваю с ними. Сюжет один: на подземную пенсию с надбавкой – всего 176 советских рублей – жили счастливо, а теперь хватает только на скромную еду и на галоши. К родне и родным могилкам даже в соседнюю область съездить невозможно.

– Мы не тупые, газеты читаем! Козленок наши деньги за границу увез, а Черномырдин знал... Почему все идет в Москву, все поезда, алмазы, деньги? Все вы там в Москве заодно, одна шайка...

И приговор.

– Вы можете к выборам не готовиться! – предупреждает одна несчастная бабушка, дай ей Бог дожить до тех выборов.

– Ну а польза есть вам хоть какая от революции?

На этот вопрос даже обижались.

Только одна женщина, Зинаида Ванеева, она работала породовыборщицей – с транспортера, по которому подают уголь, на ходу выхватывала куски породы, – сказала:

– Я не жалею, что были забастовки. Не жили мы при старой власти хорошо. Пятьдесят рублей давали в получку, вот и крутись. Коммунисты тоже воровали, но втихаря. А теперешние открыто. У нас хлеб есть. А у людей и хлеба нет, как же жить? А, все равно помирать.

Николай Земцев, тоже старый шахтер, спорит:

– При чем тут Кокорин! Забастовку у нас организовал Ельцин. Он сам вида не подал, но мы же знаем – если б не он, ничего б не было. А я этим шахтерам, дуракам, напомнил теперь – ну что, выбрали себе президента? Да он же никуда не годится!

Реплика со стороны:

– Ты если б эти слова раньше сказал, тебе б Севера было мало.

Это его одернул сосед, который назвался Мишей:

– Я шофером 17 лет, одного директора шахты возил, другого. Я ничего против не имею.

– Против чего?

– Не имею против. Я так понимаю, как они сообразили на это, на забастовку, – значит, надо было. А сам я не сторонник.

– Вот вы, Миша, не сторонник, а СССР развалили!

– Я ж на площади не был. Но и в магазинах же не было ничего. А хотелось колбасы, как ее, варено-бумажной...

Еще я спросил старого шахтера Николая Архипова, что он думает о жизни. От ответил:

– Так рабочий, ну что он может думать?

И посмотрел на меня с укоризной.

Лаврентий Глухов на пенсии, а был на Шевякова. Он такой удивительный человек, что за рюмкой знаете на что жаловался? Что имущество шахтное покорежили и растащили. Он сходил посмотреть и страшно расстроился. Это его больше взволновало, чем бедность.

– Ведь началось тогда как? – дает он свою версию. – У Кокорина звено собралось горластое. А, задаете слишком много вопросов? Ну-ка сходите в здравпункт подышите – вы, значит, точно выпивши. А обидно, и звено отказалось дышать. И у них за это забрали премию, она была 40 процентов. И с другими звеньями договорилось. И как раз мыло кончилось на шахте.

Дальше известно... Но из шахтеров никто не понял этого всего, реформа или как ее назвать.

При коммунистах это мы, дураки, в шахте работали. Все наши шахты строились зэками и для зэков же и рассчитывались на бесплатный труд. Но система помягчала и не стала так сильно сажать. Ну и мы там стали работать... А там и радио перестали глушить – люди узнали, сколько добывают в других местах.

Вот я читаю «Одиссею капитана Блада». Так даже у пиратов 500 лет назад была демократия, а у нас? Раньше можно было директора шахты как хочешь ругать на партсобрании. А теперь мастеру скажи слово, и он тебя уволит. Все.

Все были уверены в жизни. А сейчас этого ни у кого нет, даже у новых русских – не знают, не застрелят ли до вечера.

Шахтеры бывают богатыми и счастливыми

Как, например, Анатолий Петухов, брат Коли, того, который бастовать любит. Трезвый, рассудительный, спокойный человек. Он работал на Шевякова, но уже четыре года на знаменитой и богатой шахте «Распадская», сокращенно ее тут называют «Распад» (и вовсе не в честь Советского Союза):

– Забастовка 89-го? Были же предпосылки! Мы знали, что город Рига получал больше финансов, чем весь Кузбасс. Конфет не было, молока, а хотелось же детям. Но при любом бунте ведь всегда что всплывает? То-то и оно...

– А не боялись, что КГБ придет и всех разгонит?

– Да ну! Все ж чувствовали, что власть ослабла. Партбилеты тогда выкидывали, и ничего за это не было... Шахтеры тогда ходили по городу и проверяли холодильники у партийных работников. А там ничего интересного, засохшая селедка. Ну и перестали.

– А сейчас не пробовали холодильники проверить?

– Ты что! Сейчас же диктатура! А тогда был социализм.

– Какая именно диктатура, разная же бывает?

– Диктатура анархии. Диктатура! Раньше один мент ходил без пистолета, а теперь вон как, с автоматами и бронетранспортерами...

– Ну а Кокорин, вождь революции?

– Как можно Кокорина назвать умным, если уже к осени 89-го его кинули, как последнего пацана? Ему же дали «Шарп», телевизор (ну, всем тогда давали). А потом на совещании каком-то в Новокузнецке еще один дают. А тут его уже ждут, встречают – а, ты за два телевизора проданся!

– Вы в 89-м на площади были, а летом 98-го ходили дорогу перекрывать?

– Не. Я огород сажал. Я прилично зарабатываю.

А тут же отец братьев-шахтеров, основатель династии Иван Денисович. В 78-м ушел на пенсию и с тех пор на огороде.

На вопрос о жизни отвечает:

– Нормально вроде.

Соседи-пенсионеры загалдели:

– Ты что, не говори «нормально»! Тебе что, жалко ужасу напустить? Эх, ты...

Он уточняет:

– Штанов, правда, не купишь, но на жратву хватает... Шахтеры, их трудный труд, а ни черта не плотют.

Любимый шахтерский политик

Ну это все так, разговоры. Знаете, один то сказал, другой это, ну и что. А вот чье мнение дорогого стоит, вот кто самый главный эксперт по междуреченской революции: Щербаков Сергей. Он в этой революции побывал на обеих сторонах баррикады, да так, что и там, и тут все его уважают. И тогда он был очень заметным и важным человеком, и сейчас при деле – вот на выборах в мэры взял 80 процентов голосов.

Щербаков был сначала шахтером и получил орден. Еще он к.м.с. по боксу. А летом того самого 89-го был вторым секретарем Междуреченского горкома КПСС.

– Почему партия не хочет с нами разговаривать? Что ж она спряталась за шторами? – орали смелые митингующие.

Щербаков вышел на площадь. К трибуне его не пускали, но он пробился. И стал разговаривать с рабочими.

– Страшновато было на площадь выходить. Но пошел как-то. Я говорил простые вещи. Я предложил штаб, чтоб цивилизованно разбираться, а не орать на митинге. И чтоб решить, чего мы хотим. Сначала требовали колбасы, мыла и портянок. Но я им объяснил, что надо серьезней требования ставить...

После Щербаков поступил в ВПШ и там защитил диплом по теме «Забастовка». ВПШ, правда, по ходу учебы раза три переименовывали, но суть оставалась та же.

– Шахтеры привели к власти Ельцина и всю его команду. Но шахтеры им забыты... Угольная промышленность уничтожена. Государство выбило своих производителей с зарубежных рынков. У нас снизили добычу на 40 миллионов тонн, а Китай увеличил на 200 миллионов. А кто получил выгоду – так это директорский корпус! Ельцин позволил им торговать и лично наживаться. В городе нет ни одного предприятия, где хозяин – коллектив. А ведь именно такая задача была у революции!

Да... Германия после войны за пять лет встала из руин, а мы с 85-го на месте топчемся. И все хуже. Я ж вижу, у меня город...

Похороны шахты

Анатолий Мальцев – директор закрывающейся шахты им. Шевякова.

Что он может думать о революции? Да ничего хорошего. Из-за шахтеров Советский Союз развалился, и Мальцеву пришлось фактически бежать из иностранного Казахстана, где он добывал для обороны уран. Он когда тут начал работать, так еще думали революционеров выкопать, достать из-под земли и похоронить по-человечески. Даже посчитали, во что это встанет: 5 тысяч долларов на брата...

А вся та авария, считает Мальцев, от революции и случилась, больше не от чего:

– Они перестали думать, как работать, и осталось желание что-то требовать, ну и дисциплина упала...

– Ага, империя рухнула по причине ослабления дисциплины. Ладно!

Он думает.

– Да... Мне иногда кажется, не зря шахту закрыли, не зря... Это было – как месть. И от страха. И чтоб другим неповадно было.

– Так это что же, карательная операция?

– Карательная операция? Похоже...

Шахта уничтожена. Ее, если можно так выразиться, сровняли с землей. Пусто, голо, мертво. Тут и там перевернутые ржавые вагонетки, в какие обычно грузят уголь под землей. А одна такая – ее-то достали из-под земли, это дешево, дешевле, чем людей доставать, – стоит

на сопке, на братской могиле. Это как бы надгробная плита. На ней такие слова: «Вы недодали – мы додадим!» И подпись разборчиво: «Шахтеры Кузбасса».

Додадут? Нет – поздно... Революция кончилась.

Поезд ушел.

Weekend на Колыме

Кооператор Цветков вырос до начальника Колымы и был застрелен в Москве

При Советской власти Валентин Цветков был простым колымским капиталистом. КГБ СССР хотел дать ему от 8 до 15 лет с конфискацией – за бизнес. Старый «Коммерсантъ» против этого возражал на своих страницах в 1990 году. Как раньше говорилось, «газета выступила – что сделано?». КГБ не удалось одолеть капиталиста Цветкова. Комитет от него отстал. Тогда еще на память о сотрудничестве кооператор подарил автору этих (и тех) строк магаданский сувенир из моржовой интимной кости с художественной гравировкой по бокам.

После жизнь несколько изменилась, и Цветков стал губернатором по месту жительства.

Каково это – из без пяти минут уголовного сделать губернатором? Я слетал к нему, посмотрел, как он там живет, что делает.

А потом он прилетел в Москву и его застрелили. Среда бела дня, на Новом Арбате...

Я его спрашивал – не боится ли он? Многим ведь насолил... Рыбной мафии, водочной, золотой. Нет, отвечал он, не боится. Убьют – так тому и быть. Зато, пока жив, делает что хочет. Дышит полной грудью.

Ну что, вполне взрослые игры...

Все бросить и уехать

Колыма, Север. Мрачное низкое небо, мысль о вечной мерзлоте под ногами, металлический блеск зубов, голубенькие старомодные наколки на запястьях, трепетное ожидание первого весеннего месяца – июля. После – лето с жарой аж в 14 градусов! Ностальгические воспоминания про бешеные зарплаты, которые прогуливались в дни сладкой отпускной жизни на материке. В Магадане 100 тысяч жителей, город считается огромным и иначе как столицей не называется. А всего населения в области, после того как Чукотка отделилась, – 250 тысяч.

Зачем все это нужно? А не бросить ли эту холодную неуютную землю и уехать в теплые обустроенные края? Устроиться где-то по-людски или провести остаток жизни в попытках облагородить холодную косную жизнь? Азарта прибавляет то, что попытки запросто могут оказаться бесплодными.

Стоп, вы про что здесь – про Колыму в частности или про Россию вообще?

Непонятно? А посмотрите на карту русского Севера и ужаснитесь лично. Собственно Север на этой особенной карте закрашен зеленым, там выше есть еще синее – это и вовсе Арктика. Синего и зеленого набирается 2/3 российской земли! Что сюда входит? Понятно, вся северная окраина русской Европы: Беломорское и Северно-Ледовитое побережья и острова. А еще – почти вся русская Азия. Там, в нашей Азии, Севером не занята только тонкая полосочка земли вдоль китайской границы... Страшно смотреть на эту бедную сиротскую полоску. От нас зачем-то скрывали этот обидный факт. И мы тут, в центре, наивно полагали, что за Уралом – богатая и обильная земля. Но там – главным образом дикая тундра, страшный холод, вечная мерзлота и никаких железных дорог. А только редкие островки цивилизации, скромные бараки поселков. Эти редкие огоньки видны из самолетного окна – среди бескрайних черных пустынь, видных в безоблачную погоду.

Таким образом в свете вышесказанного выходит, что, например, Кубань или даже Рязань – это для России экзотика и редкость, а уж никак не норма. А норма у нас – тундра, тайга, вечная мерзлота и белое безмолвие.

– А ну-ка угадай, какой самый большой северный народ? – предложил мне загадку Цветков. – Нет же, не чукчи, а вот кто: русские, получается! Поди поспорь.

А насчет бросить и уехать – даже решение такое было официально принято. Москва сказала – все, хватит, будем вахтовым методом Север развивать. Вахтовики – было сказано – будут прилетать-улетать, а людям, объявили, жить там незачем.

На Колыме был поставлен крест. Каждый третий все бросил (или продал за бесценок) и улетел на материк. Еще пару-тройку лет назад Колыма была вторая после Чечни – по скорости бегства людей.

Тогдашний начальник Колымы Михайлов начал сворачивать жизнь на вверенной ему территории. За ненадобностью все распродалось по дешевке – квартиры, электросети, рыболовный флот и порт, телефонная сеть. А что не купили, то остановилось, разворвалось и само пришло в упадок – как, например, ликеро-водочный завод, некогда главный бюджетный бастион.

Это смутно напоминает игры на фондовых биржах. Кто знает, не было ли это все игрой: объявить о закрытии Колымы, после скупить все по дешевке – а после закрытие аннулировать...

Цветков, будучи в то время крупнейшим колымским предпринимателем, приходил на всякие собрания и громко ругал там Михайлова. Ему жалко было бросать Колыму. Он ее полюбил в пятилетнем возрасте, когда его туда привезли родители. Они потом вернулись на материк, а он сам остался и кончил школу. Потом ездил учиться на инженера в райское Запорожье, которое в виде мечты снится колымским пенсионерам, и вернулся добровольно.

Наша родина – Колыма

Зачем Цветков вернулся на Колыму? Зачем вообще жить на Севере?

Есть ведь теория, что на холоде невозможна цивилизованная жизнь, потому что холод парализует мозги. (Швеция, например, северней нас, но там Гольфстрим и тепло.)

Цветкову смешно про это слушать:

– Наоборот, с Севера цивилизация начиналась! Север стимулирует изобретать шубу, топор, разводиться огонь, думать! А в Африке – что? Она теплая и отсталая. Только экстремальные условия заставляют делать великие дела...

Он увлекается, это одна из любимых тем:

– Северяне – это такая каста, это авантюристы, люди рискованные. Генофонд создан такой, свобода... Такие Америку создавали. Тут собирались люди, способные на поступок, да хоть, например, уехать с материка... Экстремальные условия, тут легко пропасть без помощи, ясно, потому тут всегда помогут. Лагеря? Сюда же отправляли самых отпетых, самых выдающихся, самых сильных. Многие после освобождения оставались на Колыме. Там шел натуральный естественный отбор, про который нам рассказывали в школе. Кто помер, кто сбежал, а которые остались, так гвозди бы делать из этих людей, как говорил поэт. Тут волей-неволей (удачный каламбур!) был создан могучий интеллектуальный потенциал. А колымская спайка – это навсегда.

– Это как фронтовое братство?

– Да, это сравнимо.

Тихий бескровный фронт, легендарное колымское, почти фронтовое братство. Да и про настоящий ведь фронт помнятся больше не моменты нажатия гашетки, а как последний сухарь делили вполне мирным образом.

Те, кому не на что было уезжать и некуда и кому пресной и бессмысленной казалась жизнь на теплом изнеженном материке, и выбрали Цветкова губернатором. Он выиграл эти выборы под страшным для слабонервного материкового жителя и леденящим кровь лозунгом: «Наша родина – Колыма!» Ну что, ужасно образно. Нам не понять – так это и не для нас.

Свой парень

Московскому аппаратчику Михайлову тогда, конечно, ничего не светило. Начать с того, что Цветков – сын колымского шофера; согласитесь, звучит очень и очень сильно.

– Я сегодня не могу сказать, что хочу, – а привык быть свободным человеком. Я сам себя лишил свободы! – жалуется он на необходимость соблюдать политический этикет. А мысль про добровольное лишение себя свободы – типично колымская.

Губернатор Цветков – страшно прямой и буквальный человек. Когда он, например, говорит, что идет в баню, то там он именно парится, плещется в бассейне и пьет чай. А там водка или еще какие удовольствия – нет. Сказал же, в баню. А если б еще что, то он бы так и сказал.

Он был такой же, как все колымские пролетарии! Без лоска, скорее даже несколько неотесанный. С вставными зубами, как у всех местных; ну, материал у него попримитивней, в представительских целях. Ну и еще разве только с образованием. И такое еще отличие: он богат! И это на выборах его украшало. Откуда деньги – все знали: Колыма маленькая, люди на виду. Все помнили Цветкова еще красным директором, который брал все знамена за соцсоревнование, а потом – кооперативщиком – и деньги за капсоревнование.

На Колыме российские процессы идут, конечно, с легким отставанием. Там, например, всерьез еще хвалят Цветкова в таких терминах, что «люди ему поверили» и пошли за ним, он раньше всех приходит на работу и уходит после всех, не боится брать на себя ответственность, он без выходных и не щадя себя, и мыслит нестандартно! Ну уж ладно, давайте и мы пару слов про эту нестандартность:

– Я декларации о доходах сдаю с 91-го года. Я сам туда пришел, я знал, чем кончится. Надо мной смеялись, а я говорил – смотрите, каждый рубль посчитают! У меня все бумажки хранятся... Когда нас начали декларациями пугать, была моя очередь смеяться: я этого много лет ждал!

Мое отличие от многих других в политике, что я могу открыто тратить деньги. Я могу доказать, что заработал их честно в бизнесе. А то ведь у людей деньги, но они не могут объяснить откуда.

А после бизнеса – он ведь в политике с 93-года, был в Совете федерации председателем комитета (по делам народов Севера)? Там же бизнес запрещен? Зато оборот денег на фондовых рынках разрешен. На акциях МММ он, например, получил 25 номиналов, вытащив оттуда деньги за две недели до краха. Ну что тут сказать – это бизнес...

Когда перед выборами кандидатов показывали в прямом эфире на местных телевидениях, Цветков, конечно, смотрелся выигрышно против обыкновенных серьезных политиков. Он как будто слегка неуклюжий и даже неотесанный, он огромный, под два метра, усатый, с широкой могучей шеей. Он похож на матерого могучего моржа, которому как бы и не с кем всерьез сражаться. Еще у него на столе стоит игрушечный бульдозер, уместно придуманный местными имиджмейкерами; тоже неплохой образ для суровых пролетариев.

Ну и потом, при советской власти сражаться с КГБ, да еще в самом энкавэдэшном месте СССР – на Колыме! Некоторые женщины Колымы признавались мне, что это было самым сильным переживанием в их жизни, – если иметь в виду чувства, вызываемые мужчинами.

И вот колымские работяги с золотыми зубами несколько для себя неожиданно пришли к удивительной мысли, что не только кухарка может управлять государством, но «и коммерсант может быть губернатором!».

– А не бывает классового злобного чувства? Они пролетарии, а губернатор – богач и капиталист?

– А чем я отличаюсь от нормального человека? Ем я меньше, чем они, не курю, не пью. Ну ладно, одеваюсь лучше – так должность обязывает. Они больше пропивают в свое удовольствие, чем я на костюмы трачу...

– Минуточку! А машина, яхта?

– Машины нет – зачем она нужна? На казенных езжу. Яхта? Ну тогда надо и ледокол к ней покупать – а я его точно не осилю...

Не знаю, как массовый колымский избиратель принял непьющего губернатора. И отчего ж он правда не пьет?

– А жалко расходовать интеллектуальный ресурс и время. Серьезно выпить – это ж отнимает два-три дня (с опохмелкой и последующей потерей темпа), а мне каждая минута дорога.

Ну разве что с такой оговоркой среднестатистический колымчанин, который, даже будучи младенцем или бабушкой, за год выпивает 22 литра водки (против 16 в среднем по стране), мог смириться с непьющим родным отцом Колымы... Мне кажется, что эти шесть лишних литров легко выпиваются в мае, когда кругом сугробы, и еще в июне, когда со дня на день должно начаться таяние снегов... Еще удобно напиваться осенью, в августе, когда обрушивается зима и неизвестно, проведут ли ледоколы пароходы с мазутом для котельных.

Ни одного отстающего рядом

Цветков встречал первую свою губернаторскую зиму в конце 1996 года.

Тогда еще, кстати, денег не было на зарплату, потому что жизнь почти остановилась. Ликеро-водочный стоял. Люди пили осетинскую самодельную водку, иногда умирали от нее, а водочная выручка уезжала на Кавказ. «Магаданрыбпром», распроданный как бы за ненадобностью, куда-то девал и рыбу (говорят, в Японию), и вырученные за нее деньги. Две приписанные к Магадану плавбазы сгорели в чужих портах, а одна – «Феликс Кон» – внезапно утонула дома, в Нагаевской бухте. Все грешили на рыбную мафию, которая так борется за свои права. Знаменитое колымское золото старатели государству, конечно, сдали, но бумажных денег на зарплату оно не прислало. Да и витрины большинства магазинов были заколочены. По городу ходили демонстрации протеста и требовали крови.

В общем, Колыма закрывалась, как и было ранее запланировано.

А потом, разумеется, good guys под командой Цветкова победили.

Рассказ местного бизнесмена:

– Мы тут две конкурирующие группы, ну типа банковской войны у вас там. У нас одни производят на месте, другие норовят все завозить. Кого власть поддержит, та сторона и победит.

Власти, разумеется, удобней своих поддержать! Рычагов много можно найти...

И вот уже с января 1998-го рекой льется родная колымская водка – восстановлен ликеро-водочный; у Магадана есть теперь свои квоты на вылов, – а раньше она вся ведь принадлежала Москве. А завод по изготовлению золотых слитков из местного сырья – аффинажный – уже построен. Оно, когда все свое, как-то спокойней жить.

(От завода не было б никакой пользы без нового счастливо пролоббированного «Закона о драгметаллах», который дает золотоискателям некоторую свободу обращения со своим продуктом. Заслугу законотворчества благодарная Колыма полностью приписывает родному губернатору – это просто типичный случай любви.)

Про Цветкова в связи с золотом, кстати, очень интересное письмо Черномырдину отправил в 1997 году министр внутренних дел Куликов. Оно публиковалось в газетах. Так вот Цветков – говорилось в письме – «легализовал канал хищнического разграбления государ-

ственных золотовалютных ресурсов на территории Магаданской области». Тем, что «разрешил Фонддрагмету (это как бы местный Гохран. – И.С.) анонимно скупать золото у анонимных лиц». Письмо прочувствованное и, конечно, вызывающее тень воспоминаний про Магаданский КГБ 90-го года... Правда, дело ограничилось проверкой, которую по этому письму произвела Пробринная палата. «Недостачи и присвоения золота» она не нашла.

Комиссия уехала. А местная милиция пошла в этот Фонддрагмет и арестовала там 170 килограммов золота. Она продолжает обвинять Цветкова в нарушениях – даже после того как золото выпустила из-под ареста и вернула на место.

В общем, передовой специалист добровольно возглавил отстающий участок и вывел его в передовые – помните, был такой модный сюжет?

Ну вот и на Колыме сейчас приблизительно то же.

Цветков мне растолковывает вкратце свою концепцию:

– Магадан перестает быть сырьевым придатком! Обойдемся без дотаций, сами денег заработаем, полностью себя прокормим. Золото, рыба – полно же ресурсов. А что развивать вахтовым методом, что стационарно – мы тут сами разберемся. И колымчанам эти идеи понятны. Не надо, говорят, нам подачек, пусть лучше нам наши вклады в сберкассе восстановят.

Когда я колымчанам рассказывал, какую волю взяли в Америке штаты, у них загорались глаза...

И они начинали страшно жалеть, что отпустили Чукотку, где победил сепаратизм. Чукчи – это образ национальных республик, отделившихся от России... И вот Колымский край, который всегда гордо назывался землей двух океанов, стал землей одного океана: Северный Ледовитый чукчи как бы приватизировали, забрали с собой в рамках самоопределения вплоть до отделения.

Ну вот, после революционных преобразований, когда наши победили, сразу вроде кончилась рецессия. Не то что киоски, а даже простые магазины после евроремонта торгуют богатой «нарезкой». Квартиры подорожали: трехкомнатная стоила 18 миллионов в дни обвала и паники, когда люди бежали с Колымы, а после опять 18 – но тысяч долларов.

Легендарный ресторан «Магадан», правда, не пережил трудных времен и пока что вычеркнут из списка значных мест, зато «Зеленый крокодил» и «Red bar» работают. А в новом клубе «Империал» открыли казино. Даже в будние вечера в новом заведении гуляют. Девушки садятся парами за стол, берут по салатику и бутылку сладкого винца, их можно приглашать плясать и вообще, – вот она, умилительная классика советских ресторанов, навсегда покинувшая Москву!

Когда кабацкая певичка заводит шлягер про «Ветер с севера», в «Империале» пляшут так, что водочный графин на столе подпрыгивает... Дальше был с неменьшим восторгом встреченный «Мальчик хочет в Тамбов» – а в нем правда ведь тепло, не надо ждать до июля, чтоб настала весна.

Чекисты на Севере: мало не покажется

Глупо приехать на Колыму и не зайти в НКВД—МГБ—КГБ—АФБ—ФСК—ФСБ. (Специально, что ли, чекисты так следы запутывают?)

Кто-то из них пытался Цветкову дать те самые от восьми до пятнадцати. Ну конкретных исполнителей не найти, они уж на материке. Но курировал то дело Вадим Власенко – первый замначальника ФСБ по Магаданской области, в чем он чистосердечно и признался. И вот ведь, пожалуйста, жив-здоров, вид бодрый, никаких, например, репрессий.

Совесьть его спокойна:

– Мы ж работаем не по наитию, а в рамках действующего законодательства. И дело ж не мы тогда возбудили, а прокуратура, ну и нам пришлось... А теперь вот новый УК – мы по нему работаем.

– Вы ж его тогда разорили!

– Не было такого. Ущерб мы ему нанесли, конечно, – изъяли тогда три аккумулятора и разбили, чтоб провести экспертизу. Но деньги за эти три прибора – 50 рублей, что ли, – мы ему честно вернули...

– А сейчас с золотом – это вы опять?

– Что вы! Это не мы уголовное дело возбудили, это МВД. А мы ситуацию изучили, нету там никакого криминала! Да и Москва там проверяла – все в порядке.

Власенко настроен благодушно. Срок он свой на Колыме отбыл, даже год лишний пере-служил. Он, кстати, добровольно попросился на Колыму: выслуги не хватало, а тут как-никак год за два у них. Полковник уж собирается на материк, у него квартира куплена в Тамбове; там, ему сказали, очень здоровый климат для пенсионеров.

Спрашиваю его:

– А что рыбная мафия, про которую тут столько разговоров? Есть она?

– Мы чувствуем, что с рыбой тут неблагополучно. В ближайшие год-два поставим там работу.

«А Тамбов как же?» – думаю я и спрашиваю:

– Сейчас, значит, нельзя работу поставить?

– Так мы не можем контролировать нейтральные воды! Судно идет в японский порт заправляться, совершенно легально, и там, к примеру, продает рыбу. За наличные. А мы-то сидим тут, на берегу.

Но выход есть:

– Надо внедрить своих людей в экипажи, чтоб они там все разведали.

– Ну?

– Но у нас такое вознаграждение за эту разведку, что его стыдно предложить.

– Сколько?

– Разумеется, я вам не могу сказать. Но очень маленькое.

– В ресторан хватит сходить?

– Ну, смотря в какой. И одному. И еще смотря какую еду брать. Без выпивки.

Да... Видите, есть у нас проблемы с финансированием бюджетной сферы.

– А в целом что с оргпреступностью?

– У нас тут с десятков преступных группировок – золото, машины, рэкет. Это не считая, разумеется, ингушей, которые везут золото на материк.

Полковник, как и многие на Колыме, гордится высоким образовательным уровнем местных жителей:

– Многие наши бандиты – с высшим образованием!

Поздравляю...

Вспоминаем прошлое.

– Я 30 лет в органах и до сих пор не понял – откуда у людей перед нами страх? – искренне удивляется колымский чекист.

– Да ну?

– Ну были, конечно, перегибы! Испанец, помню, был один, сын республиканцев, работал пастухом. Так его осудили как испанского шпиона – он был уличен в том, что пересчитывал вверенную ему скотину.

Разумеется, его после реабилитовали.

Да мы тут вообще за год 1556 человек реабилитировали! Из пересмотренных 1660 дел...

Колымские чекисты отмечали свой юбилей: в 1938-м было учреждено МГБ СССР на Дальнем Севере.

– Просто так праздновать дорого, так что мы это совместили с региональным совещанием, для экономии. В театре собрались – ну, где Жженов играл, – рассказывает Власенко.

Я им как-то не посочувствовал, что денег у них на банкет нету: а то привыкли они пользоваться дармовой рабсилой по лагерям...

Странная планета

В 1928-м на месте теперешнего Магадана была культбаза для эвенков – их тут приобщали к письменности и передовому строю. А в 1932-м сюда пришел первый пароход ээков. Ими набили трюм, а в каютах приплыли чекисты. Они потом всю Колыму застроили лагерями и назвали это все так: трест «Дальстрой».

На берегу бухты остался Шанхай – избышки самостроя. Сюда с пароходов сгружали груз и людей, они тут и селились: наверно, им страшно было уходить далеко от этого окна в цивилизованный мир.

Кроме ээков, сюда ехали по своей воле комсомольцы – с 38-го по 56-й было три призыва.

В 39-м впервые из Магадана до Москвы долетел аэроплан; перелет занял десять дней. А если пароходом до Владивостока, а оттуда на поезде – то на то бы и вышло. Интересно, что в конце 50-х то же расстояние Ил-12 преодолевал всего-то за двое суток, делая по пути 11 промежуточных посадок.

Тут собраны были лучшие люди страны – с гордостью рассказывают колымчане. Королев тут был, Жженов.

– Когда не было денег на зарплату, так объявляли концерт Вадима Козина – и сразу аншлаг и деньги на получку!

Великий певец тут остался после лагеря, ходил в свитере, из окна своей хрущевки в Школьном переулке ругал Советскую власть и заодно прохожих. К нему ехали на поклон звезды, поднимались на четвертый этаж без лифта и с трепетом давили кнопку звонка. Принимал же маэстро не всех; Бориса Штоколова, например, пустил, а Валентину Толкунову – нет, и Колыма отсюда выводила рейтинг мастеров.

– Высоцкий три дня тут пробыл и после всю жизнь по Колыме тосковал; а песен-то сколько!

А Елене Образцовой тут дали почетное звание – заммэра и замгубернатора, и удостоверение!

В дополнение к книжкам Солженицына, Гинзбург и Шаламова тут полно устных историй про умирающих княгинь, доярок с пятью языками, шоферов с двумя дипломами. «А вот тут в совхозе сидел ээк, который написал “Наследника из Калькутты”». Ну или истории наподобие: «А вот у нас в Омсукчане такой был малинник роскошный! А как узнали, что там ээков закарпывали, ну и перестали малину собирать», – типичный рассказ. Или так: «Пошли на рыбалку, а там берег размыло и костей, костей человеческих сколько вышло!» «А еще была главврач, красавица! Так про нее все знали в Омсукчане, что она ээков себе, которые приглынутся, на ночь брала. А кто отказывался, тех приказывала расстрелять».

В краеведческом музее тут выставлены тачки и колючая проволока, и даже одна вышка. Бывшим узникам (слово-то какое бухенвальдское) на это было больно смотреть, они предлагали экспонаты заменить муляжами – но их не послушали. А еще можно проехать в Бутыгычаг, это 300 километров по Колымской трассе: там настоящий законсервированный лагерь – такими нас пугали в перестройку.

Колымчане страшно обижаются, когда им про лагерные дела да про климат:

– Да что ж у нас, больше нет ничего интересного, что ли! Мы так же, как все, живем...

Но тут ничего не поделаешь – Магадан невозможно считать простым обыкновенным городом. Да, там и детсады, и рыбалка, и пивные, и поэты – но это все во-вторых. Точно так же как при слове «Бухенвальд» Гете, который там частенько бывал, вспомнится только во-вторых. А во-первых будет другое...

Я сравнил чувства, которые у меня от немецких концлагерей, с родными колымскими; у нас получается больней и безысходней. Когда свои бьют в спину, это всегда тоскливей, чем неприятности от заведомого супостата в честном бою. Наша лагерная пыль – в которую стирали людей – едче и ядовитей для глаз.

Давно уж мне показалась справедливой мысль дать всем членам компартии по 25 лет лагерей, чтоб как-то очистить их совесть. Ну ладно, можно ж и условно, с отбытием наказания по месту работы, с отчислением 20 процентов из зарплаты – да хоть на детдома. Я делился этой мыслью с колымскими коммунистами, так они обижались. Что за народ!

А у вольных тут всегда были хорошие заработки: например, супруги Бойко в 43-м купили на свои колымские сбережения танк и на нем отправились на фронт. Всего же на своих танках уехали на войну 60 местных. Разумеется, с любовью, с ностальгической тоской местные и теперь вспоминают свои легендарные телеграммы с материка – «Срочно высылай 500». И всем ведь слали. Отпускных давали 1500! Отпуск два месяца!

Но местные с неменьшим трепетом вспоминают, как жили в бывших лагерных бараках по комсомольским путевкам и пели под гитару, а также другими доступными способами выражали презрение к вещизму.

Магадан, как раньше говорилось, неудержимо тянулся ввысь. После барачных и избушек самоотроя там пленные японцы заставили проспект Ленина добротными желтыми домами в четыре этажа; их по сей день красят в желтое. Щегольские каменные балкончики старых магаданских домов часто не имеют дверей – кому там придет в голову торчать на балконе? Далее была, разумеется, очередь хрущевки. Потом пошла «ленинградская серия» – это не простые хрущевки, а с эркером и высоким потолком. А новые панельные девятиэтажки – это уже элитное жилье.

Шестьсот реабилитированных политических остались жить в Магадане. Они встречаются с беспартийной молодежью и рассказывают ей про зверства славного прошлого.

– Да ну, какой ужас! Мы в первую очередь думаем про энтузиазм и первые комсомольские палатки! Нигде нет людей благороднее и чище, чем на Севере, так и запишите! – всерьез говорили мне колымчане. И ведь это очень симпатично, когда так любят соседей – и себя.

Кстати, о палатках. Колымские врачи мне рассказали про «синдром палатки». Если мужчину пытаются спасти и вроде есть надежда, но вдруг у него случается эрекция (простыня встает палаткой) – все бесполезно: минут через пять точно помрет. А сколько ж тут померло, и считать страшно.

Тут бывает экзотика в виде бивня мамонта. Своим продают по 150 рублей за кило. А так полутораметовый бивень в 60 кило вам тут будут впаривать за 2500 долларов – я сам для порядка приценялся.

Мамонт, допустим, вымер, но лосей и медведей и уток с гусями хватает: охота тут доступна любому, сверхзатрат не надо. Бери ружье и иди себе стреляй.

Со здешней температурой – тут замечательные условия для моржей! Моржовая мужская кость – хороший символ здешних мест, суровых и для нежных чувств неподходящих. Тут нужна особенная нечеловеческая твердость, чтоб предаться любви, на таком-то холоде. Но природа выручила, снабдила влюбленного моржа интимной костью. Эта тяжелая натруженная кость идет на резьбу в народных промыслах.

Впрочем, резчик кости Виктор Евстигнеев об этой кости, которую его коллеги на своем профессиональном жаргоне называют смешным словом «пенис», отзывается пренебрежительно:

– Нешто это кость? Так, второй сорт. Мамонтовый-то бивень потверже!

Ну, Витя, это ж смотря с чем сравнивать.

И других тут полно моржей. Секцию моржевания возглавляет Геннадий Белобородов. Он, кстати, в здешнем морге работает, судмедэкспертом. Вот защитился – по адаптации человека в условиях Севера. Материала же полно кругом: удачные случаи адаптации он видит на досуге в проруби, а неудачные ему надоели на работе.

Ступая по улицам Магадана, с дикой силой чувствуешь, что жизнь удалась, вдыхаешь счастье полной грудью. Это счастье оттого, что ты вольный (эти лагерные книжки въелись в нас, и мы жили ведь внутри колючей проволоки). И высшая степень счастья – спокойно планировать свой вылет с Колымы, например, на послезавтра. Люди, которые не летают на Колыму и не возвращаются с нее, просто обкрадывают себя и даже об этом не подозревают...

«Еще обетованнее, еще обжитее станет эта земля», – сообщала изданная при советской власти книжка про Колыму.

В изданной там книжке я прочитал поучительную историю про найденного где-то в здешней вечной мерзлоте мамонтенка Диму. Так вот его вскрытие показало, что раньше климат на Колыме был еще хуже. А теперь улучшился. Вот видите! Жизнь стала лучше. Жизнь стала веселее...

«Чингиз Хан» зажигает в Москве

Однажды я по заказу товарища – для журнала, которого уж нету, – перевел песню про Москву, из репертуара группы «Чингиз Хан». Я вообще-то не поэт, но взялся. И в итоге развлекся.

Вот вам для начала оригинал, чтоб вы сличали.

Moskau – fremd und geheimnisvoll
Turme aus rotem Gold
Kalt wie das Eis
Moskau – doch wer dich wirklich kennt
Der wei? ein Feuer brennt
Ihn dir so hei?

Kosaken – he – he – he – hebt die Glдser
Natascha – ha – ha – ha – du bist schцn
Tovarisch – he – he – he – auf das Leben
Auf dein Wohl Bruder he – Bruder ho

Moskau, Moskau
Wirf die Glдser an die Wand
Russland ist ein schцnes Land
Moskau, Moskau
Deine Seele ist so gro?
Nachts da ist der Teufel los

Moskau, Moskau
Liebe schmeckt wie Kaviar
Mдdchen sind zum Kussen da
Moskau, Moskau
Komm wir tanzen auf dem Tisch
Bis der Tisch zusammenbricht

Moskau – Tor zur Vergangenheit
Spiegel der Zarenzeit
Rot wie das Blut
Moskau – Wer deine Seele kennt
Der wei? die Liebe brennt
Hei? wie die Glut

Kosaken – he – he – he – hebt die Glдser
Natascha – ha – ha – ha – du bist schцn
Tovarisch – he – he – he – auf die Liebe
Auf dein Wohl Mдdchen he – Mдdchen ho
Moskau, Moskau
Wirf die Glдser an die Wand
Russland ist ein schцnes Land

Moskau, Moskau
Deine Seele ist so gro?
Nachts da ist der Teufel los
Moskau
Moskau, Moskau
Moskau! Moskau!
Moskau, Moskau

Wodka trinkt man pur und kalt
Das macht hundert Jahre alt
Moskau, Moskau
Vдterchen dein Glas ist leer
Doch im Keller ist noch mehr

Moskau, Moskau
Kosaken – he – he – he – hebt die Gldser
Natascha – ha – ha – ha – du bist schun
Tovarisch – he – he – he – auf die Liebe
Auf dein Wohl Bruder he – Bruder ho
Moskau, Moskau
Wirf die Gldser an die Wand
Russland ist ein schunes Land
Moskau, Moskau
Deine Seele ist so gro?
Nachts da ist der Teufel los
Moskau, Moskau
Liebe schmeckt wie Kaviar
Mдdchen sind zum Kussen da
Moskau, Moskau
Komm wir tanzen auf dem Tisch
Bis der Tisch zusammenbricht
Ihr wollt zuruck?

Ну а теперь образец моего поэтического творчества:

Золотая meine Moskau

Исполняется на мотив: «Нинка как картинка с фраером гребет».

Мрачная, чужая, грязная Москва.
Кастинг начинает пьяная братва.
Бандерша Наташа привезла дивчин,
А мы их имели в Dolls & «Распутин»

А какую выбрать – сердцем голосуй,
Шлем вам из России воздушный поцелуй.
Ху из мистер Путин, хау ду ю ду?
Над Кремлем потушим красную звезду.

Пьянка и гулянка, жид и казачок
Прямо на Лубянке набили косячок.
Золото, и звезды, и бляди, и икра,
Настольные пляски – всю ночь до утра...

Черт-те что за город, эта их Москва:
Битые стаканы, больная голова,
Холода и слякоть, эх, русская душа,
Нету за тобою, мабуть, ни гроша.

Припев:
Эй, эй, Мавзолей,
Ну-ка быстро налей,
Хайль, хайль, «Чингиз-Хан»,
Налей водки стакан.

Секс, правда и video

Не нравятся фильмы, где есть секс?

Не смотри их. Не злись лишний раз. Как все в жизни просто! Впрочем, таких людей мало. В основном, конечно, публика ломится на изображение секса. Сами знаете, какие сайты бьют рекорды по посещаемости.

На днях прошла новость: в некоей датской, что ли, фирме сотрудников премируют бесплатными талонами на просмотр порнухи: пусть люди дома смотрят. Они ведь из экономии на работе рассматривают сиськи-письки. А так, гляди, насмотрятся дома до тошноты, а в офисе, гляди, захочется потрудиться... Для разнообразия...

В чем же смысл движущихся изображений сексуальных действий? Поди знай... Можно только строить догадки. На одну из них меня натолкнул просмотр шведской порнухи, совершенно поразительной. Там, вы будете смеяться, изображена была гармоничная пара. Оба такие симпатичные, приличные, неблядские, с умными лицами, у них друг к другу теплые чувства. Это вам не негр с пьяной овощной торговкой. И они не просто чтоб задорно впиндюрить, они сперва воркуют, обмениваются комплиментами, обжимаются, потом деликатно и политкорректно трахаются. Тоска, надо вам сказать, смертная – какое кому дело до чужих слюней? Впрочем, и свои слюни тоже не сахар. Попробуйте сами кого-нибудь трахните перед камерой, а потом гляньте свое home video – там мало будет веселого... На кой нам этот соцреализм? Политкорректная порнуха – это как мультфильм без гипербол. Просто рисованный сюжет про то, как человек встал утром, почистил зубы, пошел на работу, там сидит нудится и ни в носу не ковыряет, ни с 15-го этажа не выпрыгивает, – так на кой нам такие мультфильмы?

Кроме порнухи, бывает, кстати, и высокохудожественное кино, даже фестивальные, в которых решается проблема пола. Взять то же самое «Последнее танго». Помню, однажды я обнаружил его, вы будете смеяться, в порноразделе видеотеки! Правда, это случилось в глухой провинции США... Там, помню, вдовец с горя в Париже имеет в задницу анонимную девицу. Такая аллегория, что вот фортуна повернулась к человеку задом... Секса там, кажется, и не было – они ж в пальто и сквозь три одеяла там елозили. Помню еще великолепный отклик на это кинцо в советскую эпоху. Там некто кинокритик возмущался разбазариванием сливочного масла, оно ж у нас было дефицитом! (Теперь с маслом у нас профицит, но у того критика, видно, уж не стоит давно.) В те же самые советские времена у меня был едва ли не первый опыт коллективного просмотра порнухи. Кстати, я ее до этого, может, и вообще не видел! Я тут не про похабные фотокарточки, которые выходят за рамки нашей темы, но про движущиеся картинки. Без которых тут никуда – в который раз я извиняюсь за каламбур. Ну вот. Жена товарища служила в каком-то техникуме, там чего-то праздновали со студентами, потом тех разогнали и преподаватели со своими приглашенными собутыльниками заперли двери актового зала и вставили в кинопроектор, который только что демонстрировал убогие сцены с субботника, заветную шестнадцатимиллиметровую пленочку. Как мало надо было советскому человеку! Плевать, что за актрисы и какая у них грудь; не важно, что за позы и какие партнеры; реалистичность, художественность, сюжет, музыка – вся эта мура вообще на обсуждалась. Вот оно, торжество голого факта: человек ебет человека! Живьем! Публично! Открыто! Глядя в глаза! Все, конечно, озверели, само собой, у всех было одно на уме, и как потом на нас кидались дамы, участницы просмотра – мы тут не будем обсуждать за недостатком места и в угоду ложным приличиям. Не это главное. Эспириенс тот оказался до такой степени пронзительным по другой причине: это был уникальный глоток свободы. Мы воочию убедились, что есть другой, большой мир, которому плевать на Моральный кодекс строителя коммунизма в частности и все советские запреты в целом, и тот большой свободный мир, несмотря на это, сыт, пьян и нос у него в табаке.

Ну и пару слов о связи с современностью. «Последнему танго» так и подмывает противопоставить «Мечтателей» все того же Бертолуччи. Сцены полудетского секса меня, честно говоря, вполне развлекли. Девичья стыдливая гениталия там вполне корректно и мило мелькнула, и даже зрелище юношеского прибора меня не покорило, даже при всем том, что на кой нам рассматривать чужой хрен, – ну ладно, простили и это. Даже групповуха у мастера получилась вполне деликатная. Эта тройка молодых актеров – все же люди симпатичные. Смешно было, когда старики приехали с дачи или откуда там и застали всю компанию вповалку на помятых одеялах... Бертолуччи не мальчик, дедушке уж скоро на покой, на полный покой. Ну и про что же ему думать в эти, может, последние дни, если не о молодых девках? Их ведь ТУДА с собой не возьмешь, их хочется тут напоследок нахаваться. Да молодец дедушка, нет вопросов. Это вам не про «Потемкина» талдычить с его гнилым червивым мясом, при том что «Потемкина» только что и смотрят студенты, по принуждению, перед сессией.

Никуда не сбросить нам с парохода современности Тинто Брасса. Своим «Калигулой» он смутил наши бедные советские мозги, так и стоят перед глазами... пардон за тавтологию... картинки из фильма. После этого трудно думать, что тогдашний Рим был иным. Одно у Брасса плохо – с тех пор он ничего масштабного не сделал. Я давно уж перестал брать кассеты с его лентами, отчаялся увидеть у него что-то еще, кроме мелькания стандартных жопок... Хотя, впрочем, был в каком-то фильме кадр, где дама отходит с набережной, по которой прогуливалась с молодым человеком, чтоб присесть и пописать в подворотне. Теплое невинное зрелище, которое льет воду (или что там) на мельницу межгендерной дружбы. Как-то больше после этого начинаешь сочувствовать слабому полу. О чем-то подобном писал в свое время наш классик Веня Ерофеев. Типа, что они не только в Ильича стреляли, эти прекрасные дамы, но и вынуждены мочиться исключительно вприсядку, что лишний раз говорит об их subtilности и уязвимости.

Помню иностранный фантастический рассказ. Там персонаж прилетел на чужую планету и обнаружил, что люди трахаются запросто где попало и никто на это внимания не обращает. У них там другую физиологическую функцию засекретили: прием пищи. И на космонавта кидаются проститутки, тащат в темные закоулки, в вертепы и страстно шепчут: «Милый, я тебе там такого борщечка наварю, что ты кончишь, не донеся ложки до рта». Персонаж после долго рассуждал о том, что еда, может, и правда интимней, чем простой перепих. Просто дать – это всего лишь фрикции, а хороший обед стготовить – это ж надо душу вложить и вообще постараться. Надо чтоб и продукты свежие, и вкусно чтоб было, и красиво, и без последующей изжоги, а не просто кончить и забыть.

Однако же при всей интимности процесса еды нельзя не согласиться, что и секс – вещь достаточно интимная. Может, дело тут в некоей страшной тайне? Но тайна эта исчерпывается в подростковом возрасте, когда человек, выйдя на охоту, пару раз уже добыл себе piece of ass. Тут дело в приближении к великим вещам типа смысла жизни. А он, если, конечно, мы не будем игнорировать животную природу человека, не в самосовершенствовании и не в попадании в горячую десятку журнала Forbes, а в том, чтоб перебросить свои хромосомы в следующее поколение. Для этого и была изобретена такая смешная вещь, как секс. Как в такой непростой обстановке поднять свой статус? А так и поднять: поиздеваться над величиим процесса! Когда человек вместо занудного учебного фильма про пестики и тычинки, про ловкий пронирыливый сперматозоид и по-кустодиевски пышную яйцеклетку – ставит купленную в ларьке левую кассету (диск) про обдолбанных негров и толстую тетку, которые имеют друг друга во все места. Ой, ой, великий космический процесс! Тоже мне, подумаешь! Вон оно все как выглядит! И становится легче. Человек возводит себя если не на пьедестал, то на стремянку в конце концов. И у него появляется чувство, что он таки царь природы, а не прыщ на ее теле. Он круче вселенских процессов. Он ими управляет.

Кроме космических проблем, есть еще и морально-этические. Глядя на голую тетку, которая нарисовалась и развлекает веселых ребят, он начинает думать, что она чья-то, допустим, мать. Ни хрена себе! Она не спит у колыбели, исполняет что-то из народно-патриотического репертуара, кормит дитя грудью – вот этой самой, которая в данный момент расплюшилась в кадре! Гм, гм... Тут, не ровен час, человек может вспомнить и свою мать. При том что он вопреки ее пожеланиям и пьет, и курит, и стреляет из рогатки... А может, даже и ворует. Изменяет иногда жене, ну так, по мелочам... Человек попадает в это царство долга, тонет в болоте железной необходимости; он колесик, и винтик, и двоечник, он песчинка посреди мироздания. Жить не хочется. Порнуха – это как политические анекдоты: постебался над великим, вот и жить стало лучше, жить стало веселей... Что и требовалось доказать! Поднять настроение, улучшить самоощущение, развлечься, возбудить в себе разные чувства, дать себе новые стимулы, вернуть интерес к жизни, дать себе понять, что тебе все по плечу ну или по другой части тела... Вот какие благородные задачи решает порнуха! Вот как возвышает человека запечатленный на киноплёнке секс! Да просто памятник надо ставить порноартистам, как рабочему и колхознице. Пусть они тоже стоят рядом, как те, и что-нибудь держат в руках, как серп и молот. Или пусть не стоят, а лежат. А в руке держат не инструменты труда, а иные инструменты: она – его, а он, допустим, бумажник, пухлую такую симпатичную котлету... Из космического процесса, каковым является секс, мы почти всегда выкидываем важнейший аспект – продление рода. Но есть еще один – матпомощь самке. Вот для чего в этой композиции бумажник – он атрибут мужчины. Он либо муж, обеспечивающий семью, либо невинный искатель приключений, готовый оплатить услуги веселой девицы. Либо, на худой конец, заплатить в ларьке за порнокассету...

По-моему, приходит мода на секс. А иногда – уходит

Скажите, ЭТО из моды не выходит никогда? Бросьте. При Советах, при старом режиме, в моде было нечто другое – романтические чувства, желательно безответные. Лирика, вздыхания, вкрадчивая музыка, «Никого не будет в доме», пронзительные взгляды, чтение плохих советских стихов. Но ведь, бывало, и в койку валились и там сливались по полной программе! Кто ж спорит. Но то был не секс, то была просто телесная часть неких невнятных размазанных отношений. А сами по себе невинные постельные забавы права на жизнь практически не имели. Попробуй тогда приличная дама сказать: «А трахну-ка я вон того молоденького красавца! Он вылитый Бандерас, или там Аффлек», – так ее, кроме ближайших подруг, и не понял бы никто.

Сегодня же пожалуйста – хватай мальчиков налево и направо. Без этого имидж порядочной женщины как бы и неполный.

Да и не в советском прошлом дело, плевать нам на это прошлое. Можно копнуть глубже! Глянуть на вопрос глобально! 1968-й знаменитый год, кроме того что отвратил иностранных студентов от научных занятий и подчинил нездоровым левым влияниям, ввел моду на секс. Настолько всерьез и надолго, что это было названо сексуальной революцией. Людям внезапно пришло в голову, что соитие не обязательно должно входить в ряд таких скучных вещей, как мытье посуды, обеды у тещи, бесплодные упражнения с пылесосом, покупка памперсов и прочая зануд; что можно просто так познакомиться с девушкой – и вперед, и даже не обещать ей жениться, а взять ее за попу ко взаимному удовольствию! Черт возьми, как я завидую тем иноземным революционерам! Какие восторги они вроде должны были испытать...

Идем дальше в прошлое. Возьмем 40-е годы XX века. Смело можно было сказать, что секса в Америке не существовало. Тоска наблюдалась и скука безмерная. То, что сейчас называется бесцветным словом «секс», тогда называлось страшным развратом, вас легко могли вывалить в перьях за то, чем вы теперь безнаказанно занимаетесь после субботних танцев где-нибудь в «Петровиче» с пьяным членом клуба, который косит под шестидесятника. Моду на секс – на том этапе – занесли вернувшиеся с войны GI's, которые научились разным штучкам и вообще широте взглядов в веселых борделях какого-нибудь Парижа. И очень вовремя – поскольку заведения были во Франции закрыты как раз в 45-м... Опоздай второй фронт на год, и Моника Левински так бы и состарилась канцелярской крысой! Поскольку именно те солдатики первые познакомили Соединенные Штаты с оральным сексом. Ну, не то чтоб буквально познакомили – но завели на это дело моду! Иными словами, из деяния неприличного и непонятного сделали популярное развлечение.

Но не обязательно же преклоняться перед Западом и вставать перед ним в неприличную позу подчинения. У нас полно своих прекрасных примеров. Когда Блок женился на дочке великого Менделеева, она вправе была ожидать неземных восторгов – после всех этих воспетых Прекрасных незнакомок, по горло полных эротической энергии. Но не тут-то было! Жених свою невесту даже пальцем не тронул. Она возмутилась, он вправе был ответить, что обещание держит. Пел про чистую неземную любовь – так вот она. А для прочего поэт ходил к проституткам. Это так, на заметку современным читательницам, которые, не подумавши, ностальгируют по временам рыцарей. От рыцарей легко можно было послушаться однообразных песен на плохую музыку, но самые смачные жизненные соки эти трубадуры отдавали хорошо еще если служанкам, а не пажам и оруженосцам. Естество свое берет. Так что и прекрасные дамы, отдав дань моде и позанимавшись платонической любовью, тайно предавались порокам с какими-нибудь кучерами-невежами, которые не читали модных журналов и за тенденциями не следили, и потому могли безоглядно предаваться радостям жизни... На какие ж лишения и ужасы обрекали себя тогдашние модницы!

Да бывает ли в таком деле мода? А то! Вспомните хотя бы свой детский сад. Редко у кого в те невинные годы были взрослые потребности, однако ж вдруг некий юный хам начинал заниматься «глупостями» с какой-нибудь жгучей брюнеткой из средней группы. И вот пожалуйста – всплеск моды! И вдруг весь детсад понимает, что это очень немодно – быть асексуальным. Начинаются презрительные взгляды, ревность, слезы, дуэли и прочие прелести и перегибы, свойственные экстремальной моде... Это что касается детсада; про школу я даже и не начну говорить, поскольку в этой теме вообще можно завязнуть по самые... ну, вам по пояс будет, как говорилось в бессмертном фильме.

В этой моде бывает не только смена генеральной линии – гордиться ли сексом или, считая его пороком, предаваться ему тайно (тут, кстати, еще надо разобраться, что лучше; возможно, хороша как раз эта амплитуда!), но и колебания вокруг деталей, тонкостей. Один фасон секса может быть более модным, чем какой-то другой! Я лично знаком с людьми, которые, на моих глазах проведя полночи в затейливом Doll's, напившись там абсента, закусив его суши, наобщавшись вдоволь с тонкими девицами *a la modelle* и подтвердив свою репутацию безупречных отмороженных модников, после делают прямо противоположное. А именно берут тайком сисястых простодушных хохлушек и принимаются теми обладать без всяких танцев вокруг чужого длинного и холодного шеста. Очень важно тут отметить, что и аксессуары этого секса иные. Тут вместо чешского абсента – простая водка, вместо суши из мороженой рыбы – контраст белого холодного, как бы совершенно девственного сала с горячим, с перцем, ярким борщом.

Я вам еще скажу, что тут в вопросе моды на секс самое страшное. Вот что: когда мужская мода не совпадает с женской по фазе. У одних в моду вошло, у других – вышло. Это ужасно: яблоко разрезается пополам, но две его половинки, вместо того чтоб ловко и мокро скользить друг по другу, насмерть засыхают порознь...

Жизнь на понту

Спроси кого, всякий ответит, что словечко «понты» пришло чисто из фени. Там понт на понту и понтом погоняет. Ну сам по себе «понт» – это в переводе с фени всего лишь «выгода». Но «понт гнать» или «бить» – уже ближе к вольному, незановскому значению слова: «набивать себе цену». «Понтить», «понтовать» – «важничать»... Все вроде так. Но с другой стороны – буквально – и в английском есть нечто страшно похожее. Их слово pontificate означает дословно то же самое, что наше «гнать понты». А происхождение слова простое: это от слова pontific, то бишь «папа»; человек, который гонит понты, как бы надувает щеки сильнее, чем папа при чтении собственной буллы, преувеличивает свою значимость. Папа, похоже, самый крутой понтырщик: я, говорит, непогрешим, и с этим все его дружки соглашаются...

Как говорил другой очень крупный понтогонщик – он, может, после папы на втором месте по замаху – старик Энди Уорхол, ныне покойный, «если вы хотите повесить в гостиной картину за 200 тысяч у.е., так развесьте на стене сразу уж бабки. И все сразу их увидят, и поймут, что вы хотели сказать». Это пример понта очень несложного, доходчивого, незатейливого. Как все, что создал Энди Уорхол, который, гоня понты, выдавал свои простенькие поделки за высокое и, что самое важное, дорогостоящее искусство.

Какие мы поступки совершаем, что делаем напоказ, а что для себя, – это ж не только от того зависит, хороши мы или плохи, но и от того, какая эпоха на дворе. Понты, сам их размах, направление и характер – это все может резко измениться по всей стране в считанные месяцы. Взять Березовского Бориса Абрамыча. (Кто знает, может, он достоин по своим понтам занять третье место в нашем рейтинге истинных художников понта.) Его однокашники мне рассказывали, что еще в студентах бывший олигарх всех уверял, что непременно возьмет Нобеля. А что – выше понтов для ученого ведь не бывает! Но как только в стране начался капитализм, ученый Березовский почувствовал перемену настроений, присмотрелся к новым ценностям – и заявил: «Я сделаю миллиард долларов». Это было в те годы, когда сто долларов считались приличной суммой; за них можно было легко получить пять лет. Несмотря на то что Борис Абрамыч у нас давно в списках самых серьезных миллионеров (журнал «Форбс»), миллиарда у него скорей всего нет. Ну и что? Кто его этим попрекнет? Зато у него, была претензия куда значительней: я, говорит, президентов в России ставлю, я же их и увольняю. Вот поставил этого, который сейчас, а к осени, пожалуй, сниму. Вот, смотрите, здесь она, осень, уже листья на деревьях давно пожелтели, слякоть началась... Но это тут так! А в Антибе у Бориса Абрамыча солнце вовсю светит и плещет вода курортной температуры... Под плеск волны он придумывает какую-нибудь новую яркую идею на еще более высоком уровне понтов. Мы привыкли к его понтам, и потому не спрашиваем с человека отчета.

Что за этим стоит? Поди знай... Но однажды мне случилось провести с Борисом Абрамычем длительную беседу. К моему удивлению, олигарх, на тот момент великий и могучий, не произвел на меня впечатление человека, который радуется жизни. При всех его ресурсах и возможностях! К чему тогда все эти виллы, пароходы, личные газеты и персональные телеканалы, и жены одна моложе и симпатичнее другой? Чтоб хоть посторонние думали, что человеку нравится его жизнь, что она ему в радость, потому что он взял себе самое лучшее и дорогостоящее в этом мире? Видно, так надо...

Тема всемирно-исторического значения понтов чрезвычайно важна. Понты дороже денег – эта формула описывает губительный процесс, когда жертвуют прагматизмом ради просто-таки дешевых понтов... Оглянемся на наше прошлое! Вот белые офицеры на юге выясняют отношения с казаками, которые свой Дон любят больше, чем всю прочую единую и неделимую. А в это время красные берут город за городом... Вот Добровольческая армия отказывается от немецких вагонов – как можно, они ж немецкие, – в которых можно добраться до

Москвы, взять ее и... (А Владимир Ильич немецким вагоном не побрезговал.) Деникин самовольно устремляется в сторону Москвы же, которую хочется взять именно ему, вместо того чтоб выполнять приказы верховного – Колчака. Светлым пятном – возможно, сверкающей лысиной – в истории наших понтов является Хрушев. Мы, говорит, ракеты делаем как сосиски! Ну чистые это были понты... Ракет тех было на самом деле раз-два и обчелся. Но американцы нас тогда сильно зауважали. Вот Михаил Сергеич. Сначала запрещал водку; он так приблизительно мог себе представить, сколько ж у нас и до чего увлеченно пьют. Но все ж таки замахнулся, поднял руку: он сказал, и вот пусть теперь 250 миллионов бросают пить... После широким жестом вывел из Европы войска. Взял и вывел, и все. Не требовать же от немцев или там литовцев прежде построить дубликаты казарм, и ангаров, и офицерских домов на новых местах! Нет...

Елкин Б.Н. был понтырик тот еще. Одно его «шта-а-!» чего стоит. Помпа, надутые щеки, да я вас в бараний рог одной рукой... Суверенитета берите сколько унесете... Народ меня любит, я точно знаю, и никуда от меня не денется... Загогулину власти выстрою любую по своему вкусу. Я вам преемника поставлю какого захочу! И будете его любить! Я сказал...

Теперешний наш начальник куда ближе к будничной простоте нашей жизни. Если б не Хаттаб с Бен Ладеном, он бы еще в троллейбусе поездил на наших глазах. Рублевку он перегораживает скорей всего не для показухи, а от греха подальше...

Мы ловим веяния времени и следуем им. Что теперь в моде, как себя ведут первые лица, на кого оглядываются, с кого копируют? Не то что мы присматриваемся и собираем информацию, нет – просто держим нос по ветру. У всякого общества, у всякого времени свои понты. Пределы наших понтов очерчены кем-то сверху, мы резвимся в их рамках. Пока что наш брат сплошь и рядом носит дорогие часы, ездит на подержанной иномарке, которая была страшно дорогой и престижной еще каких-нибудь десять лет назад, – и снимает квартиру с видом на поля аэрации или даже владеет двухкомнатной недвижимостью в самих Кузьминках. Этот наивный «Филип Патек», которым вы страшно дорожите и на который возлагаете такие надежды, такой одинокий среди прочих ваших недорогих аксессуаров, кому-то покажется смешным, жалким, неуместным. А вот и зря. Он, может, согревает вас в не лучшие ваши дни, он как бы обещает, что однажды все вокруг вас станет таким же первосортным и классным, как этот пижонский котел, он поднимает вам настроение, вы улыбаетесь и принимаетесь сыпать анекдотами. Люди посмотрят и решат, что вы в самом деле самодостаточный парень! Окружающие начнут думать, что не все так плохо! Что жизнь продолжается, и она стоит того, чтоб продолжаться и дальше. Эта наша ситуация соответствует приблизительно той, что была на Кавказе в позапрошлом веке: у нищих абреков бешмет был рваный и в сакле шаром покати, зато сбруя на лошади и оружие отделаны серебром...

А после, когда-нибудь, когда все пройдет и мы станем обществом скромных миллионеров, мы будем ходить по улицам в китайских кроссовках, часы у нас будут пластиковые, штампованные, употреблять в пищу мы примемся пиццу, пить будем местное пиво, ездить на компактном, правда, новом «фольксвагене». Мы будем с виду как самые обычные клерки ниже среднего звена, и никто не угадает, сколько миллионов у нас в швейцарских банках...

Да, такое, по-видимому, будет, и эта новая мода наступит в один прекрасный день. Вот когда она наступит, мы и кинемся ей следовать. А пока что не надо торопить события. Давайте гнать понты и радоваться жизни! Займите до полочки 200 долларов и проешьте с какой-нибудь симпатичной личностью в японском ресторане. Может, вы так быстрее накликаете удачу, а также счастье в труде и личной жизни. Возьмите жизнь на понт!

«Лексус»

– ... Не, завтра утром я не могу. Мне надо «лексус» забрать, – говорю я в телефон.

– «Лексус»?!

– Ну.

– Слушай, как интересно! А какой? Джип, наверно? А какая модель? Триста такая-то или триста этакая?

– Ну не знаю. «Лексус» какой-то. Больше ничего не знаю.

– Ты гонишь! Так не бывает!

– Честно! Да мне и без разницы.

И это была чистая правда. Я просто пользователь. Сел – завел – поехал. Приехал – бросил – и забыл думать. Средство передвижения! Не человек для машины. А машина для человека. Вот так.

Когда-то и в моей голове роились мысли о марках и иномарках, о кубиках и панелях, растаможках и ABSах. Но это все до встречи с идеальной машиной. Идеальной не в том смысле, про какой вы, автомобильные фанаты, подумали. А в другом: это чистая идея машины, доведенная до абсурда. Машина как таковая, как транспортное средство в чистом виде, абсолютно лишенная побочных наслоений (игрушка, престиж, борьба с личным комплексом неполноценности, капвложение, самопиар и проч.). Однажды, отдав автомобиль на сервис, я получил во временное пользование «пятерку» – имеется в виду вазовскую. Это был выдавший виды автомобиль с благородными следами ржавчины и с отломанным правым передним сиденьем; похоже, он появился на свет еще в эпоху исторического материализма... Я обошел эту убитую «пятерку», глядя на нее с великой печалью, – но надо было ехать. Я вздохнул – и таки поехал. И вот самый смешной итог того эксперимента: машинка вела себя безупречно все три дня, что мы с ней были вместе! Она исправно доставляла меня из пункта А в пункт В, а после и в С, и далее по алфавиту... В пункт М я вернулся усталый, но довольный... И поймал себя на мысли, что за все три дня ни разу не подумал об этой машине! Где ставить, как охранять, где доставать запчасти и проч. Наконец, кто и что обо мне подумает, когда я на ней эффектно подъеду. «Свобода», легкость, «безмятежность» – вот такие слова мне приходят на ум, когда я вспоминаю о той идеальной машине.

Однако вступление затянулось. Читатель уж заждался описания восторгов по поводу «лексуса». Ну, поехали...

Взял я, стало быть, машину, которая оказалась-таки джипом (в просторечном, непрофессиональном смысле этого слова), и погрузился в нее. «Великовата, зараза!» – с некоторым беспокойством подумал я. Типа – неужели это все мое? Сперва началась любовная игра – иначе это не назовешь. Не сразу ж педаль в пол! Нет. Долго я крутил зеркала джойстиком. Открывал и закрывал окна. Туда-сюда двигал и сиденье целиком, и спинку регулировал, и валик надувал для удобства поясницы... Дул в разные стороны обоими соплами кондиционера – точнее, климат-контроля. Осматривался по сторонам... Все такое серебристое, легкое, кнопки отовсюду торчат, датчики какие-то, циферблаты... Какое-то странное чувство, некое *djja vie*. Что такое? Откуда? И вдруг я понял, чем это навеяно: старинными японскими магнитофонами. Я будто сижу внутри богатого двухкассетника. Впечатление усиливалось музыкой, которая шла со всех сторон. Правда, это было всего лишь радио – в шестизарядный, как «кольт», CD-changer мне нечего было сунуть.

Наигравшись, я поехал с русского подворья «Тойоты». Движение на Щепкина одностороннее, однако ж охранник не пустил меня в нужную мне и единственно возможную сторону – где-то выше по течению стукнулись две машины и перегородили проезд. Пришлось повернуть

налево и ехать против всех правил. И вот в этот момент открылась главная особенность этой машины: ее – со мной внутри – молча пропускали, безропотно уступая дорогу. И при этом глядя на меня так, как неудачники смотрят на большого начальника. (Через неделю, когда ехал на «Ниве», одном из своих автомобилей, и беспечно подрезал самосвал, я вспомнил об этом переживании, об этом тонком ощущении с легкой ностальгической грустью...) Мне кажется, машина эта виделась встречным водителям досужей сисястой красавицей с расширенными зрачками, которая почему-то именно мне решила дать, хотя я и не просил. Но, заметим, отказать не смог.

И вот, значит, еду я по отвратным московским пробкам. Они, кстати, не так раздражают, если у человека новая машина, да к тому же с автоматической коробкой. И, не забудьте, с климат-контролем! Едешь себе потихоньку, свысока, в смысле с высоты, осматривая соседей по дороге... И тут мне пришла в голову великая мысль – как избавиться от пробок в Москве. Это можно одним росчерком пера сделать! Ну, точнее, двумя росчерками. Первый такой: запретить грузовикам ездить по городу иначе как в ночи. И второй: все эти склады, куда везут грузы со всех сторон, пусть будут открыты по ночам! А поймают несанкционированный самосвал днем на Садовом – и на штрафную стоянку его... Будут знать, сукины дети. А то пьют нашу кровь, негде на «лексусе» проехать...

Вторая особенность машины – из тех, что открылись сразу, была такая: все на нервах! Чуть кто приблизится сбоку, я уж ору: «Куда, сука, лезешь! Не ровен час, мне борт обдерешь!» После по утрам я посылал жену глянуть, стоит ли моя красавица под окном или уже того, тютю. Страха – впрочем, виртуального, машина ж, с одной стороны, не моя, а с другой, застрахована по полной – нагнал сосед. Он подождал, пока я припаркуюсь возле дома, а после подошел с мрачным видом и спросил:

– Не боишься, что угонят? – Я в ответ рассмеялся ему в лицо. Он, однако, продолжал: – Мою «четверку» помнишь?

А чего помнить, он в ней все выходные копается, чтоб она хоть как-то на плаву держалась. Без слез не глянешь.

– Так угнали ее вчера.

Кто ж, бедный, позарился? Оказалось – какой-то идиот из соседнего двора. Там она и нашлась назавтра.

Засыпал я в ту ночь в легком волнении, однако же спал спокойно.

На следующий день у меня было запланировано серьезное дело: презентация двух собственных книжек. Как раз на бывшей ВДНХ открылась книжная выставка. Поехал я туда... Мчусь по Ростокинскому валу, а там пробка, поскольку с промежутка между трамвайными путями убрали плиты и машины эту преграду брать боятся. Я сперва кинулся: думаю, вот тут-то мы и воспользуемся сверхпроходимостью, – но жена дернула меня за рукав:

– Пожалей машину, изверг!

Ну ладно, пожалел... Ради такого дня... Подъехал, паркуюсь, ловя на себе напряженные взгляды автомобилистов. В них читается такая мысль: «Где ж ты, гад, столько денег наворовал?» Поставил машину, оглядываюсь в поисках своего соавтора Альфреда Коха (мы с ним сочинили книжку «Ящик водки»). Вот он, подходит со словами:

– А я думаю: кто ж это на такой красивой серебристой машине едет? А это, оказывается, ты!

О как, понравилось человеку – при том что сам он ездит на «БМВ» какой-то там последней модели – здоровая такая, черная, на акулу похожа.

Ну пошли мы к стенду издательства, представили свою книжку общественности, подписали сколько-то там экземпляров, и тут от книголюбов поступает предложение обмыть это дело. Прямо на месте. Я уж было взял стакан в руку, но вдруг задался вопросом: «А во сколько

ж водителю такой машины встанет употребление за рулем?» Короче, воздержался я от алкоголя...

Выхожу, весь в такой задумчивости... Завожу... По расценности ручку вместо R ставлю на D – и чиркаю дном о какое-то препятствие. Грязно выругавшись, вылезая и иду смотреть, что ж там такое. Оказалось, передо мной лежал бетонный блок, на который я и наехал слегка защитой картера. Грязный, понимаешь, блок, с которым занимались сексом, как Клинтон с Моникой, – это я в смягченном виде воспроизвожу ход своих мыслей. Ощупываю эту защиту картера – цела, но как-то странно прогибается под пальцами такого мне никогда испытывать не приходилось. А дело все в том, что защита – пластмассовая! Из такого же материала, который шел на футляры для пишущих машинок... Гм. Вот уж не ожидал... И это все при пластиковых же обтекаемых бамперах! В общем, не зря по трамвайным путям не промчался на 100 в час – такая промелькнула мысль.

Но не все ж по Москве мотаться. Тут где ж разгонишься? Куда помчишься? К выходным я принял решение совершить автопробег в Калужскую область за грибами. В пятницу загрузил семью – и вперед! По короткому куску Киевской трассы от МКАДа почти до Внукова дорога была как на заказ для богатой быстрой иномарки: лети – не хочу. Как будто управляешь самолетом: все такое ровное, прямое и ни выбоины. Правда, признаюсь, что больше 140 я не давал. А эти 140 давались очень легко, как бы сами собой. Такое наблюдение. Додавливаешь педаль до пола, она идет постепенно и мягко, а ближе к полу она вдруг этак нервно дергается – и включает как бы такой форсаж. Ты срываешься, как застоявшийся конь, – и улетаешь. Только конь в такой ситуации, я тому был не раз свидетелем, в отличие от «лексуса» еще и громко пердит. Так вот с этой педалью, с этим легчайшим усилием, после которого включается форсаж, такое сравнение: будто ты нажал на точку G. Иными словами, никаких сомнений в том, что «лексус» женского рода, у меня не было.

И вот что еще заметно на трассе в отличие от Москвы, где так ли, этак ли ползти – разницы нет: лобовое стекло слишком уж круто скошено! Я то и дело цеплялся лбом за сложенный солнечный козырек. Ну чисто как в «восьмерке»! И зеркало бельмом стоит в правом глазу, что тоже как-то по-жигулевски... Справедливости ради надо сказать, что и в хорошем смысле было сходство с «восьмеркой»: машина, кажется, такая же легкая и маневренная! Даром что это здоровенный сарай! Как будто она такая же легкая! (После оказалось, что она очень ненамного тяжелей «Жигулей», – как это ни странно.)

Что еще во мне вызывало дискомфорт – легкий, правда, – так это плохой обзор в тех местах, где стоят задние треугольники, или как они там называются – это задние такие окошки. Они слишком маленькие – понятно, что для красоты. Да к тому ж и дверные стойки очень толстые и сильно скошены назад; короче, многое сделано для того, чтоб затруднить водителю обзор... Но опять-таки, если принять во внимание, что водители тебя боятся как огня, – сами будут шарахаться, чуть ты мигнешь поворотником.

Ну вот. Мчусь я, значит, по Киевскому. Представительский кусок трассы кончился, пошла простая русская дорога. Асфальт, конечно. Но такой чисто наш. И выбоины на нем, и заплатки, и кочки, и ребристость. В общем, все неровности были мои. Не скажу чтоб сильно трясло, такого не было. Но уверенность в том, что машина делалась под идеальные нерусские дороги, так появилась. Закралось также сомнение, что в отличие от «пежо» разработчики «лексуса» никогда не делали машин для Африки, с которой у нас немало общего.

Ну доехал я почти до места. До такого, где асфальт, пусть даже и плохонький, кончился и надо было преодолеть с полкилометра грунтовки. Вид она имела неважный: две глубокие колеи уходили в жидкую грязь и в ней терялись, нагоняя ужас – троса нет, трактор поди еще поймай, а что может выкинуть коробка-автомат на буксире, про это и думать неохота. Хотя мы ж на джипе! Как же я забыл! А так, что мягкость и дороговизна автомобиля совершенно отвлекли меня от мысли, что я на вездеходе. Но ведь я вспомнил про это и улыбнулся: вот

сейчас, сейчас я заблокирую дифференциал, включу пониженную передачу и смело ринусь в эту кошмарную грязь! Но не тут-то было: после пяти минут поисков я понял, что таких опций в данной модели нету. О как. Ну так не поворачивать же! Перекрестившись, я заехал в колею и по ней вплыл в болото... Машина вильнула вправо, потом влево – и как бы поплыла, не слушая руля. Но поплыла, если не считать незначительных виляний, в принципе прямо вперед. Что от нее и требовалось. В итоге я добрался до места назначения. Принял чистойшей деревенской самогонки, которую я привычно запивал сырыми яйцами – птичий грипп тогда еще не стал в один ряд со СПИДом, – и лег спать. Спал плохо. Сквозь сон я думал о том, где и как буду разыскивать в этих глухих местах мента, если вдруг что с машиной. Но, к счастью, никто на нее там не позарился.

...Назавтра с двумя ведрами грибов – я их погрузил в багажник, открывая и закрывая дверь специальным электромоторчиком, – мы возвращались в Москву. Трепет ушел, к машине возникла уже привычка, я шел 140 и обгонял всех без разбора. Приятно было, глядя на монитор бортового компьютера, осознавать, что средний расход бензина – всего 12 литров на 100 километров...

Еще через день в Москве я поехал было на «лексусе» на одну деловую встречу, где мне предстояло уломать людей на скидку. Тронулся – и тут же дал по тормозам: ну кто ж на этой машине ездит по таким вопросам? Эх! Пересел на «Ниву» – и поехал на ней в полном соответствии с поставленной задачей.

Вы спросите: ну и что ж ты чувствовал, пересевши с такой машины на этакую? Да ничего особенного. Едешь себе и едешь. Нету у нас тут германских автобанов, для которых надобна машина с разметкой шкалы спидометра аж до 240. Негде тут у нас до таких космических скоростей разгоняться. И это больно – водить практически болид, который негде разогнать. Но впечатление же можно с его помощью произвести!

А это вещь тоже в нашей жизни немаловажная...

«Груз-200»

Мне очень легко объяснять, чем хорош фильм «Груз-200».

Вовсе не потому, что я знаком с Алексеем Балабановым и нахожу его весьма интересным и симпатичным. Это не помешало мне вяло поругивать его «Жмурки» и сдержанно хвалить «Мне не больно».

С «Грузом» другое. Я фильмы смотрю не умом, не рассудком, а я не знаю уж там, потрохами, что ли, какими. И никакие рассуждения об открытиях и каком-нибудь вкладе во что-то возвышенное не могут меня избавить от засыпания перед экраном, или от ухода из кинозала, или – есть у меня и такая реакция – метания диска с балкона; у меня балкон в двух метрах от DVD-плеера. А от «Груза» я вот какое впечатление лелею: чувство, что я не кино смотрю, а подсматриваю за настоящей жизнью и страстно желаю узнать, что же дальше. Такое бывает с детьми, и такое впадение в детство мне дорого. Это, согласитесь, куда лучше кинокритической скуки и заумных формулировок, составленных из дутых терминов. Да, на «Грузе» я совершенно впал в детство, ну и в юность заодно. 1984-й год – это ж была роскошь. В смысле, это задним числом понимаешь, в художественном смысле. Я дежурил по газете, когда помер Черненко, и все такое прочее... Прекрасно помню самогонку, которую все пили, эту нищету советских квартир, дефицитную колбасу, которая висела в каких-то кладовках в ожидании 7 ноября.

С удовольствием я отследил лав стори, главную линию «Груза». Эта роскошная девчонка, цыганистая такая и задорная, ими набиты были тогдашние танцплощадки! Она смугленькая, покрашенная цыганской какой-то тушью, у нее одно на уме... Это новая звезда, говорю вам. Странный критерий был применен при кастинге. Мне Балабанов рассказал, что выбирали из тех, которые согласились всерьез раздеться и сверкать голым телом без стеснения.

Прекрасен этот парень – образ Советского Союза. Он и в соответствующей хоккейной фужайке, которую лоховатые кинокритики приняли за футболку и долго объясняли, что раньше таких не было. Это серьезный замах – человек как образ государства! Он замечательно наглый и безответственный, он пьет и не думает, к чему это может привести, он ездит, в конце концов, на «Жигулях»... Он соблазняет какими-то идиотскими наивными мечтами молодых интеллигентов, он уводит их черт знает куда, он объясняет, что работать вовсе не надо, когда вот он, Север, с несметными богатствами. Он забыл, зачем и куда ехал; одна девчонка, другая, не все ли равно, мой адрес не дом и не улица, презирая мешанский уют и все такое прочее, как нас учили.

Великолепно поданы менты. Вот откуда такая достоверность и убедительность? А это очень просто. Это не из пальца высосано, это глубокий личный опыт.

– Я сидел к клетке не раз, меня и били, и издевались. Многие там сидели, и очень многие хотели снять про то, как милиционеры издеваются над людьми. Это все – правда, так люди жили... – рассказывал мне Балабанов. И я в ответ удивлялся, что даже ста срок не написал про ментов, таких! При том что бывал в обезьянниках, кого ж не задерживали, да хоть за распитие в неположенных местах... Надо быть действительно художником, большим причем, чтоб из такого сора делать полотна...

Балабанова я люблю еще и за то, что он вопиюще некоммерческий художник. Он искренне равнодушен к деньгам, богатству, роскоши и прочему, к чему сегодня не считается стыдным тянуться. Вот Алексей ходил по «Кинотавру» в тельняшке, и кто-то мог в этом увидеть эпатаж, – ан нет. Он всегда так ходит. Я вам скажу, что у него одни ботинки. И две пары джинсов. Потому что ему неинтересно увлекаться дорогими тряпками. Несмотря на то что он снял не один весьма кассовый фильм. Не ставя задачи сорвать кассу! Он просто самовыража-

ется. Сколько у нас кругом любителей самовыражения, но часто получается скучно – наверно оттого, что сказать нечего. Балабанову – есть что.

Вот еще чем интересно его самовыражение: оно не яйцеголовое, не высоколбое. Балабанов находится на той стороне баррикад, где шоферы, слесари, колхозники, – а не там, где академики и кандидаты наук. При том что он потомственный кинематографист, его папаша был начальником на Свердловской киностудии...

Вот это имперское настроение, этот его восторг от былой советской мощи, эта эпическая печаль при показе гробов и десантников, улетающих в Афган! Это как раз достоверно показанное отношение к вопросу так называемых простых людей, которые не косили от армии в психбольницах, а шли служить, с готовностью и даже с радостью! Балабанов тут в одном ряду с многомиллионным зрителем, который служил и который, будучи страшно далеким от богемы, не стыдится слез по поводу крушения Союза. Я сам не разделяю этого пафоса, и я не советский, и не служил, и вообще про другое, – но глубина этих чужих чувств поражает меня, я вижу в этом пронзительное художественное произведение! Которое попало в точку и разит наповал...

Эта звериная серьезность отношения к кино. Он убежден, что после 50 снять хорошее кино нельзя, а абы какое ему не надо. Ему до этих 50 осталось два года, то есть он, как вы понимаете, в «Грузе» выкладывался по полной: а вдруг кино последнее?

Снимай, говорил я ему, еще и еще – вон Бертолуччи и Кубрик в глубокой старости делали по крепкому фильму. Которые Балабанов не смотрел и не собирается смотреть.

Имеет право.

Это мы должны то, должны другое, нам надо под читателя и собеседника подлаживаться... Он ничего не должен никому, не желает никого слушать и к чему бы то ни было приспособливаться.

Это, конечно, безумие для человека, работающего в такой взрослой индустрии, какой является кино. Но он реально не знает, сколько стоит снять фильм, что отбивается, какие бывают долги, как сражаться за прокат... Это счастье, что он думает только про свои художнические задачи. Бизнес-часть его кино лежит на его друге и продюсере Сельянове.

– Я его прошу, вот мне надо денег, он дает, – просто рассказывает про эти отношения Балабанов.

И мы в итоге получаем не гламурную поделку, склеенную ловкими холодными руками под голливудскую игрушку, но такую ленту, в которой достоверности, крови и пота больше, чем даже в настоящей жизни.

Блестящ этот черный, в мухах, труп десантника, который лежит с невестой в койке. Какой это добротный, настоящий, высококачественный ужас! Какими дешевыми против него кажутся попытки напугать нас компьютерными динозаврами или там сопливыми «чужими» из американской детской фантастики... Кто бы еще отважился держать труп так долго в кадре, со всеми его тошнотворными подробностями? Смотрите, сколько кругом в кино трупов, но они в кадре секунду-другую: вот грохнуло и кетчуп полился, и тело живописно падает. Не зря киноленты полнятся сотнями таких якобы смертей – чтоб хоть как-то зацепить. Но в трупах страшно не количество, не констатация факта; кино – это ж не ЗАГС, где выдают свидетельства о смерти. Самое страшное – это то, что происходит с трупом дальше, и он крайне зловещ и отвратен как раз в таком бесхозном, не спрятанном с глаз долой виде...

Я страшно завидую тем, кто будет смотреть этот фильм впервые. Ведь мне никогда больше не пережить этого цепляющего чувства, этой смены ощущений.

1. Да что ж он делает, с ума, что ли, сошел?!
2. Я ухожу, вот прям шас, с этой чернухи!
3. Нет-нет, стоп, еще чуть-чуть, я должен насытиться этим чувством.
4. Я не могу оторваться, и плевать, нравится мне это или нет.
5. Это мощное зрелище, вот это да!

6. Не дай Бог, скоро кончится, я хочу, чтоб это длилось и длилось.
7. Гениальное кино!

Русское брендиование

Первый серьезный бренд встретился мне в жизни при советской власти в шахтерском поселке шахты им. Бажанова, на окраине городка Макеевка. Это было много-много лет назад...

Не знаю уж, как попала в руки моему папаше бутылка виски White Horse. Вот откуда? Пытаюсь восстановить нить событий. Значит, папаша в те годы своей молодости был вполне эстет. И пижон. Он чуть не единственный на шахте пил коньяк, и на него смотрели косо. Типа, все – водку, а ты, значит, коньяк? Переплачивая вдвое? Но уж так. Пил он по-советски, то есть с ломтиками лимона, присыпанными сахаром. Мы, кстати, до сих пор так иногда пьем – это тень советскости, которая все еще лежит на окружающих предметах густым таким невидимым брендом...

Время от времени – я продолжаю реконструкцию событий – кто-то из знакомых или родни ехал в Москву толкаться там (то есть, пардон, тут) в магазинах. Я прекрасно помню те привезенные по заказу подарки. Это были конфеты «Грильяж», цветные карандаши, книги про Изумрудный город – здоровенные, яркие, отпечатанные на толстой богатой бумаге, с удивительным сладким и свежим аппетитным запахом, который вынюхивался, если вставить нос в книжный разлом. Ну и еще, конечно, привозили разную ерунду типа блузок, чулок и проч. Так вот я себе замечательно представляю, как папаша дает такому ходоку, курьеру, коммивояжеру полтинник и говорит: «Привези мне бутылку чего-то такого, чего я не пил, мощный какой-нибудь напиток привези, только крепкий, знаменитый. Ну там я не знаю... Ром, кальвадос, виски наконец...»

Вот оно, шестидесятничество. Вот вам тут и Ремарк, и Хем, и Фиц, и ваще все.

И, значит, привозят ему эту бутылку. Как сейчас ее помню... Не буду описывать, все видели.

Она долго стояла в секретере книжного шкафа, на почетном месте, где было собрано самое дорогое и экзотическое на тот момент в доме из мужских роскошных игрушек: книжки, авторучка с голой бабой, на которую, если перевернуть, напалзал черный чернильный купальник, выкидной самодельный ножичек с эбонитовыми щечками, деревянная коробка из-под кубинских сигар и прочее в таком духе. Мы с папашей вместе и порознь рассматривали эту бутылку. Виски не шутки! Я пытался пронюхать эту амброзию сквозь стекло и винт, но, понятно, зря. Я пытался представить себе вкус божественного напитка. Конечно, это никак не должно было соприкасаться с плодово-ягодным, с красным портвейном, с самогонкой, подкрашенной чаем... Последняя мысль была страшно кошунственной.

Никто не собирался так просто пить то виски. Ждали даты. Серьезной, достойной. И вот подступил День шахтера – круче ничего не бывает в жизни. В нашем доме собрались гости. Они были шумные, возбужденные, с цветами и при галстуках, с надушенными жеманными провинциальными дамами, которые делают историю из любой ерунды. Схвати такую за жопу разок, и вот тебе love story до самой пенсии, с письмами и рыданиями, при отсутствии хоть какой-то сексуальной техники. Папаша встречал всех в белой крахмальной рубашке, со значительным лицом: на столе стояла та самая бутылка. Ну, прочие тоже стояли, но не так торжественно; эта же делала настоящий праздник.

Наконец расселись... Взались за рюмки, водочные разумеется, какие ж еще, и в них полился тонкой желтоватой, как ссаки, струей волшебный, а какой же еще, напиток.

Все застыли, замолчали. Молча отхлебнули...

– Коля! Ты чё, охерел? Ты сам выжрал все виски, тайком от жены, от жадности, а нам налил крашеной самогонки? От которой нас давно тошнит? Ничего себе – «Белая лошадь»! Да это же вкус, знакомый с детства!

Был, короче, скандал. Кто орал на папашу, кто подозрительно посматривал на меня, пытливого пионера, победителя олимпиад по разным предметам... Типа ты и выжрал! Самое вкусное! А над лейблом цинично надругался, подсунил старшим товарищам жалкую подделку...

У всех остался неприятный осадок. Я и то не знал, за какую версию ухватиться. Я не исключал даже своего участия в афере. К примеру, я в порыве лунатизма ночью мастерски откупорил божественный напиток и, например, выжрал его – или перелил и перепрятал? А потом лег спать; проснувшись же, не вспомнил про содеянное и про тайник... Могло такое теоретически быть?

Прошли годы. Я вырос, возмужал, стал гнать самогонку в суровые горбачевские времена. Гнал я не просто так, не по бабушкиным рецептам – но как образованный химик, блестящий в прошлом отличник. Я уже напробовався к тому времени водок и виски, но ни на что такое не повелся и гнал для себя лучшее, что мог. Вкус, как говорится, знакомый с детства...

От самогонки можно очень гладко перейти к этой новой моде на отрывание лейблов – за ней скрываются глубокие вещи. Бренд – это сугубо местная, локальная, не глобальная ни в коем случае вещь! Привязываясь к брендам и таская их за собой, человек рискует оказаться в удивительно неуютной ситуации. Особенно если он душевно нечуткий. Он будет страдать и даже не поймет отчего. Это самое страшное, это достойно Хичкока... Вот пример, который мне в разговоре когда-то привел Тонино Гуэрра, великий киносценарист. Он рассказал, что в старые времена, приезжая в СССР, ташил с собой ящиками вино. Тут его было не достать, вообще никакого, а там он пил привычные навороченные бренды и не хотел менять привычек. Но ему было тут очень неуютно. И он, как человек тонкий, все распознал! И понял! Мучения его были оттого, что он пил вино. В России. Под русскую закуску. Стоило ему перейти с сухого на водку, все стало на свои места. Вернулась радость жизни и интерес к ней! После, вернувшись домой в Италию, он в ресторане в первый же вечер заказал водки... И она не пошла. Он выпил хорошего вина, и стало ему счастье. Вернулся, значит, к вину. Потом он снова поехал в Москву со своим вином и снова мучился, давился им – пока не выпил водки. Тогда-то он понял, что бренд, подобно табу, – явление сугубо местное, локальное. Надо это понимать...

Еще про виски. Уже мы много знаем про молты. И про то, в каких бочках, из-под чего, выдерживать благородные напитки.

И вот! В дорогом американском! Винном магазине! Я вижу на полке литровые банки с прозрачной жидкостью. И вручную написанной этикеткой. Типа, это самогон, только что выгнанный, выдержка – ноль лет, ноль месяцев. Как тонко! Это антииспользование антибренда... Самогонка, кстати, неплохая была.

А вот вам бренд самый высокий, самый виртуальный, самый духовный (в том смысле, что латинское и английское spirit и немецкое Geist – это не только дух, но и, как известно, спирт). Как вы все прекрасно знаете, во Франции и франкофонной Швейцарии положено пить ни в коем случае не фабричные, для лохов, дижестивы, но деревенские, семидесятиградусные самогонные. Их присылают серьезным людям родственники из сельской местности. Ну или друзья. И это считается шиком. А кто покупает в магазине... Горе тому! Это все равно что все в Levi's, а вы в болгарских техасах... Нехорошо.

В общем, все очень просто: чтоб развести публику на бренд, надо людей долго готовить, надо разогревать их и лелеять, втирать им и втюхивать с детства.

Иначе может выйти скандал, каких не увидишь даже в шахтерском поселке на День шахтера же.

Старинные часы еще...

В Рождество, как нам стало известно на старости лет, должны случаться чудеса; в старые времена мы думали, что бывает только Новый год с салатом, и все.

Чудеса бывают разные, из всяких областей жизни.

Вот хоть так.

Мы сидели за обедом с солидным чиновником, который так давно поступил в некое ведомство, что над ним тогда смеялись: эх ты, канцелярская крыса! Однако ж настало время, когда такие, как он, стали самыми завидными женихами. И вот этот седой жених снимает с руки часы и протягивает мне; часы – вещь очень важная в мужской жизни, это нечто типа ярких павлиньих хвостов или же футляров, в которых иные дикари носят свои пиписки. Хорош ли павлин в койке, длинен ли на самом деле прибор у дикаря – не суть важно. Все решают перья, размер (футляра) и марка часов.

Ну вот. Смотрю я на часы. Такой себе простенький Patek Philip.

– Зачем показываешь?

– А затем... Что я купил его лет 10 назад в Китае за 20 долларов. Вот – жду, когда ж он остановится. Но хоть бы что!

– Гм... А с виду как настоящий.

– Еще бы! Я его пропустил даже через Вову Жечкова. Он купился! Он не распознал подделку!

– Потрясающе... Ну если уж сам Вова Жечков...

Кто не в курсе, Вова, он же певец по кличке Белый Орел, – это красавец и самый душевный собутыльник Москвы и Московской области, коллекционер дорогих часов и ярких впечатлений, азартный игрок что твой Денис Давыдов. Он ходит в перламутровых концертных пиджаках (5 тысяч долларов), в пальто из викунии (15 тысяч евро) и туфлях по 2500, дороже просто не нашлось, которые кажутся ему унижительно дешевыми, так что он всем говорит, что купил за четыре. В часах он разбирается досконально. Он так за ними следит, что, едучи в казино, не забывает снять дорогой турбийон и спрятать его в сейф и надеть какую-нибудь дешевку тыщ за 20 – как бы пьян ни был.

– Ладно, – говорю, – я готов выкупить у тебя этот котел за 50 долларов. Ты получишь бешеную прибыль! Сто пятьдесят процентов.

– Не смей меня. Видишь, тут чудо, дешевой игрушке поклоняются как Джоконде.

Чиновник пришел в философское расположение духа, мы же начали уже вторую бутылку. Ему нравилось быть тонким и чувствительным, это ж не Кремль, где надо быть хитрым, и опасным, и безжалостным. Он даже принялся разыгрывать тему восхваления русских природных богатств:

– Так и с девушками... Они могут быть неприступными и дорогими, не поднимешь. А бывают же такие с виду вроде простые, без лейблов и этикеток, – а в душе невероятно внутренне богатые! И надежные. И крепкие. И верные. – Он с любовью смотрел на свой левый паленый котел, который прекрасно нес свою службу и исправно тикал. Чиновник, выходя с работы, кидал взгляд вверх и сверял свой китайский механизм с державными стрелками на Спасской башне, и они его так ни разу и не подвели.

Это ли не чудо?

– А мы все гоняемся за ерундой; так и думаем, как бы распустить перья друг перед другом. Эх!

Кремлевским, стало быть, ничего человеческого не чуждо.

Мы выпили еще по одной, закусили солеными опятами и задумались каждый о своем...

Друзья! Посмотрите свежим глазом на свои загулы, особенно праздничные. Стоит ли кидаться денежными пачками, когда вокруг стоят девчонки в сторонке, платочки в руках теребят. Вперед, к красоте и правде жизни! Долой коммерцию и понты из высоких человеческих отношений! Конечно, можно полететь на Лазурку с модной телеведущей и там устроить полный экстрим. Вам долго придется доказывать себе и другим, что часы за 20 тысяч долларов идут в тысячу раз точнее, чем те, что за 20 долларов. Кто-то этому даже поверит.

Кроме нас, мудрых ребят.

La plus belle fille ne peut donner plus qu'elle a. Циничные бывалые французы (а вслед за ними и испанцы, у которых своя версия поговорки «Даже самая красивая девушка Андалусии не может дать больше, чем она имеет») пытаются объяснить это нам, простодушным и наивным скифам, молодому этносу, который фактически подросток. Он, скиф, верит еще в красивые истории, в мишуру, в блески, в розовые слюни, в ценники и обещание роскошных скидок... В то, что яркая упаковочная фольга может сделать человека счастливым. Так маленькие девочки искренне верят, что красивыми их делает новое платье. Да и большие, кстати, тоже верят.

Но жизнь куда проще...

Часть 3. ПУТЕШЕСТВИЯ

Байкал – Russian океан

Люди делятся на две неравные части: одни были на Байкале, а другие – почему-то нет.

Первые понимают, что идут по жизни более или менее осмысленно, вторые мучаются от проклятого вопроса: почему мы живем так глупо, отчего не делаем то, что надо, чего хочется? Почему не едем в прекрасные края, а все топчемся в двадцатый раз по туристским коммерческим пяточкам парижей и нью-йорков? Зачем палим жизнь, пуская кому-то пыль в глаза? Лично я после Байкала заметно успокоился. Поскольку понял, что зарулил наконец, в кои-то веки, в правильную сторону. Я там как будто прошел какой-то обряд, я как бы допущен теперь к каким-то важным смыслам России, я теперь, не побоюсь этого слова, посвященный. Трудно точнее передать словами эти полувыващенные из подсознания файлы без названия, можно только косноязычно пытаться описать чувство облегчения: вот камень свалился, и стало легче. Я бы даже совсем жестко сформулировал: «Не был на Байкале? А что ж ты врешь тогда, что русский? Инострань ты и больше никто! Черт нерусский!»

Я был там... И это теперь одно из самых мощных впечатлений, которые насобирались за жизнь: лето, высокое синее небо с редкими облачками, тепло, штиль, ни ветерка, я плыву по озерной воде, один, и прихлебываю прямо из Байкала прозрачную чистейшую воду, удивительно вкусную, куда там тому эвиану...

Введение в красоты

Я много раз пролетал где-то над Байкалом; я начал лет 30 назад путешествовать на восток: БАМ, Сахалин, Владивосток, Магадан, Сеул, Токио, Гонконг какой-нибудь... И каждый раз на полпути, в середине полета, меня начинала тихо грызть какая-то мутноватая вина и тоска: отчего ж я не делаю остановку, отчего я так легкомысленно и равнодушно пролетаю над Байкалом? Не было ответа. И вот наконец летом 2005 года мы с товарищами прилетели в Иркутск самолетом, добрались до озерного берега и там сели на кораблик «Николай Ярошенко», старый, но вполне бодрый и весьма удобный, – лучший на тот момент был только у губернатора, он на нем катал Ельцина. Я смотрел на водную гладь нервно, я пытался не пропустить важных каких-то чувств, я искал оправдания своему былому преступному равнодушию к Байкалу, – и вдруг вся картина возвышенных переживаний смазалась: я увидел в стороне веселую компанию с рюкзаками, это были молодые ребята с девчонками, они что-то кричали, глядя на озеро, молодцы, вот счастье! Понятно, что они вот с этими рюкзаками ехали в общем вагоне от Москвы, теперь вот будут идти пешком по берегу, жечь костры, возьмут лодку, наловят рыбы, выпьют и начнут красиво приставать к своим чудесным подругам... Я прислушался к крикам повнимательней – и понял, что орут ребята на польском. М-да... Это, конечно, резануло. Я потом встречал там похожие команды немцев, чехов, еще кого-то. А мы-то, мы-то! Что ж мы-то? Ладно, спокойно, тут все свои... Хотите обижайтесь, хотите нет, но я вот вам еще что скажу про восточных европейцев. Некто Януш Бохенк, почему-то поляк, а не, к примеру, великорусский шовинист, обошел весь Байкал пешком по периметру. За 63 дня, с 3 февраля по 6 апреля 2000 года, он проделал путь длиной 1651 километр. А другие иностранцы, бывшие соседи по лагерю, чехи Новак и Векуловски, установили свой рекорд: переплыли Байкал. За 7 часов 27 минут. За это время они преодолели расстояние в 21 километр – от мыса Столбы до мыса Телеграфный, в самом узком месте, но это уже не важно. За время их заплыва темпера-

тура воды болталась в неудобном промежутке от 9 до 12 градусов. Рекорд этот был поставлен 15 августа 1990 года. Кстати уж приведу попутную статистику: при температуре воды плюс 9 смерть у обычных людей, погруженных в эту воду, наступает не раньше чем через 5 минут – но не позже, чем через 40 после погружения в нее.

Помню, плывем мы, значит, на кораблике по священному морю, я уже выпил и лирически, даже сентиментально смотрю по сторонам. Все серо-голубое кругом, такое дикое серое безмолвие. Красота сочетания стихий: вода, небо, земля. И вдобавок к этому – горбатые островки, покрытые сосновыми лесками. Дымка делает пейзаж совсем дорогим – палевым, матовым, пастельным. Вода как свинцовая. Но вполне теплая! Местные распространяют слух, что у них летом в озере не бывает теплей 10 градусов. Многие верят и даже не лезут в воду. И то сказать – меньше народу, больше кислороду... Кто не верит и таки залезает в воду, а там плюс 20, тем объясняют, что такое бывает раз в 100 лет, в виде исключения, когда по какой-нибудь причине подолгу не случается штормов.

Плывем дальше... Редкие огоньки в черноте берега. Два огонька мелькнули парой – а следующие вдали только. Отчего эти красоты заброшены в такую даль от цивилизации? Байкальские высокие резные берега с соснами по красоте не хуже Эгейских островов, или Сардинии, или Капри – у кого что выскакивает из памяти. Все такое же прекрасное, только почему-то очень далеко. Может, это какой-то последний резерв, неприкосновенный запас, так вдали он только и имеет шанс уцелеть? Вон Путин отвел от Байкала нефтепровод, видите...

К счастью, однажды на Байкале я попал в грозу. Счастье – оттого что это было экзотическое непривычное зрелище! Молнии там не бледные европейские, угловатые, но густые, жирные, красные, с округлыми извилинами. Вообще тут все такое нерусское, не подмосковное, но чужое, далекое, экстремальное. Как будто это другая страна или даже другая планета. И то сказать, эти земли не так давно захвачены Россией. Они отняты у тех же бурятов, которые могли б в принципе быть великой державой, если б Россия сосредоточила усилия на своих старых землях и из десятка областей вокруг Москвы и Питера построила цветущую богатую европейскую страну. А далекие богатые земли, отделившись в свое время от России, стали б новой страной, сильной и дикой, молодой, любопытной – что называется, развивающейся. Уж мы видели на чужих примерах, что не объять необъятного – Испания с Англией нам это доказали, а еще пуще того Португалия. Они кинулись в свое время захватывать новые земли – и ослабли, метрополии угасли и утратили былое величие, вот только что дожили до старости, тихой и сытой. А новые земли ушли на волю и поднялись самостийно и незалежно, но после, когда кончились смуты и улеглись страсти, они вспомнили про родство со старыми землями и поддерживают теперь теплые отношения. У нас же первопроходцы преодолевали не моря, но куски континента. И ситуации и чувства невозвратности по этой простой причине не возникло. Так иногда люди разводятся, но продолжают жить в одной квартире...

Ну и рыба, куда без нее. Она там везде продается, в разных видах, – омуль, хариус, сиг и прочее в таком духе. Трудно ожидать там от местных, чтоб они соблюдали правила рыболовства, в диких-то краях. Кругом браконьеры! Когда плывешь на пароходе, с берега иногда летят сигнальные ракеты: они показывают, с какой стороны нам лучше обойти сети, чтоб не порвать. Наш капитан деликатно огибал браконьерские уголья... А как-то нам сигнала не подали и мы в буквальном смысле намотали на винт браконьерскую сеть. И потом матросы ее снимали, ругаясь, с винтов. Которые тоже, кстати, используются при ловле рыбы. Пароход ставится носом к берегу, на банке, и винты крутятся в разные стороны. Со дна поднимается ил, а вместе с ним и корм, и хариус кидается на голые даже крючки. Благодать! Вот туристы разве что и ловят на удочки там... Ловили мы и сами, испытывая легкий трепет и получая гомеопатический, но все же приятный адреналин. Рыбу тут же коптили, но я как-то больше ожидал от парного такого свежайшего копчения... Другое дело рыба сырая, то, что во внешнем мире называется сашими, а у нас – сабудай или собудай, я знаю слово только на слух. Вместо васаби и соевого

соуса в простом русском быту идет черный молотый перец и соль. А можно и луку порезать. На Байкале сабудай (пусть будет с «а» в начале, в этом есть какая-то дикая беспорядочность, а то «о» – как-то слишком по-школьному, по-правильному) приготавливается, если так можно сказать, из мелко порубленной рыбы, как рубится фарш для мантов. А где-нибудь на Оби, в Туруханском крае, свежепойманная рыба просто рубится ломтями, солится и перчится и тут же идет на закуску к алкоголю, без которого какая ж рыбалка. Употребляя в пищу сашими, я всегда вспоминаю чужой чей-то рекламный слоган: «вкус, знакомый с детства». На Оби я рыбачил при глубокой еще советской власти, и для меня сабудай первичен, а сашими – это вроде как чья-то позднейшая плагиаторская выдумка... Как сейчас помню, первый сабудай в моей жизни был из стерляди. Которой вам ни в каком японском ресторане не подадут, слава Богу.

То же касается и вкуса саке, который опять-таки знаком с детства: это не что иное, как слабая фракция самогона, уже обильно сдобренная сивушными маслами, – она капает из зме-евика, когда первач уж давно отошел. Всякий раз, как я пью саке вспоминаю выпускной бал в нашей 93-й школе города Макеевки и самогон, которым мы отмечали торжество... И – закольцовывая тему – сабудай, которым закусывал на священном море.

История

Байкал – вроде одно из самых русских слов: славное-де море, священный (!) и все такое прочее. Но вот ведь странно: всерьез о русском происхождении слова никто не говорит. Связывают его то с тюркоязычными якутами (на языке которых «Байкель» означает «богатое озеро», см.: «Иссык-Куль – теплое озеро», «Кара-Куль – черное озеро»), которых, говорят, отсюда прогнали буряты, то с бурятами и моноголами, для которых «Байгал» – значит «природный», «естественный», «натуральный», «существующий».

Первое упоминание о великом озере относится к 119 году до нашей эры: в китайском документе, сохранившемся до наших дней, Байкал назван словом «Пехай», которое можно прочесть и как «Бейхай» («Северное море», в переводе с китайского). Речь идет о записке Суй Гао Фаня о тюрках Сибири, которые были китайскими вассалами аж до самого Байкала.

Из европейцев первым упоминает о Байкале знаменитый путешественник XIII в. Марко Поло.

Из русских бумаг первая содержит строчку про Байкал: «Роспись имянная рекам и новым землицам и князю, с которых государев ясак збирается в Енисейской острог» (1630).

А вообще тут жили когда-то – в бронзовом веке – скифы, от которых остались знаменитые «летающие олени»; правда, не те знаменитые золотые, но высеченные в камне. Скифов прогнали отсюда гунны, тоже боевой народ. Далее земли захватили кочевники сяньби, прямые предки монголов, которые когда-то были под гуннами, а потом восстали, – тоже мне сепаратисты, бя.

Далее Забайкалье вошло в состав государства Чингисхана и его наследников. В тех краях разрыто немало захоронений монгольских аристократов, а в них – золотые нагрудные пластины с профилями соколов и волчьих голов; это армейские жетоны. Где-то в этих краях были родовые кочевья Темучина – Чингисхана, здесь кочевали меркиты, с которыми у главного монгольского гаранта были серьезные разборки. После окрестности Байкала стали окраиной китайско-монгольской империи Юань. Потом тут в силу вошли буряты, которые то и дело восставали против монголов, и их соседи тунгусы. Забавно, что бурятов называли «братские люди». Иногда даже «братские». Кукла Братц, знаете такую? Опять у нас идею украли.

Жили-жили тут коренные азиаты, и только в XVII веке до Байкала добрались русские (а я вам все про русский патриотизм толкую, при том что русские на Байкал «понаехали»; да, есть нестыковочка, пардон). В 1643 году на озеро вышел выступивший из Верхоленского

острога отряд стрелецкого головы Курбата Иванова – «26 служилых, 48 промышленных и гулящих людей, имея проводником тунгусского князца Можеула». Встреченные буряты стали «миритца», то есть сопротивления не оказали и согласились платить ясак, и потому люди Курбата «тех братских людей не воевали». Буряты стали подданными русской короны. Этот Курбат закрепил за озером привычное название; заменил бурятское «г» на русское «к» – думаю из-за фрикативности казачьего «г», при котором название звучало бы не то «Байгал», не то «Байхал», не то «Байал», – чтоб не было разночтений.

Видите, здесь простодушно, без оглядок на политкорректность, излагается схема колонизации. Приехали белые, как их ни назови: казаки, первопроходцы, братва, – а смысл один: они сделали туземцам предложение, от которого те не смогли отказаться. (Или вы нам платите, или мы вас мочим.) Курбат Иванов действовал по простой логике: добрым словом и пистолетом можно добиться больше, чем одним только добрым словом. Теперь мы говорим о добровольном вхождении бурятов в состав России – и даже не без некоторых на то оснований.

Ну а дальше пошло-поехало. Первое литературное описание Байкала дал в своей знаменитой книге протопоп Аввакум – он переплыл озеро возвращаясь из ссылки в 1662 года:

...Лодку починя и парус скропав, через море пошли. Погода окинула на море, и мы гребмя перегреблись: не больно в том месте широко, – или со сто, или осьмьдесят верст. Егда к берегу пристали, восстала буря ветреная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки – двадцать тысяч верст и большпи волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, – все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, – большпи романовского луковицы и слаток зело. Там же растут и конопли богорасленныя, а во дворах травы красны и пветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, – по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерледи и омули и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы велики в нем: во океане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем...

Готов подписаться под каждым словом Аввакума – за исключением нерп и зайцев, которые мне там на глаза не попались.

Путешествуя по байкальским местам, можно ностальгически посетить поселок с названием Большие Коты, что перед горой Скрипер, в Сенной пади. Там заброшенный золотой прииск купца Патушинского, – ну, помните, «по диким степям Забайкалья, где золото роют в горах», и вот в этих степях с горами роют драгметалл с 1842 года.

До революции на дикие берега Байкала ссылали политических, таких как декабристы Кюхельбекер, Бестужевы, участники польского восстания 1863 года Черский, Дыбовский, Годлевский и многие другие. Если смотреть шире, не только на байкальские берега, а на всю иркутскую губернию, то тут жили на химии еще и Бестужев, Трубецкой, Волконский, Лунин, Раевский, оба Муравьева, Панов, Одоевский. А позже пожил в ссылке и такие заслуженные пассажиры как Молотов, Фрунзе, Куйбышев, Орджоникидзе, Держинский и сам Сталин. Почему их там не приморили? Ведь все было просто... Проклятый царизм проиграл войну с международным терроризмом самым жалким образом, он играл просто в поддавки. До сих пор расхлебываем. Самое жесткое указание, которое сумел на этот счет дать Николай II, было мягкое и идиотское: «Теперь же приступить к необходимым устройствам на о. Ольхоне, совершенно освободив остальные местности Сибири от поселения преступного элемента». Бредовая идея, на каких и стоят часто русские национальные проекты. Планировалось поставить на байкальском острове 16 тюрем и в каждую посадить по 8000 человек. Идею похоронили из-за дороговизны: зэк на острове обходился казне вдвое дороже, чем в обычном материковом

остроге. А нефть тогда еще была, считай, дармовая, так что вместо эков край стали заселять вольные.

Смешно, что вслед за протопопом Аввакумом, декабристами и большевиками эковскую эстафету подхватили японские военнопленные, которые тут валили лес, строили железную дорогу Тайшет – Братск и впервые в истории Иркутска заасфальтировали там улицу – им. Карла Маркса. Они же пустили первый в городе трамвай... Как грамотно чекисты использовали японский талант к внедрению новых технологий! И очень рачительно: аж до самого, заметим, 1956 года. Дальше уж никак нельзя было, достала международная общественность. Не то был бы у нас от Байкала до Тихого океана цветущий край вместо дикой таежной пустыни, как сейчас.

Однако мы отвлеклись, вернемся все-таки к нашим баранам.

За казаками-землепроходцами, которые прибыли сюда добровольно (при том что иные в таких случаях шли в рискованные рейды, чтоб спастись от верной виселицы на старых, исконно русских землях, по той же схеме, по которой в конце XX века хулиганы спешили записаться в Советскую армию), на байкальские берега стали ссылать старообрядцев (их еще называли «семейскими»), а дальше – с конца XIX века – сюда потянулись крестьяне-переселенцы. Ну, староверы и переселенцы ехали со своими самоварами, а вот казаки и прочие авантюристы скучали без женского внимания. В похожей ситуации британским каторжникам, сосланным в дикую Австралию, отправляли набитые белыми проститутками парусники (эту схему я бы назвал «Анти-Ассоль»), и на новом континенте создавались новые счастливые семьи. Как писал Маяковский – правда, по несколько иному поводу, – «где блядь с хулиганом и сифилис». Примечательно, что английским бандитам и в голову не приходило жениться на аборигенках, которых было полно! Русские же, вот поди ж ты, легко на бурятках женились. Причем настолько массово, что от таких браков даже возникла новая этническая группа – карымы. Вот что за этим стоит? Широта русской натуры, общечеловеческие ценности, которые выше бытового расизма? Благородное осознание того, что нет ни эллина, ни иудея? Цинизм – типа, баба, она и есть баба? Наплевательское отношение русских чиновников к судьбе маленького человека: еще чего, блядей ему слать за тридевять земель да на казенные деньги – обойдется как-нибудь? (Из этой же оперы и тема солдатских борделей, которые есть в самых разных армиях мира, кроме русской. А зачем солдатику баба, пусть вон молодого бойца оприходуется, так оно куда нравственней.) Поди знай... Но уж так случилось. Британцы ни в Австралии, ни в Америке, ни в Индии не наплодили сколько-нибудь заметного слоя полукровок. А мы это сделали. Ну пусть даже и не от хорошей жизни, но ведь сделали же. Я часто думаю про наших вроде русаков, но с сильно выраженной узкоглазостью и скуластостью, – это вам не расистские Кен с Барби, у которых безусловно европеоидные лица. Перед моим мысленным взором проходят лица таких людей: Шукшин (который в этих местах снялся в фильме «У озера»), Пелевин, Достоевский, Толстой (Лев), Сельянов, Распутин (Валентин, кстати, как раз из этих мест – похоже, чистейший карым!). Вы сами, пораскинув мозгами, сможете продолжить этот список и пополнить его не только ньюсмейкерами, но и просто вашими знакомыми... Эти люди, евразийцы по крови, дали миру некий особый взгляд на человека, а нам, лишенным такого азиатского допинга в крови, оставили какое-то смутное беспокойство, опасение, что мы легко можем прозевать что-то важное, на нашем hard disc нету этой особой программки, которая конвертирует Азию в Европу и обратно, делает этот переход незаметным и естественным, каким он, по-хорошему, и должен быть... В итоге мы вольно или невольно сделали прорыв, опередили время, – вот только сейчас Анжелина Джоли или кто там из голливудских звезд додумалась усыновлять азиатских детей... А мы их не то что усыновляли, мы их даже плодили. Не считаясь с затратами личного времени.

Насчет сексапильности буряток. Про себя я помолчу – кто я такой, что за авторитет? А вот на Антона Палыча сошлюсь охотно. У него в знаменитом лирическом тесте «Дом с мезони-

ном» есть такой пассаж: «Помнится, когда я ехал по берегу Байкала, мне встретила девушка-бурятка в рубахе и в штанах из синей дабы, верхом на лошади; я спросил ее, не продаст ли она мне свою трубку, и, пока мы говорили, она с презрением смотрела на мое европейское лицо и на мою шляпу, и в одну минуту ей надоело говорить со мной, она гикнула и поскакала прочь». О чем эти строки? О том, что чахоточный Чехов хотел сдуру купить себе курительную трубку бросового качества? Или о том, что он был большим любителем сексуального этнического туризма и отметился по японским, например, дамам, цейлонским и много еще каким, и бурятки его тоже волновали, одну, мы видим, он клеил всерьез, но она посмотрела, как у него слюни от нее капали, и заскучала – зачем ей этот сорокалетний старик? Дура редкостная, такой шанс упустила! К ней бы потом пионеров водили.

Так вот если тонкому дымчатому Чехову бурятки были хороши, то что говорить про толстокожую братву, которая шла с казаками или даже скорей всего ими и была?

Образцы бурятской речи
Здравствуйте – сайн байна.
Да – зай.
Нет – угы.
Кто это? – Эне хэн бэ.
Извините меня – намайе хулисыт.
Спасибо – хайн даа.

Вода

Про Байкал тот же Чехов писал: «вода прозрачна необыкновенно, так что видно сквозь нее как сквозь воздух». Специально замеряли, бросая серебряную монетку: видно на 40 метров в глубину. А на Иссук-Куле, к примеру, на 20. Это все оттого, что в байкальской воде минералов растворено раза в четыре меньше (около 100 миллиграммов на литр), чем в «обычных» озерах, а кислорода – много.

Чтоб вы знали, за 25 миллионов лет существования озера в Байкале собралось 23 тысячи кубометров воды. Такой же примерно объем содержится во всех вместе взятых пяти Великих озерах Северной Америки (Верхнее, Мичиган, Гурон, Эри, Онтарио). Байкал содержит около одной пятой мировых запасов поверхностных вод (исключая ледники, снежники, льды Антарктиды, Гренландии и другие так называемые резерваты, где вода в твердом состоянии), или же более четырех пятых запасов поверхностных пресных вод в нашей стране.

В связи с темой Байкала очень красиво звучит мысль о том, что будущие мировые войны будут вестись не из-за золота или там нефти, а исключительно из-за питьевой воды.

А вот для справки такая цитата: «Если бы река Ангара текла непрерывно с постоянными расходами воды, то потребовалось бы более 400 лет для того, чтобы через нее вытекло все количество воды, находящееся в Байкале, при условии, что в Байкал не поступало бы в течение этого времени никаких водных масс».

Вот еще более смешная статистика: из того расчета, что в сутки человеку надо пять литров питьевой воды, все население Земли могло бы прожить на одном только байкальском запасе 4 тысячи лет.

Видите, есть у нас запасец на черный день... Еще попросят! А мы им предъявим тогда и расширение НАТО, и что без виз нас к себе не пускали, и дипломы наши не признавали, и Сербию бомбили, и что Ленина к нам подослали в опломбированном вагоне, и интервенцию провалили позорно, и со вторым фронтом тянули. Они тогда за все ответят.

После чего мы им нальем, так и быть.

Ольхон

Ольхон – главный остров всего Байкала. Длина его, если кому интересно, немногим меньше 72 километра, ширина – 15 километров. «Ольхон» по-бурятски – «лысый», или «голый», в смысле малолесистый. Пропустить этот остров в путешествии по Байкалу по меньшей мере преступно...

Множество иностранцев гуляют по Ольхону. Понятно, они уж повидали пятизвездные отели разных континентов и истоптали немало дорогих ботинок по тесным улочкам средневековых городков... Но им – пожалуйста, дорога эта вот наша русская экзотика, когда кругом дикая нетронутая природа и не проведено даже электричество, и вот в такой природной первозданной дикости живут не черные людоеды какие-нибудь, но вполне белые (тут я сбился на неправду, нечаянно, подсознательно, умом прекрасно понимая, что живут там главным образом буряты, желтая раса, монголоиды; но не у меня одного такое искаженное восприятие вопроса, подавляющее большинство русских «забывают», что Сибирь отнята у аборигенов-монголоидов, великороссы в глубине души полагают, что вся территория РФ до Тихого океана – исконные наши земли. Так белые граждане США официально считают, что открыли Америку), казалось бы, люди... Которые, вообще говоря, летали в космос и были даже, говорят, сверхдержавой когда-то. Думаю, из них многих и влечет к нам вот это желание – увидеть красоту загнивания и гибели некогда великой империи... Может, они детям рассказывают: смотрите, вот погонитесь за амбициями на понтах, так света в доме не будет и с голой жопой будете ходить. Трезво надо, дети, оценивать свои силы и возможности.

Что касается электричества, то его на остров провели в день нашего приезда – 1 августа 2005 года. А то ж там был дизель-генератор, который включали на пару часов утром и на пару же – вечером. Самым шиком считалось завести персональный дизель во дворе своей избы...

Столица острова – поселок Хужин. Он состоит из небогатых деревянных домиков и сельских улочек. Центр культурной жизни этого населенного пункта – краеведческий музей. Там главный экспонат – мотоцикл, на котором учредитель и основатель музея Ревякин, учитель географии, зимой провалился под лед, но спасся. А весной достали мотоцикл. И что вы думаете? Просушили, протерли, завели – и поехали! Такая в Байкале вода, солей мало. Да и температура не располагает к быстрым химическим реакциям...

Еще мне запомнилось фото на стене, там был некий угрюмый парень с многообещающими глазами, он в 30-е резал на Ольхоне «единоличников», работающих людей, которые, так сказать, вкалывали в поте лица. Но, несмотря на такую вот активность победивших сатанистов, русские не исчезли с лица земли, и буряты не исчезли! Хотя и в довольно-таки жалком состоянии, они живы и как-то пытаются устроиться.

«Если бы у нас был такой остров, мы приехали б на него 10 тысяч раз, чтобы отдохнуть и побывать в музее. Туристы из ГДР» – такую надпись нашел я в книге почетных посетителей музея.

Но не всегда самое важное то, что можно увидеть... Невидимое – главней. Насчет Ольхона буряты уверены, их народ вышел именно отсюда. Говорят, как раз на этом острове древний охотник по имени Хоридой женился на самке лебедя и она родила 11 сыновей, от которых пошли 11 бурятских родов.

А еще Ольхон, как всем известно, столица северного шаманства. В перестройку буряты смогли наконец объявить об этом официально – после долгого перерыва. А так-то шаманская история Ольхона – очень древняя. Сюда, на труднодоступный остров, сбегали шаманы еще в XII–XIII веках, их давили Чингисхан (насчет которого есть легенда, что он тут, в одной из шаманских пещер, и похоронен) и Хубилай-Хан. Следующая волна заезда беглых шаманов прошла в XVII–XVIII веках, когда в рамках выполнения указа императрицы Елизаветы Пет-

ровны пошла активная и недобровольная ламаизация Бурятии... Так что не большевики это дело начали – я про религиозные гонения.

Несмотря на многовековые попытки искоренить шаманство, оно по-прежнему живо и уважается народом, который охотно поклоняется духам в святых местах, и места эти видны издалека – там накапливаются пустые водочные бутылки, из них положено брызгать несколько капель... Ну и как-то так получается, что буряты тоже сколько-нибудь выпивают. Если уж духи принимают водку, то что говорить про живых людей?

Главное святое шаманское место Байкала, а может, и всей Азии, – мыс Бурхан, он же Шаманский, на Ольхоне. Мощное место, притягивающее к себе людей... Считается, что хан Хутэ-баабай, царь всех шаманов, выбрал своей земной базой именно Ольхон. Кроме этой резиденции, у него, говорят, есть еще один дворец на небе и другой – в подземном мире.

Зимой в Ольхон приезжает по льду лама из Забайкалья и совершает в пещере на этом же самом Бурхане богослужение. Почти все население острова – а это тысяча человек – собирается тут. Никакого противоречия нет: шаманство и буддизм давно уже мирно ужились тут, и многие одинаково уважают обе религии. Шаманы активно сотрудничают с ламами, советуются, кто в чем лучше может помочь людям...

Судя по всему, к термину «священный Байкал» шаманисты относятся с глубоким пониманием...

Шаманизм (краткий курс)

Мы можем гордиться тем, что слово «шаман» вошло в мировую литературу из языка эвенков, проездом через великий и могучий, в XVII веке. Дословно «шаман», или «саман», – человек в трансе, посредник между миром людей и миром духов (духи – это умершие). Вы будете смеяться, но шаманы всегда требовали от своей паствы соблюдения заповедей: не убий, не лги, не грабь, почитай родню.

Высшим божеством у шаманистов считается Вечно Синее Небо – Хухэ Мунхэ Тэнгри.

Задача шамана – во время камлания войти к контакту с духами и получить от них помощь или информацию. Это возможно только в состоянии транса. Входят в него при помощи декламации культовых текстов, пения, благовоний, битья в бубен и в барабан, принятия спиртного – или иных средств, изменяющих сознание. Эксперты отметили важный момент: «Общение во время жертвоприношения с обильным употреблением спиртного создавало особый настрой, что ускоряло и облегчало религиозное утешение и воспитание». А я давно уже утверждаю, что русское пьянство – это ритуал типа камлания. Его мы, наверно, переняли от азиатских шаманов...

Шаманом может стать не каждый желающий. Надо, чтоб кто-то из родителей у вас был шаманом (шаманкой) – или был убит молнией.

При Советской власти шаманов давили, а в перестройку стало полегче – как и всем гонимым.

Мирча Элиаде, автор книги «Шаманизм: архаичные техники экстаза» и крупнейший спец по шаманизму, уверяет, что «Определенные технические приемы и результаты остаются одними и теми же у всех шаманов, будь то живущий в Арктике инуит или витото с верховьев Амазонки. Важнейшим из этих инвариантов является экстаз...»

А вот сведения удивительной красоты:

Шаманский плащ шьется из шкур коз или овец или шерстяной ткани, поверх которых нашиваются изображения змей, сделанных из разноцветных ленточек и бахромы. Различаются 18 плечевых змей, которые свисают с плеч до самого пола, и 40 маленьких змей, пришиваемых на рукава и левую

полу плаща; на правой поле изображение змей отсутствует. Змеи считаются сильными духами-защитниками шамана в его путешествиях в нижний мир и защищают его плечи, спину и левый бок от нападений злых духов. Другой деталью шаманского плаща являются связанные в узлы кожаные шнурки длиной около 15 см, нашитые на полы плаща и служащие шаману крыльями.

Теперь продолжение:

Для шамана бубен – это крылатый конь, на котором он совершает свои путешествия, которого он кормит молоком и аракой. Ускоряя бой колотушкой в бубен, шаман подгоняет коня, заставляя его подниматься все выше и выше. Замедляя бой, он возвращается обратно. Про некоторых шаманов говорят, что они за свою жизнь загнали шесть коней, т. е. сменили шесть бубнов.

Кстати, «бубен, показавший свое бессилие при лечении больного (если тот умер), становится непригодным для дальнейшего использования».

Роберт Уэлш, автор книги «Дух шаманизма», доносит до нас простую мысль: в таких делах часто возникает эффект плацебо; шаманизм работает, если люди в него верят, – обычная вещь в психотерапии. Если ближе к телу, так один российский профессор, доктор медицинских наук по фамилии Семичастный, осмелился заявить: «Шаманские пляски не кривляние, а мощное средство психотерапевтического воздействия».

Основатель американского фонда исследования шаманизма профессор антропологии Майкл Харнер дает такое мнение: «Шаман способен переходить в другое состояние сознания по своей воле и, действуя в обычно скрытой от наших глаз реальности для обретения новых знаний и внутренней силы, оказывать людям помощь».

А вот знаменитый Карлос Кастанеда: «Шаманы определенно делают что-то такое, что невозможно научно зафиксировать и вообще обсуждать, если ты в здравом уме. Шаманизм – иная система познания».

По Валентину Хагдаеву, автору книги «Шаманизм и мировые религии», вот что требуется от шамана высшей – девятой – ступени посвящения: «Умение проявлять различные чудеса, в том числе левитировать – подниматься выше верхушек деревьев, пророчествовать и свободно общаться со всеми духами и путешествовать между всеми мирами». Для сравнения: «шаман первой ступени должен совершать возлияния молоком или чаем простым духам, ублажая их, чтобы они не препятствовали чему-нибудь». Почувствуйте разницу.

Никак нельзя тут обойтись без великого Теренса Маккенны, автора нашумевшей книги «Пища богов. Поиск первоначального Древа познания. Радикальная история растений, психоактивных веществ и человеческой эволюции». Он в связи с шаманами пишет про «использование растений, содержащих химические соединения, вызывающие видения. Данная практика использования визионерских опьяняющих растений может показаться некоторым людям Запада чуждой или неожиданной. Наше общество рассматривает психоактивные снадобья как нечто фривольное или опасное, в лучшем случае предназначенное для лечения серьезных душевных болезней... Иное дело шаманизм. Здесь если и применяются какие-то психоактивные средства, то их принимает шаман, а не пациент... Эти растения скорее позволяют целителю войти в некую незримую сферу, в которой причинность мира обычного сменяется принципом натуральной магии. В этой сфере язык, идеи и смысл имеют большее влияние, чем причина и следствие... Тысячи людей так или иначе приходят к выводу, что психоделительские растения и институт шаманов, предполагающий их использование, являются серьезным инструментом исследования внутренних глубин человеческой психики».

За неимением солидных отчетов о наших родных байкальских шаманах опять сошлемся на экспириенс Маккенны, который на себе испытал шаманское зелье – не у нас, на другом континенте: «Реальность превзошла ожидания. Покрытое струпьями лицо старухи прокаженной

стало еще отвратительнее, когда огонь, за которым она следила, вдруг ярко вспыхнул, после того как она добавила дров... В этот момент первоначальная цель моих поисков – настоящая аяхуаска из лесных глубин, по слухам, резко отличающаяся от пойла шарлатанов с рыночной площади, – едва ли сохраняла для меня какой бы то ни было интерес.

«Томе, кабальеро!» – усмехнулась старуха, предлагая мне полную чашку черной вязкой жидкости. Поверхность ее отливала блеском моторного масла. Жидкость была теплой и соленой и имела известковый и одновременно горьковато-сладкий привкус. У нее был вкус крови чего-то старого-престарого... Я чувствовал, как немеют губы... За прикрытыми веками текла река красноватого света. В каком-то сонном ментальном пируэте мне вдруг пришло в голову, что на крышу лачуги садится вертолет, и это было мое последнее впечатление.

Когда я очнулся, мне показалось, будто я несусь на внутреннем витке волны ярко сияющей, прозрачной информации высотой в несколько сот футов. Веселое оживление сменилось ужасом, когда я осознал, что волна моя несется к каменистой береговой линии. Все исчезло в шумном хаосе информационной волны, разбившейся о виртуальный берег. Еще какое-то время – и у меня возникло впечатление, что я потерпевший кораблекрушение матрос, выброшенный на незнакомый берег в тропиках. Чувствую, как прижимаю лицо к горячему песку тропиков. Чувствую себя счастливым, оттого что остался жив. Я счастлив, что жив! А может, я жив, для того чтобы быть счастливым? Я разражаюсь смехом.

В этот момент старуха запела. Это была необычная песня – магическая исцеляющая песнь икаро, которая в нашем опьяненном и экстатическом состоянии кажется больше похожей на какую-то тропическую рыбу или на оживший многоцветный шелковый шарф, чем на вокальное исполнение. Песнь эта – зримое выражение силы, раскрывающей и успокаивающей нас».

Ну что, начало неплохое, а дальше вяло, да и фактурки негусто, так оно чаще всего и бывает в таких случаях... Шаманство – дело тонкое. Однако ж должен сказать, что нечто подобное описанному я испытал классе этак в третьем, у меня были похожие видения – после того как я сделал несколько глотков замечательного газа из маски, меня вводили в транс, чтоб безболезненно вырезать воспаленный аппендикс. Всего-то... А тут сколько разговора! Со мной все ясно – а вот что пил старик Маккена? Поди знай. Наши пробавляются все больше красным мухомором, то есть *Amanita muscaria*, в засушенном виде. Сам не пробовал, но могу вас отослать патриотически к Пелевину, у которого эти переживания весьма высокохудожественно изложены.

И такая радостная весть для тех, кто верит, что шаманизм – светлое будущее человечества: «Сейчас местные власти в рамках развития национального самосознания всячески поощряют и даже финансируют на государственном уровне, как, например, в Туве, развитие шаманских традиций и пытаются сделать из шаманизма государственную религию. В последние годы этот регион активно осваивают иностранцы, которые снимают здесь фильмы о местных шаманах и приглашают их в Европу для проведения семинаров».

А для контраста такое мнение специалиста: «То, что написано у Карлоса Кастанеды, Майкла Харнера и Мирча Элиаде, подтолкнуло тысячи европейцев к экспериментам со своим сознанием. Частные случаи вхождения в шаманское состояние, распространенные по миру авторитетными антропологами, стали хрестоматийными. Убеждение в возможности повторения идентичного мистического опыта толкает людей к неоправданному риску с экспериментами над своей психикой». Бурятские шаманы честно предупреждают, что в транс души расщепляется на несколько частей, количеством до семи, и если хоть одна из них не вернется, заблудившись во время трипа в чужом мире, такому человеку жить три года от силы. Выбор за вами...

Ужасы Байкала

Об этом надо рассказывать не торопясь, с чувством, с толком, с расстановкой, – про красоты любой расскажет, на то много ума не надо.

Рассказывают, что как-то слишком уж легко на байкальских берегах встретиться с бурым медведем. Так-то он вроде избегает людей, предпочитает не показываться на глаза – но в июне на берегах появляется бабочка ручейника и медведь спешит ею питаться. Ну и еще шатуны, и самка с детенышами, и раненые звери. Или просто медведь, застигнутый врасплох. Или когда он с элементарной голодухи выслеживает людей и нападает. Как увидите, что у встречного медведя уши прижаты, – знайте, у него нехорошие намерения. Тут надо применить одну из эффективных стратегий решения проблемы. Первая – тувинская: надо при встрече с медведем завести с ним беседу и с уважительными интонациями уговорить уйти обратно в лес. Вторая стратегия – русская: кинуться на медведя, громыхая пустыми котелками и ведрами. Смешивать эти стратегии не рекомендуется, никаких полумер. Выбор надо сделать заранее, опираясь на знание своего темперамента. Если при встрече с медведем вы можете решить гастрономический вопрос не пассивно, но активно, все равно делать этого специалисты не советуют без серьезных ветеринарных анализов: медвежатина скорей всего вам впрок не пойдет. Опасное у него там мясо, может вам боком выйти.

Не забыть еще про энцефалит, который особенно страшен на Хамар-Дабане. «Каждые 30 минут на остановках с каждого снимали по 10–15 клещей» – рядовая запись пеших туристов. Пик заболеваний приходится на апрель – июнь, хотя все может случиться и в марте, и в августе. Странно, что вирус можно заполучить не только посредством прямого укуса клеща, но и через молоко, причем козье для этого даже предпочтительнее. Кроме энцефалита на Байкале некоторые умудряются подхватить геморрагическую лихорадку или туляремию.

Хамар-Дабан славится не только клещами, но и серьезными снегопадами: слой снега может там доходить до трех метров, стало быть – лавины... Был случай – 3 мая 1985 года, – когда лавина накрыла 17 студентов Иркутского пединститута.

Это зимой, а летом – шторма. Бывает, штормовых дней на Байкале набирается до полугода. А волны тут недетские – высотой в шесть метров, особенно они хороши против устья реки Селенга. Из всех байкальских ветров – верховик (он же верховка, север, сивер, ангара), баргузин, култук, завивка, горный, селенга (не имеет отношения к торговому дому, тут ударение на последнем слоге), шелонник, бугульдейка, тархайха, покатуха, бережник, полденник, хиус – самый страшный тот, что называется «сарма», он дует соответственно в районе поселка Сарма же. Скорость его доходит до 40 метров в секунду, это даже не ветер, а ураган какой-то, который, бывает, срывает с домов крыши, уносит баркасы, вытащенные на берег, а еще поднимает в воздух коров, относит их в сторону – и бросает в воду, вроде как принося жертву. А когда одновременно дуют несколько ветров, продольные и поперечные, смешиваясь в смерч, то и вовсе беда! Не далее как в 1983 году пароход «Шокальский», который стоял в километре от берега, был перевернут таким смерчем! Судно какое-то время держалось на воде кверху килем, кружилось по воде, а потом таки затонуло... Скорость ветра была как раз 40 метров в секунду. Это случилось у мыса Красный Яр.

А вот вам цитатка:

Самая крупная катастрофа на Байкале случилась в сентябре 1902 года. Пароход «Александр Невский» буксировал три баржи, на которых возвращались с путины рыбаки с семьями. Возле мыса Кобылья Голова в Малом море на караван обрушилась сарма (великая и ужасная! – И.С.). Ураган был настолько сокрушительным, что команда вынуждена была обрубить трос и бросить баржи на произвол судьбы. Последнюю баржу выбросило на песчаную отмель, и люди на ней спаслись. Две другие баржи не уцелели. На них погибли 172 человека. Пароход чудом

уцелел, стоя у подветренного берега на двух якорях с двигателями, работающими на полную мощность».

Не забыть и про такую страшилку, как землетрясения. Самое из них ужасное – пока что, а там еще видно будет, – имело место в январе 1863 года, с мощностью в эпицентре десять баллов. Трясло так, что в Иркутске сами собой звонили колокола, с куполов падали кресты или по крайней мере гнулись, на Ангаре с грохотом лопался лед, в домах разваливались печные трубы. Что касается Байкала, то часть берега ушла под воду и теперь на месте бывшей суши залив с бодрым названием Провал... Каково?

Далее. Путеводитель по Байкалу честно сообщает, что фактов воровства, вымогательства и пьяных драк на берегах предостаточно. В анналах записано: «В бухте Песчаной в 95-м обворовали группу школьников». Эту бухту, куда всегда устремлялись купальщики, приходилось в трудные времена охранять ОМОНОм.

А еще Байкал цветет, даже подо льдом. Особенно это досаждают на западном берегу. Вода становится отвратительно зеленая от водорослей! Пить ее, конечно, невозможно. Только по ранним утрам, когда эта дрянь отгоняется от берега, местные запасаются водой.

Зимой по замерзшему Байкалу идут автокараваны – так соблазнительно срезать угол! Зимники опасны, там же подводные течения, полыньи, затянутые тоненьким ледком и присыпанные снегом. Довольно часто на ледовых дорогах машины проваливаются под лед. Вся надежда на МЧС! Когда я был на Байкале, как раз спасатели под руководством своего московского начальства проводили там учения. Местные были под впечатлением их катера, самого лучшего на всем Байкале; говорили, что он разгоняется до 100 км в час и за ним идет столб воды высотой с трехэтажный дом! Хвалили также эмчээсовский продвинутый самолет БЕ-200 и спасательский же французский вертолет. А еще местные смеялись над тем, что спасатели выбрали для учений самую курортную неделю: конец июля – начало августа, – в эти счастливые дни на озере гарантированно стоит замечательная погода и катаклизмов не бывает по определению... И еще над тем, что быстроходный катер не пройдет тут ни в шторм, ни в ледокол, – так, бестолковая дорогая игрушка, начальство катать...

А вот какое время – после жесткой ледяной зимы – на Байкале весьма нехорошо, так это поздняя осень и ранняя весна: дождь, распутица, дым от лесных пожаров.

Страшно? Аж жуть. Но я вот какую фразу встретил в книжке одного тамошнего краеведа: «После выхода книги “Здравствуй, Байкал!” я встретился со стойким мнением, что писать о Байкале и его богатствах надо меньше, иначе его затопчут, замусорят орды “дикарей”».

А на самом деле, может, там никаких опасностей и катаклизмов нет, местные просто жути нагоняют, чтоб мы не понаехали? И пора все бросить да на Байкал?

Индия – как Россия, но потемней и без зимы

Спонсор поездки – Владимир Викторович Григорьев, издатель.

Вообще в принципе можно всю Индию проехать на «мерсе», пролететь первым классом, ночуя и столуясь исключительно в пяти звездах de luxe. Но что ж останется тогда от Индии? Представьте себе иностранца, который провел в Москве неделю или две, перемещаясь из «Балчуга» в «Рэдиссон» и обедая в итальянских да японских ресторанах и у Комма... К такому парню у меня был бы один вопрос:

– Чё приезжал-то, дурень? Матрешек мог бы и у себя в Париже закупить...

Русские снобы, которых по какой-нибудь странной причине заносит в Индию, начинают ныть: вот там бедно, грязно, воруют... опасно... Короче, рассказывают разную ерунду. И это не от понтов: я сам наблюдал ужас на лицах наших людей при въезде в Индию, когда они видели облупленные стены международного аэропорта, бедные коврики на кривом полу, рекламные щиты, небогато разрисованные вручную в стилистике вывески «Сельпо», нечистые воротники казенных рубашек под тусклым светом слабых лампочек. Ну не Франкфурт, не Times Square и не Манежная площадь. Но это не сильно отличается от Златоуста и даже от московских Печатников. Не говоря уж про байкальский остров Ольхон, по которому ходят беззубые буряты в дырявых домашних тапочках и склеенных скотчем очках... Насчет воровства нашим тоже лучше помолчать, я не про коррупцию, про другое: мы все знаем, что русские дачники – те, кто не в силах поселить в гостевом домике вооруженную охрану, – на зиму увозят свои жалкие телевизоры и прочие «ценности» в город, а то весной они в своем доме найдут только кусок непрошеного говна на столе...

По мне, так Индия очень похожа на Россию, этим она и хороша для нас – а не старинными храмами, не каменной бесстыжей камасутрой (которая, впрочем, забавна), не трогательным культом поклонения такой вещи, как лингам (по-русски это слово ровно вдвое короче, трех букв хватает) и не удивительным шопингом, когда по всему базару на Yashvan Place (известен также как Яшкин-стрит) за тобой бегают русскоговорящие смуглые продавцы и умоляют купить у них богатую дубленку за 60 долларов, причем ты понимаешь, что двадцатка тут добавлена для торга...

Так в чем сходство?

Ну вот навскидку точки соприкосновения. Это, конечно, вопиющая восточность, с виду, обеих стран, это лужи, облупленная штукатурка, дикая уличная торговля, когда всякая дешевая дрянь разложена чуть не на тротуаре, мини-помойки во дворах, – то, что всегда бросалось в глаза при переезде из какой-нибудь Клайпеды в близлежащий Калининград, при перелете из Лондона в Дели – короче, при пересечении границы Запада с Востоком. Это и обилие нищих у нас и у них, хотя, казалось бы, отчего не пойти не заработать денег, – но нет, в крови наций заложено какое-то презрение к материальному богатству или как минимум панический ужас перед ним, через который мало кто осмеливается переступить.

Не могу не сказать вам без скупой слезы умиления про винные лавки города Дели. Они очень уютные: маленькие, полутемные, пыльные, с дешевой отделкой, напрасно ждущей ремонта, очень тесные. Там толпятся ребята в спецовках, давятся в очереди, передают через головы мятые сальные мусорного вида банкноты и после рассовывают по карманам чекушки... Правда, не водочные, а чаще с местным ромом. Я пил – ром, он и в Африке ром.

Но может, главное – это национальная нелегкая, я тут про духовность, которая, хочешь не хочешь, нависает над страной, что над одной, что над другой... Вместо западной расхожей алчности, вместо упоения ЭТОЙ жизнью – неотвязные мысли о ТОЙ или даже ТЕХ жизнях. Западники устраиваются на Земле так, будто у них, кроме земной жизни, ничего не было и не

будет. А иные – да хоть индусы и русские – понимают это так, что земная жизнь или жизни – не более чем временная остановка в пути, наш теперешний мир не столько дом, сколько номер в отеле, и глупо его на последние деньги загромождать дорогами безделушками и мучиться по поводу колера обоев...

Еще вас развлеку. «Огромная армия Александра Македонского (120 тысяч пеших и 15 тысяч всадников) вошла в пределы Индии весной 327 г. до Р.Х. Он захватил часть Индии, но после войско отказалось следовать за ним: предшествовавшие напряжения, дождливое время, стойкая храбрость индийских племен и царей отнимали у греков охоту идти дальше. Это заставило Александра вернуться назад. Греки были изгнаны». Этот бодрый пассаж вам ни о чем не напоминает?

Мы две кастовых страны. Никого там не удивляют брачные объявления, в которых обозначена кастовая принадлежность одиноких сердец, как у нас обыденны объявления про то, что квартира сдается русской семье без детей... Кастовое деление – выше закона и вообще справедливости, и это доходило до идиотизма. В прежние времена считалось, что судья должен всегда решать дело в пользу брахмана, хотя бы его противник (не брахман) и был прав. Это можно было бы назвать «брахманное правосудие». Был такой взгляд, что «шудра – слуга всех прочих сословий, и его можно убивать безнаказанно». А вот о демократии применительно к кастам: «За оскорбление члена высшей касты шудре распарывают язык или всовывают в рот раскаленное железо; за непрошенные наставления жрецу по поводу его обязанностей шудре льют в рот и уши кипящее масло». Суrowые у них были порядки... А мы все ноём.

Их касты известны, а наши каковы? Я б предложил такой расклад. Высшая каста – чекисты, вторая – прочие силовики, третья – нефтяники, четвертая – прочие бизнесмены, ну а все остальные – неприкасаемые.

Еще о сходстве. Вы будете смеяться, у них были пятилетки! Как и для нас, 1991 год для Индии оказался непростым. Раньше правящая партия ИНК (которую хвалили русские коммунисты) напирала на развитие госсектора – все как у нас! А потом они передумали и взялись за либерализацию экономики. Рост ВВП в Индии ускорился в пять раз и достиг пяти процентов в год. В 1994-м ввели наконец конвертируемость рупии – да и мы чуть ли не в том же году решили вопрос с рублем. Но вообще это индусов не очень украшает: нашли у кого экономике учиться... Хорошо еще, что у нас – пока еще – бывает настоящая зима и наш брат хоть как-то вынужден шевелиться, какой-никакой сруб ставить, дрова на зиму заготавливать и капусту квасить. А то б наши доморощенные философы так и спали бы круглый год на тротуарах, подстелив газетку подобно своим индийским собратьям...

Ну, в России тоже бывает хорошая погода. Только всякий раз, глядя в наше чистое небо, ты понимаешь, что это не всерьез и ненадолго, это как игрушка, которую скоро отнимут. В Индии куда острее и пронзительней, чем на игрушечных декоративных каких-нибудь Карибах, понимаешь, что снег, мороз и лед – вещи неестественные. Как люди живут в таких условиях, зная, что все остальные прекрасно устроились в тепле? Это со всей неизбежностью вызывает тоску, злость, массовые запои. И понятное желание разрушить до основания все ваше. Индийцы в итоге – это как бы такие русские с глубоким загаром и не злые. Я когда эту формулу дал соседу, русскому голубоглазому блондину, у которого на рынке есть пара ларьков, он так обиделся, что чуть меня стулом не треснул. Но, слава Богу, ограничился устным возмущением:

– Да что ж ты такое говоришь?! Да как ты смеешь?! Да добрей русских вообще никого нет! Они последнюю рубашку отдадут! Как мы из Германии ушли и из Прибалтики?

Я свернул неосторожно поднятую дискуссию, пробормотав только о том, что никогда я о русской доброте не слыхал от инородцев, а самим себя хвалить просто, что из Европы мы так просто ушли не от щедрости, а по дурости, о чем дико жалею, да и не слыхал я, чтоб попавшие в ДТП индийцы обзывали друг друга пидарасами и задавали вопросы типа «Куда ты прешь, е.т.м.?», как это делают белые цивилизованные люди, представители нации, поро-

дившей Гагарина. Местные в таких случаях только смотрят друг на друга удрученно, виновато улыбаются и разводят руками... Может, они от массового вегетарианства такие размазни? А мы злы не то от собачьего холода, не то от увлечения национальным спортом, в котором мы никому не уступаем (это я про шашлык)? Я, кстати, слышал смешную версию про алгоритм: чужеземцы-мясоеды завоевывают миролюбивых индийцев, но после и сами впадают в вегетарианство, расслабляются, впадают в гуманизм и непротivление, после чего приходят новые агрессоры, и все повторяется... Воинственный народ в 1,5 миллиарда – это немного слишком. Воинственными позволено быть только малым народам типа чеченов или израильтян, остальным как-то сбавляется нервность по той же схеме, по которой в армии солдатам в компот добавляют бром. Вегетарианство по воздействию на бром вполне похоже. Изящный тонкий мудрый механизм...

Отсюда же истекает и совершенно нам несвойственная мирная веротерпимость. В номере гостиницы в тумбочке я, кроме обычной в таких случаях Библии, нашел и, надо же, Коран, и «Бхагавадгита», и «Записки» далай ламы... Каково?

Так мы, значит, плавно перешли к тому, что нас разделяет. Кроме снега, это и – тоже пока, все еще – преобладание белой кожи в населении. Но по сравнению с Украиной, где нет своего Кавказа и куда среднеазиатских гастарбайтеров не очень пускают, у нас публика заметно темнее кожей, это бросается в глаза и разит наповал... В этом смысле Киев в отличие от Москвы, Берлина, Парижа, Нью-Йорка – город просто расистский, в хорошем смысле этого слова.

И вот еще отличие, которое только по неразумению и дурости русских чиновников не стало чертой сходства: это приручение сикхов, воинственного и хорошо организованного народа. Они основа армии. Отслуживших ветеранов-сикхов зовут поработать за границу: в Штаты, например, а то и напрямую в Ирак. Таковыми могли бы давно уже стать наши чеченцы... Но они пока только становятся. Спец по Чечне, с которым мы обсуждали эту проблему в Дели, рассказал:

– Чечены охотно служат миротворцами в мусульманских странах. Рамзан счастлив, что вот наконец нашли ребятам применение...

Давно бы так.

Империя. Киплинг

А еще такое, не очень, может, корректное, сравнение. Выгнавшая имперских англичан Индия – это как бы советские республики, отпавшие от СССР. Но надо ж так отпасть, чтоб сохранить язык оккупантов! И дать ему статус государственного! Одного из. И не отрываться от культуры былых поработителей! Как это так стало возможно? Как англичане сумели вот так вот уйти? Тут я предоставляю слово Киплингу (это, кстати, первый англичанин, получивший Нобелевскую премию по литературе, дело было в 1907 году): «Я не перестаю удивляться людям, которые, почти полностью истребив аборигенов своего континента (угадали, про кого это? – *И.С.*), чего не совершала больше ни одна современная нация, искренне считают, что они маленькая благочестивая новоанглийская община, подающая пример жестокому человечеству. Об этом своем удивлении я не раз говорил Теодору Рузвельту, и он так возражал мне, что от его голоса дрожали стеклянные витрины с индейскими реликвиями... Большинство американцев высказываются об индейцах довольно откровенно: «Надо поскорее избавиться от них». Некоторые считают, что мы в Индии тоже уничтожаем местное население. Меня даже просили назвать точную дату окончательного исчезновения арийцев (в смысле коренных индийцев. – *И.С.*). Я отвечал, что дело, наверно, затянется... Тут [в США] я впервые начал задумываться, не истребил ли Авраам Линкольн слишком много коренных американцев в Гражданской войне...»

Надо бы при случае спросить ненцев и чукчей, кем они себя ощущают: индийцами, хозяевами богатой страны, или американскими индейцами, споенными огненной водой и загнанными в резервации с родных нефтегазовых полей.

Киплинг, без которого Индия для нас никакая не Индия, дико любил свою родину (он родился в Бомбее). Это он научил нас каким-то словам на хинди: «бандерлог», «балу», «шерхан» и кто там еще, – это все не только клички, но и названия зверей. Вот только «акела» не «волк», но «одиночка».

Классик интенсивно ностальгировал: «Нет иной жизни, кроме той – в Индии. Мы в Индии – это Мы, англоиндийцы, где бы ни находились...» Еще бы; чтоб я так жил: «Я лишь давал себе труд влезать в одежду, подаваемую после мытья, и вылезать из нее, когда мне помогали раздеться. И еще – роскошь, о которой до сих пор мечтаю, – меня брили, пока я спал!» Однако, чтоб служба медом не казалась, «ко всему этому нужно прибавить привкус лихорадки во рту и шум в ушах от хинина; раздражительность, доводимую жарой до предела, но умеряемую ради того, чтобы сохранить здравость ума; сгущающуюся темноту нестерпимых сумерек и еще более непереносимые рассветы с палящей, душной жарой в течение шести месяцев. В клубе между друзьями внезапно вспыхивала беспричинная ненависть и быстро, как горящая солома, угасала...»

И под конец – прекрасная несбыточная мечта, идея земного рая, который был так близок: «Представьте себе, что Индия с ее климатом была бы пригодна для постоянного обитания нашего племени. Подумать только, чего бы не достигли мы, англоиндийцы, если бы лет пятьдесят назад обрубали концы, которые привязывали Индию к метрополии! Если бы мы могли растить свое потомство в этих краях и наши дети и внуки уже не старались бы задать деру...» Так я при Советах мечтал, что вот была б какая-то западная Россия, отдельная, без совка! И что вы думаете? Моя мечта, как ни странно, сбылась – вот вам Россия без Советской власти, – а счастья все нет.

Для справки

Конечно, русскому человеку сподручней сразу пренебречь целым рядом фактов, которые не зря от нас скрывают. Вот краткий список для начала.

Индусы первыми начали выращивать рис, хлопчатник, сахарный тростник. Это именно они додумались приручить кур! Раньше птицы были только дикими... Чтоб вы знали, индийские купцы торговали еще с Месопотамией во времена расцвета Хараллпской цивилизации, то есть в III тысячелетии до н. э. В те времена Дели еще и в проекте не было, это город молодой – он только в XII веке до н. э. был основан.

Не забыть и про самый, может, мощный индийский вклад в мировую культуру – изобретение игры, которая в России носит название «шахматы». Мне вдруг пришло в голову – в Индии, – что у нас на игру эту наивный взгляд: типа, люди меряются чем-то, выясняют, кто круче. А на самом деле там, кажется, про другое. У них это тренинг, особая духовная практика, подготовка к будущей жизни – или, точнее, будущим жизням. Когда всякая фигура обречена ходить исключительно своим манером – это ж не что иное, как карма. А когда самая резвая пешка выходит в ферзи – это ж чистейшей воды реинкарнация! Отличился в прошлой жизни – в следующей станешь крутым парнем... Как известно, пешка, пришедшая к финишу второй, ферзем уж не станет в этой жизни, а разве только турой, выше никак. И пошла-поехала вся эта сансара до конца турнира, пока некто не сметет фигуры с доски, решив, что хватит... «Низшие души переходят в твердые предметы (дерево, камни), души повыше попадают опять в какую-нибудь материнскую утробу, справедливые и благородные – в блаженный мир луны, откуда опять после известного времени возвращаются на землю, и только действительно «познавшие» достигают Атмана (души мира)», – написано в умных книгах. Более того. «Законы Ману (забыл, кто это. – И.С.) точно определяют, в какое животное должна переселиться душа чело-

века, совершившего известное преступление: укравший корову должен возродиться в виде ящерицы или крокодила, жестокий – в виде хищного животного и т. д. Убийство брахмана – высшее преступление. Покушавшийся на него должен промучиться в аду несколько сот или даже тысяч лет, смотря по тому, как далеко он зашел при этом. Если была пролита кровь, он должен мучиться столько тысячелетий, сколько песчинок напиталось ею. После адского искупления он снова должен начать земную жизнь в виде одного из самых низших животных или члена одной из наиболее презираемых каст; каждое преступление или проступок опять заставляют его спускаться ниже по лестнице существ и снова начинать искупление». А вы говорите – Достоевский... У него просто сказочки для детей, не зря он в школьной программе.

И десятичную систему тоже придумали индийцы. А до этого все на пальцах и на палочках считали, как первоклассники. Не кривите лицо в снобской улыбке, сейчас я вам напомню про индийское кино. Его снимают с 1913 года! Каждый день выходят три фильма – ну, казалось бы, и что? А то, что Индия занимает второе место в мире по экспорту кино – после Голливуда. Эти наивные ленты с танцами и плясками, оказывается, прекрасно продаются во множестве стран Азии, Африки, Тихого океана и Кариб. К сведению живущих с нефти: не надо много ума, чтоб включить насос и паковать кэш в чемоданы. А кино – это как-никак продажа сложного интеллектуального продукта! Не всякому дано... И еще про размах культурки: тираж не какого-нибудь бульварного «МК», но уважаемой англоязычной газеты Times of India – миллион экземпляров в день. И вот еще хозяйке на заметку: госвливания в индийскую науку – 1,8 миллиарда долларов в год. Далее такое сведение: в Англии работает больше врачей-индусов, чем в крупнейшем индийском штате Уттар-Прадеш, население которого приблизительно, плюс-минус, равно нашему – 140 с чем-то миллионов чел. Если вас не утомили цифры, добью вас: численность среднего класса Индии – 250 миллионов человек. Ну как, съели? Мы по сравнению с ними не бедная страна, конечно, но – страна нищих. Половина индийцев, с одной стороны, вообще неграмотные, однако же, с другой стороны, по числу дипломированных спецов Индия занимает третье место в мире. Грамотные индусы и спутники запускают, и ядерное оружие у них свое, и программисты их высоко подняли голову... И наконец, армия у них давно контрактная. При том что по численности она четвертая в мире...

Замечу кстати, что этот древний и, как вы сами понимаете, неглупый народ не бежит сломя голову выбирать президента каждые четыре года – в отличие от некоторых. Нет! Только раз в пять лет. Да и такой безответственной вещи, как всеобщие прямые выборы, мудрые индийцы себе позволить не могут: на то у них специально обученные ответственные люди – выборщики...

Апостол Фома принес сюда христианство в 52 году нашей эры.

«Мать», «брат», «свет», «огонь», «свекор», «деверь» – это слова санскритского языка.

Махатма Ганди, начитавшись нашего Льва Толстого, непротивлением злу сверг англичан.

Полезных ископаемых в Индии полно, только нефти маловато – сколько добывают, столько и завозят.

Чай там появился только в середине XIX века – его начали культивировать, чтоб подорвать китайскую монополию на поставки в Англию. Помню свой шок при первом приезде в Индию. Мне, помнящему советский пиетет по отношению к индийскому чаю со слонами и ожидавшему затейливой чайной церемонии с тщательным ополаскиванием фарфоровых чайничков, в пятизвездном отеле дали кружку с кипятком и в нее тампоном засунули пакетик с ниткой... Я думал, это недоразумение – но оказалось, везде так...

В мире каждый год продается 60 миллионов тонн индийского чая Dargeeling. А производят этого чая от силы 12 миллионов тонн... Полагаю, приблизительно то же соотношение у нашего (постсоветского) боржома.

Коровы в Индии священные, есть их нельзя – но доить разрешается. Там повсюду эти священные коровы, священные телки и священные бычки. Их пропускают и машины, и пешеходы, при любом трафике – даром что они без мигалки и без крякалки. Коровы пользуются и такой привилегией: они бесплатно и безнаказанно отъедают картошку из мешков на базаре, и никто их не гоняет, я это наблюдал и думал: вот она, духовность! Она важнее даже картошки у них! Главней хлеба насущного!

Тадж-Махал, что в Агре, это 200 километров от Дели, – самое знаменитое в Индии сооружение. Его иногда описывают в терминах типа «самый экстравагантный в мире памятник любви». Построил это чудо света некто Шах Шахан в память о своей второй жене Мумтаз Махал, умершей при родах в 1631-м. Стройка силами 20 тысяч рабочих тянулась 22 года. Обошлась она в 3 миллиона рупий – а сегодня, по прикидкам, на это ушло бы 60 миллионов долл. Это вам не Ромео и Джульетта, тут по-взрослому... Мучительный для меня вопрос: как можно было строить Мавзолей Ленина такой бедный и жалкий, зная, что есть на свете такая вещь, как Тадж-Махал?

Свастика; «этот знак с незапамятных времен употребляется браминистами и буддистами Индии, Китая и Японии в орнаменте и письме, выражая собой привет, пожелание благополучия. С Востока свастика перешла на Запад; ее изображения встречаются на некоторых из древнегреческих и сицилийских монетах, а также в живописи древнехристианских катакомб, на средневековых бронзовых надгробных плитах, на священнических облачениях XII–XIV столетий. Усвоив себе этот символ в первой из вышеозначенных форм, под названием «гаммированный крест» (сгux gammata), христианство придавало ему значение, подобное тому, какое он имел на Востоке, то есть выражало им ниспослание благодати и спасения», – уж и не помню, откуда у меня эта цитата. Свастика, которой там не меньше, чем красных звезд у нас при Советах, безусловно, притягивает взгляд, вызывает задумчивость. Как можно рассчитывать, что люди могут понять друг друга, когда один видит книгу, а другой фигу, – даже если так совпало, что люди договорились и решили посмотреть в одном направлении... Или другое: одни люди, значит, в «незапамятные времена» придумали красивый символ с благородным смыслом, а потом пришли какие-то подонки и все украли и опошлили, и теперь уж, наверно, не отмыться... Впрочем, это подход чисто русский, я только что поймал себя на этом ощущении. Индусы же смотрят на вопрос совершенно иначе! Типа – вы там у себя как хотите, а мы в угоду жалкой кучке чужих людей (да сколько там тех европейцев вместе взятых против индийского населения?) не собираемся пересматривать свою историю и подгонять свою культуру – весьма древнюю причем – под придуманную какими-то дебилами политкорректность, менять в угоду иностранцам свои культурные коды... А ведь могли б, как русские, за свастику отдавать под суд!

Кстати, вот что я в связи со свастикой подумал. Индийцы, по сути, иногда выступали на стороне фашистов – когда во время Второй мировой восставали против англичан. Это был некий аналог второго фронта! Союз двух свастик, грубо говоря.

Но что мы все о грустном. Давайте теперь немного о радостях жизни. Про то, что я пил индийский ром и не умер, вы уже знаете. Что касается прочих удовольствий, то западные путешественники советуют ехать в Индию со своими гондонами, а то местные под вопросом. Один знакомый, очень бдительный человек, до того серьезно к этому отнесся, что в Индии даже душ принимал, надев презерватив. Но надо сказать, что по размаху проституции Дели сильно отстает от родной Москвы. Жриц любви нигде не видно, хотя в газетах, которые подсовывают под дверь в отеле, есть реклама массажных салонов.

Несмотря на бескомпромиссную борьбу, наркотики в Индии пока не побеждены. Возмутительная вещь: вы там можете словить преступный кайф неожиданно для себя. Есть такая штука – bhang lassi, смесь простокваши, холодной воды и производного марихуаны. В меню часто нет перевода, и может статься, что вы нечаянно махнете. Впрочем, некоторых валит с

ног, их потом грабят, и это, конечно, неприятно. (Тут вспоминается банальный московский клофелин.)

Вам будут там всучивать гашиш по 100 долларов за спичечный коробок. Но знайте, что в некоторых местах – особенно в Гималаях, в Куллу – вместо наркотика могут подсунуть какую-то вялую замазку. Известны случаи, когда падкие до справедливости и кайфа туристы пытались призвать нечестных бандитов к порядку, – и после местная полиция имела дело с холодными трупами. С другой стороны, индийская пропаганда уверяет, что полиция перестала вымогать деньги у туристов под угрозой подкинуть наркотики, за хранение которых вообще-то светит десять лет. Говорят, в индийских тюрьмах, особенно в Fort Aguada (Гоа), такие несчастные попадают...

Из Брокгауза – Ефрона, за что купил, за то продал: «Индусы мало воинственны, униженно-вежливы, но столь же фальшивы и ненадежны, весьма чувственны, лживы, жестокосердны, мстительны и кровожадны, но умеют скрывать свои страсти. К числу их добродетелей принадлежат: умеренность (но не в физической любви), чистоплотность, терпение, любовь к мирным занятиям, особенно к хлебопашеству, любознательность и высокое уважение, которое они питают к науке».

Индийцы нам очень понятные и близкие в принципе люди. Мы разве только в XX веке начали их как-то стесняться, что ли, – а то ведь жили в душа души и друг без друга не могли. Никто с ними так не лобзался, не пел и не плясал, не женился на их дочках, как русские, в том числе дворяне! Я тут про цыган, которые, доказано, вышли из Индии и являются одним из ее коренных народов. Джипсологи (они же цыгановеды) почти все убеждены: цыгане – чистые арийцы, а язык их отпочковался от санскрита, от которого недалеко ушел и хинди. А почему цыгане покинули Индию? Ну, во-первых, народ непоседливый. Но и еще были причины. Многие считают, что предки цыган покинули родину, спасаясь от какого-то вторжения, за давностью лет поди разберись – то ли Александра Македонского, то ли Махмуда Газни или вовсе монголов.

Мне очень нравится версия, что именно цыгане принесли в Европу арийские черты лица – а то ж тут негроиды жили все больше (это что ж сейчас, получается, справедливость восстанавливается?). И как у фашистов после поднялась рука на арийцев? Может, к свастике приревновали?

Но цыгане ушли не все. В Индии по сей день проживает племя banjaras, оно же lambadi, – чистые цыгане и с виду, и по одежде! Некоторые специалисты на основе сравнения языков и обычаев пришли к выводу, что «цыгане относятся к протодравидийской группе племен, наиболее известные из которых – бендокары, бидайя, сукала, коравары, наты. Те же наты до сих пор известны своими типичными цыганскими профессиями – лошадиным барышничеством, вождем по базарам медведей и обезьян, балагурством, фокусничеством и тому подобным». «Для европейцев цыган, если кровь его не очень смешанна, является лучшим представителем среднего смешанного индуса, образующего народную массу». Вообще говорят, и не без оснований, что «цыгане похожи на современных индусов низших классов, в которых есть кровь дравидов, – у тех тоже смуглая кожа, прямой и слегка покатый лоб. Европейца больше всего поражает темный цвет лица цыган, колеблющийся между цветом шоколада, слегка поджаренного кофе и старого пергамента». Знаменитые индийские фильмы, разумеется, горячо любимы цыганами и вызывают в них жестокую ностальгию. Около тысячи слов (а это немало, редко кто больше употребляет) цыганского языка – общие с хинди; это сходство отмечал еще лично Иммануил Кант. Так что цыгане понимают индийские песни из кинофильмов, а индусы могут понять цыган, – когда те произносят слова отчетливо и медленно.

«Мы вернемся в Индию, ступая по пеплу Европы», – говаривают цыганские пророки, и вы это понимайте как хотите. Но звучит красиво...

Да; значит, цыгане, нищие, ворье (ты как будто внутри старого кино про республику ШКИД), офицеры бомжового вида (или бомжи, дослужившиеся до офицеров), легкое зловоние по обочинам, гниловатые лужи... Новичкам это мешает, но на самом деле так живет, может, большинство населения планеты – Азия, Африка... Тоже, кстати, люди, между прочим.

Ранним утром, даже еще поздней ночью, над Дели стоит некая дымка, пахучая такая, не то листья жгут, не то покойников, – куда ж от этой мысли деться. А что ж это на самом деле? Отчего мутен воздух? Я кинулся расспрашивать местных. Одни отсылают к менеджеру (построили-таки вертикаль), другие рассказывают, что всего лишь дым от топки печей киззяками. Поди знай... Но как бы то ни было, этот запах костра там почти везде. Пионерлагерь, выезд на картошку в колхоз, туризм, небрежность в одежде, заметное презрение к комфорту да и некоторая антисанитария – так советские граждане когда-то отдыхали, что называется, «дикарями». В этом родное, понятное...

Идешь, бывало, по Connaught Place или по торговой улице Chandni Chawk, которая отходит от набитой туристами и попрошайками площади у Красного форта... Необычайный накал экзотики! Идут и едут на велосипедах толпы народу. Мчатся авторикши, которые называются threewealer или просто auto, – это трехколесный мотороллер с клеенчатой крышей, который берет двух, а то и трех пассажиров и везет их за два доллара через весь город; надо б таких в Сочи завезти к Олимпиаде. Велорикши, часто очень почтенного возраста, с измученными лицами, везут по три седока или же по куче мешков с мукой. Проскакивают ржавые тряские автобусы с окнами, забранными железной серьезной решеткой, – чтоб зайцы не залезали, что ли?

Иногда проезжают «таты», гордость местного автопрома. Типа «Москвича-403», только крупней и с большим, как у джипа, клиренсом. Ну вот это-то откуда? Почему бы им, подобно белым людям, которые считают себя умными, не выпускать для страны, где нет дорог, какие-нибудь низкоскребущие «Жигули», чтоб у них на ходу отрывались глушители и пробивались картеры? Что за народ? (То есть народы.) Отчего ж все так?

– А надо хорошие дороги строить! – жестко ответил мне случившийся при этом моем изумлении русский патриот. Вот она, русская идея: дорог хороших не строить, но много врать про это, и начать верить в это вранье, и делать одну и ту же модель итальянского авто сорок лет подряд – как будто у нас дороги давно ну хоть как итальянские.

Идешь, значит, и к тебе кидаются дети, вымогающие рупию, или авторучку, или что-нибудь. Так советские пионеры мечтали заполучить жвачку. Детей полно, они грязные, они бьют на жалость... Непонятно, почему Медведев не едет в Индию перенимать опыт по нац-проекту «Русские, рожайте!». Может, у них бум от некачественных презервативов, о которых уже была речь?

Идешь дальше. Толпы людей, которые, не умещаясь на тротуарах, прут по проезжей части наравне с ишаками и мотороллерами, несмолкаемые автосигналы, простецкие лавки на каждом шагу, еда, которую тут же на улице и жарят, и едят, реклама, ну пусть бедноватая, но зато обильная, и легкоощутимые, кожей, могучие потоки человеческой энергии, которая, кажется, скоро конвертируется и в деньги тоже. Я ходил часами по этим улицам и не мог остановиться, я дышал этой бурлящей жизнью и смотрел вокруг чуть ли не открыв рот... Дели – непростой город. Тут серьезный недетский драйв. Дели – это такой нищий малоэтажный Нью-Йорк. Вы еще услышите про Дели... Поговаривают, что через пару лет тут будет как везде, в страну хлынут инвестиции – и прощай экзотика с самобытностью! Уж некоторые едут туда прощаться со старой доброй неглобализированной Индией, которая уходит из «третьего мира» – так иные едут прощаться с Венецией, которой предрекают скорую смерть от утопления, и ездят из года в год, в свое удовольствие... Вот вам знак перемен: за те четыре года, что прошли между двумя моими заездами в Индию, статус белого человека там заметно упал. Хотя белых на книжную ярмарку в Дели пускали всех подряд, а с местных спрашивали приглашения, и когда на каком-

то нашем стенде был украден компьютер, обыскивали только местных, и те безропотно молчали, а белых не трогали – так даже в дорогом ресторане официант с горой грязной посуды не уступает тебе дорогу и прет с недовольным видом, вот только еще не материт...

Забавно, что у всех местных, кто мне попадался на глаза, прекрасные зубы. Почему, отчего? Может, вода там особая? Хотя нет, с водой и ее качеством там как раз проблемы. Я слышал фантастическую версию о том, что дело в лечебных свойствах чечевицы и риса, без которых обед там невозможен...

И как легко они носят свою национальную одежду! Не только крестьяне и прочие простолюдины, но и, как мы прекрасно помним, сама Индира Ганди. Не говоря уж про Махатму. Вот и сейчас на прием в нашем посольстве приходили солидные люди, дамы сплошь в сари, а джентльмены кто в восточном этом их глухом кителе, кто в подштанниках и широкой гимнастерке навывпуск до колен и в низкой цилиндрической шапочке... Про точку во лбу – знак третьего глаза – я уж молчу. Вот что это – когда люди массово носят национальную одежду? О чем, откуда, зачем? Бедность как причина даже и не рассматривается, вон же саудовские принцы... Или, допустим, американцы, которые и сами ходят в своей национальной одежде, и полмира вслед за ними, во всех смыслах слова «вслед»: я про джинсы деним, про кроссовки, майки, ковбойки (одно название чего стоит) и бейсболки. Были бы мы мудрыми или хоть богатыми, если б ходили в косоворотках, армяках и смазных сапогах? Больше б уважали свою культуру, свою страну? Или это не лечится уже? Отчего мы ходим то в джинсах Levi's, то в итальянских педоватых пиджачках? Последним всплеском интереса к русской национальной одежде была, кажется, мода на спортивные штаны с пузырями на коленях, в точности как у старика из «Рыбака и рыбки», – ну и где те штаны и где братва из этих штанов?

Может, главное, что нас роднит с этой древней цивилизацией и отделяет от разных белых пафосных худосочных Европ – Запад есть Запад, Восток есть Восток, – что они весьма бесцеремонно, не хуже московских хамов, стоняют пешеходов с зебры. Ну вот такие мы, и все тут. И они тоже такие, какие есть. Я ж говорю, мы на них страшно похожи...

Альпийское здоровье

Швейцарская клиника La Prairie широко известна в узких кругах. Русские открыли ее для себя десять лет назад и не изменяют ей, хотя удовольствие это не дешевое. Список мировых знаменитостей, с которыми постоянным пациентам доводится встречаться за ужином или в бассейне, настолько солиден, что администрация просит его не разглашать.

Впервые про эту клинику мне в свое время рассказал знакомый миллионер, мой собутыльник, страдающий от цирроза, – причем он туда попал случайно. Человеку в Москве после глубокого обследования объявили, что жить ему осталось два года от силы, он расслабился, раз уж без вариантов, и принялся усиленно отдыхать. На берега Женевского озера его занесло потому, что там, в отеле Montreux Palace, в свое время за бешеные деньги жил Набоков, – а это тема раскрученная и модная, будет потом, про что рассказать. Исследуя в тех окрестностях лучшие рестораны, он попал в клинику, где, кроме всего прочего, серьезная кухня. Раз-другой пообедал, слово за слово, а что у вас тут еще есть, ну и попал на процедуры. Сперва на массаж, отчего нет; дальше больше, пошло, поехало. Дорого, но деньги были не вопрос. Это все произошло 10 лет назад или 15, не помню точно, но товарищ этот, слава Богу, жив-здоров. Единственная проблема у него такая, что он не смог остановиться и по-прежнему пьет не без фанатизма. Была ж установка, что по-любому жить оставалось два года, а вывернуть из колеи не всем удастся. Печень, конечно, побаливает, но на фоне восьми премиальных лет жизни это, как вы понимаете, пустяк. Если б ему еще остановиться, стать на просушку, то можно б вообще начать новую жизнь, но этот человек не из тех, кто отступает перед трудностями.

Ну и я, в общем, по той же схеме, в смысле хотя и без цирроза пока, но через ресторан. Официант тогда деликатно поинтересовался, какая у меня диета, а услышав в ответ, что я свободен от предрассудков, принес розовое меню, которое, в отличие от голубого и зеленого, позволяло ни в чем себе не отказывать, и я славно закусил и выпил, ориентируясь по богатой карте вин. Все нормально.

Приехав туда снова через пару лет, уже несколько в ином качестве, я приготовился к худшему. Как же, как же: жесткая диета, беспримерное самообладание, нечеловеческий самоконтроль и все прочее в таком духе – вплоть до полной потери интереса к жизни... Решил рубить сплеча и начал, чего уж тут тянуть, беседой с главврачом, в этой должности там трудится Thierry Wdly. Наверно, ему не понравилось мое кислое лицо, поскольку он, глянув на меня, сказал:

– Вы мне напомнили одну историю. Человек пришел к доктору и говорит: «Вот хочу прожить 100 лет. Что мне для этого надо делать?» Тот спрашивает: «Вы курите, пьете, обжираетесь?» – «Нет». – «Сексом часто занимаетесь?» – «Да, часто: раз в неделю». – «Ну это с женой, а вообще?» – «Это все...» – «Слушайте, если так, то зачем вам тогда жить 100 лет?» Это анекдот.

– А, анекдот...

– Если серьезно, то я реально, как врач, наблюдал за сентенарианс, то бишь за людьми которым уже стукнуло 100. Они, надо сказать, очень скучные. Встают в одно время, едят кашу, курят одну сигарету в день, гуляют с собакой по одному маршруту... Не пьют, при том что, по моему убеждению, если человек не с утра напивается в одиночку, а пьянствует иногда в веселой компании, то это очень хорошо!

– Да?

– Ну конечно! Какой толк от диет и ограничений, если человек не радуется жизни? Расслабьтесь, дружище!

После доктор подробнее изложил мне свой взгляд на здоровое питание, приводя в пример для большей убедительности лично себя. В Европе он обыкновенно пьет вино, но стара-

ется за три стакана не зашкаливать, иначе наутро тяжело. Любит он выпить водочки, но это в основном в России, поскольку водка очень хороша для наилучшего переваривания жирной еды, да хоть той же черной икры, при том что если икры мало, то можно обойтись и шампанским... Да и вообще люди, которые в полной завязке, они какие-то депрессивные.

«Какой же замечательный человек этот доктор!» – подумал я. Русские врачи все-таки склонны к крайностям, они экстремальны, похоже, в силу нашего контрастного климата, который к мягкости и терпимости, не я первый это заметил, не располагает.

– Это все хорошо, но вряд ли можно разрешить конфликт интересов: между нашим здоровьем и вашей прибылью.

– Так я ж не хозяин клиники. А то, может, и тянул бы деньги из клиентов.

– Ну не хозяин, и все-таки.

– Честно говоря, вначале были такие проблемы. Но мы пришли к тому, что главное – откровенность и качество. Иначе люди не будут к нам возвращаться. Это очень простая логика.

И клиенты возвращаются, русские в том числе. Правда, не все. Доктор поделился со мной такими своими наблюдениями. Были клиенты из наших, которые играли в карты, пьянствовали ночи напролет, требовали прислать им в номера проституток по 500 долларов и имели лица людей, которые легко могли убивать для денег, а один из них подозревался в похищении журналистов в Чечне, – так вот те пациенты не вернулись, они исчезли куда-то. Типичный русский клиент изменился. Он теперь благообразный и умеренный, он улыбается и вполне держит себя в руках. С некоторыми из них доктор даже подружился – как, например, с Горбачевым, который тут бывает пару раз в год.

– Так что я в курсе вашей истории, – улыбается доктор. – Горбачев хотел как лучше, просто он был использован Западом...

Русских тут меньше не стало, они просто остепенелись и не бросаются теперь в глаза. Да и не наши теперь главные в этих краях, нашим землякам теперь далеко до арабов, которые приезжают не на неделю, как все, но на месяц как минимум, причем со всеми чадами и домочадцами. Со стороны это смахивает на странствующий гарем.

Мне показывают клинику.

– Резиденция и медицинский центр – с них все началось. Тут делают все операции, кроме сердца и мозга, плюс еще послеоперационный корпус. И зубные врачи есть, на уровне имплантатов – раз приехал заняться здоровьем, так чтоб уж сразу все. Что интересно, мы первые в мире начали делать омолаживающие инъекции – еще в 30-е годы, все документально подтверждено... А летом 2005-го сдали еще два корпуса: шато (здание так называли из-за башенки) и спа, и ресторан новый. В шато все номера – с видом на озеро.

И точно, вот оно, озеро, в пяти минутах ходьбы, и всегдашний легкий дымок над водой, и Альпы на том берегу... Надо признать, что без озера Леман, оно же Женевское, это все куда бледней бы смотрелось.

Идем дальше. Бассейн, фитнес-центр, сауна, хамам, залы для релаксации. Заглянули в номера: от простеньких пятизвездных до здоровенного «Империал свит» со спальнями и гостиными – и еще с кухней, офисом, отдельным лифтом и персональной террасой на крыше. Ну, это такая экзотика, что на любителя...

Вдоль озера я вечерами прогуливался до центра Монтре, до знаменитого отеля, в котором жил Набоков, – это километра два, ходу меньше получаса. В парке напротив входа стоит памятник писателю, работы нашего Рукавишников. Знатная скульптура – жаль только, с лица бронзового писателя злоумышленники сорвали металлическое пенсне; вряд ли для сдачи в Цветмет, скорей на сувенир. У входа в отель стоит «ламборгини», как там стоял, бывало, «феррари» Дмитрия Набокова... Он мне рассказывал, как разбился однажды: ему кто-то, скорей всего от зависти, подпилит болты, которые крепили колеса. После этой аварии он лежал десять месяцев в клинике.

Кстати, о медицине: я тоже ходил на процедуры. Больше всего мне понравились те, что проводила косметолог Света, из бывших наших. Я всегда хотел узнать, что чувствуют женщины, и вот моя мечта сбылась. Правда, только в той части, которая касается всего лишь целлюлита. Света ездила по мне, одетому в особый костюм, некоей вакуумной присоской, которая разгоняет и побеждает человеческое сало.

После я попал к ней же на так называемый trimline. Это когда к телу приставляют и приматывают бинтами плоские электроды и пускают ток. Идут разряды, один за другим, тебя так слегка потряхивает, мышцы сокращаются, к ним идет кровь – происходит все то же самое, что на тренировке, только ты беззаботно лежишь и даже пальцем не шевелишь. А мышцы качаются!

– Такие штуки надевают на космонавтов, после долгих полетов у них мускулатура никакая. Это такая гимнастика для ленивых, – объясняет Света.

– Так можно при этом еще и пить пиво, и все равно будет тренировка?

– Ну, я не уверена. Может, вместо пива лучше ТВ смотреть?

– Тут уже я не уверен...

Света эту свою замечательную работу нашла очень просто: по объявлению. Правда, для этого ей пришлось сперва выйти замуж за швейцарца, который выучился по-русски.

– А он кто?

Молчит. Я волнуюсь:

– Часом, не шпион?

– Да вроде нет.

– Ну и слава Богу...

У них родился сын, которому имя подбирали с оглядкой на двух местных знаменитых русских хоккеистов, которые играют за Швейцарию. И решили, что Слава – это не очень международно, ну и остановились на Андрее. Света рассказала, что швейцарцы в отличие от русских тщательно скрывают свое богатство. К примеру, ее знакомые, семья миллионеров, настолько экзотичны, что даже ходят каждый день на работу и путешествуют экономклассом, а ночуют в дальних странах под открытым небом. Счастье они, как это ни странно, находят не в роскоши, а, вы будете смеяться, в чтении книжек. Трудно в такое поверить – при теперешнем упадке литературы... Хотя, может, они читают классику? Или у людей просто вкуса нет?

Света, как и иные тамошние сотрудники, шокировала меня откровенностью:

– Никто вас за неделю тут не сделает молодым стройным красавцем! Мы можем вас только подтолкнуть на путь здорового – или несколько более здорового – образа жизни. Никаких чудес!

Жаль...

Еще меня там развлекала девушка с зовущим именем Эмманюэль – при том что она не по этой части, а дипломированный диетолог. Она составила мне очень низкокалорийное меню, 1200 килокалорий, в которое, кроме сырых овощей и обезжиренного йогурта, входили, как это ни странно, рыба, мясо, икра, лангустины и даже fois gras, правда, в умеренных количествах. Эмманюэль сообщила мне, что современная диетологическая наука действительно требует от человека два раза в неделю нарушать режим и съесть что-нибудь вредное, как то: пиццу, гамбургер, мороженое, салями, ветчину и т. д., не буду вас утомлять перечислением. Главное – это не обжираться и считать калории. А что касается стакана вина, то вреда от него, как я раньше догадывался, не будет.

Я покопался в ее таблицах и вычислил, что при таком подходе сбалансированный ужин может состоять из, к примеру, 300 граммов водки и тарелки овощей на гриле (овощи, что примечательно, разрешено употреблять по потребности).

Эмманюэль, конечно, с этим не согласилась, сообщив мне, что алкоголь – это в принципе не очень здоровый продукт. Я, как джентльмен, не стал спорить и загонять ее в угол, лоя на

слове. Хотя правота была на моей стороне, и я знал это точно: несмотря на запрет употреблять алкоголь во время пребывания в клинике, я таки делал неплохой глоток виски перед обедом. И тем не менее обещанные за неделю два кило скинул...

И на прощание маленький урок, который я получил в Швейцарии.

– Как у вас тут с поджогами? – спросил я как-то бабушку, с которой из любопытства и ради упражнения в языке разговорился в парке.

– Да вы что, какие поджоги! То ж в Париже, а у нас тут маленький город!

Мне пришлось объяснять бабушке, что машины жгли как раз в тихих парижских пригородах. Но она мне не поверила, она привыкла, что плохое и ужасное – это где-то далеко, за границей, а дома всегда тишь да гладь. Да она, в сущности, права, эта старушка. Так и надо жить, с таким вот позитивным настроем. Тогда, глядишь, все и будет хорошо...

Русские скачут

Русский жокейский клуб участвует в самых престижных скачках Европы. Громких побед пока нет, но заявка сделана. Председатель клуба Эдуард Мордухович подыскивает для клуба лошадь за 50 миллионов евро.

Тонкое развлечение – смотреть на уик-энд в Париж. Но это не то, что вы подумали. Я о другом: не ходить там по известным адресам, а провести время в Булонском лесу. Не ночью, когда там торчат по обочинам трансвеститы (которых неплохо бы из огнемета), а с утра, когда на ипподроме Longchamps идут скачки. Желательно – на приз Arc de Triomphe. Имейте в виду, таксисту надо объяснять: именно Longchamps. А то ведь, бывает, завезут в Auteille, воспетый ныне покойным Хемингуэем, – а оттуда еще пилить и пилить.

А зачем нам вдруг понадобились заграничные скачки? А затем, что в них с недавних пор участвует русский жокейский клуб. И наши люди уже выставляют своих лошадей на самые, может, престижные скачки мира.

Итак, началось... Огромный ипподром, дорожка, трибуны, ложи. Лужайки вокруг, где под здоровенными экранами с трансляцией забегов толпится народ настолько нарядный, что это смахивает на массовку фильма из жизни высшего света. Который на самом деле тут и собран, и догадывается, что его, в общем, снимают... Комментатор исполняет что-то в духе «Опасный момент, гол!» и роняет реплики типа «Нет, опять штанга... Да, такой хоккей нам не нужен...».

Вся элита Франции, включая Алена Делона и Изабель Аджани, а также прочих стран Европы и Америки. Тяжелый острый дух тлеющих сигар, дымок наподобие паровозного... Под навесом у кассы, где делают ставки, и у буфета, который впритык, не просто очереди – а толпа, сквозь которую приходится протискиваться. Лошадники – люди нервные, а тут еще и адреналин пошел... Чтoб прийти в себя, кто пива махнет, а кто шампанского – и то и то из пластиковых стаканов. Тут полно рыжих, до жгучести, англичан. И англичанок, экстремно-рыжих и конопатых. Дамы почти сплошь в шляпах, часто черных, полупрозрачных, широкополых. Шляпы – дань ритуалу, это прекрасно, что люди так ответственно относятся к празднику... Что касается мужчин, то без шляп им можно – зато никак нельзя без галстука, хоть ты тресни. Галстуки тут, впрочем, выдают напрокат. Англичане какие – тут и Джеймсы Бонды, и Шерлоки Холмсы, и отслужившие в Индии отставники с красными мордами, и мелкие чиновники Скотленд-Ярда, и Дэвиды Бекхэмы, и матросы и много еще кто – самые разные типажи.

У меня на скачках был замечательный спутник – знающий человек. Он там уж третий раз, так что не чужой. Да и по жизни он чистый лошадиник: директор Московского ипподрома Владимир Жуковский. Мы с ним сидели в кафе у трибун под здоровенным телеэкраном, и он, покуривая сигару, давал мне квалифицированные комментарии:

– Тут собраны практически лучшие скаковые лошади Европы. И самые дорогие. Конечно, цена – это чаще всего коммерческая тайна. Но навскидку скажу, что дешевле 40 евро тут не найдешь ни одной. Порода одна – то, что у нас принято называть «чистокровная английская». Хотя на самом деле она выведена в Ирландии... Лучше, чем эта лошадь, в мире нет ничего... Резвость, скорость, сила! Вот скачут две лошади. Допустим, чистокровная английская и буденновская. Английская будет скакать, пока не упадет. Она все силы отдает в этот бег! Отдаст – и от разрыва сердца умрет. А буденновская будет скакать, а потом встанет и скажет: «Так, все, ребята, я устала, на сегодня все, заходите завтра». Да мне срочно нужно! «Ну и что? Все – завтра!» Вот в чем разница. Причем это неплохо – у буденновской есть свои достоинства, очень серьезные. И там, где выживет буденновская, чистокровная английская не выживет никогда – смею вас уверить...

– Володя! А чё мы в Париж-то приехали?

– Как? Это ж необходимая остановка в серии скачек, которая движется по кругу, по всему миру. Дубаи, потом Гонконг, Сингапур, Токио, Сидней, Соединенные Штаты, Великобритания, Франция. Это серия миллионников, будем так называть, где приз – больше миллиона. Old cup в Дубаи – самая дорогая скачка в мире, там приз – 6 миллионов. В Гонконге – Национальный кубок. В Англии это – Аскот, кубок короля Георга или бриллиантовый кубок королевы Елизаветы. В Штатах – там, допустим, Breeders Cup, Кентуккское дерби, Мэрилендский миллион и Арлингтонская миля...

Надо бы и нам в стране возродить традиции, которые были утеряны... А как? Надо для начала купить дорогих лошадей и сделать приз хороший. Пока что у нас в Москве самый дорогой приз – 55 тысяч долларов.

М-да... Есть нам еще над чем поработать.

– А ведь когда-то и московские скачки блистали! На скачках в Аскоте бывает королева. А у нас есть правительственная ложа Московского ипподрома. Ее стены помнят государя императора... Там был и Иосиф Виссарионович, и Никита Сергеевич, и Леонид Ильич. И президент был...

– Так что, может, не все еще потеряно? – спрашиваю я главного московского лошадианика.

– Все еще вернется.

– Интересно как?

– А так! Ты знаешь, что на очень и очень высоком уровне принято решение – создать Всероссийское скаковое общество? Ну, не создать, а восстановить – был ведь такой клуб до 1917 года... Называться он будет так: Русский жокей-клуб.

– А отчего так по-иностранному?

– Так надо ж на международный уровень сразу ориентироваться. Везде называется – жокей-клуб, вот и у нас пусть тоже так...

– А кто ж такое дело поднимет? – с сомнением спрашиваю я.

– Как кто? Эдуард Мордухович, кто ж еще! Это вообще его идея... Серьезный конник.

Мы вспоминаем, что говорил по похожему поводу Бабель. За точность не ручаемся, а приблизительно так: «Еврей, севший на лошадь, автоматически перестает им быть».

Как бизнесмен Мордухович многим известен, – но в ином качестве. Он славится своей бережливостью и скромным образом жизни, даром что еще в 70-е был серьезным коллекционером антиквариата. По знанию голландцев XVII века мало кто мог сравниться с Эдуардом. Особо он любил в те годы братьев Рейсдалей – Соломона и Абрама. Впрочем, и русское искусство не оставляло его равнодушным.

– Нормальную Гончарову я покупал в конце 70-х годов за 600 рублей. Сейчас она стоит 300–400 тысяч долларов... – со вздохом вспоминает он свою советскую молодость. – Сейчас-то все обман и подделки в основном. А тогда все настоящее было.

В свободное от коллекционирования время Мордухович работал в сфере заграничного туризма – в «Спутнике» и «Интуристе». Это увлечение довело его до того, что он и вовсе уехал на ПМЖ в Германию. Он и сейчас как бы там живет, но большую часть времени проводит в России.

– Поэтому сказать, что я живу на Западе, – это ничего не сказать... Все-таки у нас сейчас интересней, чем на Западе, – с какой стороны ни глянь.

И вот жил, жил Мордухович спокойно на Западе... Зарабатывая, по своему обыкновению, советами: как разбогатеть.

– Наверно, дорого берешь за такие советы?

– Когда как. Но тебе могу бесплатно посоветовать.

Я в волнении жду.

– Хорватия! Этим все сказано.

– Что, там нефть нашли?

– Какая нефть! Бери выше! Там чудная природа, абсолютно темно-синее прозрачное море. И все это – дешево, цены просто социалистические! А через три-четыре года страна войдет в Европейское сообщество. Так что прямые инвестиции в объекты в Хорватии я считаю самыми-самыми интересными и самыми-самыми перспективными сейчас в мире...

Я задумываюсь – а не бросить ли все? Не стать ли, в самом деле, миллионером?

– Эдуард, а зачем тебе лошади?

– Я их с детства люблю. У меня дядька на ипподроме работал, брат работал наездником...

И так Мордухович долго любил лошадей на расстоянии. Но однажды, несколько лет назад, он выкроил из своего личного бюджета 60 тысяч долларов и поехал на аукцион в Лондон... На неплохую лошадь должно было хватить. Выбрал он одну лошадку – и стал ее торговать. Ему повезло: торг остановился на 12 тысячах! На оставшиеся деньги он купил еще трех лошадей.

Лошадей он поставил в конюшню ипподрома в городке Михас – это недалеко от Марбейи. Оглядывая своих лошадок в богатой конюшне на морском берегу, новый конник размышлял приблизительно о следующем: «Хорошо было бы купить лошадь, допустим, у Фергюсона, главного тренера «Манчестер юнайтед», и его партнера Маггера... Хорошая у них есть лошадь – Rock of Gibraltar. Она брала все возможные призы! А потом – заболела... Рискованное все ж таки это дело – подобные инвестиции... Но, с другой стороны, сегодня Rock of Gibraltar хоть и не выступает больше, а трудится производителем, все равно стоит никак не меньше восьмидесяти миллионов долларов... Но я пока еще таких лошадей не имел... Но даже и с моими скромными пока что инвестициями в это дело я имею свой адреналин!»

Но адреналин – это еще не все... У Мордуховича есть свое know how:

– Как получить свободный доступ к сильным мира сего? Не будучи одним из них? Очень просто: стать лошадиником. Так я вошел в круг аристократов и самых богатых людей мира. Я лошадиник – и Ротшильд лошадиник. Мы общаемся на равных! Я получаю пропуски во все ложи в таких скачках, как Roxal Ascott в Лондоне, или Arc di Triomphe в Париже, или Breeder's Cup в Америке. Я хожу на конюшню и вместе со звездами первой величины смотрю там лошадей. Мы беседуем...

– Ловко! То есть ты всего лишь по цене скромного автомобиля – раз! – и вошел в мировую элиту! А кто-то, наивный, сидит и думает: «Куплю себе машину за пятьсот тыщ, куплю часы за миллион – и тоже войду в тусовку!»

– Нет, это не годится... Недавно я познакомился с Даниэлем Виндельштайном. На почве того, что у нас с ним общий тренер – Ричард Гибсон. Благодаря этому мы общаемся на равных. При том что Виндельштайн – владелец самой большой в мире коллекции импрессионистов: 10 тысяч работ, – куда мне до него. Если б не лошади!

Давай окинем взглядом сильных мира сего, которые держат лошадей. Королева Англии. Король исмаилитов Агахан, он живет на Сардинии, в Porto Cello. Ему принадлежит пол-Сардинии – банки и прочее... Еще его дедушка был большим лошадиником... Кто еще? Шейх Мактум. Ниаркос – он где-то уровня Онассиса, владеет парходами. Вертхаймер и Фрей – эти люди владеют супермаркетами. Даниэль Виндельштайн, наконец, с которым я сегодня обедал.

– А наш Юрий Михалыч?

– У него другие лошади. Не чистокровные английские. В таких скачках они не участвуют.

– Путин – лошадиник...

– Покататься с Путиным – это, наверно, хорошо, но скачки – совсем другое... Мне нужны лошади чистокровные, которые будут участвовать в мировых скачках. Мне нужен дух соревнований. Мне нужен адреналин в крови, призы, чувство победы.

И она, похоже, таки будет. Мордухович говорит мне, что дело с клубом – фактически решенное.

– Идея получила поддержку выдающегося человека и любителя коней Алексея Гордеева, министра сельского хозяйства.

...На последних скачках Arc de Triomphe приз в евро миллион 600 тысяч достался Далахари – трехлетнему жеребенку из конюшни Агахана. Все лошадики живо обсуждали такое соображение: после победы цена лошади поднялась до 80 миллионов. А когда Далахари начнет производить потомство – в следующем году или через год, – то цена еще вырастет...

Что касается единственной пока что лошади Русского жокейского клуба, которая выступала на этих престижных скачках, то Desert Guest – так ее зовут – пока что обошлась без приза. Но какие наши годы!

Мордухович уверен, что создаст российскую команду, которая будет побеждать лошадей даже самого Агахана! А где ж он возьмет 50 миллионов, чтоб купить конкурентоспособную лошадь?

– Это просто! Надо всего лишь пригласить в эту команду терпеливых, состоятельных и амбициозных людей из России. Пусть их будет 50 человек.

– Ага, и они скинутся!

– Об этом я и говорю. Каждый даст по миллиону. И купим хорошую лошадь. Почему нет? Чем на х...ню тратить деньги... А то вон люди машины покупают по «лимону», по пятьсот тысяч... Зачем? Можно же сделать серьезное дело!

Гваделупа держит марку

Обыкновенно Карибы используются для того, чтоб сходить на них с серьезной лодки для прогулки, как-то разнообразить режим плавания и привнести в него побольше смысла за те же деньги. Однако же острова имеют и самооценку! На ту же, к примеру, Гваделупу можно прилететь и просто пожить на ней недельку. Главная особенность этого острова такая: он южный и экзотический, он населен креолами – но при этом, являясь частью Франции, принадлежит цивилизованному миру. По улицам гваделупских городков можно безмятежно прогуливаться, в островных ресторанах – смело принимать пищу, а в любом отеле доступна такая нерусская роскошь, как питье воды из-под крана; выпил – и тебе ничего не будет: ведь там ровно те же санитарные стандарты, что и в центре Парижа. Какая-нибудь близлежащая Доминиканская Республика может завлечь дешевой богатого сервиса – с тем, правда, отличием, что высывать нос за ограду отеля там вам никто не посоветует...

Первое впечатление от Гваделупы – из тех, что хоть сколько-нибудь запомнились, – такое: черновато-серая, цвета мухи, но побольше размером, колибри, вентилируя крыльями, зависла над каким-то местным подобием барбариса и отсасывает из глубин цветка нектар. И это все – live, а не по ТВ. Птичка Божия не знает ни заботы ни труда. Приблизительно так же ведут себя и местные жители из числа людей: и кожа у них тоже темная, как у колибри, и точно так же они особо не перетруждаются, – только в нектар (имеется в виду тростниковый сахар) они в отличие от беспечных непьющих птичек добавляют рома. И еще льда – жара ж все-таки. Это что касается простецкого рома водочного цвета. Если говорить про коричневый ром – а его вам там будут наливать на каждом шагу, – так он темнел, исторически сложившись, вовсе не от хорошей жизни, но от дубовых бочек, в которых его везли в Европу, – более практичной тары в те времена просто не было. Теперь-то все больше в нейтральной нержавеющейке, так что напиток иногда даже приходится подкрашивать. Вообще путешественнику нелишне съездить на какой-то из местных ликеро-водочных заводов и там подегустировать напитки – ром и всякие от него производные. Какой-то из них может вам подойти идеально. Когда в ром добавляются вода, сахар, фрукты и т. д., он идет настолько легко и непринужденно, что время летит незаметно и ты понимаешь, откуда у тропических жителей такая благородная лень и такая невозмутимость... К рому – местная еда: пончики с рыбой, далее тогье, типа нашей трески, и, само собой, лобстеры с лангустами. Последних вы себе можете готовить сами, купив на базаре – по 17 долларов за кило.

А что это, собственно, такое – Гваделупа? (Гусары, молчать!!!) Этимология слова такова. Во времена Колумба по всей Испании шла слава о знаменитом монастыре Св. Марии, что в городе Гваделупа. Отсюда и название этой земли. Само слово, если кому интересно, арабское: «Гвад эль абу», что в переводе означает «река любви». Арабы, они же владели Испанией, чтоб не соврать, до 1412 года.

Проницательный читатель задаст вопрос: а как же эта земля попала к французам? Тут же вроде испанцы сперва были? Говорят, дело было так: испанское богатство, как это часто бывало в старые времена, перешло в руки англосаксов, и они его сменяли на канадский Квебек, который, как известно, принадлежал когда-то французской короне. Французы были счастливы, как и мы по похожему поводу, с Аляской: на кой нам эти северные холодные земли, до которых три недели плыть на корабле? А острова тоже неблизко но там хоть тепло.

Выпивая за ужином на заходе солнца, путешественник обращает внимание, что закат там модного цвета бледной фуксии. Закат там скоростной – все кругом быстро делается черного цвета – как кожа местных. Хотя сперва тут жили не черные, а краснокожие – индейцы-людоеды; якобы от названия какого-то из племен, что-то типа «канива» или «калина», пошло слово «кан-

нибал». Именно с ними столкнулись тут испанцы с каравелл Колумба. Встреча двух миров, двух цивилизаций закончилась, как обычно это бывает в таких случаях: гости отняли у хозяев то, что им понравилось, а кто выражал активное недовольство, тех извели. В описываемой ситуации конфликт обострился еще и тем, что аборигены были склонны к несколько необычной диете: они, говорят, были людоедами. Ни доктор Волков, ни тем более Монтиньяк их бы, разумеется, не одобрили. Вообще неприятно представлять себе территории, населенные поголовно чикатилами... Но уж такое это было время! Жестокое, бескомпромиссное, когда никто не осмеливался навязывать народам политкорректность... Белые пытались отучить местных дикарей от человечины и перевести на сахарную диету – там же тростник, который давал тем более хорошую по тем временам прибыль. А тростник этот соответственно надо же как-то возделывать. Причем погода в тропиках, а уж тем более на Карибах, не располагает к производительному самоотверженному труду... Не белым же так вот вкалывать... Кончилось тем, что сегодня индейцев на острове как-то совсем уж нет. А что тут удивительного? Это сейчас бы с ними нянчились – типа, местные обычаи, экзотические кулинарные традиции, самобытность, права человека; так, типа, исторически сложилось, особый гваделупский путь – и прочая чушь в духе модной теперь политкорректности... А тогда испанцы ничтоже сумняшея постановили: кто жрет людей, того – под корень, огнем, стало быть, и мечом. Разговор короткий. Это все может, и правильно, однако ж проблема рабочих рук резко обострилась. Без людоедов некому стало трудиться на плантациях. И тогда было найдено остроумное решение – сюда завезли привычных к жаре негров. То есть, как сейчас модно говорить, как бы афроафриканцев. Ха-ха. К тому же негры были удобны еще и тем, что им не надо платить – рабы ведь. Расходы только на харчи и охрану. Приблизительно так и у нас это все было при советской власти, жили практически по тому же принципу: зарплаты хватало на скромные харчи, а на выпивку – только иногда. Сегодня, глядя на пятидолларовые литровые бутылки с ромом в гваделупских магазинах, с лирической грустью вспоминаешь о том, как тяжело было у нас с водкой...

Так, значит, в Африке накупили рабов. Они жили там, жили, работали в меру сил и трудолюбия... Обычные гастарбайтеры на тот момент, они работали как могли... Все шло нормально, как обычно, пока Наполеон не удумал провести на острове перестройку. Он взял да освободил негров. Необъяснимый, разорительный, странный, дикий поступок... Зачем, почему? Есть версия, что к этому императора вынудила его знаменитая Жозефина, которая сама была креолка, правда, не с Гваделупы, а с Мартиники – другого принадлежащего Франции южного острова. Но она была такая светленькая креолка, ее смуглость в глаза не бросалась и за пределы белой расы как бы не выходила.

Что же дальше? На бедных негров обрушилась непрошенная и нежданная свобода. Что с ней делать? Ну не на плантациях же вкалывать, в самом деле. Капитализм, его проще в холодных краях насаждать. А на берегу теплых морей, где можно без всякой шубы лежать под пальмой и ждать, когда тебе банан упадет на голову, все не так просто... Сахарная индустрия начала приходить в упадок. Негры ни за какие коврижки не желали обратно на плантации. А деньги?! Да плевать на них. Наполеон одумался и отменил свое решение об отмене рабства, но было, как легко догадаться, уже поздно. Освобожденные рабы, подобно профессору Плейшнеру, подышали уже воздухом свободы и приняли концепцию *patria o muerte*. Все эти восстания и прочее в таком же духе. Партизанить всяко веселей, чем заниматься однообразным сельскохозяйственным трудом, – это мы прекрасно знаем из чеченских репортажей. Однако ж национально-освободительные движения и революционная романтика – одно, а экономика, которая строилась на сахарном тростнике, – другое. Ее надо было поднимать, и все тут. На новом этапе рабочие руки придумали завозить уже не из Африки (старожилы непременно б баламутили новоприбывших и отвлекали от работы), а из Индии. Причем индусов нанимали за деньги. Те согласились, прибыли и подняли рухнувшую было экономику.

А здешние негры? Любопытно, что белые французы держат их за своих. Даже те, которые голосуют за Ле Пена – правого экстремиста, националиста и кто он там еще. Сидишь, бывало, выпиваешь с таким экзотическим электоратом, а он тебя убеждает: «Эти негры – наши! Они принадлежат нашей культуре, они считают Францию родной, они трудятся – значит, с ними все в порядке, пусть живут. Мы же не расисты. А вот те, которые понаехали из Африки и не уважают наши правила и законы, не хотят работать, а только требуют социальных пособий и специально плодятся, чтоб побольше слупить с государства, – таких нам не надо!»

Примечательно, что, когда расспрашиваешь на ту же тему самих негров, самые буйные из местных бурчат: вот, эти белые – потомки колонизаторов, им по-прежнему почти все принадлежит. Он по-прежнему контролируют промышленность... Среди черных в ходу модное и не очень доброе слово «беке» – это такой старинный африканский термин для обозначения колонизаторов. Некоторые полагают, что это словечко – исковерканное французское *et bon, qoi*. Тема колониального и рабского прошлого там не забыта напрочь, а напротив, входит в программу воспитания подрастающего поколения. В городке *Peti Canal* есть памятник рабскому прошлому – в виде здорового тамтама на постаменте. А рядом – кладбище, где хоронили рабов, и возле него на холме – храм. К нему ведут ступени, а на них – названия африканских племен, из которых происходят местные, потомки рабов. Я списал эти звучные названия: *Congos, Yorubas, Ibos, Oulofs, Peuls, Vamilekes*. Сюда возят школьников, среди которых я не видел ни одного белого. Эти школьники почтительно осматривают свои святыни, но, слава Богу, они далеки от радикализма и фанатизма. К такой утешительной мысли я пришел, понаблюдав за тем, как они с увлечением щипали белых туристок за разные места, говоря при этом скабрёзности на ломаном английском. Это все, впрочем, вполне деликатно и в рамках приличий.

Вообще же, как показывают опросы общественного мнения и референдумы, даже при наличии какого-то процента сепаратистов в большинстве своем островитяне довольны принадлежностью к великой Франции – ведь все европейские социальные программы тут в действии. Проходя через перекресток улиц Пастера и Манделы к проспекту Мартина Лютера Кинга, понимаешь, что у них там с этим в принципе все спокойно. Так что местные негры, поворчав, вместо учинения массовых беспорядков плавно переходят к позитиву и начинают заслуженно хвастаться: больше половины французской футбольной сборной – уроженцы Гваделупы. Майкл Сильвестр, который играет в «Манчестере» – тоже отсюда, а не откуда-нибудь. А три «Мисс Гваделупы» становились «Мисс Франция». Так-то! Насчет красавиц: они тут, конечно, встречаются, но не сказать, что уж прям на каждом шагу. Все-таки типичная креолка по параметрам куда ближе к Сесарии Эворе, чем к Наоми Кэмпбелл. Увы...

Мчишься, значит, вдоль по Гваделупе... Пальмы, зелень, песок и океан, жара – ничего особенного. Но чу! На пути негритянский ПГТ – поселок городского типа. Любопытно: ну как тут? Конечно, официально это – Франция. Но на Нормандию или там *Cote d'Azur* все ж не похоже. Есть местная специфика. Она в чем выражается? Дома полурассыпавшиеся, немало сарайчиков. Хибарки типа русских дачных домиков на шести сотках, с маленькими верандочками, которые тут и стеклить-то незачем. Что-то советское, дешевое, южное – в такие халабуды в Сочи селили «дикарей». Легкое запустение, бедность в пределах приличий, ну белье сушится на улице – но вызывающей нищеты, какая часто бывает в черных странах, все-таки нет. Как-никак тут Франция, а это страна фактически социалистическая. В итоге оказывается, что с виду это все настолько же симпатично, как в том же Коктебеле или, напротив, на Ки-Уэст.

Или взять такую вещь, как местные кладбища. Если вы их не посетили, то про Гваделупу ничего не знаете и, считай, на ней не были. Так вот знайте: Ваганьковское и Новодевичье – это просто торжество скромности и бедности в сравнении с простецким кладбищем провинциального городка Морн-а-Ле. Когда на него, подъезжая, смотришь издали, думаешь:

«Какой милый поселочек... Домики хоть и небольшие, но таки плиткой обложены. Участки как будто маловаты...» Поселок оказывается местом упокоения, а домики – семейными склепами. А черная плитка, которая почти всюду в шахматном порядке соседствует с белой, напоминает про друга степей калмыка, построившего Chess City... И не скажешь, что кладбище – старинное, колонизаторское: на керамических портретах запечатлены все больше черные лица покойников, покинувших этот мир в годы нашей перестройки. Что стоит за повышенным интересом к этому сектору недвижимости? Говорят о местном настроении, что-де после смерти человек должен улучшить жилищные условия. Но что это объяснит нам, посетителям бедных подмосковных погостов, непроходимых в непогоду? Кстати, про непогоду: на стене одного из гваделупских склепов, под навесом, я увидел вешалку и висящий на ней зонтик... Кто-то из местных рассудил так: «Вот приду я к дорогому покойнику, а тут дождь, – что ж мне, взять да промокнуть? Ничего подобного! А украсть такой вот трогательный зонтик – да как же такое может в голову прийти?! Креста на вас, что ли, нет?»

Эта негритянская черная экзотика не напрягает, ее на самом деле и побольше могло бы быть. А так накал ее даже и слабоват. Белому путешественнику хотелось бы немного ужасного, он бы с удовольствием изучил культ Вуду, ну хоть в упрощенном туристском варианте, – но вместо этого ему могут разве что предъявить пару безобидных колдуний, которых нанимают для разборок с соседями. Очень трогательны здешние карнавалы, которые идут сразу после католического Рождества. Там – вот ведь до чего доходит политкорректность – затрагивается даже социальная тематика: безработица, к примеру. Они там, понимаете ли, пытаются нас убедить, что пляшут не ради забавы, а в возвышенном смысле! Но это, конечно, белые им голову морочат.

Но что мы все про черных! И у белых гваделупцев есть свои экзотические обычаи! К примеру, они саблей отрубают горлышко бутылке шампанского! Мы про такое только слышали... Но думали по простоте душевной, что это бывает только в кинофильмах про пьяных русских гусар. Когда Ив, представительный джентльмен в дорогих очках, директор какой-то из гостиниц, спросил, а не умеет ли кто из нас открывать шампанское таким вот манером, это восприняли за шутку. Тогда француз велел принести бутылку брютта – и отрубил ей горло ударом тесака. Стакан шампанского при этом выплеснулся, но остальное было цело и выпилось с необычайной легкостью. Секрет этого фокуса, которому Ив выучился на армейской службе, до смешного прост. Надо ободрать с горлышка бутылки фольгу, обнажить проволочный узел и под углом рубануть – тупой стороной сабли или, на худой конец, тесака. При этом отрубленное горлышко с нетронутой пробкой улетает метра за три, так что будьте осторожны. И такое предупреждение: если бутылка не охлаждена как следует, то из нее гейзером выплеснется все содержимое. Невыносимо тяжело думать о том, что ледяное французское шампанское зря уйдет в песок в такую жару. А ведь его везли сюда на пароходе целых три недели. А раньше вообще только морем можно было сюда добраться. Французские чиновники, служащие в заморских департаментах, ностальгически вспоминают о бесплатных, за счет казны, путешествиях по морю от Гваделупы до Марселя – эти три недели ходу морем туда и столько же обратно, разумеется, не входили в отпуск, они засчитывались как рабочие дни! Такое счастье выпадало раз в два года... Теперь все летают, да, но льгот еще полно: тут чиновникам год за два, южная надбавка к жалованью сорок процентов и сниженные на треть налоги. Как-то странно думать про это: мы там вроде на отдыхе, а они себя жалеют так, будто судьба забросила их в Оймякон... Кстати, рекорд новогоднего холода был поставлен в конце прошлого века, когда температура воздуха упала до +17 по Цельсию, при том что обычно она стоит на уровне 30, а вода холодней 25 так и вовсе не бывает. Сейчас, когда я пишу эти строки, кончается сезон дождей и аж до самого июня над всей Гваделупой будет синеть безоблачное небо...

Итальянские уроки: как нас обуять

Цивилизованный мир завален модными товарами. У тех, кто привык покупать качественные дорогие ботинки, их запасено на десять лет вперед. Вот он, страшный призрак кризиса перепроизводства, каким нас пугал покойный путаник Маркс! Плохо это или хорошо, но мода с каждым годом все слабее волнует людей, они переключают свое внимание – и траты – на путешествия, мобильные телефоны, Интернет. Итальянские обувщики встревожены: как выжить? Они напуганы этим кризисом и напряженно ищут из него выход. Видите, а мы думали, что только у нас проблемы в экономике, что остальным все даром достается... А на самом деле всем трудно!

Почему они?

Кстати, отчего все так носятся именно с итальянской обувью, а не, допустим, с прогрессивной американской, которая даже на Луне оставила следы? Или – что бы нам самим не напрячься и на фабрике «Скороход» не нашить лучших в мире ботинок? Неужели ж мы дурнее? Вон у нас ракеты какие! Но – нет. Даже когда за обувное производство у нас брался гений мирового масштаба, ничего не получалось. Лев Толстой собственноручно тачал сапоги и дарил их поклонникам, однако сам при этом носил импортную обувь – вы можете лично проверить этикетки на экспонатах его дома-музея... Увы! Носимся, носимся со своей духовностью, а простого итальянского сапожника догнать не можем. Почему? Я многих в Италии про это спрашивал. Ответы, сложившись, дают простенькое, но убедительное объяснение. Во-первых, будучи людьми темпераментными, итальянцы все, за что берутся – если уж берутся, – делают с любовью и страстью. Во-вторых, они от рождения привыкают к красоте вокруг. По их статистике, в стране сосредоточено 70 процентов мирового запаса памятников культуры. А где не видно шедевров, там все равно хорошо: синее небо, зеленые холмы, игрушечные домики и аккуратные поля, – это все против нашей слякоти, мрачных заводских трущоб, скуки, тоски, запоя. Что видишь вокруг, то и воспроизводишь! Видимо, не зря наши художники в старину творческим командировкам на БАМ предпочитали Италию... Помню, Дмитрий Набоков, который много лет жили в Италии и увлеченно коллекционирует автомобили Ferrari исключительно за их красоту, уверял меня: живи Микеланджело сегодня, он непременно б занимался промышленным дизайном...

Экзотика

Особо стоит сказать про модные материалы. Они разные – вплоть до кожи, снятой с питона, – из нее получают легкие босоножки (Cesare Catini). Конская шкура, черная и оранжевая, из нее – и туфли, и сумки, например, в виде торбы из-под овса, которую вешали лошадям на морду (такое – у многих). В ходу там и шкура кенгуру (Fabi). Фабрикант Фламинио Фаби – у него, кстати, на Тверской большой магазин – просвещает:

– Да, дорогая она – 60 долларов за метр. Так что фабричная цена за пару будет долларов 80, а уж в магазине около 200. Но зато кенгурячья кожа не пропускает воду! Это самый ноский материал!

Но такие ботинки еще надо уметь выбирать. Люди зря боятся шрамов на коже – думают, это брак. А на самом деле кенгуру в загонах у себя в Австралии прыгают и царапаются о колючую проволоку. Шкура – на ботинки, мясо – на консервы, выгодно!

– Слушайте, у вас же тоже тепло, могли б сами разводить!

– Не, не потянем. Им же надо прыгать, а в Италии негде – тесно у нас.

А вот туфли из нейлоновой сетки – похожую ставят на форточки против комаров, – на которую тут и там накапана яркая краска, – изобретение Фернандо Пенсато. Это самый сен-

тиментальный из всех итальянских обувных магнатов, которые мне там встретились. Тонкий мужчина в годах, с длинными седыми волосами, с глубокими трагическими глазами, он изобретает как бы игрушечные туфли – с жемчугами, с цветочками, посыпанные как бы сахарными цветными шариками, они сверкают перламутровыми блестками, они кажутся сладкими до приторности, десертными. Фернандо – сам себе хозяин, дизайнер и продавец:

– Я работаю без посредников, мне надо из первых рук узнавать, что нужно людям!

Рядом с ним торгует жена. Тридцать лет назад в Гамбурге она была юной манекенщицей. Ей тогда срочно понадобились к розовой мини-юбке, которую он как сейчас помнит, длинные зеленые сапоги. Влюбленный Фернандо все бросил и стал ей требован. Немецкая красавица с тех пор при нем безотлучно и все вдохновляет, вдохновляет...

Фабрики

Как, в каких условиях это все делается? Каким манером эти красоты природы и культурное наследие эпохи Возрождения переплавляются в блеск и роскошь модных ботинок? Из вас мало кто бывал в обувных итальянских цехах, где простой пролетарий, не очень образованный и не шибко озабоченный мировой гармонией, вовсе не высокооплачиваемый, играючи, с шутками и прибаутками делает туфли, за пару которых в торговом комплексе на Манежной просят – и дают – долларов четыреста. В традиционной обувной области Марка вокруг городка Анкона (знаменитого тем, что его с моря брал наш адмирал Ушаков) полно таких маленьких фабричек, где рабочих в цеху всего-то человек тридцать да еще столько же прочих – дизайнеров, слесарей, компьютерщиков и т. д. Когда производство такое компактное, легко его переналаживать на выпуск новых моделей! Этим итальянцы, кстати, побили менее мобильных французов, которые еще не так давно дышали им в затылок. Фабрички повыврастали из маленьких мастерских, на которых после войны, а то и вовсе в войну шили бедные примитивные тапочки. А теперь они ссылаются на эти жалкие штилеты из автомобильных покрышек, надувают щеки и хвастают, что у них-де давние обувные традиции! Да наши бабки в трудные времена тоже шили тапочки на дому. Правда, они пошили-пошили, да почему-то бросили, и все, никакого вклада в глобальную моду из этого не вышло...

Ну вот. Заходишь – через вахтера, с разрешения менеджера – в цех, весьма, кстати, чистый, светлый, тихий. Вид иностранных пролетариев может шокировать неподготовленного человека. Представьте себе скромных деликатных мужчин почти сплошь с испанскими бородами – такие обычно пририсовывают карточным валам, – с виду совершенно непьющих, которые тихими голосами что-то обсуждают, не отрываясь от своих станков; вот обжимают фигурным прессом кожаную заготовку, тупо мажут ее клеем, после приваривают подошву, наждачком снимают заусенцы, далее ластиком стирают следы клея – всего-то, казалось бы, делов! А вот женщины с торжественными – на наш взгляд – прическами, которые сидят у конвейера в распахнутых халатах, накинутых поверх купальников, – хоть не лето, но страна-то теплая и в цеху жарко. Полуобнаженных тружениц, заметьте, никто не достает сальными шуточками. Кому-то не с кем было дома оставить собаку, и она неторопливо прогуливается по фабрике, демонстрируя хорошие манеры.

Это я вам описываю с натуры фабрику с названием Loriblu. А можно зайти и на фабрику Fabiani, названную так, как вы догадываетесь, не в честь партсъезда или героя революции, а просто по фамилии хозяина. А имя его – Giovanni.

Он начинал по обычной схеме, воплощая в жизнь итальянскую мечту:

– Мы с братом были простыми рабочими. Потом открыли мастерскую. А после из нее выросла фабрика, пришел успех...

– Но почему именно к вам? А не, допустим, к соседним французам? Они ж тоже шли в кустари! А английская обувь как гремела! В чем дело?

– Наверно, это все благодаря итальянской фантазии!

Джованни ведет меня в свой show room, на двери которого написанная кириллицей табличка: «Шурум»; они думают, что нашим челнокам, которых вокруг полно, так понятней. Тут выставлена «коронка» – невероятно мягкие туфли, которые можно согнуть пополам и положить в карман. Эта линия у Джованни называется «комфорт». Русские закупщики к ней пока только присматриваются, а берут что помодней и поярче. Забавно, кстати, что на фабрике пара таких ботинок продается по 60 долларов, а в магазине – итальянском – уже по 150, в московском – по 300.

С чего такие перепады? Может, оттого, что итальянцев не очень тянет к нам налаживать бизнес. Синьора Сагрипанти, которая от своего деда унаследовала обувную фабрику Manas, рассказывала мне про Москву:

– В отеле у нас забрали документы – вроде на регистрацию. А на улице милиционеры брали с нас на каждом углу по 50 долларов – за то, что при себе нет паспорта. Одни возьмут, а после другим по рации передают. Когда деньги кончились, мы позвонили в посольство, и наши приехали нас вызволять. Видимо, это вызвано тем, что в России немодно платить зарплату вовремя. Несмотря на это, Москва очень красивая...

Один из самых успешных итальянских обувщиков – Andrea Montelpare. Кроме производственной деятельности, занимается и общественной работой: он вице-президент АНЧИ – Итальянской ассоциации обувщиков. Капиталист выглядит очень скромно: на нем поношенные серые брючки, рубашка без какого бы то ни было галстука, но с закатанными рукавами, и простенькие замшевые кроссовки на босу ногу. Сеньор Montelpare небрежно уточняет, что его обувь носят внуки президента «Фольксвагена» и дочка певицы по кличке Мадонна. То есть жизнь удалась!

А ведь, кстати, интересно: что пролетарии имеют с этой всемирной славой итальянских ботинок? С этого триумфа, этого апофеоза? Кроме гордости за родное предприятие?

Это мне растолковывал Nando Muzi, человек с седым «ежином» и толстыми темными линзами очков – хозяин одноименной фабрики, которая делает весьма добротные ботинки:

– Средний работник получает 13 тысяч долларов в год. Чистыми. Все налоги за него плачу я – а это еще столько же.

– Ну, для Италии это не так много! С вашими ценами не очень-то разбежишься...

– Вот-вот, разве ж им угодишь? Но я ж вижу, кто как живет! Обычно в семье двое работающих. У них почти обязательно машина, как правило – домик на море. Стабильность, и покой, и уверенность в завтрашнем дне. Спят спокойно. А я? Я постоянно рискую! У меня никаких гарантий!

Капиталист Фаби тоже не может про это говорить спокойно:

– Я знаю, что такое работа по найму! Я сам был рабочим, вкалывал в цеху, нарезал кожу! У меня сейчас 150 рабочих и никакого профсоюза. Потому что я к пролетариату замечательно отношусь. У меня, видите, в цехах кондиционеры, я плачу хорошо, я вкладываю прибыль в производство! Но люди, конечно, недовольны. Коммунистов вот у нас стало еще больше. Ездят на «мерседесах», а все им плохо...

Впрочем, предприниматели признаются, что не так много желающих выполнять на конвейере нудную, однообразную работу, от которой тупеешь.

– Лет через десять некому будет работать – у всех образование, все поэты, – с обидой говорят хозяева фабрик. – Если б не эмигранты из Румынии, Албании и Марокко...

Вкусы

Приятно узнать, что, несмотря на отдельные проблемы, мы все-таки не все приоритеты растеряли: так, итальянская статистика учит нас, что Россия потребляет больше меховых сапог,

чем весь остальной мир, вместе взятый. Все-таки приятно, когда можно хоть чем-то гордиться! А первый рынок, который резко среагировал, молниеносно перешел с закругленного носка на узкий – чей? Наш, ура! Во какие мы прогрессивные.

Вообще интересно взглянуть на народы с обувных позиций. Какие ж мы разные! Негры очень уважают цветную обувь – желтую, красную, вообще яркую; солидный телесный (в смысле черный) цвет им не нравится. И чтоб носки были узкие. Еще к узкому носку равнодушно на Ближнем Востоке, а сам ботинок чтоб был сшит из козьей кожи. Не исключено, что у них там с козой какие-то эротические аллюзии возникают – когда они натягивают козью туфлю. О цветах: в Азии, на Дальнем Востоке любят обувь спокойных, пастельных тонов.

У русских только крайности, а середины нет, – таково мнение итальянских обувных оптовиков, которые работают с нашими челноками. Нам или сапоги, чтоб грязь топтать, либо выходные туфли, а просто красивые ботинки в России мало кого интересуют. Любят у нас лакированные туфли – в них легче привлечь к себе внимание. И платформа нашим нравится, но уже по-другому: удобно ходить по снегу и грязи.

А бандиты наши очень уважают Cesare Paciotti, со шпажкой – так они называют металлическую эмблему, которая вообще больше смахивает на факел. Я покрутил ботинок в руках: ничего, солидный, черный, без шнурков...

– Вот-вот, – говорят мне продавцы, – кроме вас, никто так ботинки не крутит, не гнет, не обнюхивает.

– Гм... А как же иначе?

– Да как все! Надел, прошелся, удобно – купил, и все...

А присматриваются к нам достаточно внимательно: мы хоть и мало обуви потребляем, всего-то 2,2 пары в год, – зато нас вон сколько. Сейчас мы да, меньше покупаем дорогой обуви, каковой почти вся итальянская и является. С одной стороны, это вроде не очень страшно: когда в Корее был кризис, там импорт упал в ноль! После они поднялись. Но, с другой стороны, Корея – страна-производитель, экспортер товара, потому так быстро и поднялась. А с нами что будет?

Мода умерла?

Пока что мы итальянцев не радуем. В первое время после дефолта поток чартерных рейсов с нашими челноками ослаб раз в десять по сравнению с хорошими временами.

– Это был такой удар для фирм, которые специализировались на торговле с Россией... – грустно рассказывают обувщики.

– Что с ними стало? – спрашиваю я виновато. – Лопнули?

– Да, многие... Вот оно как повернулось: кто поверил в Россию, тому плохо пришлось! А кто действовал осмотрительно, тот выжил.

Да, свяжись с нами...

Но не только от нас у них головная боль. Мировая мода вообще переживает тяжелые времена! Еще не так давно мода была в Европе главной статьей расхода! Люди стремились к дорогой одежде, дорогой обуви – так всегда бывает на первой стадии роста потребления. А теперь не так важно, во что ты вырядился! Важней другое – как и чем ты живешь...

Но даже в кризис перепроизводства человеку можно впарить не очень нужные ему туфли – тут все дело в цене. То есть надо снижать себестоимость. А как? В Италии же все дорого, взять хоть ту же рабсилу. Так что приходится часть производства выносить за рубеж, в страны подешевле, но с какими-то обувными традициями: в Чехию, Румынию, Польшу, Югославию – и даже Албанию. (А мы это все покупаем как итальянское!)

Эту грустную беседу мы ведем за обедом с капиталистом Ремо Чичоне, крепким мужчиной, основательным и неторопливым. Он весьма скромно и небогато одет. Из предметов роскоши на нем разве что тяжелый золотой браслет с пластинкой, на которой выбито его имя, – удобно для бизнеса, никакой визитки не надо. Мы выпиваем в ресторане на морском берегу,

кругом февральская теплынь, тишина и покой, и нега. Но для Ремо это короткая передышка между боями:

– Ситуация может измениться со страшной быстротой! (Уставы нас учат, что такова главная особенность современного боя.) Раньше была одна коллекция на сезон, только она и продавалась. А сейчас? Новые модели идут каждый месяц и запускаются в считанные недели! В средней семье Европы и Америки столько обуви, что за десять лет не сносить! Как им продать что-то еще? Хотя мода для того и изобретена, чтоб заставить людей покупать все больше и больше... И потом, люди стали жить богаче. Вот, к примеру, нужно к празднику сделать подарок. Раньше это сплошь и рядом были ботинки! А теперь подарком запросто может стать неделя на Мальдивах...

«Ну что? Как говорится, всем трудно: у одних щи жидки, у других брильянты мелки», – подумал я.

Ремо как будто прочел мои мысли:

– У вас в России что там сейчас, взрывают? Страшно?

– Тебя б туда...

– Меня? А нас 20 лет взрывали. Забыл про наши красные бригады? И бомбы были, и политиков похищали, и убивали. Потом, видишь, все успокоилось. Так что и вы не дрейфьте.

А что? У нас, может, половина бед оттого, что мы такие жидкие на расправу. Плохо удар держим. Все думаем, что одним нам плохо, а всем остальным – замечательно...

Saint Martin: остров травы

К чему нас тянет в этой жизни с максимальной силой, так это к контрастам – будь то пляжи с их резким переходом от песка к воде, питье холодного пива с пересохшей воблой или женщины с их разительной на нас непохожестью. Вот и остров Сан-Мартен как раз этим и интересен перепадами – а не банальным набором из песка с водой, не креолками с мулатками и не выпивкой же с закусками, право.

Главная красота этого островка в том, что он распилен надвое – правда, воображаемой линией, видной разве только на политической карте. Получается так, что пол-острова – это Франция, а вторая половина – Голландия. Жаль, конечно, что своих секторов нет ни у индейцев, которым первым принадлежал этот остров, ни у испанцев, которые «открыли» эту индейскую землю и, как это было модно среди обмороженных московских риелторов в начале 90-х, сселили жильцов куда подальше, а кто сопротивлялся, с теми вообще решили вопрос радикально. Те же испанцы в своей части могли б приманивать туристов корридой и фламенко, а индейцы, будучи – как-то так исторически сложилось – каннибалами, разнообразили б островное меню какими-нибудь экзотическими блюдами... Но увы – ничего этого нет. К тому времени как остров придумали поделить, в списке претендентов осталось всего две позиции. Возможно, у прочих нашли недостатки в оформлении документов и они были сняты с голосования. Впрочем, и так хорошо: достаточно и оставшихся двух культур на одном пятачке – французской и голландской.

А получилось это так. Вместо того чтоб действовать по схеме «победитель получает все, причем любой ценой, а побежденный выкидывается при помощи спецназа в маска», претенденты выставили по одному невооруженному ходоку с каждой стороны. Те одновременно вышли из одной точки, поставленной на берегу, в разные стороны. В какой-то момент они встретились лоб в лоб, но мирно. Эти два пункта соединили воображаемой линией, которая и была объявлена границей. Половинки, как это всегда получается в жизни, вышли неравные. Французам достался больший кусок – 21 квадратная миля, и всего 16 квадратных миль отошло голландцам. Что так? По версии французов, делили честно, просто голландец был пьян и еле шел. На другой части острова поговаривают о том, что француз жульнически срезал углы, в то время как протестант-голландец честно вымерял шагами все мельчайшие изгибы береговой линии... Но это мало кого волнует. Никто не выясняет отношений. Почему не устраивают разборку по схеме, которую мы использовали с островом Даманский, например? Причина простая: по острову Сан-Мартен можно совершенно свободно перемещаться без документов. По какому-то странному капризу, в отличие от цивилизованных стран типа России и Украины, островитяне не поставили на этой своей границе ни пограничников, ни таможенников. Только монумент в честь исторического события. Кроме того, местные – вот чудачки! – не гонят туристов менять валюту. При том что на голландской части все цены в долларах, евро там тоже принимают совершенно безболезненно. Французские кассирши точно так же равнодушно кидают мятые долларовые бумажки в ящички своих старинных машин наравне с евро... Внимательный читатель тут попрекнет меня ошибкой – какие ж доллары на голландской территории, это ведь зона евро! Но тут нету ошибки. Там именно доллар в ходу, для удобства, поскольку большая часть отдыхающих таки из Соединенных Штатов. И вот людей решили уважить, сделать интуристам приятное, не грузить их обменом одних бумажек на другие. А почему, собственно, нет?

Однако одна половинка острова все-таки разительно отличается от другой. Утонувшие в деталях, в привычке к роскоши и двоемыслию французы обустроили свою часть острова по-своему. Они хотели как лучше, а получилось так, что вечерами самое веселое происхо-

дит именно на голландской территории. Ведь на ней, как известно, в открытую и совершенно легально функционируют казино, веселые девицы и продавцы марихуаны.

Там чувствуешь себя немного Петром Великим и вслед за ним приобщаешься к чудесам вольной европейской жизни – вырвавшись на неделю-другую из нашей суровой страны, в которой чем дальше, тем меньше разрешено...

Вообще же это особый вид роскоши: завтракать в одной стране, круассанами к примеру, а ужинать и покуривать в другой – а завтра опять все по новой, и все без тягот, которые обычно сопутствуют путешествиям. Вот Marigot, симпатичный городок, столица французской части острова. Бедные, но чистенькие деревянные двухэтажные домики с плоскими крышами. В этом есть налет колониальной беспечности, какого в континентальной Франции и не сыщешь. Негры ждут автобусов на остановках... Негры не парижские, они другие, здешние – более простодушные, чистенькие какие-то. Они посиживают в бедных простеньких пивных, которые так ностальгически напоминают советскую молодость. И собаки местные – не те, что в Париже, не холеные, не самодовольные, а такие как бы побитые, жалкие, маленькие, серенькие овчарки с собачьими глазами и опущенными хвостами. А дальше – вон снова контраст – Marina, которая выделяется среди всего окружающего богатством и блеском, и дороговизной магазинов, в которых отовариваются заезжие яхтсмены: остров же весь duty free.

Что касается города Филипсбург, столицы голландской части, так обе его улицы застроены не только отелями (которых на островке, кстати сказать, аж 500), но в основном ювелирными лавками с их бесконечными сейлами. Тут уже меньше негров и мулатов, а больше индусов, которые почему-то любят торговать золотом от модных фирм и давать скидки. Вечерами торговцы травой прохаживаются по тихим улочкам. К ним то и дело подходят туристы, отовариваются, затем берут в ночном супермаркете пару пачек здоровенных папиросных листов для самокруток и спешат в какую-то из местных дискотек. А там веселье до утра, выпивка в розлив, рокеры, затянутые в черную кожу, причем иные от рождения... Грохот, страсти, да – но обходится, как правило, без ЧП. Все-таки когда полиция европейского уровня и местные приучены к неотвратимости наказания без коррупции, оно как-то спокойней. Пей, гуляй – и тебе ничего за это не будет. Даром что южные, дикие, казалось бы, края – а подраться с местными далеко не всем удастся. Конечно, завидуешь американцам, для которых Сан-Мартен, грубо говоря, что для нас Крым: лететь приблизительно столько же, климат получше, а радости жизни отличаются замечательной дешевизной по сравнению с родиной-то.

А вот еще типичное развлечение из местной экзотики. Надо приехать на пляж у международного аэропорта и устроиться там загорать. Самолеты, заходя на посадку или взлетая, проносятся всего-то на шестиметровой высоте, – такое впечатление, что ты на палубе авианосца. Лайнеры поднимают маленькую песчаную бурю, которая уносит вдаль полотенца курортников. Люди смеются, бегут ловить унесенное ветром имущество, а после возвращаются на место и ждут нового рейса. И так все 60 лет, что тут существует воздушное сообщение... А чтоб самолет упал на пляж или хоть снес крышу сувенирной лавки – такого старожилы не припомнят.

Надо сказать, места тут раскрученные: туристический бум начался в 60-е, одновременно с нашей модой на дачную жизнь. Не шикарный, обычный, в пару этажей домик тут встанет – грубо – в 250 тысяч евро. Но при всем том можно реально купить простенькую хижину без удобств, в каких живут местные и которые страшно похожи на русские шестисоточные дачные домики, – и всего-то за тыщу. Туда можно приезжать из своего отеля пить пиво и потом дома хвастаться – вот, прикупил недвижимость на Карибах... Смешно – и в этом действительно таки будет доля шутки.

По матери городов русских. Небольшая экскурсия

Такой мысленный эксперимент.

Попробуйте представить себе Москву приблизительно такую. В ней почти всегда по-южному тепло, а над ней синее, почти итальянское небо; это город, в котором терактов не было лет сто и потому мысль о них в голову никому не приходит, ведь последняя война кончилась 60 с лишним лет назад; глазу не удастся выхватить из толпы ни кавказца, ни китайца, кругом сплошь представители белой расы; метр жилплощади в центре стоит 1500 у.е.; одна из веток метро доходит до бескрайних общедоступных песчаных речных пляжей; никто не перегораживает улицы, чтоб пропустить кортежи с мигалками; это место, о котором мировые СМИ сообщают с теплым интересом; там люди улыбочивы и вежливы, водители уступают дорогу пешеходам – и при этом все еще хорошо понимают по-русски. Попытка это все представить вам скорей всего не удастся: Москва – она такая, какая есть, чего уж там. Но по крайней мере вы хоть как-то приблизитесь к пониманию того, что такое Киев – мать, pardon, городов русских.

ПОМЕРАНЧ

Когда в Киеве проходило «Евровидение», киевляне это понимали так, что без Украины Европа не вся, она без бывшей Малороссии неполная. И горе вам, если вы полезете с этим спорить. Бесплезно кивать на собранных в донецких степях скифских баб, которые сейчас подпирают стены Исторического музея в Киеве, и цитировать Блока – типа, «да, скифы мы, да, азиаты мы»: украинские поэты в отличие от своих русских коллег ничего подобного не заявляли. Украина, вот ведь неожиданная для русских мысль, к Азии не имеет никакого отношения и никаким боком в ней не лежит. До Урала отсюда лететь и лететь, и вообще это за граница. Азия – это что-то далекое, экзотическое, иностранное, туда нужна виза...

Куда деться от недавней революции? Никуда. Никак не обойти Майдан, на котором стояли палатки с померанчевыми. Все помнят о том, как все было ТОГДА.

Вообще революционные настроения масс еще дают о себе знать. Тут и там натыкаешься на пикеты и даже небольшие демонстрации. Люди по инерции продолжают осуществлять свободное волеизъявление и рассчитывают на серьезное отношение к их пожеланиям. К примеру, зеленые у горсовета стоят с транспарантами: «Мэр, сделай правильный выбор!», «Пляжи – народу!». Еще они выражают недовольство тем, что мэр позволяет строить в центре элитные высотки на месте детских площадок. Ну не то чтоб стройки в ответ замораживали, но и ОМОНа с дубинками не видно нигде. Революционный народ, с ним лучше не связываться, себе дороже выйдет. Кстати, а что это за парни в черной униформе и оранжевых беретах, с нашивками на рукавах? Я подошел поближе рассмотреть этих «спецназовцев» – и они оказались мирными и безоружными членами «Коалиции участников померанчевой революции». А издали так грозно смотрятся!

Надо сказать, что в городе заметно настроение какой-то легкости и радости. И весна, и победа в революции, и прекрасные ожидания, что чем дальше, тем будет веселей... Москвичам, которые помнят, что после нашего августа 91-го вокруг Белого дома первым делом поставили тяжелую железную ограду, показывают на граждан, которые разгуливают у крыльца президентской администрации. И рассказывают правдивые истории про то, что Ющенко ездит по городу тихо и скромно, причем со скоростью простого смертного. Никакой, знаете, езды по осевой – по осевой тут если что и двигалось, то прям на моих глазах крестный ход, небольшой такой, самодеятельный. Человек тридцать, с батюшками и хоругвями. А что, свобода настала, ходи где хочешь. «За что на майдане стояли?» – такая интонация часто там встречается. Типа «человек проходит как хозяин». Это вообще впечатляет. Мимо меня, когда я шел однажды на

республиканский стадион (Украина – Дания, счет, как ни странно, 2:1, при том что накануне Россия сыграла с Эстонией, которая не идет ни в какое сравнение, 1:1), медленно и скромно протискивался сквозь равнодушную толпу президентский кортеж без мигалок. После Ющенко и его свита заняли места не в виповской крытой ложе, а на обычных местах, с простой публикой, отгороженные от нее всего лишь жидким кордоном из безобидных милицейских майоров. Тонко. Театр, показуха? А дайте и нам такую показуху. Чтоб мы на нее посмотрели. Может, понравится.

Вообще же это приподнятое настроение у публики не на пустом месте: Киев объективно на подъеме. Смотрите, совсем не так давно это был губернский город, потом пошел на повышение – стал республиканской столицей. А там вырос в столицу суверенного государства, у которого, согласились, полно проблем, – но оно все ж таки самостийное, а не окраинная провинция некоей империи. Если с этой точки глянуть на ситуацию, картина таки меняется...

Мова

Коротко окинем взглядом вопросы языкознания. По-русски в Киеве без проблем говорят даже радикальные националисты. Не говоря уж про сотрудников общепита. Исключительно на украинском упорно отвечает на явно ей понятные русские вопросы только официантка в ресторане национальной кухни «Щекавиця», – может, у нее так в контракте записано? Вышитую сорочку не из дому же она принесла, выдали в каптерке. Впрочем, это довольно мило. Про заведение, кстати, поговаривают, что туда ходит жена президента. Не любят говорить по-русски некоторые писатели и журналисты, но если собеседник не понимает, легко переключаются на великий и могучий, от украинского оставляя только heavy західенський акцент.

Очень изящно решает вопрос радио 101,1, которое я слушал в такси, катаясь по Киеву. Там ведущая по ситуации переходит с русского на украинский и обратно. Приблизительно так: «Вот Иван Петров просил передать песню Софии Ротару. Мы передаем. А також її замовляла Одарка Панасюк, яку ми теж щиро вітаємо». Или на каком-то телеканале, пойманном в отеле, негр в эфире говорит по-русски – а чего ж еще от него ждать, вообще говоря. Ведущая ему отвечает по-русски же, на автомате, но потом спохватывается, ойкает – что ж это я! – и возвращается к украинскому. Негр кивает. Ему что так, что этак – все понятно. Как и большинству зрителей, если не всем... А вот еще что. Когда по украинскому ТВ идут «Менты», капитан Ларин говорит по-русски, но субтитры внизу кадра – украинские. Ну, скорей всего не потому, что зрители без подстрочника не в состоянии уследить за поворотами сюжета, – но в целях совершенствования языка. И это правильно. Ведь далеко не все люди, думающие, что прилично говорят по-украински, отдают себе отчет в том, что «бурштин» и «журавлина» – всего лишь «янтарь» и «клюква». А в ресторане один ковбой сказал другому: «Вони в влаштували пастку біля джерела». Красота этой фразы в том, что в ней нет ни единого русского слова. Перевод: «Они устроили засаду возле источника». Вернемся к футболу. Болельщики на республиканском стадионе стоя пели украинский гимн, довольно складно, – еще и потому, что был включен режим караоке: бегущая строка подсказывала слова. Солистом же, запевалой был сам Пономарев, серьезная звезда украинской эстрады, у нас не очень известная. По ходу матча любители футбола при оранжево-голубых шарфах то и дело кричали: «Вперед, Україна!» И только девушка рядом с нами орала: «Давай, блядь!» Набор слов такой, что ни по звучанию, ни по написанию не понять, какой это язык из наших двух. В общем, дружба народов не пустые слова, по крайней мере в данном случае.

В общем, когда чье-то национальное самосознание растет без особого фанатизма и чужих не бьют, то все это выглядит довольно симпатично.

Киев VIP

Киев – город вполне богатый! Теперь. Есть статистика, что по количеству Майбахов Киев дышит Москве в затылок. Еще пару лет назад поход в бутик был для новых украинских экзотикой, а сегодня идет соревнование: кто быстрее добудет информацию о приходе новой коллекции и опередит соперников, успеет что-то ухватить. Прошли времена, когда *fois gras* в Киев возили чемоданами с диппочтой два раза в неделю, и этой пары чемоданов хватало на всю страну. Теперь так не навозишься – все стало как у взрослых. Маленькая деталь. Билет на репетицию в рамках Евровидения стоил 300 евро. И попробуй достань!

Готовясь к поездке в Киев, есть смысл освежить в памяти карту города. Как вы понимаете, все самое интересное там расположилось в треугольнике между храмами: Лавра – Софийский собор – Владимирский собор. Тут Подол, Печерск, Царское Село. И Липки – самый престижный и дорогой район. Старые трогательные домики вблизи Верховной рады, где селились еще советские солидные начальники. Ну не все, конечно: самая верхушка предпочитала брать квартиры на Десятинной улице. Прохожие вам там покажут пальцем окна квартир Кучмы и Лазаренко... Из которых, не зря им нравилось это место, виден Княжий Град: отсюда начался город. В X веке. Когда многих других столиц СНГ еще и в проекте не было. Тут же и фундамент Десятинной церкви, построенной в 996 году. Ее потом все время рушили: то татары, то коммунисты... За последними так и не успели восстановить. Рядом – здоровенный камень с выбитой на нем надписью: «Отсоуда є пошла роуська земля». И поди с этим поспорь... Может, это самое лучшее и самое дорогое для русских место? Или нет? И если нет, то почему? Странное вообще и глубокое чувство: Россия началась тут, а теперь это заграница. Заграница forever. Отчего-то получилось именно так. Кстати, если б Столыпин не был в 1911 году застрелен террористом, он, может, успел бы осуществить свой великий замысел – перенос столицы Российской империи в Киев. Все уже было решено, не зря Петр Аркадьевич столько времени там проводил и именно там был убит. Стоя у могилы этого титана под стеной трапезной церкви в Киево-Печерской лавре, думаешь про то, как могло все пойти, какое б нас ждало счастье, если б не тот выстрел...

Ладно, поехали дальше. Вот центральная улица – Крещатик, аналог Арбата, где отмечаются приезжие. Он не очень длинный: на полчаса неспешной ходьбы.

В войну его взорвали чекисты (долго валили на фашистов, но потом признались), после отстроили. Мощные сталинские дома непохожи на те трехэтажные домики, какие тут стояли до большого взрыва... И которые можно найти на уцелевших улочках вокруг.

Крещатик идет от Европейской площади до Бессарабки, то бишь Бессарабского рынка. Европейская – это бывшая площадь Ленинского комсомола, там стоит бывшая библиотека ЦК КПСС, теперь – национальная. В нее пускали на ночлег померанчевых революционеров с майдана. И это правильно: для любви, дело ж молодое, эта территория годилась все лучше, чем зимние улицы. Бессарабка – вещь имиджевая, это пафосный рынок, самый дорогой в городе. Не так давно перешел на круглосуточный режим. Там огромный выбор цветов – население ж склонно к романтике – и отборного сала: сильной стороной украинцев наряду с сентиментальностью всегда был здоровый прагматизм. От Бессарабки – пять минут пешком до Спортивной площади, а там – Дворец спорта. А от дворца уж рукой подать до республиканского стадиона, если кому интересно.

За Бессарабкой – новый богатый бизнес-центр Мандарин-плаза. Там еще не на всех этажах отделка закончена, но желающих въехать в новые офисы прям сразу хватает. В числе первых в комплекс въехали братья Кличко, которые открыли тут четырехэтажный клуб Arena Entertainment – одно самых новых и пафосных заведений Киева. Великие боксеры варят и

подают здесь свое особое пиво. Рядом с ними функционирует клуб «Оранжевая», куда не стыдно зайти даже очень требовательным тусовщикам.

Самый, может, раскрученный киевский открыточный вид – это знаменитый конный памятник гетьману Хмельницкому на одноименной площади. Избежать посещения этого места невозможно. Здесь же стоит и древний Софийский собор с уникальной византийской мозаикой внутри. На этой же площади стоит и самый дорогой в городе дом – он называется «Софийская брама». Дом принято показывать приезжим: это местный рекорд по поворотам, тут даже центральный кондиционер и, более того, климат-контроль, своя котельная и домашняя электростанция. Метр тут в пять раз дороже, чем в соседних домах. Может, из-за вида на Хмельницкого? Если так, то это весьма патриотично.

Общепит

На фоне плотных украинских, пафосных японских и богатых китайских ресторанов (типа Lun Van на ул. Хмельницкого) выделяются дорогие и страшно серьезные заведения, куда стоит сходить как минимум на экскурсию. Вот знаменитый своими утками «Конкорд», что на площади Толстого – на открытой террасе на крыше дома. Оттуда видно пол-Киева, и это смотрится весьма богато. Само здание, а это бизнес-центр, имеет очень драматичное название – «Киев – Донбасс». Хотя в этом смысле все более или менее устаканилось. А вот Magosana расположена, напротив, в полуподвале. Туда свезен, кажется, самый дорогой антиквариат Северной Африки. Нашумевший «Эгоист» отличается не только изощренной кухней, но и выставленными в зале антикварными томами XVIII и XIX веков. Они на открытых полках, их можно листать между делом. Расчет у хозяев, видно, такой: если обед стоит 300 долларов на брата, вряд ли клиент позарится на книгу за 50 долларов. Библиотека есть и в «Декаденсе», но там книги пока что совсем новые.

А еще ж есть Первомайский парк с рестораном национальной кухни «Куріні». Гостей там рассаживают в отдельных мазанках и кормят широким ассортиментом вареников. Отдельная история – набережная Днепра. Там полно общепита, увеселительных заведений и расположенных между ними гостиниц.

Хватает в городе и солидных ночных заведений типа клубов «Пена» или «Дежа-вю». Но путешественника там поджидают и сюрпризы. Зайдя как-то в конце рабочего дня попить кофе в пиццерию на улице с советским еще названием Московская, я заметил, что официантки разгуливают по заведению в трусах, майках и ажурных чулках.

– А отчего у вас одни в шотландке, а другие в черном? – спрашиваю.

– У нас хозяин заведения – шотландец, и потому дневная форма у нас в красно-зеленую клеточку. А в черном – это девушки, которые в ночную смену.

– А вот у вас в меню есть такая строчка: «Вечеринки «под ключ», официанты и бармены у вас дома, сюрпризы и неожиданности, экстрим-развлечения». Что за экстрим у вас, если не секрет?

– О, это просто сумасшествие.

При этом девицы в один голос уверяют, что они обычные официантки, не более того. И других услуг не оказывают.

А как-то вечером по пути от Верховной рады к Крещатику по улице Пушкина – мимо бывшего штаба Януковича, – я заглянул в заведение с оригинальным названием «Петипа». Оказалось, что там душевые со стеклянными стенами, так что, выпивая, можно рассматривать моющихся танцовщиц, которые, к сожалению, во время водных процедур не снимают купальников. Эти сцены из душевой транслируются в мини-комнатки размером с купе, где можно приобщаться к прекрасному, сидя на диванчике и попивая шампанское, которое входит в стоимость аренды.

Днепр

Посреди Днепра расположился Труханов остров, он же Гидропарк. Место давно обжитое: он весь покрыт пляжами разных ценовых категорий (от бесплатных до десятидолларовых и закрытых), ресторанами, яхт-клубами и просто клубами. Там такой как бы замкнутый цикл: к примеру днем девушки загорают, а вечером радуют отдыхающих. Весь Киев летом там. В хорошие дни на острове собирается до полумиллиона человек – размах!

Короче, реально хочется в Киев...

Привет русскому Барабасу от парижской Барби

В Парижском музее кукол, что на Rue Beaubourg, 28, прошла выставка «Барби: первые десять лет (1959–1969)». Почему только первые 10, а мы как же, с нашим временем? А потому что теперешняя, современная Барби, которая досталась новому поколению, – всего лишь часть массовой культуры, продукт конвейера. А та, прежняя, была произведением высокого искусства и явлением общественной жизни, которое влияло даже на высокую моду (sic!). Впрочем, это не более чем версия – шестидесятники (и шестидесятницы) склонны к излишней романтизации тех своих скучных 60-х.

Кукла – вылитая Мэрилин Монро.

Один из двух хозяев музея Сэми Оден (второй – его сын Гвидо) воспекает «экстраординарную современность» объекта своего собирательства. Он убежден, что эта «модная куклатинейджер» 60-х имела какое-то сходство – ну по меньшей мере хоть внутреннее – с тогдашними звездами: Лиз Тейлор, Мэрилин Монро, Джейн Рассел.

– Вот это фото, где две Барбины головки, – спрашивает нас Сэми, – это разве не один к одному кадр из фильма «Джентльмены предпочитают блондинок»?

Признаться, сходство не очень близкое. Но все же молодец этот старик Сэми! Он как бы косит и под Пигмалиона, и под Гумберта Гумберта, адаптированных под кукольный театр... Сэми развивает звездные аналогии. Он убежден, что первая Барби, прибывшая в Париж – а это случилось в 1963 году, – была навеяна образом Брижит Бардо... С тех пор Барби во Франции как дома, у нее тут даже появилась своя модистка: мадам Шарлотт Джонсон. Это она самозабвенно кроит кукольные наряды, странным образом освежая в нашей памяти пионерок, пошивавших бедные платья для нищих советских кукол...

И снова хочется цитировать Сэми Одена, дай Бог всякому его восторг от ремесла: «Барби, как и другая знаменитость той эпохи – Жаклин Кеннеди, одевалась у Диора и Живанши...»

Надо сказать, что Барби не очень оригинальна, да вы и сами об этом могли догадываться, видя тесную связь этой стандартной девицы с маскультом. Так вот, собственно Барби предшествовала некто Лили – блондинка-танцовщица, из немок. В свою очередь, та кукла была трехмерной версией некогда модного персонажа знаменитой Bildzeitung. Грубо говоря, девчонка была чем-то вроде изобретенного Андреем Бильжо карикатурного Петровича.

А еще была кукла Лола, ее запустили в производство в 55-м, и пару-тройку лет она замечательно размножалась таким допотопным клонированием. А в 58-м она вдруг взяла и без вести пропала, не оставив ни следов, ни записки. Может, это всего лишь случайное совпадение и нет тут ни интриги, ни тайны, но вскоре после того как в Европе пропала эта Лола, в Штатах объявилась подозрительно сильно на нее похожая девица, но уже под другим именем – Барби... Дело было в 59-м. Взяться за расследование этого дела? Но истину тут найти будет вряд ли легче, чем золото партии, цена которого едва ли перекрыла бы выручку от массовой продажи Барби по всему миру...

Смешно сказать, но та первая Барби была брюнеткой. Но тут понятно, что всякая маломальски вменяемая блондинка, желая успешно пропасть без вести, непременно бы перекрасилась, – видно, и Лола исключением не стала. Теперь эту брюнетку Барби за оригинальность и редкость очень уважают коллекционеры.

Эволюция Барби

Продолжение темы: в 66-м на рынке была замечена Барби с набором красок для волос. Следующий судьбоносный шаг был сделан в 67-м. Тогда Барби сделалась куда более подвижной, гибкой и соблазнительной, чем прежде: у нее впервые появилась шарнирная талия.

Тысячи ее неповоротливых и неуклюжих предшественниц, как бы частично парализованных, полетели на помойку. Не о той ли Барби 67-го года сказал в свое время поэт Лермонтов: «Я не знал талии более сладострастной и гибкой»? Стоила та вертлявая кукла полтора доллара. Но это – тогда! А сегодня, если вы найдете на своем чердаке эту вот Барби, вам за нее дадут тысячу пять-шесть – если, конечно, она в хорошем состоянии; сохранность оригинальной упаковки – совершенно необходимое условие.

Так она целый год вращала частями тела, и это было загадочно: ведь Барби все это делала молча. В 68-м кукла впервые заговорила – это, вы помните, вообще был революционный год...

Не пройдет ли мода на стройность?

Какая участь уготована Барби на ближайшее время? Может, они потерпят поражение и уступят свои позиции какому-то новому образу? Ведь в моду входят пышные дамские формы; входят-входят, и давно уже, да все никак не войдут. Возможно, вернется старушка Бекассин – древняя французская кукла, ей уже около 100 лет. Этой кукле в музее посвящена отдельная экспозиция. Там было уделено немалое внимание роли Бекассин в воспитании подрастающего (впрочем, давно подросткового и угасшего, отчасти затерянного в богадельнях) поколения... Есть и более древняя кандидатка, ей уж за сто, – это пухленькая красавица по имени Брю. Обратите внимание, она в парике из натурального мохера...

Но и это еще не все. Если покопаться в музейных запасниках здесь, на Rue Beaubourg, всласть начихаться там от пыли веков, побыть слонем в посудной лавке – среди миниатюр этого лилипутского, тряпичного мира, – сколько странного, уродливого и яркого попадетесь вам на глаза, какой загадочной покажется вам таинственная связь между нашей действительностью и кукольной...

Тут странно все. Я писал эти строчки под мелькание картинок в телевизоре, и там вдруг Виктор Степанович Черномырдин принялся брататься с преступным элементом – куклой, которая была на него убедительной карикатурой. (Архивные кадры из тех времен, когда Черномырдин был большим начальником.) Кукла та молчала, она робела (несмотря на явное сходство с Карабасом-Барабасом), ей так далеко до музейной бесстрастности, покой ей еще только снится...

Армянский коньяк: вкус, знакомый с детства

Накал экзотики в Армении необычайно высок. Особенно для близкой страны, куда можно долететь за три часа безо всякой визы. За пару дней, за длинный уик-энд можно замечательно обернуться, походить по безмятежному ночному Еревану, заглянуть в какой-то из древних монастырей, посидеть в пафосном ресторане, какие любят там открывать эмигранты, напробоаваться местных коньяков, которые теперь признаны даже французами (!). Сейчас глобализация, вокруг целый космос напитков, – но ведь есть же история. Я прекрасно помню ту интонацию 70-х: «Какой-какой коньяк? О, армянский!»

И вот сегодня, когда выбор настолько широк, что я бы сузил (это слегка перефразируя Достоевского), на новом витке спирали мы вернулись к тому самому армянскому коньяку...

Предыдущая моя поездка в Армению имела место весной 91-го – Господи, да это ж еще при Советской власти! Здесь тогда стреляли, что меня как репортера очень занимало, но выпить и закусить было нечего, что по-человечески меня немало огорчало.

– Где тут у вас коньячку выпить, шашлыка поесть? – спрашивал я простодушно, избалованный тогдашними московскими кооперативными кафе. На меня смотрели как на идиота. Мы с фотографом в итоге пристроились обедать в столовой МВД, конечно же очень небогатой, а потом в горах в перерыве между боевыми действиями заезжали в деревни и там пили тутовую самогонку, закусывая крестьянскими же припасами. На обратном пути еле протиснулись в самолет – народ летел за сливочным маслом в Москву, везли ящиками, это было тогда роскошным бизнесом. Через сколько-то лет в Давосе, куда слетелась мировая элита покататься на лыжах и обсудить глобальные проблемы, я встретил тогдашнего армянского президента Кочаряна и сказал ему:

– Вот, пожалуйста, Швейцария; тоже ведь маленькая горная республика! Ведь могут же! Неплохо бы разобраться, отчего так, и перенять опыт!

И вот с тех пор прошли считанные годы. Не узнать Армению! Конечно, кругом полно временных трудностей, но жизнь-то идет! Богатые витрины с мировыми брендами, рестораны на каждом углу, такси... Это смутно напомнило мне довоенный Бейрут, который тоже легкий, спокойный, веселый, хотя, правда, и не такой древний. Ереван все-таки основан в 782 году до н. э., он аж на двадцать лет старше Рима! Это как-то впечатляет...

Армения, можно сказать, вошла в Европу, причем с неожиданной стороны, по факту сенсационной. Вскоре после того как мы с Кочаряном вернулись из Давоса (может, это мои слова вдохновили армянского президента, а может, и тот факт, что в конце 90-х годов XX века здешние коньяки стали брать призы на выставках во Франции), был подписан договор, и Ереванский коньячный завод вошел в холдинг Pernod Ricard.

Это случилось в 1999 году – ровно через сто лет после того, как армянское коньячное производство перешло к фирме «Н.Л. Шустов и сыновья». Здешние коньяки поставлялись к столу его императорского величества – звучит! Уже и императора нет, а коньяки все живут на благо человечества...

Шустов – это тот самый, который рассылал по Европе агентов; они там ходили по ресторанам и восклицали: «Как?! У вас нет шустовского коньяка? Это просто неприлично! Мы отсюда уходим».

Я разговаривал там с французами, представителями Pernod. Типа, как так получилось – вот Франция всегда протестовала против использования слова «коньяк» в названиях напитков, произведенных за пределами территории Cognac. Они отвечали:

– Латиницей мы армянам не даем писать Cognac, а кириллица – совсем другое дело...

В самом деле, Сognaс и коньяк – совершенно разные вещи... Остроумное решение, компромисс, при котором обе стороны спасли каждая свое лицо и достойно вышли из конфликтной ситуации.

Легко догадаться, что, после того как французы вошли в бизнес, продажи стали расти стремительно.

Название «Армения», чтоб вы знали, дали стране греки. А раньше она, как вы помните из школьных учебников, называлась Урарту. Это значит «народ Ара» – по имени бога Ара. Там между вулканом Арагац и горой Арарат лежит Араратская долина, которая, вообще говоря, расположена на высоте километра над уровнем моря, – это житница всей страны. Остальное – горы, где очень непросто хозяйствовать.

Сам Арарат очень близок... От границы до него 15 километров по прямой. Когда смотришь откуда-нибудь сверху – в горной стране, как Армения, найти такую точку зрения несложно, – то видишь: блестит вдалеке Аракс, там проходит граница с Турцией, которую охраняют российские погранотряды. Русских в Армении любят, и это так трогательно: где еще осталось такое?

Аракс – это хорошо, на него смотреть просто приятно. А вон Арарат; тут посложней чувства, позакovskyристей. Туда ведь причалил ковчег Ноя. Он привез не только тварей, но и семена. И – внимание! – лозу. И вот отсюда, с лозы из Ноева ковчега, гордо рассказывали мне армяне, и пошло по всему миру виноделие. Была еще версия о причастности к этому делу древних укров, но я, будучи в гостях, тактично смолчал. Разве только спросил скромно:

– А откуда он лозу привез, сам-то где взял?

– Про это история умалчивает.

А это, между прочим, самое интересное, кстати...

Хотя объективно можно рассудить и так: мало ли где росла та лоза; там же все затопило, и привет. Это был такой глобальный New Orleans, и там после не то что лоза – трава перестала расти.

В Нахичевани еще долго после почитали могилу Ноя, но потом ее, говорят, сровняли с землей кочевники...

После эту лозу с таким благородным происхождением принялись вырубать – вы прекрасно помните, когда и при каких обстоятельствах; заставь дурака Богу молиться...

Половину уничтожили. Был план вырубить все. Но не успели – страна разрушилась.

Арарат... Я как-то остановился посмотреть на него: он особенно хорошо смотрелся, слегка прикрытый облаками, – когда на переднем плане виноградник, в этом столько всего. И грузовой мотороллер у дороги, в кузов которого парень совершенно сицилийской кинематографической наружности грузил урожай. Живописного джентльмена, как оказалось, звали Микаэл Саакян. Он с братом Вартаном раньше работал в колхозе, а как тот развалился, семья получила небольшой участок и вот теперь возделывает свой маленький виноградник.

– Ну и как бизнес идет? Хорошая прибыль? – спросил я.

Вместо скромного уклончивого ответа Микаэл сказал ясно и прямо:

– Хорошая. Хорошая! – И добавил: – Да и вообще тут хорошо. Арарат близко. Особенно хорошо он утром виден. А ближе к обеду облака начинают закрывать вершину. Каждый день так...

– А что ж с Араратом делать?

– А что делать? Что нам делать? Вот, только смотреть...

Мне нравятся разговоры о том, что любителями армянского коньяка были Черчилль с британской королевой и прочие достойные люди. Почему нет... Хороши также и рассказы о том, что Максим Горький, приехав на Ереванский коньячный завод, тут «всю ночь бухал».

– Так он вроде не очень пил.

– В Армении – пил.

В отличие от Горького его коллега Андрей Битов на заводе не был, хотя в Ереване провел неделю с лишним. Я же, хотя Битов мне как-то ближе по всем параметрам, последовал примеру Горького и на завод зашел... (Об этом Битов написал в своей книге «Уроки Армении». А потом рассказал мне, что после, в новых поездках, на коньячном заводе побывал.) И долго стоял у витрины со старинными, шустовскими еще, бочками с коньяком. Мне из них не налили – наверно, берегут реликвию для какой-нибудь торжественной даты или вовсе для вечности. Да я и не в претензии. Когда напиток старше 40 или даже 30 лет, я оценить его не способен, мои вкусовые рецепторы различают только дубовость бочки и за ней ничего, кроме крепости... Признаюсь, употребляя вслепую сорокалетний напиток, я, может, не отличу коньяк от рома... Так что двадцатипятилетний «Наири» меня вполне устраивал...

Приятно вспомнить, сколько дегустаций в Армении я провел!

– Отметьте аромат засахаренных фруктов и дуба, из которого сделаны бочки. Теперь сделайте глоток: вы сразу почувствуете вкус персиков...

С некоторым внутренним сомнением пробовал я там такие непривычные для человека старой закалки вещи, как, например, коньяк со льдом или коньячный коктейль с ликером «Малибу». Однако пошло хорошо, да и что тут сказать – мир меняется, и добавление льда к коньяку не самое кардинальное новшество... Тут надо сказать, что такие эксперименты с коньяком проводятся не только в Армении, во Франции к ним тоже привыкли...

Приложение Как это виделось тогда

«Коммерсантъ» № 19/6, 13 мая 1991 г.

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ: «МАЛОЙ КРОВЬЮ, НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ»

С 22 апреля части Советской армии и ОМОНа азербайджанского подчинения ведут активные боевые действия против приграничных армянских сел. Официально провозглашенная цель операций – «подавление и разоружение армянских боевиков, уничтожение их баз». Специальные корреспонденты «Ъ» ИГОРЬ СВИНАЧЕНКО и СЕРГЕЙ ПОДЛЕСНОВ (фото) передают из района боевых действий.

8 мая, село Арцвашен

Регулярный полк СА воплощал в жизнь Указ президента о разоружении незаконных вооруженных формирований в армянском селе Арцвашен (село – анклав – находится на территории Азербайджана в 7,5 километра от границы). Таковыми формированиями, по мнению победивших военных, была группа пастухов, у которых изъяли полтора десятка совхозных дробовиков, и отряд милиционеров – у тех отняли десять автоматов и удостоверения. Военные выпустили поверх села несколько артиллерийских залпов и приняли сдачу оружия на окраине, не заходя в село.

На наш вопрос, почему бы армии не поискать в селе боевиков, ради которых и планировалась операция, замкомандира полка, подполковник СА Сергей Курмачев, ответил, что такого приказа не получал. По его словам, Советская армия пришла в село с миротворческой миссией – предотвратить столкновения между армянами и азербайджанцами. Однако кто возложил эту миссию и на какие именно войсковые части, подполковник сообщить отказался. Зато согласился комсорг полка, старший лейтенант Арзу Гейдаров. Он рассказал, что полк входит в состав 4-й армии Закавказского военного округа и наполовину состоит из его земляков – азербайджанцев: «Мне обидно, когда сообщают «столько-то врагов убито внутренними войсками». Это мы все делаем, а мы не ВВ, мы Советская армия».

Позже, когда военные пустили журналистов в село, мы, пользуясь случаем, попросили Гейдарова показать боевиков. Комсорг указал на разоруженных армянских милиционеров.

Действительно, статус их был неясен – по крайней мере после изъятия милицейских удостоверений и табельного оружия.

Приехал в село и подполковник Курмачев. Отвечая на вопросы жителей, он подтвердил, что действительно им, жителям, был предъявлен ультиматум: те, кто хранил оружие и использовал его, будут расстреляны. Однако один из старейшин села, принимавший участие в переговорах – Аршак Киракосян, – формулировку ультиматума по памяти уточнил: об использовании оружия речь не шла, расстрелять обещали тех, кто его просто хранил. Подполковник с уточнением согласился. И успокоил крестьян: «Чего вы волнуетесь, не убили же никого!» Сказанное соответствовало действительности – убитых в Арцвашене не было.

Жители тем не менее продолжали волноваться: двустволки они честно сдали, охранявшие их милиционеры тоже разоружились, и, таким образом, жители остались беззащитными среди окружающего их недружелюбного азербайджанского населения. Курмачева попросили прислать в село солдат для охраны от соседей, но он ответил, что такого приказа не имеет.

Начальник ОВД Севанской зоны Армении (5 районов) подполковник Цакан Хачатурян, беседуя с нами в райцентре Красносельск, счел разоружение его подчиненных справедливой мерой, предотвратившей кровопролитие: «У кого-то из милиционеров могли не выдержать нервы, после того как военные убили одиннадцать их товарищей в Ноемберянском районе».

По данным МВД Армении, 6 мая в районе села Воскарен Ноемберянского района Армении солдаты СА и азербайджанские омоновцы открыли огонь по автобусу с 20 армянскими милиционерами. 11 человек были убиты на месте, троих раненых увезли в Азербайджан, где они скончались от ран; еще шестерых взяли в плен.

* * *

10 мая, село Парвакар

В этот день самой самой «горячей точкой» в республике, по мнению и.о. министра внутренних дел Армении Ашота Манучаряна, было село Парвакар в Таушском районе, на границе с Азербайджаном. По сведениям министра, около пяти утра с азербайджанской территории прибыли части Советской армии с танками, БТРами и вертолетами и окружили село. Военные предъявили ультиматум – или к 16:00 армянские боевики сдадут автоматы, пулеметы и гранатометы, или село будет сметено с лица земли, а захваченных заложников отдадут азербайджанской стороне.

Мы прибыли на место через несколько часов и убедились, что сведения министра достоверны. В дополнение к пяти-шести вертолетам, десятку БТРов и БРДМ у плотины на речке стояли две реактивные установки «Град», нацеленные на село. Отчетливо были слышны одиночные автоматные выстрелы и залпы вертолетных пушек. В село въехать не удалось: навстречу нашей машине выехал БРДМ и загородил путь. Два офицера – полковник и майор, оба с пушками в петлицах – поинтересовались целью приезда.

Свои фамилии они назвать отказались, но причину интереса к Парвакару объяснили: два раза за сегодняшний день – в 05:30 и в 07:00 – армянские боевики из минометов, гранатометов и автоматов «в упор расстреливали военнослужащих», ранили нескольких солдат и офицеров, причем троих из них – тяжело. Анонимный полковник сообщил, что во время второго нападения им успели дать отпор и ранить одного боевика. Правда, раненый сумел скрыться. Своих раненых показать также отказался, заявив, что они увезены в секретный госпиталь. На вопрос, возможен ли обстрел села из нацеленных на него реактивных установок, он ответил, что возможен. И даже предложил корреспондентам «Ъ» пострелять самим.

Предложение пострелять мы попросили заменить разрешением проехать в село. Полковник, посоветовавшись с начальством, отказал. И сообщил решение руководства: если через две минуты корреспонденты на своей машине не уберутся, машина будет раздавлена военной

техникой. На прощание полковник отнял табельный пистолет у нашего шофера – младшего инспектора спецназа МВД Армении Завена Амбарцумяна. Разрешение на оружие во внимание принято не было, протокола не составляли и фамилией милиционера не поинтересовались. Наш шофер предположил, что его пистолет, как и ранее изъятое у армянских милиционеров оружие, будет предъявлен общественности в виде трофея, изъятого у боевиков. И попросил на этот случай опубликовать номер пистолета: ПМ ГВ 8072 1987 года выпуска.

Под присмотром БРДМ корреспонденты «Ъ» выполнили боевой приказ: отъехали от села на пять километров. БРДМ вернулся на позиции, мы дальше не поехали, оставшись наблюдать за боевыми действиями. Военные стреляли в сторону села, дважды применили «Град»: реактивные снаряды, пролетев над селом, разрывались на склоне горы.

К восьми часам вечера стрельба стихла, войска свернулись и ушли обратно в Азербайджан. Мы поехали в село и на дороге встретили заложников, только что вернувшихся из свернутого палаточного штаба военных: председателя сельсовета, директора совхоза, главного инженера и начальника районного УКГБ вызвали на переговоры в качестве парламентариев, но, по их словам, оставили в заложниках, «пока не выдадут закопанный в селе танк».

Начальник УКГБ Саша Товмасыян как профессионал лучше всех ориентировался в ситуации. Он рассказал, что главным в штабе был генерал-майор, который назвался Андреевым из Управления угрозыска МВД СССР. По словам Товмасыяна, поначалу военные требовали сдать 120 единиц оружия – автоматы, пулеметы, гранатометы и танк, спрятанные, по сведениям Андреева, в селе боевиками. Однако пришлось удовлетвориться шестью охотничьими ружьями.

Архив. ИЗ ЖУРНАЛА «АРХИПЕЛАГ» (1990)

Я дал сюда этот старый текст из журнала, который редактировал в глубокую перестройку, для того чтоб было видно, что нас беспокоило в давние времена, в те годы, когда Советская власть еще не то что была, а казалась вечной, а мы подумывали, всерьез причем, о социализме с человеческим лицом.

Как мы тогда ни хера не понимали, так, видно, и сейчас не соображаем. И через новые 10 или 15 лет будем смеяться над сегодняшними текстами, смеяться через силу и жалеть себя, старых дураков. Это и делает жизнь забавной – то, что ничего не знаешь наперед...

Читайте, смейтесь, плюйтесь и трепещите!

ГДР: перемен не ожидал никто

Происходит невероятное: стена между двумя немецкими народами рушится, но стала как бы прозрачной, символической. Нет, совсем она не снесена – но столько новых проходов в ней уже появилось, и формальности, необходимые для путешествия в другой мир, настолько формальны и преодолимы, что Большая стена может считаться разве что невинным памятником временам «холодной войны» и за переменами в ГДР трудно уследить – настолько они головокружительно быстры. Трудно поверить, что начались они только в октябре. Темпы сбивают с толку – особенно в сравнении с нашими, на пятом-то году перестройки. Как ни трудно разобраться в происходящем, все же сделать попытку хочется.

Вернемся в недавнее прошлое, в лето 1989 года. Август. Сейчас-то мы знаем, что время отсчитывало последние недели застоя. Тогда об этом не знал никто. Застой казался вечным. «Пока пиво в ГДР стоит 51 пфенниг, рабочие на улицы не выйдут» – писал «Шпигель» в одном из июльских номеров. В том же номере – информация о волнениях в ГДР. Фотографии: несколько демонстрантов, одного из них забирает полиция. Трезвые комментарии: нет, это не массовые выступления, а всего лишь протест отдельных радикалов. Пиво все еще дешево, рабочие на улицы не выходят. Западные журналисты сообщили, что титул столицы инакомыслия от Йены перешел якобы к Лейпцигу, где в церкви Святого Николая в самом центре города каждый понедельник в 17:00 собираются диссиденты и обсуждают свои проблемы, выдвигают свои требования – открытые границы и свобода религии.

Жаркий июльский полдень, берлинский аэропорт Шенефельде. Предупредительный сервис, холодное, без унылой московской кислинки, пиво без очереди, полицейский в мундире салатного, так сказать, веселенького цвета и, что самое странное, без дубинки (!) – а ведь всего-то год назад потрясенно рассматривал я польских милиционеров, которые расхаживали по варшавским улицам с привычным для них и диковинным для нас тогда орудием труда... Тишь да гладь, божья благодать! Особенно – после нашего шахтерского июля, после накала парламентских дебатов, страстей в прессе, бурлящей Пушкинской площади, очередей, нервов, дефицита. А у них тут – райская жизнь...

Полицейский без дубинки согласился дать мини-интервью. Дубинки? Нет, нам не выдают. Щиты, бронежилеты? И в руках не держал. Это правда, что у вас начались волнения? Ну не знаю, может, где-то и были, но это нетипично, в виде исключения скорее... Тихо у нас.

Фамилию полицейского я обещал не приводить. И другим своим собеседникам давал такое обещание. Потому что доподлинно были известны случаи, когда у граждан ГДР были неприятности после бесед с советскими журналистами на некоторые темы: наш внимательный читатель это вполне поймет. (Теперь время вроде другое – и там тоже, но не брать же слово назад...)

Если честно, то полицейскому я не поверил. Одно дело – гласность, другое – мундир... Правдивую информацию я надеялся получить в Лейпциге, которому западная пресса после Йены присвоила титул столицы инакомыслия в ГДР. «Шпигель» назвал время и место сбора диссидентов: понедельник, 17:00, церковь Святого Николая.

Месяц я прожил в Лейпциге. Что ни понедельник – бегу к Святому Николаю, боясь опоздать к 17:00. Однако в храме тихо, сидит на скамьях десятка полтора туристов. Кажется, есть среди них и местные, они знакомы друг с другом, переговариваются, смеются изредка. Но на политическое мероприятие никак не похоже... Размеренно течет жизнь и на улицах – ни пикетов, ни обещанных демонстраций, и полиция никого не забирает.

Полный покой?

Да и то сказать, с чего в ГДР бунтовать? Советскому человеку этого сразу и не понять: прилавки полны, товары и местные и заказные, на выбор. Колбас и сыров – по 15 сортов, и в столице, и в провинции, и без карточек, которые тут уже пятый десяток лет как отменены, и про цены так называемые кооперативные не слыхали здесь. Выпивки в ассортименте – залейся, с открытия до закрытия, а цены на нее – как у нас лет двадцать назад. Сюрпризы бывают невероятные: в библиотечном буфете (по-нашему, так и вовсе зачем он тут?) водка в розлив! Правда, заказывают.

Наш турист только спросит со вздохом: чего ж им еще желать? Нам бы, дескать, их заботы... «Это кто ж победил, мы или они?» – горько вопрошал меня старый фронтовик, турист, с которым прогуливались мы как-то по Берлину и пытались отыскать такое местечко, откуда виден был бы Рейхстаг, который мой собеседник в свое время взял. Ему было больно, он все приговаривал: «Во живут!» Лил пьяные слезы мне в жилетку наш турист, калужский шофер: «Что ж я, дурак, с женьбой поторопился, сейчас договорился бы с какой-нибудь симпатичной немочкой, переехал бы к ней и жил бы как человек!»

В первый свой приезд в ГДР и я тарашился на красивую жизнь, но патриотически думал: ничего, догоним и перегоним, вот пройдет каких-нибудь десять лет! Кстати, дело было в 1979 году, опрометчиво отмеренный мной срок как раз прошел на днях. С чем я себя самокритично и поздравил. Любопытно, что в августе 1989-го – наши газеты сообщили об этом в ноябре – начали проситься на постоянное жительство в ГДР поляки. Объяснялось, что их привлекает в ГДР высокий уровень жизни и стабильность. Как теперь выясняется, этот уровень немцам кажется, напротив, низким, а стабильность им очень не нравилась.

Волнения вроде считались общеизвестным фактом, но увидеть их собственными глазами не удавалось. А о чем писала пресса ГДР? Как освещала социальные проблемы? Поднимите в библиотеке подшивки наших газет, и у вас будет полная ясность по этому вопросу – то же самое.

– Не отстаете ли вы – ну, может, самую малость – от жизни? – спросил я при случае главного редактора одной местной газеты, органа окружного комитета СЕПГ.

– Что вы, у нас большие перемены. Еще несколько лет назад у нас были запретные темы, мы работали так, будто наши читатели получают информацию только из прессы ГДР. А теперь непременно реагируем на выступления средств массовой информации ФРГ и оперативно, наступательно их опровергаем. А как же – идеологическая борьба на современном этапе обострится!

Да, большой прогресс, подумал я. Это мы еще хорошо помним: на Западе, мол, все плохо, а у нас наоборот.

Коллега, однако, продолжал:

– Конечно, мы знаем, что в ФРГ, например, несколько выше производительность труда, мощнее технический потенциал. Но зато у нас в отличие от Запада есть одно существенное преимущество, о котором мы не устаем напоминать читателям.

И что же это? Вы угадали уже – уверенность в завтрашнем дне.

– Да неужели вы серьезно думаете, что люди у вас живут лучше, чем в ФРГ? Это вы мне рассказываете, который не раз на Западе бывал и видел все своими глазами? – вскипел другой мой коллега, венгр.

Я-то еще помнил, какие обороты лучше использовать в беседах с застойными чиновниками, а Атилла, во-первых, помоложе, а во-вторых, у них там темпы преобразований повыше – он забыл.

Как-то инстинктивно вздрогнул по старой памяти. Я искренне сочувствовал тогда гражданам ГДР – мне-то что, как уехал, так и приехал, самолет Аэрофлота (билет в кармане, слава Богу, подумал я тогда), подобно машине времени, перенесет меня из прошлого застойного времени обратно в настоящее, – а им тут жить...

Другая беседа – на этот раз с функционером республиканского масштаба.

– Капитализм вам не нравится, социалистическая перестройка – тоже. Не окажется ли ГДР в политической позиции – ни с теми, ни с другими? – спросил я.

– Ну зачем же так категорично. Это только Советский Союз, да Польша, да Венгрия вступили на путь рискованных реформ. А вот Болгария (!), Чехословакия (!), Куба, Вьетнам, Румыния, Албания наконец – видите, сколько нас! – проводят умеренную, взвешенную, разумную политику. Так что мы не в одиночестве!

– Западное телевидение у вас смотреть разрешено, а советский журнал «Спутник» запрещен. Наша пропаганда – опаснее?

– Некоторые ваши издания ставят Сталина на одну доску с Гитлером. А для нас Сталин – освободитель Германии от фашизма. А если один диктатор не хуже и не лучше другого, то как тогда выглядит история ГДР, вообще вся наша политика?..

– Как вы смотрите на дебаты о пакте Молотова – Риббентропа?

– Если признать ваши Прибалтийские республики самостоятельными государствами, то тогда кто-то ведь может захотеть пересмотреть и другие итоги Второй мировой войны. И это в то время как мы осуждаем реваншизм и требования границ 1937 года... Не можем же мы признать незаконность создания нашего государства!

Кажется, мой собеседник нашел для себя ответ на вопрос: что делать, если истина мешает собственному спокойствию? Что же, это его личное дело...

– Вот нас сейчас наши радикалы и диссиденты упрекают, что мы-де пренебрегаем опытом большого брата – Советского Союза. Раньше, дескать, у СССР учились, а теперь передумали. А я вам скажу, что мы ваш опыт никогда не копировали бездумно! И я это докажу с фактами в руках. Да, у нас людей сажали – но не расстреливали, как у вас. Частную собственность вы полностью уничтожили – а мы ее, наоборот, поощряем и развиваем, по крайней мере в сфере сервиса. Да и политическая система у нас многопартийная, несмотря на давление вашего руководства. Еще пример. У вас – перегибы антиалкогольной кампании, а у нас заметили вы какие-нибудь строгости с выпивкой (мы как раз пропустили по рюмочке и только что заказали по третьему пиву. – И.С.)? То-то же! Вы еще пожалеете, что перестройку так называемую затеяли, и поймете тогда, как мы были правы, что не поторопились ваши ошибки повторять...

Ну, откровения функционера меня не удивили – чего еще от них ждать?.. Но я был поражен, когда те же доводы повторяли и некоторые старые знакомые, в узком кругу, за столом. Начнешь, бывало, пересказывать содержание статей в нашей прессе – и вдруг тебя вежливо, но решительно обрывают: не трожь социализм, не позволим! Выражение лица при этом, я заметил, героическое, с пафосом...

Что будет с социализмом в ГДР? Он там не такой, как у нас. О его преимуществах и достоинствах я уже говорил: человек там, так сказать, сыт, пьян и нос у него в табаке. А минусы? О них тоже много слышал. Радикалы и вовсе утверждают, что благополучием – относительным – граждане ГДР обязаны вовсе не социализму, а тайной помощи доброй Западной Германии. Они утверждают, что ФРГ дает ГДР немалые кредиты на выгодных условиях, шлет дефицитный качественный товар за неконвертируемую валюту, проталкивает товары из ГДР на рынки ЕЭС, берет на себя часть бремени пенсионных выплат, принимая пенсионеров с Востока на постоянное жительство (им давали и раньше выездную визу запросто), попутно помогая решать жилищный вопрос, и, кстати, снимает напряжение на потребительском рынке ГДР за счет посылок туда от богатых западных родственников, которых у кого только нет; пенсионеры, нелегально подрабатывая на Западе, привозят в страну валюту. А ну-ка, спрашивали меня, если эти подпорки выбить из-под социализма, что будет, а? Да устоит ли он? Вопрос из теоретической плоскости, кажется, выводится в практику. Посмотрим! Я отвечал только, что в проблемах социализма не силен, потому что, как нам объяснили, мы при нем никогда не жили, а жили мы – за Берлинской стеной. Окна того зала в Потсдамском дворце Цецилиенхоф, где Сталин (иногда кажется, что все решения, которые при нем принимались, подлежат отмене...) от нашего имени участвовал в определении судьбы Германии, выходят в роскошный парк. Если идти прямо от этих окон, уткнешься в проволочную сетку. За ней – зловещая колючая проволока, видны контакты, которыми к ней подключен высоковольтный кабель. Дальше – Берлинская стена. Между рядами заграждения прохаживаются парами парни в мундирах, у каждого за плечом «калашников». Увы, колючая проволока на немецкой земле представляет такой небогатый выбор ассоциаций... Так было еще совсем недавно. Стена пробуждала в людях далеко не самые лучшие чувства.

Среди споров я специально спрашивал – да в стене ли дело? Как она может влиять на жизнь простых людей?

Может! Если граница открыта, правительство вынуждено взять на себя ответственность за то, чтобы его народ жил не хуже заграничного. При закрытой же границе руководители могут снять с себя эту тяжкую обязанность – заботиться о народе: а куда он денется... С этим трудно спорить сегодня, когда исход немцев на Запад остановился. Вопреки всем прогнозам.

С функционером республиканского масштаба, о котором уже была речь, я встретился перед отлетом, и он решил меня «обрадовать»:

– Насколько я могу судить по последним номерам ваших газет, а я их очень внимательно читаю (дело было в конце августа 1989 года), ваше руководство возвращается к старому мудрому стилю, поздравляю!

Я похолодел, потому что почти поверил – все-таки за месяц оторвался от нашей жизни.

Но, как выяснилось, получилось немножко наоборот. Я вспоминаю своего высокопоставленного берлинского знакомого сегодня и задаюсь вопросом: небось он перестроился уже, как многие наши застойные кадры, которые выросли в годы застоя, вот бы сегодня с ним поговорить, чего бы он сказал? Наверное, хвалил бы политику партии, не иначе – как обычно...

В заключение пару слов о встрече с Эгоном Кренцем.

Случилась она десять лет назад. Дело было в столовой Лейпцигского университета. Приятель, немецкий студент, ткнул меня локтем в бок:

– Смотри, вот официальный преемник нашего Эриха идет! Это Кренц, первый секретарь ССНМ – он, оказывается, у нас тут обедает!

Я с удивлением проводил глазами высокую фигуру молодежного лидера, который имеет странность обедать в студенческой столовой... Самое интересное здесь не демократичность высокопоставленного аппаратчика и не аналогия с ходом карьер наших бывших комсомольских секретарей, не сравнение авторитетов двух молодежных союзов (опять не в нашу пользу!), которое отсюда неизбежно вытекает. Я о другом – о странной, может быть, гипотезе. Старый мудрый Эрих (это не фамильярность, так его называли даже в официальных песнях) знал, что делает. «И я бы мог!..» – думал, возможно, он. Но не мог. Потому что не забывал о том, что происходило в том же Берлине в 1953-м. Запад называл это тогда восстанием рабочих, а мы – сейчас – как? Не знаю. И про то, как стена строилась в 1961-м под запах пороха, – тоже помнил. Не мог не задумываться он – и крепко задумываться – над событиями 56-го в Венгрии и 68-го в Чехословакии и о том, как Москва на них отреагировала. Кто назовет Хонеккера малоопытным политиком? Он и фашистов видел, и со Сталиным в Кремле встречался, всех последующих советских лидеров не понаслышке знал. Кто назовет его беспомощным политиком? Столько лет у власти продержался! А первое место по уровню жизни в соцстранах – это ли ничего не значит? Напрашивается аналогия с нашим Хрущевым, который гордился демократичностью своего ухода (но может ли это сегодня, теперь, после Хонеккера, считаться политическим рекордом социалистического лидера?.. (Все-таки оставил страну не процветающей, правда ведь?))

Осмелюсь предположить: будучи очень трезвым политиком, Хонеккер не ставил перед собой невозможных задач. Он знал мощь советских танков. И потому ждал. Кому-то покажется оправданным ожидание до 1985 года, ну а дальше-то? Те, кому этот вопрос пришел в голову, пусть спросят себя, многое ли из сегодняшней политической жизни им удалось в том 1985-м предугадать и верили ли они, что перестройка зайдет так далеко и что она будет всерьез.

Прошло четыре с половиной года, мир понял, что мы верим в свою затею и готовы за нее драться.

И только тогда мудрый старый Эрих решил, что имеет моральное право уйти наконец на покой и снять с себя тяжелейшую ответственность. И он отдал штурвал Эгону, которого долго к этому готовил. Кренц, конечно, уже ушел – но к реформам повернул он, это факт.

Впрочем, повторяю, это всего лишь моя личная версия.